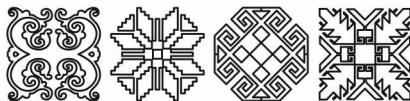

Булат Хамидуллин

**«...Окаянная
Златой дщерь
орды...»:**
 очерки
и историографические заметки
по истории Золотой Орды
и Казанского ханства

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2018

УДК 94(47)"15/19"
ББК 63.3(2Рос=Тат)44
Х18

Научный редактор
Ильнур Миргалиев – кандидат исторических наук, руководитель
Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Рецензент
Канат Ускенбай – кандидат исторических наук

Хамидуллин, Б. Л.

Х18 «...Окаянная дщерь Златой орды...» : очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства : монография / Б. Л. Хамидуллин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2018. – 295 с.

ISBN 978-5-298-03731-0

В монографии представлена история золотоордынской цивилизации, чьей «преокоянной дщерью», по мнению анонимного автора русской летописи середины XVI века, являлось Казанское ханство, рассмотрена этнополитическая и социально-экономическая история Казанского государства ханского периода (1438/1445–1552/1556), проанализирована дореволюционная, советская и постсоветская историография истории Казанского ханства.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-298-03731-0

УДК 94(47)"15/19"
ББК 63.3(2Рос=Тат)44

© Татарское книжное издательство, 2018
© Хамидуллин Б. Л., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие научного редактора</i>	5
Раздел 1. Татарская цивилизация периода Золотой Орды	
Феномен Золотоордынской цивилизации	10
Золотая Орда и её историческое наследие	43
Раздел 2. Казанское ханство – этнополитическая общность народов Среднего Поволжья	
«...Преокоянная дщерь Златой орды...»	72
Казанское ханство как цельная этнополитическая общность (на примере нахождения южных удмуртов в составе татарского государства)	85
Казанское ханство в «созвездии» государств Джучидов: крымские Гиреи на казанском престоле (политическая история)	100
Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских паративных источников XV–XVII вв.	111
Раздел 3. Отечественная историография Казанского ханства	
История Казанского ханства в русских летописях XV–XVI вв. и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина	124
История Казанского ханства на страницах российских дореволюционных энциклопедических изданий	135
Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства: научные исследования П.И. Рычкова, К.Ф. Фукса, Н.К. Баженова, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.И. Перетятковича и С.М. Шпилевского	143
Зарождение основных концепций истории Казанского ханства как части российской истории: труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и Н.И. Костомарова	154
«Борьба с пятью казанскими народами»: значение взятия Казани 1552 г. и Казанская (Первая Черемисская) война 1552–1557 гг. в трактовке С.М. Соловьёва	165
Взгляды В.В. Вельяминова-Зернова на историю Казанского ханства	176
Этническая история Казанского ханства в освещении Г.И. Перетятковича	185

Татарские исследователи второй половины XIX – начала XX в. о Казанском ханстве	196
Становление советской историографии Казанского ханства: труды Н.Н. Фирсова и М.Г. Худякова	225
Вклад Н.Ф. Калинина, Х.Г. Гимади и Ш.Ф. Мухамедьярова в изучение Казанского ханства	234
Отечественная историография Казанского ханства 1960–1980-х гг.: С.Х. Алишев и другие исследователи	249
В.Д. Димитриев о чувашиах периода Казанского ханства	259
Историография Казанского ханства 1990-х – начала 2000-х гг.: концептуальные подходы и взгляды татарских историков	276
Приложение. Список публикаций Б.Л. Хамидуллина, отражающих историю Казанского ханства	290

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Автор книги – Булат Лиронович Хамидуллин – человек уникальный и разносторонний. Он кандидат исторических наук, член Союза писателей РТ, заслуженный работник культуры РТ, лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники. Его интересы в самых многообразных направлениях деятельности. Более двадцати лет он посвятил редакторской и издательской работе: в 1998–2002 гг. заведовал редакцией научно-популярной литературы Татарского книжного издательства, в 2002–2014 гг. был главным редактором издательства «Фэн» (Наука) Академии наук РТ и журналов «Научный Татарстан» и «Фэнни Татарстан», с 2015 г. является выпускающим редактором журнала «Поволжская археология» и многих книжных изданий Института археологии АН РТ, в качестве заведующего центра плодотворно занимается научно-исследовательской работой в своём родном Институте татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

За эти годы через его руки прошли десятки монографий и номеров журналов, которые из рукописей благодаря скрупулезной работе превращались в фундаментальные труды, широко известные в России и за рубежом. Особо отмечу активное участие Булата Хамидуллина в написании и издании 7-томной «Истории татар», где он выступил в качестве и разработчика концепции отдельных томов, и автора, и редактора, что было указано в предисловиях С.Г. Кляшторного и М.А. Усманова к I и III томам. А идея Б.Л. Хамидуллина, что каждый том 7-томника должен содержать в приложении большие отрывки из текстов письменных источников, была поддержана большинством его коллег и существенно обогатила это академическое издание, о чём неоднократно говорил директор Института истории АН РТ академик Р.С. Хакимов.

Один из отрезков своей жизни Булат Хамидуллин посвятил переводческой деятельности, зарекомендовав себя профессиональным переводчиком научных и литературных трудов с татарского на русский язык: им были переведены публикации Гайнетдина Ахмарова, Габдельбари Баттала, Миркасыма Усманова, Фатиха Урманче и других учёных по истории татарского народа, документальная трилогия лауреата Тукаевской премии Гарифа Ахунова «Увиденное и прожитое Тимерха-

ном», историко-художественный роман лауреата Тукаевской премии Вахита Имамова «Казанская крепость», документально-литературные произведения Лирона Хамидуллина о Дэрменде (Закире Рамиеве) и др. Многочисленные переводы с татарского на русский язык, а также различного рода публицистика в СМИ нашей республики были высоко оценены литераторами РТ, что позволило Б.Л. Хамидуллину в 2001 г. стать членом секции русскоязычной литературы и художественного перевода Союза писателей РТ.

Отдельно хотелось бы отметить просветительскую деятельность Булаты Лироновича, направленную на популяризацию истории и культуры Великой Степи, Среднего Поволжья, тюркских и финно-угорских народов, в частности татарского народа. Он был одним из разработчиков исторических выставок «Хлеб и судьбы» (1993 г., НКЦ «Казань») и «Татарский мир» (1997 г., НКЦ «Казань»), одним из организаторов нескольких научных конференций и круглых столов, например, Международной научно-практической конференции «Историко-археологическое наследие Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья: Укек – прошлое, настоящее, будущее» (2015 г., Саратов) и Всероссийского круглого стола «Татарская деревня в местах компактного проживания татар в Среднем Поволжье: история и современность» (2017 г., Казань). Ему принадлежит идея выпуска Татарским книжным издательством иллюстрированных книжных серий «История татар» и «История татар в лицах». На общественных началах Булат Лиронович сам ищет авторов для написания очередной книги и курирует эти издания вплоть до выхода их в свет. В указанных сериях уже вышли интересные книги «Города Волжской Булгарии», «Биляр – Великий город», «Обычаи и право Волжской Булгарии», «Ислам в Золотой Орде», «Правители Золотой Орды», «Хан Токтамыш», «Казанское ханство» и др., написанные известными в нашей республике учёными – докторами и кандидатами исторических наук.

Несмотря на столь разнообразную направленность интересов Булага Хамидуллина, он, прежде всего, профессиональный историк, закончивший исторический факультет Казанского университета и аспирантуру Института языка, литературы и истории АН РТ. Его учителями были М.А. Усманов и И.Р. Тагиров, А.Х. Халиков и А.Г. Мухамадиев, Р.У. Амирханов и С.Х. Алишев. Большое влияние на становление Б.Л. Хамидуллина как историка оказали Ш.Ф. Мухамедьяров, Р.Г. Фахрутдинов, Ф.Ш. Хузин, Д.М. Исхаков и др. В область его научных исследований вошла древняя и средневековая история тюркских народов Центральной Евразии до середины XVI в. Булат Хамидуллин – автор-составитель целого ряда интересных сборников письменных источников «Из глубины столетий» (2000 и 2004; научный редактор Р.С. Хакимов), «История «скифов» глазами современников» (2001; научный редактор А.Г. Мухамадиев), «Чингиз-хан – 850» (2002;

научный редактор М.А. Усманов), «Хазары и их вассалы глазами современников» (2014). В 2002 г. вышла в свет его первая монография «Народы Казанского ханства» (научные редакторы С.Х. Алишев и Р.Ф. Галлямов), на основе которой им была написана кандидатская диссертация, защищённая в 2004 г. (руководитель С.Х. Алишев). После выхода в 1923 г. книги М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» и продолжительного 80-летнего перерыва указанная монография Булата Хамидуллина стала первой опубликованной книгой по этносоциальной истории Казанского государства (диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства» до последнего времени оставалась в рукописи), что вызывает неподдельное уважение к её автору.

Как справедливо отмечает Булат Хамидуллин, история Казанского ханства «находится в тени» истории других средневековых тюркских государств и не пользуется высоким интересом у исследователей, таким, например, как история Золотой Орды. Практически и сегодня чуть ли не самым известным трудом по Казанскому ханству остаётся написанная почти 100 лет назад, хорошая, но во многом уже устаревшая книга Михаила Худякова. Поэтому тематика, к которой решил обратиться Булат Хамидуллин, без сомнения очень актуальна.

Предлагаемая им монография состоит из трёх разделов, объединяющих 19 статей- очерков, а также приложения – списка публикаций автора по истории Казанского ханства.

Основная часть статей посвящена истории и историографии Казанского ханства, но говоря о «дщери Золотой Орды», естественно нельзя было не сказать о самой «матери». Поэтому открываящий книгу раздел включает два больших очерка, в которых рассматриваются основные вехи золотоордынской истории и феномен возникновения уникальной во многом цивилизации. Автор скрупулённо рассмотрел и обобщил основные моменты её истории, основываясь на самый широкий пласт источниковых данных, отечественную и зарубежную современную историографию. В этих очерках автор подробно останавливается на многих дискуссионных вопросах, в т. ч. и на вопросах процесса этнической консолидации золотоордынских татар. Большое внимание им уделено урбанистической политике золотоордынских ханов, международной торговле, симбиозу кочевнической и оседлой части населения, развитию сложной многослойной золотоордынской культуры, достижениям в литературе, в духовной жизни, уникальной религиозной ситуации. Автор справедливо отмечает, что период Золотой Орды неотъемлемая часть как истории татар, так и всей отечественной истории, а также истории многих государств и народов Евразии. Здесь он проявляет себя как активный сторонник цивилизационного подхода к изучению золотоордынской истории, благодаря чему ему удается рассмотреть данную эпоху со

всех ракурсов и показать её уникальный мир широкому кругу интересующихся историей этого великого государства.

Второй раздел книги Булат Хамидуллин целиком посвятил этнополитической ситуации в Казанском ханстве. На основе большого круга нарративных и иных источников ему удалось раскрыть эту тему достаточно детально, выстроив вполне стройную концептуальную схему. В ней с одной стороны Казанское ханство рассматривается как целостная этнополитическая общность всех проживавших в государстве тюркских и финно-угорских народов, с другой стороны – как важная составляющая единого «созвездия» татарских юртов, возникшего после распада Золотой Орды на основе, цитирую автора, «единства правящего рода Чингизидов–Джучидов, единства государствообразующего народа с единым языком, единой религией и культурой».

Большую часть книги занимает третий раздел, в котором представлены очерки, посвящённые как всей отечественной (российской дореволюционной, советской, постсоветской) историографии Казанского ханства, так и татарской в частности. В них прослеживается её становление и развитие, начиная с летописания XV–XVI вв. и заканчивая работами историков начала века XXI, подробно рассмотрены взгляды основоположников и главных исследователей, концептуальные подходы историков и их вклад в изучение истории Казанского ханства. Из данных очерков читатель может узнать и о большом пласте дореволюционной русской историографии, включающем работы П.И. Рычкова, К.Ф. Фукса, Н.К. Баженова, В.В. Вельяминов-Зернова, Г.И. Перетятковича, С.М. Шпилевского и др., и о том, как видели историю Казанского ханства татарские дореволюционные интеллектуалы. Не обойдена внимание и относительно более скучная советская историография, в т. ч. мало известные до недавнего времени широкой публике работы Х.Г. Гимади и Ш.Ф. Мухамедьярова. Примечательно, что автор анализирует самый широкий спектр зачастую противоположных друг другу взглядов на этнополитическую историю и характер внутреннего устройства Казанского ханства.

Предлагаемая книга издаётся в год 50-летия Булата Хамидуллина и является определённым этапом его многолетних исследований, посвящённых Казанскому ханству (первым серьёзным этапом была его монография «Народы Казанского ханства»). Несомненно, данный труд – это и высокий показатель научного вклада автора в историческую науку, и большой подарок любителям средневековой тюркотатарской истории!

ИЛЬНУР МИРГАЛЕЕВ,
кандидат исторических наук, руководитель Центра
исследований Золотой Орды и татарских ханств
Института истории им. Ш. Марджсани АН РТ

Татарская цивилизация периода Золотой Орды

ФЕНОМЕН ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

...Икселмэс дэүлэлт бу иде.
Алтын Урда, Ак Урда...

...Вспомни: была Золотая Орда,
Белая Большая Орда...

Дастан «Идегэй» («Идегей»)

Степи Евразии, бескрайние, раскинувшиеся на многие тысячи километров... В течение десятков веков выплескивали они в западном и южном направлениях многолюдные волны бесчисленныхnomadov – «сотрясателей Вселенной»: скифов, сарматов, гуннов, «небесных тюрок», хазар, болгар, гузов, печенегов, кыргызов, кимаков, кыпчаков и других племён, периодически создававших гигантские либо «просто» очень большие по своим территориальным масштабам государственные объединения¹...

В XIII в. степные просторы Евразии вновь стали ареной, на которой разыгрались грандиозные исторические события, по своему размаху и последствиям сравнимые разве что с Великим переселением народов. В центральноазиатских степях состоялось объединение многочисленных тюрко-монгольских племён в единое государство под властью волевого и харизматичного монгольского вождя Тэмуджина/Темучжина (1155/1162–1227), получившего впоследствии титул-имя «Чингиз-хан» и давшего своей царствующей династии и всем своим сторонникам и подданным имя «монгол», а государству – название «*Yeke mongol ulus*» («Да мэнгү го» по-китайски, или «Великое монгольское государство» по-

¹ Письменные источники об этих тюркских племенах и государствах представлены мной в нескольких сборниках: Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – 271 с. (второе издание – 2004 г.); История «скифов» глазами современников / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2001. – 175 с.; Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань, 2014. – 280 с. Информация о древних центрально-азиатских племенах с этнонимом «татары» дана в статьях «Тюркские рунические письмена» и «Рашид-ад-дин о древних татарах» в книге «Из глубины столетий».

русски) в память о «Qamıq mongol ulus» («Хамаг монгол улус») своего прадеда Хабул-кагана¹. Доведя путём комплекса реформ до наивысшего совершенства эффективность методов объединения кочевников, Чингиз-хан и его наследники Чингизиды в первой половине XIII в. приступили к осуществлению многолетней программы завоевательных походов и войн. Я не стану подробно описывать ход этих завоеваний, которым в историографии посвящён огромный пласт литературы². Отмечу только, что такого размаха и таких темпов мировая военная история, по существу, ещё не знала никогда. Монголо-татарское нашествие³ было подобно ла-

¹ См., например: Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. 1. Чингиз-хан / пер. и предисл. Н.Н. Кузьмина. – Иркутск, 1937. – 295 с. (книга впервые была издана в Париже на французском языке в 1824 г.); Горлов Н. Полная история Чингис-хана, составленная из Татарских летописей и других достоверных источников. – СПб., 1840. – 123 с.; Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М., 1996. – С. 73–276; Ratchnevsky P. Genghis Khan: His Life and Legacy. – Wiley, 1993. – 336 р.; Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. – М., 1995. – 275 с.; Хамидуллин Б.Л. Чингиз-хан – 850. – Казань, 2002. – Кн. 1. – 288 с. (здесь дан анализ основных письменных источников по эпохе Чингиз-хана и истории создания Монгольской империи [с. 12–50], информация о «Сокровенном сказании монголов» [с. 51–62], в приложении – тексты «Сокровенного сказания» [с. 75–208], «Летописи Чингиз-хана» Рашид ад-дина [с. 209–223], «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями августейшего Чингиса» [с. 224–232], отрывки из книги Шихаб ад-дина Мухаммада ан-Насави «Сират ас-султан Джалаля ад-дин Манкбурны» [с. 233–282] и сообщение Сузdalской летописи о событиях 1223 г. на реке Калке [с. 283–286]); Чингиз-хан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ, 2003. – 624 с.; Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды: Судьба и власть. – М., 2006. – 448 с.

² См., например: Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. – СПб., 1875. – 252 с.; Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. – М., 1968. – С. 253–265; Его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. – М., 1963. – 760 с.; Владимиров Б.Я. Чингис-хан. – Горно-Алтайск, 1992. – 130 с.; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2005. – 557 с.; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. – М., 2006. – 557 с.; Чингисиана: Свод свидетельств современников. – М., 2009. – 728 с.

³ О терминах «монголо-татары» либо «татаро-монголы» и возможностях их научного использования для периода предыстории и становления Монгольской империи см., например: Мункуев Н.Ц., Линь Кюн-и. «Краткие сведения о чёрных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5. – С. 133–158 (см. также статью ««Краткие сведения о чёрных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина» в моей книге «Из глубины столетий», с. 137–148; в китайском источнике «чёрными татарами» названы этнические монголы); Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) // Серия «Памятники письменности Востока» / пер. с кит., введ., comment. и прил. Н.Ц. Мункуева. – М., 1975. – 288 с. (см. также статью ««Мэн-да бэй-лу» о «северных варварах»» в моей книге «История «ски-

вине, усиливающейся за счёт покорённых народов. Оно настолько поражало современников своим напором и неотвратимостью, что те сравнивали его разве что с природными катализмами¹, и как христиане, так и мусульмане, относились к нему не иначе как к Божьей каре за людские прегрешения², «ветру Божественного гнева», развеивающему, подобно соломе, целые народы³. В результате возникла гигантская Монгольская суперимперия (1206–1269), по своим размерам (около 40 млн км²) не имевшая предшественников в истории человечества⁴. Во второй половине XIII в. она охватывала невообразимо обширные территории: собственно Монголию вплоть до Байкала на севере, Северный и Центральный Китай до реки Янцзы, Корейский полуостров, Центральную, Среднюю и Переднюю Азию до реки Инд, Закавказье, Ближний Восток до Палестины, а также Восточную Европу до реки Дунай с общим населением не менее 160 млн человек.

Ещё в процессе формирования своего огромного государства Чингиз-хан поделил страну на улусы, главный из которых оставил

фов» глазами современников», с. 97–110; в китайском источнике «мэн-да» – это «монголо-татары»); *Гандзакеци К.* История Армении. – М., 2010. – С. 302 (здесь средневековый армянский историк Киракос Гандзакеци также использует термин «мугал-татары», т. е. «монголо-татары»); *Кычанов Е.И.* О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1986. – С. 94–98; *Рыкин П.О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. – 2002. – Вып. 1. – С. 48–85; *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 117, 150. – Прим. 132; *Исхаков Д.М.* Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. – Казань, 2009. – С. 58–65; *Его же.* Термин «татаро-монголы / монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоординское обозрение. – 2016. – Т. 4. – № 2. – С. 420–442; *Его же.* Роль тюрко-татарского составного в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи XIII–XIV вв. // Золотоординское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 290–324; *Хакимов Р.С.* Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань, 2016. – С. 198–219; *Неструева Е.Р.* Монголы, татары, чёрные татары – кто есть кто в истории монгольских завоеваний // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадыбаев. – М., 2016. – С. 7–19.

¹ Ибн ал-Асир о походах монголов // История «скифов» глазами современников. – Казань, 2001. – С. 112.

² Трапавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. – М. 2015. – С. 182.

³ Джувейни о монгольском войске // Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – С. 121–122.

⁴ К примеру, Союз Советских Социалистических Республик, просуществовавший с 1922 по 1991 г. всего лишь 69 лет, имел в 1989 г. население 293 047 571 человек, а площадь в 1991 г. – 22,4 млн км².

себе, а два периферийных отдал в вассальное управление сыновьям Джучи и Чагатаю. Уже после его смерти возник ещё один улус – внука Хулагу. К моменту завершения формирования Монгольской империи улус кагана (хана ханов; великого хана) включал Монголию и Китай, Улус Чагатая – территорию нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан), Улус Хулагу – Иран, Афганистан, Южное Закавказье и Месопотамию. Улус Джучи, основанный в период 1219–1224 гг. из первоначального удела Джучи (возникшего из покорённых земель енисейских кыргызов и «лесных народов» юга Сибири в 1207–1208 гг.), составлял западную часть государства, с учётом зависимых территорий охватывая с востока на запад земли от Алтая до Дуная, и с юга на север – от Арала до Урала (Прииртышье, Саяно-Алтайское нагорье, Западную Сибирь, Приаралье и Приуралье, Нижнее и Среднее Поволжье, Северный Кавказ, Подонье, Северное Причерноморье, Приднестровье, а также северо-восточную часть Восточно-Европейской равнины)¹.

Консолидация в рамках единой Монгольской империи была необходима в первую очередь для продолжения широкомасштабных завоеваний. Но после их завершения и наступления мирной жизни единые управление и контроль над столь огромными и разнородными порабощёнными территориями оказались весьма проблематичны. По ходу развития мирных хозяйствственно-общественных процессов, культурного сближения завоевателей с завоёванными, возрождения и усиления местных домонгольских традиций, к которым приходилось приспосабливаться пришлым правителям, возникали локальные специфические «формы политической, хозяйственной и культурной жизни»². Нити управления всё больше сходились на уровне отдельных улусов, власть же и опека кагана из имперской столицы Кара Хорума (Кара Корыма, Каракорума)³ становилась

¹ Егоров В.Л. Формирование и изменения границ Золотой Орды в XIII–XV вв. // Историческая география России: новые подходы. – М., 2004. – С. 56–67; Султанов Т.И. Золотая Орда. Государство Чингизидов в Евразийской степи. – Алматы, 2004. – С. 3–17; Миргалиев И.М. Джучи: история человека, который дал имя Золотой Орде // <https://realnoevremya.ru/articles/97498-dzhuchi-chelovek-kotoryuudal-imya-zolotoy-orde-chast-1> (дата обращения: 2.05.2018); Его же. Джучи: конфликт с Чингисханом, сочувствие мусульманам и загадочная смерть // <https://realnoevremya.ru/articles/97502-dzhuchi-chelovek-kotoryuudal-imya-zolotoy-orde-chast-2> (дата обращения: 7.05.2018).

² Трепавлов В.В. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 922.

³ Считается, что название города восходит к топониму окрестных гор. В современном татарском литературном языке «корылма», «корылыши» (в региональных диалектах могут быть иные написания/произношения) – это «строительство/сооружение». Гораздо более интересно другое. Обычно и часто тюрко-монгольское слово

фактически бесполезной обузой, всё больше связывала по рукам, тяготила улусных правителей и региональную знать. Ослабление центральной власти и междуусобная распря за карахорумский престол привели к тому, что в 1269 г. главы улусов Джучи, Чагатая и Хулагу отказались признавать самопровозглашённого Великого

«кара» многие переводят лишь как «чёрный/чёрное». С древнейших времён этот цвет в представлении тюрков и монголов символизировал север, красный – юг, белый – запад, светло-голубой – восток, жёлтый – центр. Но «кара» у тюрков и монголов был не только цвет – так называли темноту, тьму, мрак, это слово означало траур, виновного в совершении преступления, употреблялось для обозначения большой толпы, войска, большого количества скота (обычно лошадей и КРС). У тюрков прилагательное «чёрный» имело более 20 значений! То есть слово «кара» удивительно полисемантично, многозначно. Кроме конкретно цветовой («чёрный») и географической («север») нагрузки, оно использовалось как для преувеличения негативного/плохого, так и для гиперболизации позитивного/хорошего, и для много-много разного иного. Вспомним, что в древнетюркских рунических надписях оно употреблялось в значениях «великий», «большой», «главный», «крупный», «сильный», «могучий», «мощный», «обильный», «хороший» и т. д. и т. п. Часто «кара» означало и ныне означает «древний, священный», «древучий», «чистый, чистейший, чистокровный», «коренной, подлинный, исконный, настоящий», «отчий», а также «злой», «завистливый», «жадный», «с чёрной душой», «горестный», «бездадстный», «тяжёлый», «изнурительный», «плохой», «скверный», «дурной», «обыкновенный», «простой», «низкосортный», «грубый», «грязный». Чёрный цвет (чёрный пояс) символизирует высший ранг во многих азиатских боевых искусствах, т. е. этим цветом обозначали «величие», «мощь», «силу», «удачу», «непобедимость», «достоинство», «добрость», «мудрость». Дабы не утомлять читателя, приведу лишь некоторые примеры: «кара жир» – «святая земля»; «кара казан» – «священный очаг»; «кара шанырак» – «отчий дом»; «кара карчык» – «мудрая старуха»; «кара-батыр» – «добрестный богатырь»; «кара-озгой» – «недоброжелатель»; «кара хэбэр» – «плохая/горестная весть»; «кара жил» – штормовой (очень сильный) ветер; «Кара дингэз», «Каракуль», «Каракорум», «Карабах» и «Каракум» – якобы «Чёрное море», «Чёрное озеро», «Чёрные каменные россыпи», «Чёрный сад» и «Чёрные пески»; этонимы «чёрные гунны» («кидариты»), «чёрные татары» («кара-татары»), в таком виде термин использован, например, армянами, см.: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / пер. с древнеарм., пред. и прим. А.Г. Галстяна. – М., 1962. – С. 44; по-китайски «хэй да-да»), «кара-киргизы», «кара-кыпчаки», «каратюргеши», «кара-кидани» («каракитай»), «каракалпаки», «карачаевцы», «караногайцы»; названия родов «кара-коюнлу» («чернобаранные» у огузов), «кара-чоро» (у киргизов), «кара-чура» (у казахов), несколько родов с приставкой «кара-» у башкир; соионимы «кара будун», «кара халык» и «кара букара» (чёрny, «чёрный народ», нередко со смыслом «весь многочисленный/сильный народ»), «кара та-ман» (вообще «голь перекатная», очень нищие люди, «босяки»); слово «карабаш» означало слугу или раба; личные имена правителей, титулы и названия династий «Кара-Чурин-Тюрк», «Кара-Аслан», «Кара-Искандер», «Кара Иссык», «Кара-хан», «Кара-бек», «Карамурза», «Каражаниды»... Вспомните также известную татарскую историческую книгу Утамиша-хаджи «Кара таварих» и известную татарскую народную песню «Иске кара урман», где слово «кара» явно не «чёрная/чёрный/чёрное», а скорее «великая», «священная», «потаённая», «наша» и т. д.

хана Хубилая, разграничили свои владения, подведя черту под существованием единой Монгольской империи и узаконив её окончательный распад¹.

В Юаньском Китае (Хубилай основал новую династию Юань, перенёс свою столицу из Кара Хорума в Ханбалык – совр. Пекин) и Хулагуидском Иране довольно быстро (т. к. «завоеватели не могли долго сопротивляться влиянию значительно превосходящей их цивилизации», «древних культурных народов Востока, таких как персы и китайцы»²), в Средней Азии (Улус Чагатая) немногим позже (в общей сложности через 90–120 лет³) чингизидские династии были свергнуты, политические и общественные институты монгольского происхождения практически полностью искоренены, былые мощь и влияние утрачены. У Джучидов же всё это сохранилось; к тому же по размаху территории, достигавшей в разные периоды истории 6–8 млн км², их улус был крупнейшим. Поэтому именно Улус Джучи, на мой взгляд, следует считать основным наследником Монгольской империи, сохранившим её могущество, и последним в череде великих степных империй, начиная от скифской⁴. Она осталась в общественной памяти под рядом принятых в различных национальных и исторических традициях названий: Улус Джучи, Улуг (Великий) Улус, Улуг Орду, Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь), Великая Татария, и, наконец, Золотая Орда⁵. Последнее наименование является, пожалуй, наиболее распространённым.

¹ Энхчимэг Ц.Ц. К изучению истории Таласского курултая // Материалы международной научной конференции «Монгольская империя (образование, расцвет, распад)». – Улан-Батор, 2004. – С. 327–335; Его же. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 152–155; Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде // В серии «История татар». Автор идеи серии Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2008. – С. 7.

² Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и comment. М.С. Гатина. – Казань, 2016. – С. 15.

³ История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 734.

⁴ Этую мысль я транслировал, уже начиная с конца 1990-х гг., см.: Хамидуллин Б. Татарларның этники тарихы түркінде уйлануулар // Казан уттары. – 1996. – № 4. – 150–161 б.; Хамидуллин Б.Л. Из этнополитической истории татар Поволжья // Аргамак. – 1997. – № 5/6. – С. 168–180; Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – 271 с. (второе издание – 2004 г.); История «скифов» глазами современников / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2001. – 175 с.

⁵ Подробнее об этом см., например: Миргалиев И.М. Как называть Золотую Орду? // Идель. – 2001. – № 3. – С. 72–73; Күшкүмбаев А.К., Сабитов Ж.М. К вопросу обозначения государства в XIII–XV вв. на территории Золотой Орды // Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств. Материалы Международной научно-теоретической конференции (г. Алматы, 2.06.2016). – Алматы, 2016. – С. 102–112.

нённым в отечественной и зарубежной науке и публицистике и, на мой взгляд, наилучшим образом отражает величие и могущество этого государства.

Безусловно, что как и Монгольская империя, Золотая Орда была создана на основе военной силы¹. Стремительные завоевания и покорение монголо-татарами множества стран и народов сопровождались уничтожением и пленением огромного числа людей – воинов и мирных жителей, страданиями оставшихся в живых. Были разрушены многие города, сожжены деревни. Но, как гласит древнее изречение китайского оратора Лу Цзя (III–II вв. до н. э.), приписываемое в том числе и советнику Чингиз-хана Елюй Чуцаю (1189–1243), «Сидя на коне можно завоевывать империю, но нельзя ею управлять, сидя на коне». Империи, построенные исключительно на насилии, не могли существовать долго, быстро распадались. Вряд ли и Золотая Орда смогла бы держаться лишь на силе оружия и жестоком подавлении всякого сопротивления и недовольства, на слабости покорённых после завоевательного удара, на их страхе перед повторными карательными экспедициями и возможным истреблением (хотя унаследованная от монголо-татар военная сила Улуса Джучи была действительно велика² и внушала поистине мистический страх, а акции против непокорных проводились молниеносно и неотвратимо). Процесс возникновения и существования мегаимперий, как правило, гораздо более сложен, чем просто завоевание и пора-

¹ Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. – СПб., 1875. – 252 с.; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. – Л., 1937. – 219 с.; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2005. – 557 с. Юридическое оформление Золотая Орда получила на проведённом в Средней Азии на берегу реки Талас в 1269 г. курултае представителей Чингизидов и татаро-монгольских нойонов.

² Численность войска Золотой Орды, состоявшего из гвардии хана и личных отрядов знати, войсковых формирований и ополчений различных улусов и городов, а также союзников и вассалов, могла достигать в общей сложности 250 тысяч воинов. Основной ударной силой была тяжёлая кавалерия из феодалов, вспомогательной – пехота. Вооружение состояло из многих разнообразных видов холодного оружия ближнего и дальнего боя, металлических и кожаных доспехов, в том числе конских. Полководцы чрезвычайно эффективно использовали искусную тактику боя, заключавшуюся в чередовании массированных атак тяжеловооружённой конницы с действиями конных лучников, обстреливавших противника на расстоянии, применении стратегических и оперативных манёвров – охватов, фланговых ударов, ложных отступлений и засад. При осадах городов использовались технически сложные заимствованные стенобитные и метательные орудия и приспособления. Войско отличалось высокой мобильностью, могло совершать длительные переходы, сходу вступая в бой. Воины были дисциплинированы, смелы, выносливы и неприхотливы, снабжая в походах и набегах себя сами.

бощение. Они строятся на сочетании как принуждения, так и благ, которое даёт объединение, т. е. на определённом взаимовыгодном консенсусе. Имперское государство становится устойчивым, «когда делается полезным обществу, является гарантом порядка, производства, инфраструктуры и обмена»¹. Так и создание Золотой Орды привело к появлению, в частности, намного более устойчивой и стабильной политической ситуации в Центральной Евразии и Восточной Европе. Народы и государства, завоёванные и вошедшие сначала в Монгольскую империю, а затем и в Улус Джучи, в основной своей массе в предшествующий период находились в условиях постоянных междуусобиц и распрея, внутренних и внешних конфликтов. Здесь шли частые и кровопролитные междуусобные войны, во время которых также разрушались города, приходили в запустение поселения. Включение же в состав империи Джучидов дало относительно твёрдый государственный порядок, резко отличающийся от предыдущих неустойчивости и раздробленности. В окружении ослабленных войнами, междуусобицами и внутренними противоречиями соседей Золотая Орда стала выглядеть великолепным «островом стабильности».

Монголо-татары принесли идею централизованной власти, благодаря которой объединили прежде слабоорганизованные степные племена Дешт-и Кыпчака². Уже триумфатор западного похода Бату (сын Джучи, «Батый» русских летописей)³, пересев из седла на трон (а первой его столицей-резиденцией стал город Болгар на территории Татарстана⁴), сменил амплуа полководца на амплуа строителя

¹ Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южно-иранских степей в XIII–XV веках) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 75.

² Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. – 2-е изд., испр. и дополн. – Казань, 1895. – 60 с.; *Devlet Nadir. Altin Ordu* // DGBT. – Istanbul, 1992. – Cilt 9. – S. 103–179; Отрощенко В.В., Вовк Т.А. Золотоордынский период в истории половців // Етноси України. Тюркський Світ. – К., 2000. – С. 81–89; Костюков В.П. О кыпчаках в Джучидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2004. – Вып. 3. – С. 226–249.

³ О нём см., например: Бартольд В.В. Батый // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1968. – Т. V. – С. 496–500; Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.–СПб., 2006. – 350 с.; Карпов А.Ю. Батый // Серия «Жизнь замечательных людей». – М., 2011. – 347 с.

⁴ Хан Бату, а после него хан Берке, организовали на территории современного Татарстана свою летнюю столицу. Например, об этом про хана Бату упоминает Гильом де Рубрук (XIII в.) (*История монголов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло*. – М., 1997. – С. 116); русский автор «Казанской истории» (XVI в.) пишет, что «Державни же наши [т. е. князья русские] идоша в Болгары ко царю [хану Бату] и ту встретиша и утолиша его великими многими дарами» (*Казанская история / подг. текста,*

государства. Он и последующие правители Улуса Джучи создали стройную, сложно-разветвлённую, но, не смотря на это, довольно устойчивую систему управления страной. В бывшем кыпчакском «Диком поле» на смену постоянным межплеменным распрям и вражде пришла стройная и твёрдая государственная система улусов с чётким десятичным делением населения¹. Более того, здесь произошла подлинная социальная революция, когда на смену родоплеменным отношениям пришёл военно-феодальный строй на основе условных (суйургал) и безусловных (тархан) пожалований. Был выстроен эффективный государственный механизм. Неразбериха, внесённая военными действиями, уничтожением либо отстранением от власти прежней кыпчакской элиты, со второй половины XIII в. почти на сотню лет «уступила место относительно мирной, стабильной жизни в могущественном государстве»². Об уровне безопасности свидетельствует, например, тот факт, что города во внутренних районах Золотой Орды до второй половины XIV в. не имели крепостных стен и иных укреплений.

Старые тюркские племенные союзы были раздроблены и включены в военно-административную и клановую структуру Улуса Джучи; их племенная знать частью была истреблена, частью влилась в состав новой аристократии. Джучидское правительство установило своеобразное «крепостное право» в интересах удобства сбора налогов и осуществления военной мобилизации, запретив самоволь-

вступ. статья и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 46); Марко Поло (XIII в.) в главе 2-й своей знаменитой «Книги» отмечает, что хан Берке («Барка-хан») «татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае» (История монголов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло. – М., 1997. – С. 193); а в дастане «Идегей» Болгар (наряду с Сараем) назван «юртом хана Токтамыша» (Идегей: Татарский народный эпос / пер. С. Липкина. – Казань, 2006. – С. 13). Позднее Болгар стал первым центром чеканки собственно золотоордынских монет (Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983. – С. 11), что ещё раз подтверждает его столичный статус. Всё это привело к тому, что в исторической памяти татар Болгар всегда чётко ассоциировался с «Золотым престолом» (Мустакимов И.А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников // Учёные записки КГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – Т. 149. – Кн. 4. – С. 143–148) волжских булгар и золотоордынских татар. Вся эта совокупность сведений позволила русскому автору «Казанской истории» даже основание города Казани приписать некоему «царю Саину Болгарскому» (Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этно-социологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 242–243), а ведь мы знаем, что «Саином» («благородным», «справедливым») часто назывался именно хан Бату – об этом мы читаем у Рашид ад-дина, Вассафа, Ибн Биби, Макризи, Нувайри, Григора Акнерци, Марко Поло и других средневековых авторов.

¹ Трапавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. – М., 2015. – С. 223.

² Там же.

ные переходы жителей между улусами. Многие близкородственные тюркские племена, ранее раскиданные по разным этнополитическим формированиям, впервые были собраны в общем территориально-политическом пространстве. Исчезновение государственных границ и межплеменных перегородок, преодоление распрай и политическое единство дало толчок их сближению и запустило важные этнические процессы, создав предпосылки слияния разрозненных тюркских племён в единые народности¹. В результате всего этого, Золотая Орда стала «этнической колыбелью» для многих современных тюркских народов Евразии, чей этногенез «происходил на основе населения различных провинций этого государства»².

Так, именно в Джучиевом улусе во многом берёт своё начало и происхождение современных субэтнических сообществ, определяемых этнонимом «татары» (волго-уральские, крымские, сибирские, астраханские и др.). Само это слово, ныне являющееся обозначением двух наций (крымско-татарской и татарской) и двух этнических групп (бужакских и литовских татар), стало широко известно именно в период Золотой Орды. Будучи именем одного из племён (а чуть позднее – союза племён) востока Центральной Азии³, оно уже задолго до татаро-монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением совокупности центральноазиатских народов – в том числе и собственно монголов. Поэтому в большинстве средневековых источников полиэтнические монгольские войска назывались не «монголы», а «монголо-татары»⁴ либо просто «татары». Тюркские же народы Золотой Орды, по известной в истории традиции приняв на себя имя народа-завоевателя и одновременно употребляя собственные племенные наименования, стали называть себя «татарами»⁵.

¹ Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. – М., 2002. – С. 101–109.

² Трапавлов В.В. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 923.

³ См., например: Хамидуллин Б.Л. Древние татары и современность // Аргамак. – 1998. – № 7. – С. 118–127; Его же. Рашид-ад-дин о древних татарах // Идель. – 1999. – № 3. – С. 48–51.

⁴ См., например: Гандзакеци К. История Армении. – М., 2010. – С. 302 (средневековый армянский историк Киракос Гандзакеци чётко использует термин «мугал-татары», т. е. «монголо-татары»); Хамидуллин Б.Л. Мэн-да бэй-лу – источник по истории древних монголов и татар // Идель. – 1998. – № 3/4. – С. 26–28 (здесь термин «мэн-да» в переводе с китайского языка «монголо-татары»); Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв. – М., 2015. – 334 с.

⁵ Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. – Казань, 2009. – С. 58–65.

Таким образом, в эпоху Золотой Орды понятие «татары», употреблявшееся и как этноним, и как политоним, и как соционим, впервые получило этноинтегрирующий смысл¹. В западной её части (часто именуемой «Ак Ордой»), являвшейся основным ядром государства, началось объединение тюрков в единую татарскую этническую общность. Из-за распада Джучиева улуса формирование единой татарской народности приостановилось. Позднее в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Сибирском ханствах, на территории современных Румынии, Польши, Литвы и Белоруссии на её основе стали складываться локальные этнические татарские общности (астраханские, казанские, касимовские, крымские, сибирские татары, татары-мишаре, добруджские и польско-литовские татары и т. д.), прекрасно осознающие своё этническое единство. Процессы этнической истории татар разных регионов продолжились в рамках Российского и иных государств.

В то же время ставить знак абсолютного равенства между понятиями «золотоордынский» и «татарский», на мой взгляд, всё-таки не совсем корректно. Этнopolитическими наследниками Золотой Орды, кроме собственно современных татарской и крымско-татарской наций, следует считать большинство тюркских народов России и постсоветского пространства, ибо из неё произрастают корни их этногенеза и национальной государственности². Прямыми потомками татар Золотой Орды являются балкарцы, башкиры, казахи, каракалпаки, карачаевцы, кумыки, ногайцы, часть узбеков и др. Как правильно писал в 2011 г. Ж.М. Сабитов, «золотоордынские татары были предковым этносом для всех групп современных татар (казанских, сибирских, астраханских, крымских, польско-литовских татар), ногайцев, башкир, казахов, каракалпаков, узбеков, ушедших с Шейбани в Среднюю Азию и др.»³.

В пользу такого подхода говорит отчасти и то, что в последнее время в республиках Центральной Азии изучению Золотой Орды, как важному периоду в истории народов, в становлении и развитии государственности на этих территориях, стало уделяться значительное внимание. Например, исходя из того факта, что географи-

¹ Измайлов И.Л. Татары средневековья (этнopolитическое самосознание населения Золотой Орды) // Татарстан. – 1992. – № 11/12. – С. 50–59.

² См. также: Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – М., 2017. – С. 62.

³ Сабитов Ж.М. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // Золотоордынская цивилизация. – 2011. – Вып. 4. – С. 173.

чески около трети Золотой Орды приходилось на территорию нынешней Республики Казахстан, некоторые современные казахские историки предложили новый взгляд на происхождение казахского народа и его государственности. В соответствии с ним Казахстан является непосредственным и едва ли не основным историческим преемником Золотой Орды, а её история – частью национальной истории казахов, а не только «внешней» для них истории, как она рассматривалась ранее¹. Эта точка зрения поддерживается и на политическом уровне – президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. Но я лишь подчеркну своё собственное мнение: Золотая Орда – это общее историческое достояние/наследие многих тюркских (и не только) народов, в первую очередь татар.

Наряду с положительными политическими и этническими последствиями соединение огромных территорий в составе Джучидской империи, исчезновение между ними границ и таможенных преград создало предпосылки для складывания также и единого экономического пространства, дававшего доступ к огромным материальным ресурсам в гораздо большем масштабе, чем ранее, и создававшего возможность их аккумулирования. В конкретном случае Золотой Орды особенно значимо стало то, что в рамках одной социально-политической системы оказались объединены многочисленные группы людей, проживавшие в различных природных зонах с разнообразнейшим растительным и животным миром (пустыни и полупустыни на юге, степи и лесостепи, широколиственные леса, сибирская тайга на севере, а также горы и субтропики в Крыму и на Кавказе) и принадлежавшие к различным хозяйственно-культурным типам. Основную часть территории Золотой Орды, её ядро составляли степи, население которых продолжало вести кочевую и полукочевую скотоводческую жизнь (в основном разводя овец и лошадей), перемещаясь с юга на север летом и в обратную сторону зимой. Количество скота в Орде поражало впечатление путешественников: так, итальянец Иосафат Барбаро в течение шести дней наблюдал непрекращающееся перемещение стад, занимавших в степи всё обозримое пространство до горизонта². Одновременно в периферийных районах и зависимых территориях (Волжско-Камская Булгария, Хорезм, Крым, Север-

¹ Козырев Т.А. Независимый Казахстан. Борьба за прошлое. (Актуальные проблемы современной казахстанской историографии). – Астана, 2013. – 60 с.; Сабитов Ж.М., Күшкүмбаев А.К. О новой парадигме истории происхождения казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана. – Астана, 2014. – С. 274–283.

² Иосафат Барбаро о татарах и Золотой Орде // История «скифов» глазами современников. – Казань, 2001. – С. 169.

ный Кавказ, русские княжества) основой хозяйства являлось оседлое земледелие (в т. ч. на основе трёхполья и перелога), садоводство (в т. ч. бахчевое), огородничество и стойлово-пастушеское скотоводство. Большую роль среди хозяйственных занятий населения играли бортничество, рыболовство и охота. Всё это сделало экономику Золотой Орды «многоукладной»¹, и, в конце концов, по словам сотрудницы Оксфордского университета М. Фаверо, «привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов»² между территориями, особенно в Поволжье, являвшимся центральным регионом. Огромное значение для поддержания и укрепления единства экономического пространства имело то, что на подвластных Джучиевому улусу землях была создана на более глобальном уровне общая система монетно-денежного обращения³. Это было тем более важно, что многие территории, включённые в Орду, ранее не имели собственной развитой чеканки монет. Постепенно монетная система страны, состоявшая из ряда региональных монетных дворов, подвергалась всё большей унификации⁴. В ходе нескольких денежных реформ она была упорядочена и приведена к единой стройной структуре, включавшей золотые динары, серебряные дирхемы, медные пулы, которые стремились чеканить по единой весовой норме⁵.

Но ещё более важную роль, чем для развития внутреннего товарообмена, Золотая Орда сыграла в развитии международной торговли. Благодаря своему исключительно выгодному географическому расположению она стала узлом, где пересекался целый ряд трансконтинентальных караванных торговых магистралей. Важнейшей из них служило северное ответвление знаменитого Великого шёлкового пути, начинавшееся в Китае и через Восточный Туркестан, Семиречье, Хорезм проходившее в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачной конъюнктуре, обусловленной войнами и нестабильностью на Среднем и Ближнем Востоке, товарный поток из Китая (пряности, шёлк, хлопок, драгоценные камни, хлеб

¹ Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 38.

² Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 4.

³ Валеев Р.М. Алтын Урдада товар-акча мөнәсәбәтләре hәм сәүдә // Мирас. – 1993. – № 8. – 99–102 б.; Его же. Торговля и товарно-денежные отношения Золотой Орды // Вопросы истории. – 2009. – № 4. – С. 97–105.

⁴ Пономарёв А.Л. Первые деньги Золотой Орды // Вестник МГУ. Сер. 13. – М., 2010. – № 3. – С. 59–83.

⁵ Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. – С. 48.

и рабы¹) хлынул в Европу именно через более спокойную Золотую Орду². Не многим уступал по своему значению поволжский «Пушной» путь (с севера на юг), который связывал мусульманский Восток с Северо-Восточной и Северной Европой и Балтикой. Так же в Золотой Орде брали своё начало пути черноморско-волжский (соединявший Причерноморье с Нижним Поволжьем и далее через Среднюю Азию в Китай и Индию) и транскавказский (связывавший Ближний Восток с Юго-Восточной Европой)³.

Сложно переоценить важность разнообразного товарообмена со странами Европы и Азии в хозяйственной жизни Золотой Орды. Он наполнял ханскую казну торговыми пошлинами, обогащал всевозможных посредников и многочисленную обслугу. Кроме того, наряду с транзитом непосредственно из подвластных самой Золотой Орде территорий в значительных количествах экспортировались зерно, пушнина, кожевенные товары, невольники. Главную же статью экспорта составлял всевозможный скот, пользовавшийся огромным спросом на внешних рынках в Западной Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке, где особенно ценились породистые поволжские скакуны⁴. В Золотую Орду импортировалось много предметов роскоши, дорогое оружие, ткани, пряности и пр., первоочередными потребителями которых были ханский двор и знать. В силу всего вышеназванного, купечеству в Золотой Орде в соответствии с традициями, заложенными ещё Чингиз-ханом, оказывалось особое покровительство. Для поощрения торговли государство старалось удерживать низкий уровень таможенных сборов, не превышавший 3–5 % от стоимости товаров⁵. Установленные в империи порядки защищали жизнь, честь и имущество торговцев, а сильная власть обеспечивала достаточный уровень безопасности перемещения караванов с товарами.

Баснословные выгоды и доходы, которые приносила трансконтинентальная торговля высшим слоям Золотой Орды, в зна-

¹ Петров А.М. Великий шёлковый путь. – М., 1995. – С. 60–91.

² Зимони И. Историческая роль Золотой Орды на Шёлковом пути и в Восточной Европе // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 143–147; Душников О.В. Золотая Орда на Великом шёлковом пути: экономическое и культурное взаимодействие, как основа евразийской мир-системы средневековья // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 148–151.

³ Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань, 2008. – С. 8.

⁴ Недаиковский Л.Ф. Торговля Поволжья в золотоордынское время // Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. – Казань, 2005. – С. 70–96.

⁵ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Экологические и экономические критерии цивилизованности Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 453.

чительной степени определяли международные амбиции ханов и их окружения, толкая их к продолжению внешней экспансии. Стремление захватить важные торговые города и распространить свой контроль на балканский и малоазиатский отрезки Великого шёлкового пути делало Улус Джучи стратегическим противником Улуса Хулагу / государства Ильханов (с которым Орда на протяжении 1262–1390-х гг. с переменным успехом воевала на территории нынешнего Азербайджана), Византии и королевств крестоносцев, созданных на землях арабов, и в тоже время – союзником мамлюкского Египта и малоазиатских турок-сельджуков. Наиболее тесными были ордынско-египетские связи, благодаря кыпчакским корням правивших с середины XIII до конца XIV в. мамлюкских султанов и переносу в Египет из Багдада центра мусульманского халифата. Вообще внешняя политика и связи Золотой Орды отличались размахом, а интенсивность контактов показывает, как тесно она была связана с миром. Авторитет Джучидов на международной сцене необычайно возрос. Улус Джучи стал весомым игроком на международной политической арене, а его правители, осваивая новую роль вершителей судеб Центральной Евразии, начинают активно влиять на политические события в ближних и дальних странах: Китае, Афганистане, Индии, Средней Азии, Руси, Литве, Польше, Апеннинском и Балканском полуостровах. Благодаря широкоразветвлённой системе союзов, косвенное влияние Золотой Орды «простипалось вплоть до земель Тевтонского ордена и даже до самой Испании»¹.

В результате всего, по справедливому замечанию М. Фаверо, «Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII – середины XIV века, и её экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света... После завершения чингизидских завоеваний феноменальный торговый бум преобразовал человеческое общество и культурный ландшафт Евразии... Золотая Орда выступала сценой для этого драматического обмена. Джучидские ханы и беки играли ведущую роль в новом международном распорядке»².

Именно торговля, в первую очередь внешняя, также стала одним из факторов, обусловивших другой ярко выделяющийся исторический феномен, связанный с Золотой Ордой, – превращение её из страны кочевников в страну городов. Наглядно роль торговли в

¹ Шиулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и comment. М.С. Гатина. – Казань, 2016. – С. 18.

² Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 4.

этом процессе показывает география городского населения, наибольшая плотность которого наблюдалась именно в районах пересечения и на всём протяжении караванных путей с севера на юг и с запада на восток¹. По средневековым письменным историческим источникам и картам, а также данным археологических исследований на территории Золотой Орды известно почти 150 городов и городищ². К числу крупнейших относились Сарай ал-Махруса и Хаджитархан, находившиеся на нынешней территории Астраханской области, Сарай ал-Джадид и Бельджамен (Волгоградская область), Укек (Саратовская область), Азак (Ростовская область), Болгар (Татарстан), Маджар (Ставропольский край), Дербент (Дагестан), Кырк-Ер и Солхат (Крым), Сарайчик, Сыганак (Казахстан), Аккерман (Украина), Ургенч (Узбекистан)³ и др. В этом перечне можно увидеть как старые города, сожжённые и разграбленные, пришедшие в упадок и запустение во время татаро-монгольского нашествия, чьё население частью погибло, частью было пленено и уведено в рабство, но которые быстро возродились и продолжили своё развитие в золотоордынское время, так и новые, активно возникавшие во всех частях страны⁴. Кроме торговли появление и рост городов были вызваны необходимостью создания сети опорных пунктов для управления подчинёнными территориями. Поэтому многие золотоордынские города также выполняли функции центров крупных административно-территориальных единиц. К тому же, если ханы и высшая знать предпочитали большую часть времени

¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола, 1998. – Вып. 1. – С. 38–59; Кульпин-Губайдуллин Э.С. Экологические и экономические критерии цивилизованности Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 455.

² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 139.

³ См., например: Бартольд В.В. Золотоордынские города (Астрахань, Дербент, Кафа, Крым, Сарай, Сибир ва Ибир, Сугдак, Хорезм) // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1965. – Т. III. – С. 336–552; Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 567–589.

⁴ См., например: Руденко К.А. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 333–340; Зеленеев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. – 2010. – № 1, март. – С. 113–122; Волков И.В. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов.– Уфа, 1996. – Ч. II. – С. 89–91; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000. – 224 с.

находиться в своих кочевых ставках, отправляясь в города лишь на зимовки, то для возникшего многочисленного бюрократического аппарата профессиональных чиновников требовалось постоянное размещение. Постепенно и элита¹, аккумулировавшая огромные ресурсы и доходы, выкачиваемые с зависимых земель, продолжая вести традиционный и считавшийся престижным кочевой образ жизни, также стала испытывать стремление к приобщению к удобствам, комфорту и роскоши оседлой жизни в городах. Всё это в совокупности объясняет активную, целенаправленную градосози-дательную политику правителей Орды, начатую ещё Бату и достигшую наивысшего размаха в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и его сыне Джанибеке.

Первыми строителями и работниками во вновь создаваемых городах стали невольники, насильственно согнанные из завоёванных земель и жившие на положении рабов и полурабов. Как писал посетивший в середине XIII в. Монгольскую империю (в том числе Улус Джучи) Плано Карпини, татаро-монголы «забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам»². Развитие рабовладельческого уклада привело даже к организации рабских предприятий, типа мануфактур-карханов³. Но уже в первой половине XIV в., когда Улус Джучи при Узбеке и Джанибеке вступает в период наивысшего расцвета и достатка, высококвалифицированные мастера из подчинённых, сопредельных и дальних стран сами начинают весьма охотно переселяться в золотоордынские города, где всегда находился высокий, устойчивый и хорошо оплачиваемый спрос на их труд и изделия. Как следствие, здесь быстрыми темпами развиваются металлообрабатывающее, кожевенное, оружейное, деревообрабатывающее, стекольное, гончарное, ювелирное, косторезное ремёсла, производство строительной керамики и многие другие отрасли. Высокого уровня достигают архитектура и строительное дело⁴ – возводятся капитальные белокаменные и кирпичные (из обожжённого и сырцового кирпича) дворцы и общественные здания (мечети, бани, караван-сараи, мавзолеи и др.), стены которых могли облицовываться расписной штукатуркой, резным ганчем и поли-

¹ Интересный свод биографий золотоордынских правителей и золотоордынской аристократии см.: Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань, 2009. – 232 с.

² Плано Карпини о Монгольской империи // История «скифов» глазами современников. – Казань, 2001. – С. 119.

³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 232.

⁴ Зилибинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. – Казань, 2014. – 228 с.

хромными поливными изразцами. Высокий уровень благоустройства и комфортности обеспечивали системы подпольного отопления¹.

Города имели плотную усадебно-квартальную планировку. Знатные кочевники, переходя к полу- или полностью оседлой жизни, масово строили в городской черте и в пригородах крупные (площадью до полугектара) усадьбы, включавшие окружённые стенами много-комнатный господский дом, жилища прислуги и хозяйственные постройки, водоёмы, иногда с фонтанами, которые перемежались с садами и огородами. Простые же люди жили в юртах, землянках, наземных однокомнатных домах с деревянными и глинобитными стенами. Отдельные кварталы формировали ремесленники, специализировавшиеся на каком-либо определённом производстве², колонии армян, греков, евреев, итальянцев, русских. Роль центров притяжения, информационного обмена и связей горожан, кочевников, иностранцев и т. д. играли многолюдные базары.

Золотоордынские города, возникшие как наследие длительного исторического развития, так и в короткие сроки, по повелению ханов, буквально за считанные десятилетия достигли небывалого расцвета, впечатляя своей красотой, размерами и благоустройством. Они впитали в себя градостроительные традиции многих народов, приобретая благодаря этому исключительно своеобразные и ни с чем не сравнимые черты.

Быт золотоордынских городов с их благоустройством, водоснабжением, удобными и красивыми зданиями, банями и каналами, садами и дворцами, мечетями и стройными минаретами соответствовал самым высоким стандартам своего времени³. Свидетельствами этого являются сохранившиеся либо найденные археологами предметы и восторженные рассказы иностранных путешественников, которых привлекали и удивляли благополучие, процветание, интенсивная городская жизнь. Буквально поражал посещавших его своим великолепием и размахом Сарай ал-Махруса (Дворец Богохранимый) – вторая (после Болгара) столица Улуса Джучи, заложенная повелением Бату в 1240-х гг. По средневековым меркам это был настоящий мегаполис, сравнимый с Багдадом и Каиром, Константинополем и Римом того времени: его общая площадь (с пригородами) достигала 36 км², число жителей (по оценкам современников) – 75 тысяч

¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. – М., 2001. – 254 с.

² Егоров В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // Родина. – 1997. – № 3/4. – С. 75.

³ Пиотровский М.Б. Империя Золотой палатки // Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005. – С. 8.

человек¹. В первой трети XIV в. столица переносится в Сарай ал-Джадид (Новый Дворец), построенный в правление хана Узбека и достигший наибольшего расцвета при его сыне хане Джанибеке, переведшим сюда ханский двор².

По мнению авторитетных специалистов-исследователей, в результате урбанизации в Улусе Джучи «отдельные районы государства превращаются в многокилометровые поселения сплошной осёдлости, состоящие из небольших городков, посёлков и замков аристократии, окружённых возделанными полями»³. Крупнейшая цельная непрерывная городская агломерация от Саира ал-Махруса до Саира ал-Джадид сложилась в центральном районе Золотой Орды – Нижнем Поволжье, где сочетались благоприятные природные условия (плодородные пойменные низины, степные скотоводческие угодья, Волга как важнейшая судоходная артерия) и пересекались основные караванные маршруты.

В этой области, кроме обоих Сараев, находились и другие крупные города – Хаджитархан, Бельджамен, Укек, Гюлистан и Сарайчик, «которые вместе с десятками окаймлявших их поселений образовывали густонаселённый земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения Волги и Урала»⁴. Аналогичная агломерация помещалась в междуречье Волги и Дона⁵.

¹ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань, 2000. – С. 68.

² Отождествление Саира ал-Махруса с Селитренным городищем в Астраханской, а Саира ал-Джадид с Царевским городищем в Волгоградской областях является в историографии традиционным (*Егоров В.Л. География городов Золотой Орды // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 114–125*). Однако, согласно ряду новых гипотез они имели иное местонахождение (*Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 345–349; Пачкалов А.В. К вопросу о местоположении Старого Саира // Золотоордынская цивилизация. – 2011. – № 4. – С. 40–46*) либо вообще были разными названиями одного города (*Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век древних племён южнорусских степей. – Саратов, 1997. – Ч. 2. – С. 88–118*). На карте мира Фра Мауро (1459 г.) изображены «Сарай» и «Сарай Грандо», см., например: *Фоменко И. «Сарай – столица татар, где живёт император»: Орда в европейской картографии // https://realnoevtemya.ru/articles/99481-srednevekovye-karty-zolotoy-ordy-kolonka-igorya-fomenko* (дата обращения: 22.05.2018).

³ Егоров В.Л. Золотая Орда. – М., 2005. – С. 13.

⁴ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань, 2000. – С. 67.

⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 77.

Возникновение и существование подобных гигантских урбанистических организмов было бы невозможно без одновременных преобразований окружающей среды, связанных с решением проблем ирригации в засушливых районах и снабжения многочисленных горожан продукцией растениеводства: продовольствием и техническими культурами. Задача водоснабжения решалась путём создания разветвлённой системы искусственных озёр-водохранилищ и сложных гидротехнических сооружений, с помощью которых вода поступала в города: плотин, шлюзов, дамб, арыков, подземных водопровода и канализации из глиняных труб. Для решения второй задачи понадобилось «поднятие целины» – массовая земледельческая колонизация степи и окружение городов полосой сельскохозяйственных поселений. Механизм того, как это происходило, ещё не изучен до конца подробно, но размах проекта говорит как минимум о высочайшем организационном потенциале золотоордынского государства. Таким образом, в период и в результате существования Золотоордынской империи произошёл, пожалуй, невиданный ранее в истории цивилизационный сдвиг – страна (в т. ч. малолюдное ранее степное Нижнее Поволжье), большинство населения которой составляли кочевники, буквально лишь за несколько десятилетий превратилась в развитой «оазис» городской и номадо-земледельческой культур. Почти на пустом месте появились «не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром яркой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую культуры»¹. Возникновение большого количества городов в степях за столь короткий срок – явление уникальное в истории средневековья².

Роль городов в истории Золотой Орде особенно велика ещё и в силу того, что они становились главными центрами сосредоточения не только торгово-ремесленной и политической, но и интеллектуально-духовной жизни, местами формирования и функционирования золотоордынской культуры. Культура кочевников благодаря их высокой мобильности всегда обогащалась сильнее в результате более частых пересечений и контактов с многочисленными соседями. Монголо-татарские завоевания и возникновение Улуса Джучи привели в действие ещё более широко охватывающие культурно-исторические процессы. Как империя Золотая Орда соединила в единую политическую плоскость земли, населён-

¹ Исхаков Д.М., Измайлова И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань, 2000. – С. 67.

² Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated by N. Bartlett Wells. – Oxford, 1984. – 278 p.; Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – 229 с.

ные носителями самых разнородных культур, что обусловило не только взаимообмен социально-политическим опытом и усиление торгово-хозяйственных связей, но и интенсивное межкультурное взаимодействие. Золотая Орда, впитав в себя культурные традиции многочисленных народов и племён Евразии, синтезировала новую культуру, ставшую ярчайшим самобытным феноменом! Её складывание происходило со второй половины XIII в. в основном путём смешения местных восточноевропейских (булгарских и кыпчакских) и пришлых центрально-азиатских (киданьско-чжурчжэньских и татаро-уйгурских) традиций¹. Пришельцы-завоеватели восприняли культуру подчинённых народов, одновременно привнеся в неё множество черт собственного наследия, а также влияние древнейших цивилизаций Востока (например, Китая и Персии).

Наиболее выраженное и заметное культурное смешение, взаимопроникновение и взаимообогащение можно лицезреть на примере золотоордынского художественного искусства. Для раннего периода его развития (вторая половина XIII в.) характерно проникновение в его стиль дальневосточных и центрально-азиатских традиций, которые переплетались с местными мотивами. Его стилевому синкретизму способствовал симбиоз степной кочевнической, оседлой и городской изобразительных традиций. Также оно оказалось наполнено восточным и европейским колоритом: «в ювелирном деле, художественных ремёслах, керамике, архитектуре заметно проявляются китайские, монгольские, иранские, ближневосточные, европейские составляющие»². Позднее – на рубеже XIII–XIV вв. – на него всё больше начинают влиять ислам, ставший официальной религией в Золотой Орде, и искусство мусульманских стран. Ислам привносит свой колорит и особенности: теперь художественная стилистика попадёт под регламентацию мусульманских канонов, стремящихся свести изобразительность к рамкам каллиграфии и орнамента. Хотя в народно-бытовом творчестве намного дольше сохраняется использование образов, шедших от доисламской традиции. В возникшем новом искусстве «туркские художественные традиции... вступили в творческий диалог с художественными приёмами Монголии, Китая, Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, России и Восточной Европы», что «отражает живые материальные и духовные связи, существовавшие у Золотой Орды со всем миром»³.

¹ Измайлова И.Л. Золотоордынская культура // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 493.

² Пиотровский М.Б. Империя Золотой палатки // Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005. – С. 8.

³ Пиотровский М.Б. Красивая память об общем прошлом // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 14.

Художественное изобразительное творчество развивалось в основном в декоративно-прикладном жанре (что, в принципе, типично для средневекового искусства). Украшения, детали костюма, посуда, предметы быта и культа, оружие, воинское и конское снаряжение – всё это пышно декорировалось благородными металлами, драгоценными камнями и самоцветами, чеканкой, гравировкой, полихромной росписью и резьбой с растительными, геометрическими, зоо- и антропоморфными и арабесковыми изображениями и орнаментами¹. Многие изделия, вышедшие из-под рук золотоординских творцов, являются подлинными шедеврами искусства и на сегодняшний день по достоинству занимают место в экспозициях и фондах ведущих музеев мира, как в России (в частности, в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге), так и за рубежом.

Активное градостроительство в Золотой Орде стало основой развития ещё одного изобразительного жанра – монументально-декоративного и появления его шедевров в виде мозаичных, майоликовых и резных терракотовых облицовок, фресковых росписей, орнаментальной резьбы по камню и гипсу, гипсового литья и пластики. Особого расцвета достигла расписная декоративная майолика с богатым полихромным и орнаментальным декором, золочением, которой облицовывали фасады и интерьеры зданий, надгробия. В конструктивно-декоративных деталях, композиции орнамента, красочной многоцветности сохранившихся архитектурных памятников Болгара, Солхата, Кырк-Ер (Чуфут Кале), Эски-Юрта (Бахчисарай), Ургенча и прочих городов отразилось влияние архитектуры мусульманских стран Средней Азии, сельджукской Малой Азии, мамлюкского Египта, хулагуидского Ирана².

Как уже было отмечено выше, искусство Золотой Орды впитало традиции множества народов, и исследователи справедливо отмечают его синкретичный характер. Но и говорить об исключительно заимствованном извне характере искусства Золотой Орды также было бы в корне не правильно, поскольку «произведения золотоординского искусства достаточно ярки, выразительны и хорошо узнаваемы» именно в силу своей уникальности, что свидетельствует не просто о синтезе традиций, но и выработке на его основе «определенного и во многом единого стиля»³. Как точно подчеркнул в своё время

¹ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001. – 363 с.

² Валеева-Сулейманова Г.Ф. Золотоординское искусство // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 496.

³ Зилибинская Э.Д. Архитектура и искусство в Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 499–500.

Г.А. Фёдоров-Давыдов, «разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве – главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического» с сильной тенденцией к «живописности»...»¹. Благодаря этому высокохудожественные произведения мастеров Золотой Орды получили широкую известность далеко за её границами; например, встречались в дворцовом обиходе русских правителей, церковных иерархов². Более того, по мнению искусствоведов, они оказали заметное влияние, особенно в области художественной обработки металла и ювелирного дела, на творчество средневековых мастеров в соседних и дальних странах, в частности, русских и западноевропейских.

Культурный прогресс, вызванный возникновением Золотой Орды, нашёл отражение не только в изобразительном искусстве – не менее мощный импульс развития получила духовная, гуманистическая культура. В результате образования единого государства у тюркских народов сложилось и единое культурно-языковое поле, следствием чего явились коренные подвижки в лингвистической ситуации. На почве местных огузо-кыпчакских и булгарских диалектов в городах вырастает общенародное разговорное койне, а на его основе в свою очередь общий литературный тюркский язык (= общетатарский язык), впоследствии ставший основой для старотатарского и других тюркских литературных языков. Большое значение имело начало использования единой письменности сначала на основе уйгурского алфавита, а по мере распространения ислама – арабской графики. Высшие и средние слои населения страны получили возможность глубже изучать грамоту и основные каноны ислама, благодаря широкой сети мектебов и медресе³, при которых работали библиотеки, школы каллиграфов и переписчиков. На значительный уровень грамотности среди жителей указывают находки многих бытовых предметов с надписями, а также многочисленные надмогильные эпитафии.

Наличие письменности и литературного языка стало фундаментом для развития многожанровой литературы, являющейся ещё одним индикатором высокой культуры и цивилизованности в Золотой

¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – С. 209.

² Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005. – С. 17.

³ Давлетшин Г.М. Образование в Золотой Орде (Джуучиевом улусе) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития. – Саранск, 2008. – С. 184–188.

Орде. Это хорошо показано в обобщающих работах современных исследователей¹. В средние века мыслители, писатели, духовные деятели, как правило, могли существовать и работать только лишь благодаря поддержке и благотворительности сильных мира сего, что считалось богоугодным делом. В Золотой Орде науке и литературе особое покровительство оказывали ханы Берке, Узбек и Джанибек: при их дворах и покровительстве жили и творили многие крупные учёные, писатели из различных стран мусульманского Востока – Египта, Сирии, Малой и Средней Азии. По словам средневекового арабского историка Ахмеда ибн Арабшаха, столичный Сарай «сделался средоточием науки», за короткий срок собрав столько «учёных и знаменитостей, словесников и искусствников», сколько не собиралось и в Каире². В то же время, говоря о весомом вкладе и положительном влиянии выходцев из-за границы, необходимо отметить, что не меньшую роль в расцвете литературы золотоордынской эпохи сыграли местные представители (о чём свидетельствуют нисбы, т. е. части имён многих деятелей духовной культуры, указывающие на место их рождения: -Булгари, -Кыпчаки, -Сараи, -Хорезми и т. д.). «Академическая мобильность» проявлялась и в том, что ордынские интеллектуалы выезжали в другие мусульманские страны³.

Золотоордынская литература органично соединила раннетюркские, в том числе булгарские традиции⁴, восходящие к Ахмаду Юнаки, Юсуфу Баласагуни, Ахмеду Ясави, Сулейману Бакыргани, Кул Гали и др., с письменной культурой арабо-персидского мусульманского Востока (Фирдоуси, Газали, Низами, Аттара, Руми, Саади, Маарри, Абу Хамида, Навои и пр.). Значительная часть произведений создавалась путём компиляций сочинений известных арабских и персидских авторов, после перевода на тюркский язык и адап-

¹ Миннегулов Х. Алтын Урда әдәбияты // Татарстан. – 1992. – № 7/8. – 63–70 б.; Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.) / науч. ред. Н.Ш. Хисамов. – Казань, 1999. – 240 с.; Бухараев Р. Поэзия Золотой Орды. – М., 2005. – 175 с.; Миннегулов Х.Ю. Литература // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 676–680; Его же. Литература Улуса Джучи и постзолотоордынских татарских ханств // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 515–524.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – С. 463.

³ Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. – СПб., 2017. – С. 90–91.

⁴ Давлетшин Г.М. Золотая Орда и Волжская Булгария: некоторые вопросы духовной культуры // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. – С. 146–155.

тации к тюркской культуре вошедших «в местный фольклорный и литературный канон»¹. Большинство памятников письменности создано на тюркском языке; учёными также широко использовался арабский язык, поэтами – фарси. Литературные памятники Золотой Орды отличают богатство идейного содержания и художественных форм, утончённость речевой стилистики, многообразие поэтических и прозаических жанров: газели, дастана, касыды, кыйссы, мадхии (оды), марсии (элегии), повести, рубаи (четверостишия), стихотворного романа, фарда, хикаята, «ящичной композиции» и др. В силу средневековой специфики между религиозными и светскими, художественными и научно-философскими произведениями, как правило, сложно провести чёткую грань, в них сочетаются эстетические, познавательные, этико-поучительные смыслы. Основными мотивами сюжетов писателей Золотой Орды, как поэтов, так и прозаиков, были различные вопросы человеческого бытия, смысла жизни, отношения к Богу, справедливого устройства общества, взаимоотношений правителей и подданных, любви, морально-этические проблемы и др.².

Без преувеличения, в сокровищницу мировой литературы вошли такие созданные золотоординскими писателями религиозно-нравоучительные произведения, как «Кысас ал-анбия» («Сказание о пророках») Бурхан ад-дина Рабгузи (1310 г.), «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара (1320–1340-е гг.), «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда Булгари (1358 г.), «Джумджума султан» («Царь-череп») Хисама Кятиба (1369 г.), «Кисекбаш» («Отсечённая голова») неизвестного автора; произведения светского характера: «Мухаббат-наме» («О любви») Хорезми (1353 г.), «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») Кутба (1383 г.), «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан на тюрки») и «Сухаиль и Гульдурсун» Саифа Сараи (1391 г.), лирические стихи Ахмада Ходжи ас-Сараи, Мавля Казыя Мухсина, Мавляна Исхака, Факиха Берке и др. Грандиозные исторические события золотоординской эпохи нашли отражение в таком эпическом сказании, как дастан «Идегей»³. Эти произведения стали классикой тюрко-татарской литературы, заложив её основы и определив направления бытования вплоть до современности.

¹ Сайфетдинова Э.Г. Исламская культура Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 461.

² Миннегулов Х.Ю. Литература // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 678.

³ Идегей: татарский народный эпос / пер. с татар. С. Липкина; науч. ред. М.А. Усманов. – Казань, 1990. – 256 с.; Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». – Казань, 1999. – 200 с. Национальные версии этого эпоса имеются у башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, туркмен, узбеков и других народов.

Наряду с художественной литературой, местными и приезжими авторами в городах Золотой Орды создаются и научные трактаты по риторике, теософии, шариатскому правоведению, естествознанию (как прикладному, так и теоретическому), медицине; здесь расцветает «культура… арабских звездочётов… мусульманской духовной учёности, толкователей Корана, математиков и астрономов»¹. Уместно привести такой интересный пример: Саиф Сараи в поэме «Сухаиль и Гульдурсун» в образной форме упоминает о вращении Земли вокруг Солнца, примерно на 150 лет раньше появления научной гелиоцентрической концепции Николы Коперника². Также известны относящиеся к Золотой Орде сочинения о путешествиях, словари, формирующаяся официальная, в том числе придворная, историографическая и генеалогическая традиция, дошедшая до нас в более поздних сочинениях.

Говоря о развитии сложной многослойной золотоординской культуры, нельзя не упомянуть о крайне специфической религиозной ситуации в государстве (также религиозный фактор, естественно, имел большое значение и для политики, идеологии, экономики). Для Монгольской империи была свойственна веротерпимость, закреплённая на уровне закона. Среди первых Чингизидов и их подданных были распространены и тенгрианство, и христианство (не-сторианство), и ислам. В начальную эпоху в Орде Джучиды также продолжали политику равенства представителей различных религий: идолопоклонников, иудеев, буддистов, христиан несториан, григориан и православных, мусульман и др., оставляя их в одинаковом положении³. В этот период «веротерпимость и симбиоз различных конфессиональных элементов стали основой для складывания имперской надэтничной культуры»⁴.

Постепенно на господствующие позиции в золотоординском обществе выдвинулась одна из мировых религий – ислам. Выбор

¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоординских городов. – М., 1976. – С. 118.

² Сараи С. Сухейиль и Гульдурсун (в переводе Р. Бухараева) // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/07/07_5/ (дата обращения 15.11.2017).

³ Одна из последних интересных научных статей на эту тему: Лушников О.В. Конфессиональная политика Монгольской империи и Улуса Джучи в период расцвета // Золотоординская цивилизация. – 2014. – № 7. – С. 12–17. См. также: Лушников О. Как была устроена мировая империя Чингизидов и что мы можем взять оттуда в XXI век // <https://realnoevremya.ru/articles/101203-oleg-lushnikov-kak-byla-ustroena-mirovaya-imperiya-chingizidov> (дата обращения: 9.06.2018).

⁴ Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань, 2008. – С. 17.

ислама был обусловлен как внутренними факторами – его исповедовали в Хорезме и Волжско-Камской Булгарии уже с VIII и X вв. соответственно, так и внешними – дружественными связями с египетским султанатом мамлюков, культурно-экономическим влиянием среднеазиатской мусульманской торгово-городской элиты. Ислам стал ещё одним фактором, помогавшим соединению разнородных социокультурных и этнополитических элементов в более монолитную общность. Замена племенных языческих культов монотеистической религией духовно сплачивала население, сближала с другими мусульманскими странами, включая в культурное пространство общемировой мусульманской цивилизации. Провозглашение его в 1313 г. официальной государственной религией Улуса Джучи способствовало дальнейшей интеграции тюркоязычных народов, формированию единого тюркского этноса и оставило глубокий отпечаток на всей последующей истории тюркских народов Евразии. Многие мусульманские народы, проживающие в Российской Федерации и постсоветских республиках, рассматривают это время как период их становления, поскольку исламизация тюркских народов стала одним из важнейших элементов именно золотоордынского наследия.

Правители Золотой Орды приняли ислам под влиянием проповедников из Средней Азии, где доминировал менее ортодоксальный и более мягкий и толерантный ханафитский мазхаб. Он был более лоялен к сохранению доисламских обычаев. Поэтому долгое время не происходило глубокого проникновения нового вероучения в общественное сознание, повсеместного и полного восприятия шариатской правовой и обрядовой практики. Сам хан Узбек, по свидетельству Ибн Баттуты, злоупотреблял вином, из-за чего нередко даже опаздывал на пятничные молитвы¹. В среде кочевой знати мусульманство часто оставалось лишь внешней обрядовой оболочкой, прикрывавшей воинский кодекс чести и традиционный образ жизни. Сложный период взаимодействия ислама с традиционными верованиями проявлялся в параллельном сосуществовании и переплетении мусульманских и языческих погребальных обрядов и традиций². Новообращённые привносили в золотоордынский ислам остатки языческих суеверий, поэтому в степи господствовал «народный ислам», воспринявший многие языческие ритуалы. Став мусульманами, они ещё в течение долгого времени не могли, да и

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – С. 300–301.

² Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. – Астрахань, 2007. – С. 125.

не хотели отказаться от многих традиций и привычек своих предков, сохраняя многие религиозные и юридические нормы монгольской «Ясы», освящённой именем Чингиз-хана. В отношении культа Тенгри в Золотой Орде распространилась тюрокомодернизированная форма ислама, вобравшая в себя, «наряду с элементами многих различных культур, и элементы тенгризма, как реликтовую форму исконной религии древних тюрок и монголов»¹.

В правление ханов Узбека и Джанибека ислам стал определяющей силой в политическом и культурном развитии Улуса Джучи, стержнем имперской идеологии². Немусульмане больше не допускались к престолу и административным должностям. Болеет того, были казнены все знатные вельможи, отказавшиеся принять ислам, шаманы и буддийские ламы, разрушены все языческие капища. Однако, несмотря на явное доминирование ислама, в Улусе Джучи государственная политика в отношении «людей Книги» (т. е. представителей авраамических религий, не язычников) продолжала строиться с учётом принципа веротерпимости – они имели широкие права, находились под защитой и сохраняли своё самоуправление. Так, с начала 1260-х гг. действовала православная Сарайская епархия. Известны многочисленные ханские ярлыки русским православным иерархам, карающие смертной казнью за оскорбление церквей и уничтожение церковного имущества, освобождающие от всех податей и налогов и дающие им иммунитет от произвола ордынских чиновников (однако, естественно, не защищавшие ни храмы от разрушения, ни жизни священников во время боевых действий при подавлении антиордынских выступлений). Аналогичным образом выстраивались взаимоотношения правителей сmonoфизитами, католиками и иудеями. В городах наряду с мечетями возводились и вели службы церкви всех ветвей христианства и синагоги, имелись их отдельные кладбища³.

В результате пересечения (и, в определённом смысле, переплетения) ислама с другими религиями и верованиями в Золотой Орде создалась своеобразная ситуация особого межконфессионального взаимодействия; Орда «стала пристанищем различных религиозных

¹ Сайфетдинова Э.Г. Становление историографической традиции // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 525.

² Измайлова И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань, 2008. – С. 17.

³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. – М., 1998. – С. 30; Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – № 4. – С. 15–25.

общин, которые не просто сосуществовали, но и сотрудничали друг с другом», где «забота о международной торговле подразумевала общую идеологическую терпимость, заботу о представителях разных этнических общин, представленных в многонациональном населении Золотой Орды. Тюрки, персы, генуэзцы, русские, хорезмийцы, литовцы, армяне жили под единым правлением и перемещались по большому разнообразному миру. Это был большой исторический опыт международной глобализации»¹.

В немалой степени причина успешного развития Золотой Орды состояла в том, что на её обширной территории сосуществовали, взаимодействовали, взаимопроникали и взаимообогащали друг друга различные народные обычай и традиции. Однако отчасти именно такая «блескунтность», т. е. слишком большое политическое, этническое, экономическое, религиозное, социокультурное многообразие, привела в итоге к тому, что Золотая Орда, в конце концов, не выдержала испытаний, которые на неё обрушились, и распалась. Различия между её регионами вызывали различие и противоречие интересов, что, по словам М.А. Усманова, было «миной замедленного действия, которая должна была неминуемо привести к распаду империи»².

Первая половина XIV в., особенно правление Узбека и Джанибека, была временем наивысшего расцвета Золотой Орды. Но уже во второй половине столетия Улус Джучи оказался перед одновременным вызовом целого ряда тяжелейших испытаний, в числе основных среди которых можно назвать следующие. Прежде всего, это экологическая катастрофа, связанная с планетарными климатическими изменениями. Глобальное похолодание вызвало в XIV–XV вв. резкое усыхание западной части евразийских степей, уменьшение количества осадков, установление малоснежных зим, постепенное наступление песков на некогда благоприятные пастбища³. Одновременное повышение уровня Каспийского моря затопило значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, солёные воды вплотную подступили к нижневолжским городам. Всё это нанесло сильнейший удар как по животноводческим, так и по земледельческим угодьям, спровоцировав упадок народного хозяйства Улуса Джучи. Стабильная и сытая жизнь на протяжении

¹ Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 5.

² Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 38.

³ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда (проблема генезиса Российского государства). – М., 1998. – С. 77–105; Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. – Новосибирск, 1997. – 208 с.

предшествующих десятилетий привела к демографическому росту и миграциям населения в южные зоны страны, вызвав, по мнению некоторых учёных, даже их перенаселение¹. Теперь же, в условиях ухудшения природно-климатических условий, это привело к участвовавшимся продовольственным кризисам, периодически выливавшимся в страшный голод, который заставлял людей в поисках спасения бежать из обжитых мест, вынуждая даже, по свидетельству ал-Омари, продавать своих детей².

Практически одновременно на Европу и Азию обрушилась «чёрная смерть» – страшнейшая пандемия бубонной чумы. В середине и второй половине XIV в. она несколько раз прошлась по Дешт-и Кыпчаку, буквально выкашивая население, особенно в перенаселённых областях и, что ещё страшнее, городах, бывших связующими административными, экономическими и культурными центрами. Поэтому для Улуса Джучи этот удар оказался особенно ощутимым. По словам современников, в нём от эпидемии чумы «обезлюдили деревни и города». По сообщению Бадр ад-дина ал-Айни, каждый день только в Крыму умирало почти по тысяче жителей³. Можно представить, какие потери понесла страна в целом. Последствия прокатившейся по Золотой Орде «чёрной смерти» поистине оказались ужасными⁴. Именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье⁵.

Упадку Улуса Джучи способствовал также кризис евроазиатской торговли. Спад международного товарообмена по знаменитому Шёлковому пути, стартовавшему в Китае и проходящему частично через Золотую Орду, начался ещё в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во

¹ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда (проблема генезиса Российского государства). – М., 1998. – С. 71.

² Ал-Омари о кипчаках и татарах, о Золотой Орде и Булгаре // Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – С. 184.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – С. 530.

⁴ Юлай Ш. Чёрная смерть и её последствия // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 686–690; Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 325–343; Хайдаров Т.Ф. Природные и социально-экономические кризисы в Золотой Орде // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). – Алматы, 2016. – С. 639–657; Его же. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. – 2016. – Vol. 4. – № 2. – С. 314–335; Его же. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань, 2018. – 304 с.

⁵ Трапавлов В.В. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 729–734.

второй его половине. Среди вызвавших его причин были освободительное движение против династии Юань в Китае, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане, эпидемия чумы, смута в Малой Азии после распада государства Ильханов, война между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Всё это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, также резко подорвав положение золотоордынских городов и всей экономической системы.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и внутриполитические процессы, проявлявшиеся с 1360-х гг. в перманентном внутреннем социально-политическом кризисе. Сначала он выражался в постоянной борьбе за ханский престол¹, но к XV в. перерос в постоянное нарастание центробежных тенденций и сепаратизма.

Обессиленной эпидемией чумы, экологическими катаклизмами, экономическим кризисом, внутриполитическими распрями Золотой Орде удар, от которого она уже не смогла оправиться, нанёс самаркандский эмир Тимур (Тамерлан). Нашествие его армий в 1391 и 1395 гг. охватило наиболее развитые и значимые регионы Золотой Орды – Северный Кавказ, Кубань, нижнее левобережье Днепра, Крым, среднее течение Дона, Нижнее и Среднее Поволжье, в которых были разрушены все важнейшие города, такие как Укек, Бельджамен, Гюлистан, Сарай, Хаджитархан, Маджары, Азак, Солхат/Крым². Разрушение основных городских центров привело к окончательному упадку торговли и экономики в целом, фактически уничтожило чиновничество и административную систему³, и предопределило в итоге судьбу Золотой Орды. Всей совокупности обрушившихся испытаний Золотая Орда выдержать не смогла и от этих ударов уже не оправилась. Попытки вернуть стабильность Улусу Джучи реформами (укрепление централизации, денежная реформа, активное распространение ислама) и рядом военных внешнеполитических успехов, предпринятые Идегеем в

¹ В период «Великой замятни» (1359–1379 гг.) за 20 лет на ордынском престоле сменилось более 20 ханов. Но и после её завершения и до распада Орды таких ханов было более 10: за исключением Тохтамыша и Шадибека, они занимали престол в среднем от 1 года до 3-х лет.

² Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань, 2007. – 108 с.; *Его же. Золотая Орда против империи Тимура: битва на Тереке и тотальный разгром Улуса Джучи // 1)* <https://realnoevremya.ru/articles/95818-bitva-na-tereke-mezhdu-toktamyshem-i-timurom-1-chast> 2) <https://realnoevremya.ru/articles/95829-bitva-na-tereke-mezhdu-toktamyshem-i-timurom-2-chast> (дата обращения: 9.10.2018).

³ Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. – СПб., 2017. – С. 122–123.

начале XV в.¹, стали, по сути, лишь агонией великой империи, к середине столетия окончательно распавшейся на ряд независимых государств.

Золотая Орда, несмотря на относительно небольшой по глобальным историческим меркам период существования – немногим более 200 лет (из которых уже примерно через 100 лет после возникновения она вошла в состояние нестабильности и распада, и ещё через 100 лет распалась окончательно), смогла оставить заметный исторический след². Она обладала огромной территорией, военным могуществом, широким международным влиянием, мощным государственным аппаратом, развитой многоукладной экономикой, богатой культурой, оказала глубокое и многовекторное влияние на политическую, экономическую и культурную карту Евразии. В совокупности всё это позволяет с полной уверенностью использовать в её отношении эпитет мировой сверхдержавы средневековья. А высокий уровень развития единого комплекса оригинальных политических, хозяйственных, культурных, социальных институтов позволяет говорить о существовании особой «Золотоордынской цивилизации» как локализованной и устойчивой во времени и пространстве целостной общественной системы. При вхождении в состав Золотой Орды различные народы находились на разных стадиях своего развития: кто-то имел многовековую государственность, разделение труда и классовое общество, кто-то стоял на родоплеменной стадии и вёл натуральное хозяйство; кто-то имел высокоразвитую культуру, кто-то не знал даже письменности. Поэтому, изначально возникнув путём завоеваний и насилия, Золотая Орда в дальнейшем играла, безусловно, огромную цивилизующую роль.

Прекратив своё существование, Золотая Орда не канула в Лету. Осталось её громадное наследие. Как я уже писал выше, это две татарские нации и иные народы, зародившиеся в золотоордынской «этнической колыбели», это широкое распространение ислама, это тюркский литературный язык, ставший основой при формировании татарского и других современных литературных языков тюркских народов, это литература, предопределившая развитие татарской и других литератур, это и искусство, это и новый уровень развития

¹ Селезнёв Ю.В. Политик и полководец Золотой Орды Идигу (Едигей) (исторический портрет) // Новик. – Воронеж, 2001. – Вып. 4. – С. 54–71.

² Почекаев Р.Ю., Ускенбай К.З. Улус Джучи и его наследие // Большой атлас истории и культуры Казахстана. – Алматы, 2008. – С. 248–251; История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань, 2014. – 1080 с.

государственности, и многое-многое др.¹. Кроме того, именно Золотая Орда впервые собрала в единое целое тюркские, монгольские, финно-угорские, восточнославянские, сибирские, кавказские и другие народы Евразии, впоследствии вошедшие в состав России, тем самым дав им первый опыт «сближения, взаимопроникновения и взаимообогащения культур», «порождая, среди прочего, сходство жизненного уклада и менталитета»². Родившись и окрепнув под крылом Золотой Орды, Московская Русь вскоре перехватила у неё эстафету созиания земель Евразии. А опыт (как положительный, так и отрицательный), полученный в период взаимососуществования с Золотой Ордой, позволил Руси–России превратиться со временем в крупнейшее государство мира.

Русь стала полигетничным государством с многочисленным мусульманским населением, унаследовала многие традиции Орды и достаточно большую часть её правящего слоя. В Великом княжестве Московском и на последующих этапах истории Руси–России явные следы золотоордынского наследия можно увидеть в военной организации, денежно-фискальной системе, придворном и дипломатическом протоколе, государственной канцеляристике, аристократической титулатуре, практике государственного строительства и управления в целом, в частности в важнейшем принципе централизации государственного управления. На многие века сохранилась ямская почтово-транспортная система. Истоки формирования многих российских княжеских и боярских родов тюркского происхождения относятся ко времени Золотой Орды³.

¹ О значении Золотой Орды, как ключевого этапа истории татар, см., в частности: Госманов М.Г. Алтын Урда: тарих һәм мирас // Мирас. – 1993. – № 8. – 37–47 б.; Фәхретдинов Р. Алтын Урда һәм татарлар. – Чаллы, 1993. – 32 б.; Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 5–17; Измайлова И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. – 1993. – № 7, 8; Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. – 1997. – № 3. – С. 14–19.

² Кадырбаев А.Ш., Сызыкова Ж.С. К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – М., 2017. – С. 57.

³ См., например: Петров П.Н. История родов русского дворянства. – СПб., 1886. – Т. 1. – 6+VIII+400 с.; Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979. – 280 с.; Халиков А.Х. 500 фамилий булгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992. – 192 с.; Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005. – С. 19; Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб., 2016. – 396 с.

Принадлежность к роду Чингизидов и другим ордынским родам ценились настолько высоко, что иногда представители московского боярства даже искусственно приписывали себе золотоордынские корни¹. Так что мы вполне можем говорить об исторической преемственности великих евразийских сверхдержав – Золотой Орды, Российской империи, СССР, Российской Федерации, последовательно передававших друг другу миссию «собирания» народов в общих границах. Именно поэтому Золотая Орда является частью истории современной России не только как часть истории её тюркских народов, но и как неотъемлемая часть истории всей страны в целом...

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Улус Джучи сыграл огромную роль в средневековой истории Евразии, в немалой степени предопределив дальнейшие векторы развития живших здесь народов и впоследствии образованных государств². В период своего расцвета Улус Джучи занимал огромную территорию, простираясь от Иртыша на востоке до Дуная на западе, от Белого моря на севере до Чёрного и Каспийского морей на юге³. Чингизидам-Джучидам удалось на длительное время объединить под своей властью многочисленные этносы, являвшиеся носителями

¹ Трапавлов В.В. Золотая Орда в общественном сознании и историографии // К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М., 2017. – С. 17.

² Kafali M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. – İstanbul, 1976. – 169 p.; Devlet Nadir. Altın Ordu // DGBT. – İstanbul, 1992. – Cilt 9. – S. 103–179; Усманов М.А. Золотая Орда: источники и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 26–45; История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1056 с. (один из редакторов тома – Б.Л. Хамидуллин); Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – 968 с. Аналогичные мысли я высказывал в своих научных публикациях и о Хазарском каганате – «ментальном» и отчасти «физическом» этнополитическом предшественнике Золотой Орды, в чём я полностью солидарен с известным российским учёным В.Я. Петрухиным, см.: Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань, 2014. – 280 с.; Khamidullin B.L. Pax Khazarica: a View from the XXI century // Studia et documenta Turcologica. 2015–2016. – Cluj-Napoca, 2016. – Vol. 3/4. – 117–129 p.

³ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. – М.–Л., 1950. – 508 с.; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – 246 с.

ми различных культур, типов хозяйствования и форм организации политической власти¹.

В современной исторической науке в основном применяют два названия этого государства – «Улус Джучи» и «Золотая Орда». В первом случае эта традиция заимствована из восточных источников, во втором – была привнесена из русской историко-публицистической литературы второй половины XVI – XVII вв.

Редко история какого-либо государства вызывала в научном сообществе более бурные дискуссии. Наряду с чисто научными факторами, обусловившими их, – многогранность и сложность объекта изучения, здесь велика роль и вненаучных факторов. Идеологические установки имперского и советского периодов в отечественной исторической науке жёстко ограничивали возможности исследователей в научной интерпретации роли и места Улуса Джучи в истории народов Евразии. В этой связи в работах, изданных в эти периоды, история Золотой Орды преимущественно рассматривалась сквозь призму её негативного, разрушительного «вклада» в мировую цивилизацию. Отдельно стоит упомянуть печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г.², нанёсшее колossalный удар по адекватному научному изучению истории государства Джучидов.

Неудивительно, что в дореволюционный и в советский периоды учёные, изучавшие историю Золотой Орды в соответствии с принципами объективности и историзма, вопреки официальным идеологическим установкам, были редким исключением. Среди них необходимо особо отметить Н.Я. Бичурина (1777–1853), О.М. Ковалевского (1801–1878), М.И. Иванина (1801–1874), Г.С. Саблукова (1803–1880), И.Н. Березина (1818–1896), Д. Банзарова (1822–1855), В.Г. Тизенгаузена (1825–1902), В.В. Бартольда (1869–1930),

¹ Фәхретдин Р. Алтын Үрда ханнары = Ханы Золотой Орды. – Казань, 1995. – 127 б. (на титуле «Казань, 1996»; тексты даны на татарском и русском языках, их подготовили Р. Амирхан и С. Шамси); Шпuler Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и comment. М.С. Гатина. – Казань, 2016. – 500 с.; Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 5–17; Halperin Ch.J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. – Bucuresti, 2007. – 348 p. // https://www.academia.edu/10357151/Charles_J._Halperin_Russian_and_Mongols_Slavs_and_the_Steppe_in_Medieval_and_Early_Modern_Russia (дата обращения: 13.01.2018).

² Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. – М., 1985. – Т. 7. – С. 513–520.

Б.Я. Владимирцова (1884–1931), Н.С. Трубецкого (1890–1938), М.Г. Сафаргалиева (1906–1970), а также Л.Н. Гумилёва (1912–1992)¹. Существенный вклад в дело изучения Улуса Джучи и золотоординского наследия внес в советские годы казанский историк-востоковед Миркасым Абдулахатович Усманов (1934–2010)².

В 1950–1980-х гг. отдельным направлением в изучении истории Золотой Орды стали археологические исследования на территории Среднего и Нижнего Поволжья, явившиеся продолжением научных изысканий дореволюционного этнографа и археолога А.В. Терещенко (1806–1865)³, а также археолога Ф.В. Баллода (1882–1947), умудрившегося изучать материальное наследие Золотой Орды в годы гражданской войны⁴. Специфика археологической науки в

¹ См., например, некоторые их работы: *Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с кит. монахом Иакинфом.* – СПб., 1829. – XVI+441 с.; *Его же. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* – М., 1950. – Т. II. – 334 с.; *Банзаров Д. Собрание сочинений / отв. ред. Д.Б. Ульымжиев; предисл. В.Ц. Найдакова. – 2-е изд., доп.* – Улан-Удэ, 1997. – 240 с.; *Саблуков Г.С. Исследование о месте Сарай – столицы Кипчакской Орды // Саратовские губ. ведомости.* – 1843. – № 48–49; *Его же. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губ. ведомости.* – 1844. – № 26–30, 32–36; *Его же. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда. Археологический очерк // Известия ОАИЭ при Казанском университете.* 1884. – Т. III. – С. 298–322; *Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // Казанские губернские ведомости.* – 1852. – № 22. – Оттиск. – 8 с.; *Его же. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП.* – 1853. – № 9. – 33 с.; *Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. I. Извлечение из арабских источников. – СПб., 1884. – XVI+564 с.; *Бартольд В.В. Сочинения.* Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М., 1963. – 763 с.; *Его же. Сочинения.* Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 1968. – 759 с.; *Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане.* – СПб., 1875. – 315 с.; *Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / сост. Г.И. Слесарчук.* – М., 2002. – 557 с.; *Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды.* – Саранск, 1960; *Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь.* – М., 1989.

² См., например: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. – 321 с.; История татар с древнейших времён: В 7 т. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1056 с. (науч. ред. тома М.А. Усманов); Хайрутдинов Р.Р., Мустафина Д.А. Памяти Миркасима Абдулахатовича Усманова // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 156. – Кн. 3. – 2014. – С. 277–282.

³ Терещенко А.В. Окончательное исследование местности Сарай, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // Учёные записки Императорской Академии наук по 1 и 3 отделениям. – СПб., 1853. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 89–95; Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 180–191.

⁴ Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды: Результаты археологических работ летом 1922 года. – Казань, 1923. – 62 с.; *Его же. Культура Золотой Орды // Новый Восток.* – 1924. – № 6. – С. 336–349.

известной степени позволяла учёным обходить острые политico-идеологические «углы» любой темы. Поэтому результаты раскопок (проводимых, в частности, под руководством профессоров МГУ Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) и Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова (1931–2000)) дали удивительно богатый фактический материал о разных сторонах жизни золотоордынского общества¹.

В предреволюционный период, а затем в эмиграции среди российских интеллектуалов формируется евразийская концепция понимания своеобразия российской цивилизации. В своих взглядах евразийцы признавали значительное и, главное, позитивное влияние Золотой Орды на процессы, происходившие на Руси². Так, по словам одного из главных идеологов евразийства Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), «пример монголо-татарской государственности, сумевший овладеть и управиться на определённый исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно, сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской»³. Примечательно, что евразийская концепция, не признанная советской наукой, нашла последователей на Западе⁴.

История Улуса Джучи получила отражение и в трудах татарских дореволюционных историков – Шигабутдина Марджани (1818–1889), Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936) и некоторых

¹ Смирнов А.П. Волжские булгары. – М., 1951. – 295 с.; Смирнов А.П., Фёдоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология. – 1959. – № 4. – С. 128–134; Смирнов А.П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства // Труды Общества истории, археологии и этнографии. – Казань, 1963. – Вып. 1(36). – С. 65–72; Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – 275 с.; *Его же. Общественный строй Золотой Орды*. – М., 1973. – 177 с.; *Его же. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов*. – М., 1976. – 228 с.; *Его же. Досаевский клад золотоордынских монет // Исследования по археологии Чувашии / Труды Чувашского ИЯЛИЭ*. – Чебоксары, 1978. – Вып. 80. – С. 30–56; *Его же. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М., 1981. – С. 229–236; *Его же. Золотоордынские города Поволжья*. – М., 1994. – 228 с.; Средневековые памятники Поволжья / под ред. А.П. Смирнова и Г.А. Фёдорова-Давыдова. – М., 1976. – 168 с.; Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнёва. – М., 1981. – 304 с.; *Кыдырназов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках*. – Нукус, 1989. – 176 с.; и др.

² См., например: *Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. – Берлин, 1925. – 60 с.

³ Савицкий П.Н. Евразийство (1925 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 101.

⁴ Grousset R. L'empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan // Archéologie, Art et Histoire. – Vol. 20. – № 2. – Paris, 1939. – 159 р.

др.¹. В них Золотая Орда предстаёт как развитое и цивилизованное государство, явившееся важным этапом в истории татарского народа. В последующем такой подход в осмыслении роли и значения Улуса Джучи получил развитие в работах татарских учёных, после октября 1917 г. оказавшихся в эмиграции, – А.-З. Валиди, А.Н. Курата, Г. Баттала, Б. Ишболдина и др.².

Коренные перемены в подходах к осмыслению истории Золотой Орды в отечественной историографии произошли только после распада советской политической системы. В новых условиях учёные смогли освободиться от партийно-идеологических шор и переосмыслить историю Золотой Орды, основываясь на принципах научности и взвешенного подхода, избегая крайних суждений как с точки зрения акцента на якобы разрушительные последствия ордынского влияния, так и идеализации взаимоотношений оседлых и кочевых народов³.

¹ Мәрҗәсән Ш. Мәстафадәл-әхбәр фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 415 б.; Фәхретдин Р. Алтын Урда ханнары = Ханы Золотой Орды. – Казан, 1995. – 127 б. (на титуле «Казан, 1996»; тексты даны на татарском и русском языках, их подготовили Р. Амирхан и С. Шамси); Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Хәмидуллин Б.Л. Казан ханлыгы халыклары. – Казан, 2008. – 133–153 б.

² Валиди Ә.-З. (Тоган). Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче жөзә / төз. Р. Эмирхан. – Казан, 1992. – 181 б. (см. также: Ахмет-Заки Валиди / сост. Г.А. Хисамов, Т.Н. Сагитов, Г.Г. Галимова. – Уфа, 2010. – 200 с.); Kurat A.N. Topkapı Sarayı Arşivindeki Altın Ordu, Kırımlı ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. – İstanbul, 1940. – VIII+212+2 р. (см. также: Миргалиев И.М. История Золотой Орды в трудах А.Н. Курата // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 2. – С. 253–261); Баттал Г. Казан төркиләре. Тарихи язмалар. – Казан, 1996. – 190 б.; Ишболдин Б. Очерки из истории татар. – Казань, 2005. – 159 с.

³ Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 5–17; Его же. Золотая Орда и татары. – Набережные Челны, 1993. – 64 с.; Измайлов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. – 1993. – № 7, 8; Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 26–53 (на татар., рус. и англ. яз.); Его же. Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1226–1556. – Казань, 2001. – С. 3–14; Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – 271 с.; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. – Казань, 2000. – 136 с.; История «скифов» глазами современников / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2001. – 175 с.; Миргалиев И.М. Политическая история Золотой Орды периода Токтамыш-хана. – Казань, 2003. – 165 с.; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М., 2006. – 557 с.; Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М., 2010. – 76 с.; Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М., 2010. – 364 с.; Рахимзянов Б.Р. Базис и эволюция отношений «Орда–Москва» (XIII–XVII вв.) // XIII Файзхановские чтения. Наследие Золотой

Помимо влияния евразийцев, зарубежная историография темы формировалась в рамках традиционной западной ориенталистики. В этой связи нельзя не назвать имя классика этого направления Бертольда Шпулера (1911–1990)¹, а также одного из активных современных исследователей истории Золотой Орды Юлай Шамиль-оглу². На современном этапе происходит активный обмен мнениями и взаимодействие между российскими и зарубежными учёными³,

Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М., 2017. – С. 381–387; и др.

¹ Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. – Leipzig, 1943. – XVI+556 s.; *Ego же. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502.* 2., erweiterte Auflage. – Wiesbaden, 1965. – XVIII+638 s.

² Укажу небольшую часть его публикаций: *The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire* // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – 1984. – V. 4. – 283–297 p.; *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. – Columbia University, 1986 (Ph.D. Dissertation). – 286 p.; *The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Şıhabəddin Märçani and the Image of the Golden Horde* // Central Asian Survey. – 1990. – V. 9. – № 2. – 39–49 p.; *The Umdat ül-ahbar and the Turkic Narrative Sources of the Golden Horde and the Later Golden Horde* // Central Asian Monuments, ed. H.B.Paksoy. – Istanbul, 1992. – 81–93 p.; *Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde* // Central Asian Survey. – 1993. – V. 12. – № 4. – 447–457 p.; *Altın Ordu* // Türkler. – Ankara, 2002. – T. VIII. – 412–428 p.; *The Golden Horde* // The Turks. – Ankara, 2002. T. II. – 819–834 p.; *The Islamic High Culture of the Golden Horde* // Proceedings of the Second International Symposium on Islamic Civilization in the Volga-Ural Region: Kazan, 24–26 June 2005. Sources and Studies on the History of Islamic Civilization. – Istanbul, 2008. – 19–39 p.; *Climate Change in Central Eurasia and the Golden Horde* // Золотоординское обозрение. – 2016. – T. 4. – № 1. – С. 6–25; *The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization* // Золотоординское обозрение. – 2017. – T. 5. – № 2. – С. 325–343; *The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ukek* // Золотоординское обозрение. – 2018. – № 1. – С. 18–40.

³ Sinor D. Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek // Essays on Uzbek History, Culture, and Language / Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A. (eds.). – Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies. – 1993. – P. 110–119; Шамильоглу Ю. «Караби бей» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой истории // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 44–60; *Ego же. Направления в исследовании Золотой Орды* // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С. 15–30; *Vashari I.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С. 193–207; Halperin Ch. J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. – Bucuresti, 2007. – 348 p.; Mirgaleev I.M. The Golden Horde state in the system of international relations // Золотоординское обозрение. – 2015. – № 1. – С. 136–145; Сабитов Ж.М. Политическая история Улуса Джучи в 1256–1263 годах // Золотоординское обозрение. – 2015. – № 2. – С. 51–64; Громенко С.В. Тимур,

работающими в данной сфере. Недавно изданные фундаментальные коллективные монографии и сборники научных конференций наглядно демонстрируют плодотворный характер такого сотрудничества¹.

…Предыстория Улуса Джучи неразрывно связана с событиями, происходившими в Центральной Азии в конце XII – начале XIII в. В это время, на фоне укрепления феодальных отношений у кочевавших здесь татаро-монгольских² племён, в среде их зна-

Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность // Золотоординское обозрение. – 2015. – № 3. – С. 43–53; Николов А.Н. Образ татаро-монголов Золотой Орды и Ильханов в сочинениях пропагандистов крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // Золотоординское обозрение. – 2015. – № 4. – С. 14–28; Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотоординское обозрение. – 2016. – № 1. – С. 6–25; Favereau Думенжу М. Венецианские источники по истории Золотой Орды: новые перспективы изучения // Золотоординское обозрение. – 2016. – № 1. – С. 39–54; Хайтала P. Latin Sources on the Religious Situation in the Golden Horde in the Early Reign of Uzbek Khan // Золотоординское обозрение. – 2016. – Т. 4. – № 2. – С. 336–346; Его же. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоординское обозрение. – 2016. – Т. 4. – № 2. – С. 272–313; Его же. От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоординское обозрение. – 2016. – Т. 4. – № 3. – С. 485–528; Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks // Золотоординское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 93–115; Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоординское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 325–343; и др.

¹ История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1056 с.; Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – 968 с.; XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М., 2017. – 568 с.; и др.

² О терминах «монголо-татары» либо «татаро-монголы» и возможностях их научного использования для периода предыстории и становления Монгольской империи см., например: Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1986. – С. 94–98; Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. – 2002. – Вып. 1. – С. 48–85; Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. – Казань, 2009. – С. 58–65; Его же. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоординское обозрение. – 2016. – Т. 4. – № 2. – С. 420–442; Его же. Роль тюрко-татарского составного в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи XIII–XIV вв. // Золотоординское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 290–324; Хакимов Р.С. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии // История татар Западного Приуралья. Т. И. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань, 2016. – С. 198–219; Нестерова Е.Р. Монголы, татары, чёрные татары – кто есть кто в истории мон-

ти разворачивается борьба за главенство. Победу в ней одержал один из предводителей «чёрных татар» (монголов) по имени Тэмуджин/Темучжин, и в 1206 г. у истоков р. Онон, на курултае тюрко-монгольской знати он был провозглашён «великим ханом Чингизханом»¹. Говоря о факторах победы Темучжина, можно согласиться со словами Е.И. Кычанова, что «Темучжин оказался способней и удачливей своих соперников, более гибким и решительным в своих действиях...»², но в то же время «...в имеющихся источниках нет никаких данных о том, что Чингиз-хан сознательно и последовательно ставил своей целью и боролся именно за объединение Монголии»³. Вероятно, одной из главных движущих сил последующих завоеваний Чингиз-хана стала потребность татаро-монгольской военной знати, признавшей его главенство, в новых богатствах, которые могли дать присоединяемые территории.

За относительно короткий отрезок времени, под властью монголо-татар оказались народы Алтая и Сибири, были покорены Китайская империя, территории Средней Азии, Ирана, Закавказья. Любые завоевания несут неисчислимые беды и колоссальный урон народам, оказавшимся на пути завоевателей. В этом отношении не были исключением и результаты военных походов монголо-татар. Однако, в отличие от практики многих завоевателей, они не стремились уничтожить духовные ценности и уклад жизни на покоренных территориях. Более того, уже на этапе становления Монгольской империи проявилась одна из уникальных её черт – толерантность в отношении религии и культуры завоёванных народов, а в определённых случаях и активное заимствование цивилизационных достижений последних. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в отношении Китайской империи, явившейся тогда очагом мировой цивилизации. В данном случае монголо-татары не ограничились только военной и культурной сферами, а заимствовали многовековой опыт китайцев в управлении государством.

Время возникновения Улуса Джучи как субъекта Монгольской империи восходит к периоду правления Чингиз-хана. Он разделил территорию огромного государства на улусы, во главе которых поставил своих сыновей. Собственным преемником он назначил третьего

гольских завоеваний // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. – М., 2016. – С. 7–19.

¹ Титул «Чингиз-хан» на сегодняшний день трактуется учёными как «Повелитель бескрайнего, как море».

² Кычанов Е. Чингиз-хан и образование единого монгольского государства // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 88.

³ Там же.

сына, Угедея, а старшему сыну Джучи завещал западные территории¹, большую часть которых ещё предстояло завоевать. После смерти Джучи в 1227 г. во главе улуса, по личному повелению Чингиз-хана и утверждению всемонгольским курултаем 1228/1229 г., встал его сын Бату². Именно ему, во главе 30-тысячного корпуса, предстояло решить эту задачу. В 1229–1230 гг. Бату и его братья организовали неудачный для них поход на «область Саксин»³ против кыпчаков и волжских булгар. В 1232 г. они вторглись в юго-восточную часть Волжско-Камской Булгарии⁴ (в это время находившейся уже в стадии феодальной раздробленности⁵), но дальше на их пути стояла хорошо укреплённая крепость Биляр («Великий город», столица ранее единого государства) и монголо-татары не решились на его штурм.

Во многом эти обстоятельства обусловили необходимость вынести вопрос о новых западных завоеваниях на общегосударственный уровень. Этот вопрос поддержал лично Великий хан Угедей. Мобилизация военных сил всей империи позволила существенно увеличить армию Бату, численность которой современные учёные оценивают от 50 до 120 тысяч человек.

¹ См., например: *Миргалеев И.М.* Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 72–77.

² О нём см., например: *Бартольд В.В.* Батый // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1968. – Т. V. – С. 496–500; *Карпов А.Ю.* Батый // Серия «Жизнь замечательных людей». – М., 2011. – 347 с.; *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 2012. – С. 10–32.

³ *Зилибинская Э.Д.* Исследование слоёв домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековье Волго-Камья / материалы третьих Халиковских чтений. – Казань–Болгар, 2004. – С. 75–78; *Васильев Д.В.* К вопросу о локализации города и области Саксин // Евразия. Этно-культурное взаимодействие и исторические судьбы / тезисы Международной научной конференции. – М., 2004. – С. 12–13; *Его же.* Город Саксин и его население // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2004. – С. 75–83; *Его же.* Город и область Саксин в свете новых данных археологии (постановка проблемы) // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки / материалы Международной научной конференции. – Астрахань, 2012. – С. 182–193.

⁴ *Халиуллин И.Х.* О монгольском походе 1232 года на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 23–27. О Волжско-Камской Булгарии огромное количество интересной научной литературы, отражающей практически все аспекты жизнедеятельности этого государства и его населения (об этом, кстати, я писал свою дипломную работу под руководством М.А. Усманова на историческом факультете КГУ в 1991–1992 гг., – малая толика этого материала в своё время была опубликована в журнале «Идель»). Современное научное видение истории Волжско-Камской Булгарии и историографию по теме см., например: История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – 960 с. (науч. ред. тома – Ф.Ш. Хузин, редактор – Б.Л. Хамидуллин).

⁵ *Халиуллин И.Х.* Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 118–135.

Осенью 1236 г. татаро-монголы начали завоевательный поход в Европу. Первой на их пути вновь оказалась Волжско-Камская Булгария. Завоеватели штурмом взяли Биляр, а также иные булгарские города и селения¹. К концу XIII в. территория этого тюркского государства полностью вошла в состав Улуса Джучи. После покорения мокши, буртасов и кыпчаков Среднего и Нижнего Поволжья, настал черёд политически раздробленных русских земель. В 1237 г. монголо-татары разбили войска Рязанского княжества, в 1238 г. на р. Сить – объединённые войска Северо-Восточной Руси. В 1239–1240 гг. пала и Юго-Западная Русь – Переяславское, Черниговское, Киевское и Галицко-Волынское княжества.

После разгрома русских земель монголо-татарские войска двинулись дальше в Европу. Разорению подверглись Польша, Чехия, Венгрия². Выйдя к Адриатическому морю, татаро-монголы повернули обратно. Среди причин, побудивших Бату принять это решение, наиболее часто называется смерть Великого хана Угедея и желание присутствовать в Кара Хоруме на избрании нового верховного хана. Кроме того, было необходимо держать в покорности уже захваченные территории, что при дальнейшем продвижении на запад было бы проблематично. Решению этой задачи мешало ещё одно серьёзное обстоятельство – после взятия Киева, по приказу Угедея, из войск Бату были отведены наиболее боеспособные тумены под предводительством Гуюка и Мунке³.

В начале 1240-х гг. одна часть войск Бату вернулась в Монголию, другая – осталась на Волге. Одной из главных причин, побудившей Бату остаться здесь, была военно-стратегическая – отсюда было удобно держать под контролем покорённые народы. Таким образом, при хане⁴ Бату происходит становление будущего государства (с его первой столицей в городе Болгаре – на территории современного Татарстана). В годы правления Бату (1242–1256) Улус Джучи являлся частью Монгольской империи. Доказательством тому является чеканка в Улусе Джучи монет от имени Великого хана Менгу, отсылка большей части налогов и дани в центр империи, необходимость согласовывать кандидатуру приемника на ханском престоле улуса с администрацией в Кара Хоруме.

¹ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию. // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 4–23.

² Гёккенеян Х. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 161–165.

³ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2004. – С. 492.

⁴ Об использовании титула «хан» применительно к Бату см.: Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.–СПб., 2006. – С. 10–12.

При хане Берке (1257–1266) – младшем брате Бату¹, начинается политическое обособление Улуса Джучи от Монгольской империи. Возможно, он даже начал чеканку монет с тамгой Джучидов². После того как Берке принял ислам, его примеру последовала значительная часть правящей элиты улуса, таким образом всё более отдаляясь духовно и политически от тенгрианского Кара Хорума. Связи с политическим центром империи фактически прервались после того, как при кагане Хубилае в 1260 г. столица татаро-монгольского государства была перенесена из Кара Хорума в Ханбалык (Пекин), что ещё больше увеличило расстояние от столицы империи до его западного улуса.

Окончательное отделение Улуса Джучи от Монгольской империи произошло при хане Менгу-Тимуре (1266–1280) – внуке Бату³. Продолжив политику Берке на самостоятельность Золотой Орды от метрополии, он первым, в 1266/1267 г. (665 год хиджры), начал чеканить монеты со своим именем и титулом «правосудный Великий хан»⁴ в монетных дворах Бияра, Саая, Крыма, Хорезма и Укека⁵, а также выдавать собственные ярлыки⁶, что свидетельствовало о явных притязаниях на независимость Улуса Джучи. Юридическое оформление независимость Золотой Орды получила на проведённом в Средней Азии на берегу реки Талас в 1269 г. курултае представителей Чингизидов и татаро-монгольских нойонов, на котором от Дома Джучидов участие принял сам хан Менгу-Тимур⁷...

¹ О нём см., например: *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 2012. – С. 33–56.

² *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983. – С. 46–47, 49–50; *Измайлов И.Л.* Берке // Татарская энциклопедия: В 5 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 356.

³ О нём см., например: *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 2012. – С. 57–68.

⁴ *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб., 1896. – С. 443–508.

⁵ Подробнее см.: *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII века. – Казань, 2003. – 192 с.

⁶ См., например: *Григорьев А.П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Восточная литература // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIII/1260-1280/Mengu_Timur/frametext.htm (дата обращения: 12.12.2017).

⁷ *Энхчимэг Ц.Ц.* К изучению истории Таласского курултая // Материалы международной научной конференции «Монгольская империя (образование, расцвет, распад)». – Улан-Батор, 2004. – С. 327–335; *Его же. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация.* – 2017. – № 10. – С. 152–155. В 1269 г. на карте мира официально появились Улус Толуя (Монголия и Китай; с 1271 г. – «Империя Юань»), Улус Угедея (Западная Монголия, Алтай, Джуңгария и др.), Улус Чагатая (Средняя Азия), Улус Хулагу (Иран, Ирак, Азербайджан, Малая Азия) и Улус Джучи.

Поступательное развитие любого государства, его социально-экономическая, политическая устойчивость к внутренним и внешним катаклизмам во многом определяется способом и формой организации властных структур, их системой взаимоотношений с обществом. В случае с крупными государственными образованиями, к коим, безусловно, относится Золотая Орда, особую актуальность приобретала проблема объединения под своей эгидой народов, находившихся на разных этапах своего развития, имевших веками складывавшиеся традиции хозяйственной, культурной и политической жизни. В этой связи принципы и организация административного управления Улуса Джучи «...вобрали в себя явления как традиционно кочевнические, перешедшие из тюрко-монгольской старины, так и привнесённые во время и в результате завоеваний»¹.

Кроме прямого включения в свой состав территорий покоренных народов, Джучиды в некоторых случаях практиковали отношения по принципу «сюзерен–вассал». Этот принцип лёг в основу взаимоотношений с русскими княжествами. Русские земли сохранили свою государственность, но оказались в жёсткой зависимости от золотоординских ханов. В первую очередь она проявлялась в выплате дани и необходимости русским князьям являться в ставку хана для получения ярлыка – своеобразного разрешения на право княжить в своих землях, а также в контроле баскаков – наместников ханов на местах (в большинстве русских земель институт баскачества был упразднён в начале XIV в.)².

Согласно традициям государственности кочевых народов, территория Улуса Джучи была разделена по системе двух крыльев на Ак Орду и Кок Орду³. Правителем западной (правой) Ак Орды

¹ Трапавлов В.В. Традиции тюрко-монгольской государственности в административно-политическом устройстве Улуса Джучи // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 177.

² Камалов И. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / пер. с турецц. И.М. Миргалиеева. – Казань, 2016. – С. 59–148.

³ Отмечу, что вопрос о «привязке» этих названий к конкретным территориям Золотой Орды в разные хронологические периоды истории государства всё ещё остаётся остро дискуссионным, см., например: Селезнёв Ю.В. Золотая Орда в XIII–XIV вв.: улусная система и административно-территориальное деление // Клио. – 2000. – № 1. – С. 106–113; Ускенбай К.З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи / Редкол.: С.Г. Кляшторный и др. – М., 2006. – С. 353–380; Трапавлов В.В. Система крыльев и административное устройство. Проблема Ак Орды и Кок Орды // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2009. – Т. III. – С. 188–190; Измайлов И.Л. Ак-Орда // История татар с

стал Бату, а восточной (левой) Кок Орды – его старший брат Ордуиджен.

Возникновение такого принципа деления территории восходит к древней кочевой традиции и связано с необходимостью оперативно собирать и структурировать ополчения кочевников для военных походов. В соответствии с ним нойоны со своими отрядами занимали в войске те фланги, к которым они относились территориально, т. е. левый или правый¹. Крыльевая принадлежность была определяющей при учёте подданного не только как жителя определённой территории и воина определённого корпуса, но и налогоплательщика². Эти крылья внутри делились тоже на два крыла с теми же названиями, которые в свою очередь дробились на улусы, тумены и тысячи³.

Государственно-политическое устройство Улуса Джучи не было чем-то застывшим в хронологии. На протяжении всей своей истории оно эволюционировало, корректировалось в соответствии с внешними и внутренними обстоятельствами своего существования. Но, разумеется, при всех имеющихся изменениях были и матричные, основополагающие принципы его функционирования⁴.

На вершине пирамиды государственной власти Золотой Орды находился хан. От его имени осуществлялись все наиболее важные государственные мероприятия: объявление войны и заключение мира, руководство войсками, чеканка монет, назначения на главные государственные должности и т. д. Далее высшими государ-

древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2009. – Т. III. – С. 190–194; *Кадырбаев А.Ш. Кок-Орда // История татар с древнейших времён: В 7 т.* – Казань, 2009. – Т. III. – С. 236–240; *Сабитов Ж.М., Күшкүмбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XV веках: к вопросу о локализации Ак Орды и Кок Орды // Золотоординское обозрение.* – 2013. – № 2. – С. 60–72; *Сабитов Ж.М., Күшкүмбаев А.К. Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках (к вопросу о локализации и семантике терминов) // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 550-летию Казахского ханства (11.09.2015).* – Астана, 2016. – С. 557–572.

¹ *Күшкүмбаев А.К. Крыльевая система в Улусе Джучи // Золотоординское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды XIII–XV вв.».* – Казань, 2009. – С. 80–104.

² *Трепавлов В.В. Система крыльев и административное устройство. Проблема Ак Орды и Кок Орды // История татар с древнейших времён: В 7 т.* – Казань, 2009. – Т. III. – С. 188.

³ *Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде.* – Казань, 2008. – С. 6.

⁴ *Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества.* – СПб., 1864. – Т. VIII. – С. 387–494.

ственными должностями являлись беклярибек (с подчинёнными ему тремя карабеками) и везир. Такой дуализм власти требует пояснения. Как уже отмечалось ранее, в составе Улуса Джучи оказались два типа подданных – кочевники и оседлое население. Поначалу кочевники играли значительно большую роль в жизни государства, они преобладали численно и из них формировалось войско – основополагающий элемент тюрко-монгольских государств. Но с принятием ислама в качестве государственной религии при хане Узбеке в 10-е гг. XIV в., с развитием торговли и ремесла, с ростом городов – существенно усилилась роль оседлого населения. Ордынским правителям в своей политике приходилось учитывать специфику кочевой и оседлой культур. В этой связи в системе управления государством был применён дифференцированный подход: во главе войска и улусно-удельной системы стоял беклярибек, а невоенная сфера находилась в ведении везира¹. Если первый, вместе с подчинёнными ему карабеками, темниками (туменбashi) и т. д., олицетворял военно-кочевую знать, то второй, с подвластным ему аппаратом должностных лиц – чиновничество. Определённое время эти вертикали власти функционировали параллельно, практически не пересекаясь, но в XIV в. произошло их сближение и некоторое слияние².

В основе государственного устройства Золотой Орды была улусная система. Главным критерием при делении территории на улусы являлось определённое количество воинов – десять тысяч, которое он (улус) должен был выставить по приказу хана. Во главе улусов стояли темники. Улус передавался темнику в условное владение, т. е. эта территория не являлась наследственным владением владельца улуса (как минимум до второй половины XIV в.). Основными обязанностями темника были бесперебойный сбор налогов, контроль над населением, организация ополчения в войско хана. Хан мог менять темников по своему усмотрению. В свою очередь от темников по нисходящей шли подчинённые им более мелкие беки. Они формировались по традиционной для тюрко-монголов десятичной системе: тысячи, сотники, десятники.

В подчинении везира также был разветвлённый аппарат чиновников. К примеру, вторым после него по значимости должностным лицом был даруга (даругачи). Основной сферой деятельности даруг

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – С. 347, 412.

² Трепавлов В.В. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 152.

был сбор налогов. Даруги могли назначаться как в отдельные селения, так и в целые области – тумены.

Говоря об организации налоговой системы в государстве Джучидов, следует отметить, что, как и в других государствах, большая часть населения являлась податной. Налоги имели натуральное либо денежное выражение. Совокупность налогов и податей обозначалась терминами «ясак» и «калан». Подушный налог с кочевого населения именовался «борч харадж», а поземельный с оседлого – «тутун хараджи». С купцов (в т. ч. с иноземных) взимались торговые, дорожные и пограничные налоги. Вместе с тем податное население несло повинности, среди которых наиболее значимыми были ямская и поставка провианта войску хана. В условиях огромной территории государства и зависимых от него земель обе эти повинности имели первостепенное значение, являясь основополагающими факторами обеспечения передовой для своего времени связи между административно-территориальными единицами страны и возможностью содержать большое боеспособное войско¹.

В любом государстве исправный сбор налогов, помимо организации и контроля, в первую очередь зависит от платежеспособности населения, которая в свою очередь обуславливается экономическим развитием страны в целом. В данном отношении уникальное географическое местоположение государства и многообразие народов – носителей различных культур и традиций, оказавшихся в его составе, – определили своеобразие и этой сферы жизни Улуса Джучи.

Значительная часть населения была занята кочевым скотоводством. Но специфика природно-климатических условий Нижнего Поволжья и Приаралья, заключавшаяся в том, что здесь были резкие межсезонные перепады температуры² – холодные зимы и знойные летние месяцы, обусловили систему сезонных перекочёвок, проходивших как по вертикали (север–юг, юг–север) и так и по горизонтали (запад–восток, восток–запад). В первом случае они осуществлялись вдоль рек, обеспечивавших поголовье скота необходимым пропитанием и водопоем. Летом перекочевки проходили в северном направлении – в районы Приднепровья, Среднего Поволжья, Заволжья, Прикамья, Южного Урала, Прииртышья, осе-

¹ См., например: *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Налогообложение. Придворный этикет и протокол // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 181–185.

² Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса российского государства. – М., 1998. – С. 77–81.

нью в обратном направлении – в Степной Крым, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Мангышлак, Приаралье, Прибалхашье¹. Второй вариант перекочёвок был актуален в предгорных районах. В этом случае в летние месяцы кочевники поднимались на горные пастбища, в зимние – спускались в долины². Места кочёвок определялись правителем Золотой Орды, что не допускало никаких вольностей. Механизм распределения кочевий осуществлялся в соответствии с десятичным принципом. Вот как это описывает итальянский путешественник Плано Карпини: «...он (хан. – Б. Х.) указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячики – сотникам, сотники же – десятникам»³. Часть выращенного скота шла на свои внутренние хозяйственные нужды, а часть – на экспорт. Кочевое скотоводство имело первостепенное значение не только с точки зрения экономики страны, но в первую очередь как источник для комплектования лёгкой, маневренной и выносливой конницы – ядра золотоордынского войска.

Вопреки широко распространённому среди неспециалистов мнению, что Золотая Орда – страна исключительно кочевников, в государстве Джучидов было весьма развито и земледелие. Этому в немалой степени способствовали традиции земледельческой культуры некоторых регионов, оказавшихся в составе Улуса Джучи, – Средней Азии, Северного Кавказа, Крыма и Среднего Поволжья. Данные факты подтверждаются записями путешественников, побывавших в улусах Монгольской империи⁴, а также данными археологических раскопок⁵. Основываясь на них, можно утверждать, что в Золотой Орде выращивали просо, рожь, пшеницу, ячмень, овёс и разные виды овощей и фруктов.

¹ Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Скотоводство и система перекочёвок // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 264.

² Там же.

³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступит. статья и прим. Н.П. Шастиной. – М., 1957. – С. 45.

⁴ См., например: Там же. – С. 95, 154.

⁵ Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М., 2001. – С. 231; Валеев Р.М. К характеристике экономики Золотой Орды по археологическим и письменным источникам // Золотоордынское наследие. – Казань, 2009. – Вып. 1. – С. 183–189; Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Материальная культура малого золотоордынского города Нижнего Поволжья (на примере Хмелевского I селища) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – СПб., 2016. – С. 264.

Большую часть доходов государство получало от международной торговли. Земли Улуса Джучи, находившиеся в Нижнем Поволжье, стали местом, где проходили две крупнейшие международные торговые магистрали: с севера, по Каме или Волге, далее на юг по Каспию пролегал водный торговый путь, соединявший север Евразии со странами Закавказья и Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока; а с юго-востока на запад территорию Золотой Орды пересекал Великий шёлковый путь с разветвлённой сетью вторичных дорог¹.

Расположение государства на перекрёстке крупных международных торговых путей стимулировало развитие практически всех отраслей экономики страны – ремесла, земледелия, скотоводства и т. д., поскольку у местного населения появлялась возможность реализовывать свою продукцию и оказывать услуги богатым иноземным купцам. Важным является и социокультурный аспект межцивилизационного обмена между представителями различных культур.

Формирование торгового пути определялось рядом требований к территориям, по которым он проходил. Среди них основополагающими являлись определенный уровень безопасности, развитая инфраструктура, этноконфессиональная толерантность. Все вышеперечисленные факторы в полной мере были присущи Улусу Джучи. Действительно, за какие-то полвека её правителям и населению удалось создать здесь настоящую городскую агломерацию². Быстрый подъём статуса некогда малозаселённых нижневолжских степей (Дешт-и Кыпчака) начался сразу после того, как Джучиды сделали эти земли своим доменом. После этого сюда по принуждению и добровольно хлынул поток кочевников³. Впоследствии эволюция хозяйственно-экономической сферы этого региона привела к тому, что многие потомки кочевников перешли к оседлому образу жизни. «Здесь же находились два самых настоящих средневековых мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид, а также другие крупные города: Хаджи-Тархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водяное городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан и Сарайчик (современный пос. Сарайчик, севернее

¹ Fedorov-Davydov G.A. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde / Transl. by A.Naymark. – Berkeley, CA, 2001. – 189 p.; Зимони И. Историческая роль Золотой Орды на Шёлковом пути и в Восточной Европе // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 143–147.

² Кульпин-Губайдуллин Э.С. Экологические и экономические критерии цивилизованности // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 454.

³ Там же. – С. 450.

г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселённый земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи...»¹.

Как я уже отмечал ранее, неотъемлемой чертой Улуса Джучи являлся его поликонфессиональный характер. Сами татаро-монголы в период своих завоеваний исповедовали в основном тенгрианство², в Средней Азии и Волжско-Камской Булгарии господствовал ислам, в русских землях – православное христианство, в Крыму и на Кавказе были распространены иудаизм, христианство и ислам. Многие народы, оказавшиеся в составе Золотой Орды (например, финно-угорские, часть кипчаков), в то время исповедовали разных видов язычество.

Функционирование государства Джучидов в течение более двухсот лет стало возможным во многом благодаря продуманной и взвешенной политике её правителей в отношении религии, традиций и культуры покорённых народов. В эпоху средневековья и крестовых походов, организованных папством и западными странами, данная характеристика в масштабах огромного государства являлась поистине уникальной.

Веротерпимость монголо-татар была закреплена на правовом уровне: «Яса» Чингиз-хана предписывала уважительное отношение к верованиям других народов, за их оскорбление полагалась смерть. Захватывая государства и народы Евразии, завоеватели очень практически рассматривали вопрос о формах их подчинения. В том случае, если религия этих народов не призывала к свержению их власти, то монголо-татары были к ней терпимы и даже ограждали её от гонений и притеснений. «Покорителям мира» было важно добиться политического господства или признания вассальной зависимости от хана. Навязывание своих духовных ценностей не являлось их целью. Таким образом, в период завоевательных походов в Восточную Европу и первое время после них правитель Улуса Джучи был в равной степени дистанцирован от распространённых здесь религий и верований.

Конфессиональная ситуация меняется при хане Берке (1257–

¹ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. – Казань, 2000. – С. 67.

² Подробнее см., например: Энхчимэг Ц.Ц. Роль тенгрианства в Монгольской империи // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Абакан, 2011. – С. 327–335.

1266), когда после смерти Бату разворачивается борьба за ханский престол¹. С одной стороны, претендентами на него выступали исповедовавшие христианство супруга Бату – Баракчин и их сын Сартак, являвшиеся сторонниками единения с Монгольской империей, с другой – Берке, принявший ислам и поддержаный мусульманским купечеством в стремлении вывести Улус Джучи из подчинения монгольскому кагану. Таким образом, ислам стал фактором политического обослебления Джучидов.

После победы Берке в борьбе за власть позиции ислама в Золотой Орде значительно усилились. Ислам приняли его жёны, многие высшие сановники, часть военной элиты. Несмотря на то, что ислам при Берке не стал государственной религией, начинается его распространение не только среди знати, но и простых кочевников, правда, ещё не в массовом порядке. В годы его правления происходит постепенная интеграция исламских традиций в систему государственного управления, мусульманские морально-этические ценности входят в обыденную жизнь золотоордынского общества.

С этого времени ислам становится одним из определяющих факторов при формировании внешней политики Улуса Джучи – выборе союзников и противников, регионов влияния и т. д. Так, в борьбе за Закавказье со своим двоюродным братом Хулагу – иранским Ильханом, симпатизировавшим христианам (например, христианкой была его старшая жена и один из лучших полководцев), Берке использовал религиозный фактор для привлечения союзников в лице мусульманских стран. Это обусловило ситуацию, при которой Улус Джучи выступил противником православной Византии, католических стран Запада, их крестоносных владений на Ближнем Востоке и союзником турок-сельджуков и египетских мамлюков².

При последующих правителях Золотой Орды – Менгу-Тимуре, Туда-Менгу, Тула-Буге и Токте, в целом сохранилась тенденция на постепенное усиление роли ислама во внутригосударственных и внешнеполитических делах Улуса Джучи³. Таким образом, к началу XIV в. в Золотой Орде созрели условия для принятия ислама в

¹ Сабитов Ж.М. Берке и его правление в Золотой Орде // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. – Астрахань, 2011. – С. 164–169.

² Жумалы Р. Средние века: Золотая Орда и держава Тимура // Геополитика Центральной Азии. О былом и наущном. – Алматы, 2006. – С. 79–114; Измайлова И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань, 2008. – С. 20.

³ Васильев В.Д. Утверждение ислама как государственной религии в Золотой Орде // Гуманитарные исследования. – 2002. – № 5. – С. 16–22.

качестве государственной религии, что и происходит в годы правления хана Узбека. Так Улус Джучи становится частью исламской цивилизации, получает доступ к её материальным и духовным достижениям. При Узбеке и Джанибеке строится большое количество мусульманских учреждений – мечети, медресе, мектебе, ханака, заливие, текие, дюрбе. Свидетельством расширения связей с мусульманским миром является возведение мечети и медресе в г. Сарай-Берке мастерами из Хорезма, а мечети в г. Солхат – из Египта¹.

При этом усиление позиций ислама и возведение его в ранг государственной религии не вызвали межконфессиональной розни в Золотой Орде. К примеру, в 1261 г. при Берке митрополитом Кириллом в Сарае была учреждена православная епископия; здесь же в 1315 г. при Узбеке была основана францисканская миссия, к 1336 г. на территории Золотой Орды их было уже 10².

Сохранению элементов веротерпимости золотоордынской цивилизации способствовали ханафитский мазхаб, привнесённый сюда богословами и проповедниками Бухары и Хорезма и, безусловно, экономическая и политическая выгода, извлекаемая ханами от межконфессионального сотрудничества. Лишь хронологически более позднее начало открытого противостояния с Москвой вывело на передний край вопрос о конфессиональной принадлежности участников этой борьбы.

Принятие ислама в качестве государственной религии Золотой Орды тесно связано с этнокультурными и этнополитическими процессами, протекавшими на территории государства. Он становится важнейшим системообразующим фактором формирования единого татарского этноса на базе тюрksких (булгарских, огузских, кыпчакских и др.) и, в гораздо меньшей степени, монгольских элементов³.

С превращением ислама в официальную религию Улуса Джучи напрямую связано и представление о периодах правления Узбека и Джанибека как времени наивысшего могущества Золотой Орды⁴. При этом данное представление увязывается не столько с

¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. – М., 1998. – С. 28–29; Зилибинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. – Казань, 2014. – 228 с.

² Почекаев Р.Ю. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 253.

³ Измайлова И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань, 2008. – 62 с.

⁴ Юрченко А.Г. Хан Узбек. Между империей и исламом. Структуры повседневности. – СПб., 2012. – 400 с.

масштабными завоеваниями, канувшими в Лету, сколько с совершенствованием внутреннего устройства государства в соответствии с мусульманскими канонами на базе местных традиций государство-строительства торгово-земледельческих регионов (Волжско-Камской Булгарии, Крыма, Хорезма и т. д.).

В этой связи Узбек провёл ряд реформ, в первую очередь судебную и административную. В рамках первой были введены мусульманские суды-кади, где правосудие вершилось на основе шариата. Примечательно, что их введение проходило не огульно, ведь наряду с ними продолжали функционировать тюрко-монгольские суды-дзаргу. При этом у участников тяжбы было право выбора, в какой суд им обращаться¹.

Большое значение уделялось повышению эффективности управления огромной территорией страны посредством усиления централизационных начал². В этой связи владения многочисленных Джучидов были объединены в 70 туменов, они в свою очередь объединялись в 10 крупных улусов, во главе которых стояли назначаемые ханом улус-беки³.

Также в целях усиления центральной власти были урезаны права местных феодалов: они не имели права собирать своё войско и взимать налоги с населения, – все эти функции переходили ханским чиновникам. Взамен владетельная знать получала из ханской казны определённые выплаты, которые ни в коей мере не могли полностью компенсировать потерянную ими экономическую и отчасти политическую самостоятельность, что, конечно же, являлось причиной их недовольства.

Внешняя политика хана Узбека была весьма активной, но далеко не все её направления оказались успешными. Узбек безуспешно боролся с Хулагуидами за Азербайджан; ему не удалось восстановить контроль Улуса Джучи на Балканах; в противостоянии с набирающим силу Великим княжеством Литовским был потерян контроль над юго-западными русскими землями. К заслугам Узбека на внешнеполитической арене, безусловно, следует отнести возобновление взаимовыгодных отношений с венецианскими купцами, которые незадолго до этого были изгнаны ханом Токтой из

¹ Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988. – С. 76.

² Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 89.

³ Почекаев Р.Ю. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 245.

Крыма. Узбек же разрешил им строить свои фактории в Причерноморье, дававшие большую прибыль венецианцам и существенно пополнявшие ордынскую казну за счёт налогов, взимавшихся с черноморской торговли.

В годы правления Узбека наметились новые тенденции во взаимоотношениях с русскими княжествами, заключавшиеся в активном вмешательстве в их дела, в отличие, к примеру, от политики его предшественника Токты, предпочитавшего не вмешиваться во внутренние дела русских земель при условии их безоговорочной лояльности к хану Улуса Джучи. По мнению Р.Ю. Почекаева, «...его (Узбека. – *Б. Х.*) политика на Руси имела не слишком благоприятные последствия для Золотой Орды. Своим вмешательством в русские дела он способствовал усилению одного из княжеских домов – московского. А московские князья (Иван Калита и его потомки) оказались весьма энергичными и амбициозными правителями, которые за короткое время сумели установить контроль над всей Северо-Восточной Русью...»¹.

Действительно, желая того либо не желая, но хан Узбек создал условия, при которых началось быстрое усиление Московского княжества и расширение его территории. Иными словами, в годы его правления Москва обрастает крепкими экономическими «мускулами», чем априори формируется основа для открытого противостояния Москвы с Золотой Ордой в хронологическом будущем². В то время Иван Калита и иные русские князья вряд ли строили долгосрочные планы о выходе из-под контроля Улуса Джучи, тем более что им было более чем уютно под «крылом» татарских ханов, но, несомненно, в усилении Москвы этот исторический период и личная благожелательность хана Узбека сыграли весьма значимую роль.

Сын Узбека Джанибек, прозванный в русских летописях «Добрый», в целом продолжил политику своего отца. Он поддерживал московских князей, при этом, не давая им чрезмерных полномочий в их взаимоотношениях с другими русскими княжествами, таким образом, сохраняя определённую систему сдержек и противовесов растущему могуществу Москвы. Джанибеку удалось присоединить Азербайджан³, воспользовавшись распадом некогда единого

¹ Почекаев Р.Ю. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 251.

² Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2005. – 214 с.

³ Егоров В.Л. Формирование и изменения границ Золотой Орды в XIII–XV вв. // Историческая география России: новые подходы. – М., 2004. – С. 56–67.

Иранского ильханата на ряд самостоятельных образований, находившихся в состоянии междуусобной борьбы. Особой страницей в правлении Джанибека стало противостояние с итальянскими колониями в Причерноморье. Отношения с ними у правителей Золотой Орды редко когда развивались ровно и безоблачно. Поначалу, в 1342 г., Джанибек выдал ярлык венецианским купцам, подтверждавший ярлык его отца 10-летней давности, однако уже через год начался конфликт, продлившийся почти до конца правления Джанибека.

После смерти Джанибека и недолгого правления его сына Бердигека в истории Улуса Джучи наступает период, получивший в русских летописях название «Великая замятня». После кончины Бердигека не осталось его прямых наследников, т. к. в стремлении занять и удержать отцовский трон он уничтожил реальных и мнимых конкурентов из числа своих ближайших родственников. Но были представители аристократии, находившиеся в разной степени родства с Джучидами, и это давало основание различным политическим кланам выдвигать их в качестве претендентов на ханский престол. В этой связи с 1359 по 1380 гг. смена ханов на троне происходила с калейдоскопической быстротой (о некоторых из них практически ничего не известно), а многие улусы в этой ситуации попытались стать независимыми¹. Дворцовая борьба обернулась настоящей гражданской войной².

На некоторое время распад Золотой Орды приостановил хан Токтамыш, проводивший очень активную политику по возвращению её былого величия³. Воспользовавшись разгромом русскими войсками своего противника Мамая и заручившись поддержкой (как оказалось, временной) набиравшего силу среднеазиатского правителя Тимура (Тамерлана), Токтамыш смог объединить страну⁴. Но вскоре между бывшими союзниками Токтамышем и Тимуром возник конфликт из-за территории в Азербайджане и Иране. К тому же Токтамыш организовал рейд своих военных

¹ Сабитов Ж.М. Ханы Золотой Орды в эпоху Великой Замятни (1359–1380) // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. – Астана, 2015. – С. 379–384.

² Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. – СПб., 2017. – С. 100–104.

³ Миргалиев И.М. Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 706.

⁴ Селезнёв Ю.В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. – 2010. – № 2. – С. 122–131; Миргалиев И.М. Хан Тохтамыш // В серии «История татар в лицах». – Казань, 2011. – 40 с.

отрядов в города Средней Азии. Всё это привело к многолетним военным действиям между двумя правителями, в ходе которых, в первой половине 1390-х гг., Тимур нанёс золотоордынским татарам несколько сокрушительных поражений, от которых они так и не сумели оправиться¹.

В условиях ослабления центральной власти экономически наиболее развитые области, в меньшей степени пострадавшие от социально-политических катализмов и к тому же имевшие опыт государственности в домонгольский период своей истории, начали стремиться к политическому обособлению. В первую очередь это касается территории Среднего Поволжья (бывшей Волжско-Камской Булгарии), Крыма, Мухши и Хорезма².

Причины, обусловившие резкое ослабление Улуса Джучи, имели системный характер, и в этой связи, наверное, будет неправильно объяснять процессы, протекавшие в Золотой Орде во второй половине XIV в., исключительно событиями в политической жизни государства – нарастанием центробежных тенденций и борьбой татарской знати за ханский престол. Безусловно, данный фактор играл важную роль в ослаблении государства Джучидов, но он был далеко не единственный³.

Среди причин, обусловивших падение хозяйственно-экономической мощи Золотой Орды, современные исследователи неизменно отмечают природно-климатический (аридизация климата, подъём уровня Каспийского моря и др.). Колossalный удар по Улусу Джучи нанесла пандемия бубонной чумы, поразившая Евразию в середине XIV в. Говоря о её последствиях для Золотой Орды, трудно не согласиться с мнением Ю. Шамильоглу, указывающего на крупномасштабное сокращение населения страны, демографический спад и неустойчивость политических структур, культурный и технологический регресс, миграционную активность, а также подчёркивающего их взаимосвязь с социополитическими процес-

¹ Миргалиев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань, 2007. – 108 с.; *Его же*. Золотая Орда против империи Тимура: битва на Тереке и тотальный разгром Улуса Джучи // 1) <https://realnoevremya.ru/articles/95818-bitva-na-tereke-mezhdu-toktamyshem-i-timurom-1-chast> 2) <https://realnoevremya.ru/articles/95829-bitva-na-tereke-mezhdu-toktamyshem-i-timurom-2-chast> (дата обращения: 9.10.2018).

² Измайлов И.Л. Экономический и социально-политический кризисы // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 694.

³ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М., 1996. – С. 277–526.

сами, протекавшими в Золотой Орде во второй половине XIV в.¹. Свой «вклад» в ослабление Улуса Джучи внесло и начавшееся в середине XIV в. значительное снижение интенсивности международных торговых потоков, проходивших через его территорию. Кроме внутренних причин, в основном связанных с последствиями «Великой замятни», – ухудшением инфраструктуры торговых путей, расстройством финансовой системы страны и др., были и внешние обстоятельства, приведшие к кризису международной торговли Золотой Орды. Среди них – проблемы в ряде стран и регионов, задействованных в данной торговле, в частности, политическая нестабильность в Китае, Средней Азии, Анатолии, обострение отношений между извечными соперниками Генуей и Венецией.

Таким образом, в результате целого комплекса политических, социальных, экономических и природно-климатических причин во второй трети XV в. Улус Джучи перестал существовать как единое государство. Распад Золотой Орды привёл к появлению целого «созвездия» государств, продолжавших золотоордынские традиции и представлявшие из себя вполне целостную средневековую конфедерацию. На основе золотоордынских улусов возникли новые государства-«юрты» – Улуг Улус (Большая Орда, 1441–1502), Крымское (1441–1783), Казанское (1445–1556), Касимовское (1445–1681), Тюменское/Сибирское (1446–1598), Астраханское (1459–1556), Узбекское (1469–1510) и Казахское (1469–1718)² хан-

¹ Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. – 1993. – Vol. 12, issue 4. – P. 447–457; Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001. – С. 18–19; Его же. Чёрная смерть и её последствия // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 686–690; Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 325–343.

² Здесь я хотел бы отметить несколько интересных современных публикаций по предыстории и истории Узбекского и Казахского ханств: Мукминова Р., Агзамова Г. Государства Узбекистана в XVI – первой половине XIX в. // Очерки по истории государственности Узбекистана. – Ташкент, 2001. – 207 с.; Атыгаев Н.А. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и источниках // Отан тарихы. – 2006. – № 1. – С. 96–107; Ускенбай К.З. Формирование казахской государственности. Государство Ак-Орда // История казахской государственности (древность и средневековье): монографическое исследование. – Алматы, 2007. – С. 261–280; Атыгаев Н.А. Казахское государство (Казахское ханство) в XVI–XVII веках // История казахской государственности (древность и средневековье): монографическое исследование. – Алматы, 2007. – С. 386–415; Маслюженко Д.Н. Начальный этап функционирования Узбекского

ства Джучидов, Ногайская Орда (Мангытский юрт, 1480–1613) Идегейдов, а также иные более мелкие государственные образования потомков золотоордынских татар на территории от Центральной Европы¹ до Центральной Азии и Сибири, в разной степени унаследовавшие традиции золотоордынской политической системы, экономики и культуры...

* * *

Сегодня уже мало кто спорит с тем, что Золотая Орда и напрямую, и опосредованно оказала огромное влияние на становление российской государственности². Более того, превращение Московского княжества в Московское царство, а затем в Российскую империю произошло после распада Золотой Орды именно в ходе борьбы за её политическое и территориальное наследство. Сначала на роль гегемона на постордынском пространстве претендовала Большая Орда, затем основными претендентами остались Московское великое княжество и Крымское ханство³. Почему же победителем в этом соперничестве оказалась именно Московская Русь? В составе Золотой Орды она находилась в статусе протектората, сохраняя внутреннюю автономию и традиционную политическую

ханства Абу-л-Хайр-хана в отечественной историографии // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 22. – С. 52–58; Усекенбай К.З. Становление Казахского ханства и политической организации казахов (середина XV – начало XVII в.) // Историко-культурный атлас казахского народа / отв. ред. И.В. Ерофеева. – Алматы, 2011. – С. 22–39; Национальная история: Казахскому ханству – 550 лет / Материалы респ. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Е. Бекмаханова. – Павлодар, 2015. – 307 с.; Сабитов Ж.М. Политическая деятельность Абулхаир-хана в восточном Дешт-и-Кипчаке в 20–60-е годы XV века // Сибирский сборник: сборник статей. – Курган, 2015. – С. 135–145; Колумбаева З.Е. Основные этапы образования Казахского ханства // Наука в современном мире / Материалы XXVI Международной научно-практической конференции. – М., 2016. – С. 19–25; Пиццулина К.А. Очерки истории Казахского ханства: сб. ст. / сост. К.З. Усекенбай. – Алматы, 2016. – 350 с.

¹ Зайцев И.В. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского (Яголдаева «тьма») // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань, 2014. – С. 128–130.

² См., например: Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предшественница Московского государства и Российской империи // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. – М., 2003. – С. 66–75; Его же. Золотая Орда как предтеча Российской империи // <https://www.ranivers.ru/lib/reader/144257/> (дата обращения: 17.04.2018); Васильев Д.В. Политическая и культурная история Золотой Орды и проблема ордынско-российской преемственности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2. – С. 381–383, 385.

³ Казанское ханство тоже отчасти претендовало на эту роль, но очень недолго.

систему. Это позволяло князьям, опираясь на поддержку центральной ханской власти, проводить внутреннюю политику в собственных интересах, в недрах Русского Улуса Золотой Орды год от года укрепляя своё положение. Правление татарских ханов «оказало Руси большую услугу: из губившего страну удельного раздробления привело её к единству в рамках обширной евразийской империи»¹. Русь не затронули ханские междуусобицы, разорявшие центральные области Улуса Джучи; наоборот, во время «Великой замятни» в Орде на её северо-западной периферии происходила концентрация власти в руках московских князей. Хозяйство русских княжеств оказалось более самодостаточно и менее зависимо от внешнеторговой конъюнктуры и экологических катализмов, нежели экономика центральных регионов Орды. Не задели территорию русских княжеств и победоносные походы самаркандского правителя Тамерлана. В итоге на момент распада Улуса Джучи «Русь» как совокупность русских княжеств выглядела наиболее монолитным и стабильным, и поэтому «перспективным» государственным формированием. Видя это, в неё устремились и влились в ряды русской аристократии многие выходцы из ордынской знати (в их числе и Чингизиды), что существенно усиливало русские претензии на золотоордынское наследство².

Система управления Золотой Орды в течение более чем двух веков оказывала значительное воздействие на русские земли. Русские князья активно заимствовали то, что считали полезным. Поэтому золотоордынский компонент можно проследить в практике государственного строительства и управления, также в Московском княжестве «по золотоордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий»³. Следы прямого наследия

¹ Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М., 2017. – С. 62.

² См., например: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб., 2016. – 396 с.; Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. – СПб., 2017. – 432 с.

³ Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – М., 2017. – С. 58.

можно явно увидеть в финансовой системе (само слово «деньги» происходит от тюркского «тэнъге»), организации ямской службы, аристократической титулатуре и социальной терминологии, а также многом-многом другом. Наконец, символ царской власти в Московском великом княжестве – «шапка Мономаха», был изготовлен по золотоордынским образцам. В Московском государстве «стимулом сохранения золотоордынского наследия являлась необходимость управления присоединёнными к России бывшими ордынскими подданными с помощью татарских административных приёмов»¹, о чём свидетельствует, например, ясачная система налогообложения для присоединённых народов.

В более широком смысле наследие можно определить тем, что Россия продолжила миссию «собирания земель» на огромных просторах Евразии. Золотая Орда стала «этнической колыбелью» для многих этносов и этнических групп, ныне составляющих значительную часть населения России и сопредельных территорий: татар, башкир, ногайцев, кумыков, узбеков, казахов, а также казачества² и др. В результате многие тюркские, восточнославянские, финно-угорские, кавказские, сибирские и другие народы Евразии впервые на очень длительное время оказались в едином общественно-политическом пространстве, получив, таким образом, ни с чем не сравнимый бесценный опыт совместного государство-строительства...

¹ Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 923.

² О татарских корнях казаков и казачества в начале ХХ в. подробно писал потомственный донской казак А.А. Гордеев в своей 4-томной книге «История казаков» (в современных изданиях часто используется название «История казачества»), первая часть которой именуется «Золотая Орда и зарождение казачества». Интересная информация по данной теме содержится в ещё не изданной на сегодняшний день коллективной монографии «Казачество в тюркском и славянском мирах», редактором которой является Б.Л. Хамидуллин.

«...ПРЕОКОЯННАЯ ДІЧЕРЬ ЗЛАТОЙ ОРДЫ...»

В результате целого комплекса политических, социальных, экономических и природно-климатических причин во второй трети XV в. Улус Джучи перестал существовать как единое государство. Распад Золотой Орды привёл к появлению целого «созвездия» татарских государств, продолжавших золотоордынские традиции и представлявшие из себя вполне целостную средневековую конфедерацию. На основе золотоордынских улусов возникли новые государства-«юрты» – Улуг Улус (Большая Орда, 1441–1502), Крымское (1441–1783), Казанское, Касимовское (1445–1681), Тюменское/Сибирское (1446–1598), Астраханское (1459–1556) и др. ханства Джучидов, Ногайская Орда (Мангытский юрт, 1480–1613) Идегеидов, а также иные более мелкие государственные образования потомков золотоордынских татар на территории от Южной и Центральной Европы до Центральной Азии и Сибири, в разной степени унаследовавшие традиции золотоордынской политической системы, экономики и культуры.

Таким образом, проблестев два столетия ярчайшей звездой на историческом небосклоне, Золотая Орда исчезла, но нашла продолжение в своих «окоянных дочерях», одной из которых и стало Казанское ханство.

«Иске Казан ханлыгы вакытында вә һәм бу яңа Казанның гыймарәттәннән соң барысы ике йөз илле еллап мөсельман ханнары күлүнда Казан шәһәре бик төзек торды. Голәмалары вә мәдәррисләре вә һәм көтепхәнәләре күп иде вә талибләре күп иде. Ханнарының дошманнары юк иде. Казан ханлыгы мәддәтәндә ничбер дошман килеп Казанга кул сузмады. Күп ханнар үттеләр...».

«Со времён основания ханства в Старой Казани, и до построения этой Новой Казани в течение двухсот пятидесяти лет город исправно просуществовал в руках мусульманских ханов. Много в нём было мектебов и мударрисов. Врагов у ханов не было, во время существования Казанского ханства ни один неприятель не подходил к Казани и не посягал на неё. Так прожили многие ханы...».

Предание «Взятие Казани» («Казан алынганы»).
Пер. Н.Ф. Катанова

Казанское ханство (с татар. «Булгарская область», «Казанский юрт», «Казанская страна», «Казанское ханство», по-рус. «Казанское

царство», «Казанская земля»; 1438/1445–1552/1556) имело богатую историю¹. Являясь крупным и экономически развитым государством², оно играло серьёзную роль в политической жизни Восточной Европы и Западной Сибири³, существенную – в этносоциальной и культурно-экономической истории Волго-Уральского региона⁴.

Историю Казанского государства можно чётко разделить на 2 основных периода – историю Казанского «княжества» (?–1438/1445) и историю Казанского ханства (1438/1445–1552/1556). Вопрос о времени образования Казанского государства принципиальный и достаточно сложный, до сих пор не имеющий ответа. Письменные, нумизматические и фольклорные источники прямо свидетельствуют о наличии в Среднем Поволжье некоего государственного образования с центром в Казани ещё до прихода сюда «орды хана Улуг-Мухаммеда». Отчасти эта информация подтверждается также надписями на эпиграфических памятниках. Например, имеется свидетельство, что «Казанская Орда» якобы была образована сыном хана Бату Сартаком уже в середине XIII в. Косвенно эта информация подтверждается иными письменными источниками⁵. Однако история «Казанской Орды»/«Казанского княжества» практически не изучена, как не изучена и степень вассалитета/суверенитета.

¹ Эхмэрев Г. Казан тарихы. – Казан, 1909. – 116 б.; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / подг. к печати, предисловие Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2004. – 304 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанның ныгыу һәм Казан ханлыгы тарихы. – Казан, 2005. – 184 б.; Исхаков Д.М., Измайлова И.Л. Введение в историю Казанского ханства: Очерки. – Казань, 2005. – 116 с.; Измайлова И.Л. Казанское ханство // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 147–149; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405; Ситдиков А.Г. Казанское ханство // Ислам в Татарстане: энцикл. словарь. – М., 2017. – С. 118–120.

² Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) // Дисс. ... к.и.н. – М., 1950. – 381 с.

³ Атласи И. Казан ханлыгы. – Казан, 1914. – Ж. 1. – 344 б.; Исхаков Д.М. Тюркотатарские государства XV–XVI веков. – Казань, 2004. – 132 с.; Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков – Казань, 2014. – С. 289–358; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – 288 с.

⁴ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.; Петрова О.Н. Средневолжские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства // Дисс. ... к.и.н. – Чебоксары, 2004. – 341 с.

⁵ Подробнее об этом см.: Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань, 2002. – С. 96–116.

нитета её по отношению к Золотой Орде в разные периоды, что является следствием малочисленности выявленных на сегодняшний день источников.

Золотоординская Казань впервые вскользь упомянута в нескольких русских летописях под 1391 г. при описании похода в Среднее Поволжье ушкуйников¹. В следующий раз нынешняя столица Татарстана фигурирует на страницах многих русских летописей во время описания похода на Булгарский улус Золотой Орды русского князя Юрия Дмитриевича в 1399 г.: «В лето 6903... Князь великий Василий, събрав ратеи много, и с ними отпусти брата своего Юрия, а с ним воевод и бояр старших и силу многу. Они же, шедши ратью, плениша землю Татарскую, и взяша град Болгары и Жукотин и Казань, Кременчук, и пребыша три месяцы, воююще, и никто же не помнит, толь далеча воева Русь Татарскую землю, и възвратиша с многою користию»². По мнению многих современных исследователей, Казань здесь, наряду с городами Болгар («Болгары»), Джукетай («Жукотин») и Керменчук («Кременчук»), упомянута именно как политический центр одного из местных «княжеств», о чём чётко свидетельствует и наличие монет того времени чеканки с надписью «Булгар ал-Джадид» («Новый Булгар» = Казань)³. В совокупности это ясно указывает на возросший в конце XIV в. суверенитет Казани от Сарай, но всё ещё в рамках единой Золотой Орды. Однако уже с 1426 г., при казанском Джучиде султане (царевиче) Гийас ад-дине, монеты снова чеканятся лишь от имени ордынских ханов.

В историографии существуют две основные точки зрения о времени образования Казанского ханства. Согласно первой из них, его основателем являлся бывший золотоординский хан Улуг-Мухаммед и его историю следует вести с 1437 или 1438 года (Г.И. Перетяткович, Ш. Марджани, Н.П. Загоскин, Х. Атласи, М.Г. Худяков, А.Н. Курат, Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов, Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлова и др.). Согласно второй – историю Казанского ханства следует вести с начала правления в Казани в 1445 г. Махмуда, сына Улуг-Мухаммеда (В.В. Вельяминов-Зернов, Н.Ф. Калинин, С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов, Б.Л. Хамидуллин и др.). Нахождение самого Улуг-Мухаммеда в Казани не подтверждается источниками XV–XVI вв. (об этом пишет только автор «Казанской

¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. – М.–Л., 1950. – С. 438.

² Новгородская четвёртая летопись // ПСРЛ. – Пг., 1915. – Т. IV. – Вып. 1. – С. 380.

³ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983. – С. 118–135.

истории», утверждающий, что хан был убит своим сыном осенью 1445 г.), поэтому многие исследователи называют его не казанским ханом, а «родоначальником первой династии казанских ханов», вплоть до конца своей жизни стремившимся вернуть себе утраченный сарайский трон. По свидетельству большинства письменных источников XV–XVI вв., первым казанским ханом являлся сын Улуг-Мухаммеда – Махмуд (1445–1467). Вот что сообщает под 1445 г. Воскресенская летопись: «Тое же осени царь Мамотяк, Улу-Магметов сын, взял город Казань, вотчина казанского князя Либя убил, а сам в Казани сел царствовать». А вот сообщение о событиях 1445 г. Никоновской летописи: «А царь Мамутяк пришед из Курмыша Казань взял, а казанского князя Азыя убил, а сам на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти Казанское». Сообщение Родословной книги: «...у Улу-Мазмета сын Мамотяк, то первый царь на Казани»¹. Очень показательно, что три не зависящих друг от друга русских письменных источника (Воскресенская летопись – обще-русский свод XVI в., Никоновская летопись – общерусский свод XVI в., Родословная книга татарских царей, составленная в Москве также в XVI в.), в принципе не игнорирующих жизнедеятельность хана Улуг-Мухаммеда и даже достаточно подробно освещаяющих её, не упоминают посещения им города Казани, а тем более о воцарении его здесь. В то же время, безусловно, нельзя отрицать роль Улуг-Мухаммеда в указанных выше политических процессах как родоначальника первой династии казанских ханов.

Какие же изменения происходят в Казанском государстве после установления здесь власти потомков Улуг-Мухаммеда? Рассмотрим вкратце политическую историю Казанского ханства, его территорию, население, государственное устройство и т. д.².

В Сузdalском сражении 1445 г. Махмуд и его брат Якуб разгромили войска великого князя московского Василия II Васильевича, обязвав его платить дань. После походов на русские земли в 1446 и 1448 гг. до конца правления Махмуда и его сына Халила (1467) между Казанским ханством и русскими княжествами существовали мирные отношения. После смерти Халила ханом стал его брат Ибрагим (1467–1479), а промосковская знать пригласила на престол Касима, сына Улуг-Мухаммеда и правителя Касимовского ханства. В результате в 1467–1469 гг. состоялась первая московско-казанская война.

¹ Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) / сост. С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов. – Казань, 1993. – С. 14.

² См. также публикации Б.Л. Хамидуллина 1994–2018 гг. в Приложении к данной книге.

При Ибрагиме ханство расширило владения в Верхнем Прикамье и Вятском крае. В правление его сына Али (Ильгама) (1479–1484, 1485–1487) Казанское государство поддерживало мирные отношения с Московским великим княжеством. В 1482–1486 гг. правительство великого князя московского Ивана III Васильевича, пользуясь распрай между сторонниками Ильгама и его брата Мухаммед-Эмина, сумевшего захватить казанский престол в 1484–1485 гг., активно вмешалось во внутренние дела Казанского государства, и в результате московско-казанской войны 1487 г. и взятия Казани установило русский сузеренитет над ханством. Иван III Васильевич принял титул «князя Болгарского» и посадил на трон Казанского ханства Мухаммед-Эмина (1487–1495). В конце 1480-х гг. образовался союз Московского государства, Казанского и Крымского ханств против Большой Орды, и в 1491 г. казанские войска участвовали в войне с ней. Политика Мухаммед-Эмина спровоцировала в 1495 г. заговор местных беков, в результате которого в 1496 г. на казанский престол при поддержке сибирских и ногайских татар был возведён сибирский Чингизид Мамук, который не сумел удержаться в Казани. Новым ханом стал брат Мухаммед-Эмина – Абдул-Латиф (Абд ал-Латиф) (1496–1502), активно проводивший промосковскую политику и боровшийся с влиянием татарской знати. В 1500 г. ногайские мурзы Муса и Ямгурчей организовали поход на Казанское ханство. Разорение территории ханства ногаями привело к усилению антирусских настроений. Абдул-Латиф не сумел противодействовать им, в результате чего был арестован по приказу Ивана III Васильевича и сослан на Белоозеро. Казанский трон вновь занял Мухаммед-Эмин (1502–1518). Он существенно подорвал политico-экономическое влияние знати в Казанском ханстве и этим усилил свою власть. В 1505 г. хан начал новую казанско-московскую войну, осадив совместно с ногайскими татарами Нижний Новгород. Раскол в стане союзников привёл к уходу казанцев домой, разорению ногаями земель черемисов и мордвы на территории Казанского ханства. В 1506 г. русско-касимовское войско совершило неудачный поход на Казань. В 1507 г. был заключён мир, отменивший сузеренитет Московского государства над ханством. В 1512 г. между Казанью и Москвой был заключён «вечный мир».

После смерти Мухаммед-Эмина (последнего хана из династии Улуг-Мухаммеда) казанская знать во главе с улуг-карачи-беком Булатом Ширином, по предварительному согласованию с великим князем московским Василием III Ивановичем, пригласила на трон касимовского хана Шах-Али (1519–1521), потомка ханов Большой Орды – противников крымской династии Гиреев и династии Улуг-

Мухаммеда. Протекторат Московского княжества над Казанским государством был ненадолго восстановлен, в Казани находился русский гарнизон. Подобная ситуация привела к недовольству знати ханства, которая изгнала Шах-Али, призвав на престол крымского султана (царевича) Сагиб-Гирея (1521–1524), который, опираясь на свою гвардию и союз с братом – крымским ханом Мухаммед-Гиреем I начал активную антирусскую политику. В 1521 г. казанские войска участвовали в походе Мухаммед-Гирея I на Москву, заставив великого князя московского вновь выплачивать дань. С 1521 г. активизировались набеги казанских ханов на русские земли. В 1523 г. Сагиб-Гирей начал новую казанско-московскую войну, но после убийства ногаями Мухаммед-Гирея I и вспыхнувшей междуусобицы в Крымском ханстве был вынужден вернуться туда. На казанский престол он посадил своего племянника Сафа-Гирея (1524–1531). В ходе московско-казанской войны 1530 г. казанцы при поддержке ногаев и астраханцев нанесли поражение русским войскам. В 1531 г. засилье крымцев и ногаев привело к усобице в ханстве с участием податного населения. Сафа-Гирей бежал к ногаям, а его сторонники были казнены. После этого вновь усилилось русское влияние в Казанском ханстве, по согласованию с великим князем московским новым ханом стал брат Шах-Али – Джан-Али (1532–1535). Он активно проводил прорусскую политику, в ряде случаев признавая и ограничение суверенитета Казанского государства (например, в 1534 г. казанские войска были направлены в составе московской армии на войну с Великим княжеством Литовским). Воцарение в Крыму Сагиб-Гирея I (1532) и смерть Василия III Ивановича (1533) привели к резкому ослаблению влияния Московского княжества на Казанское государство, усилению в Казани антирусских настроений и началу энергичной политики Крымского ханства по освобождению Казанского ханства от русского суверенитета. Заговор 1535 г., организованный Булатом Шириным и ханбике Гаухаршад (Ковгоршат), привёл к убийству Джан-Али и новому восшествию на престол Сафа-Гирея (1535–1546). В 1536–1537 гг. московское правительство освободило ссыльного Шах-Али и направило московско-касимовские войска на Казань. Ответом Сафа-Гирея стали новые набеги на русские земли. Под нажимом крымского хана Сагиб-Гирея I в 1538–1541 гг. велись переговоры между Казанским и Московским государствами. В 1541 г. Булат Ширин сообщил в Москву о желании казанской знати низвергнуть Сафа-Гирея, вследствие усиления его власти. С 1545 г. правительство великого князя московского (с 1547 г. – царя) Ивана IV Васильевича Грозного начинает организовывать регулярные казанские походы.

В 1545 г. Сафа-Гирей обвинил казанских «князей» в измене и казнил Булата Ширина, хан-бiku Гаухаршад и др., после чего в 1546 г. был изгнан из Казани, а многие крымцы в Казанском ханстве были убиты. Казанским ханом на несколько месяцев вновь стал Шах-Али. Сафа-Гирей при поддержке крымских, ногайских и астраханских татар пытался вернуть себе казанский трон, но неудачно. Однако очередная усобица в Казани привела к бегству Шах-Али и новому воцарению Сафа-Гирея (1546–1549). Сторонники прорусской ориентации были казнены, Диван сформирован только из крымских и прокрымских татар. После смерти Сафа-Гирея власть в Казанском ханстве до 1551 г. перешла к его малолетнему сыну Утамыш-Гирею и ханше Сююмбике (Сююн-бике). После неудачи казанских походов 1547, 1547–1548, 1549–1550 гг. московское правительство приняло решение о планомерном захвате ханства. Русские воеводы привели в покорность горных черемисов – население правобережья Волги. В 1551 г. в устье р. Свияга, недалеко от Казани была возведена крепость Иван-город (Свияжск). В том же году организован совместный поход служилых татар, чувашей и мариейцев на Казань, вновь окончившийся неудачей. Однако в столице Казанского ханства началась усобица местной и крымской знати, что привело к усилению промосковских настроений: крымцы были казнены, а Сююмбике с сыном отправлены в Москву. Казанский престол вновь занял Шах-Али (1551–1552), опиравшийся на поддержку русского гарнизона. Идея ввести в Казанском ханстве прямое правление Ивана IV привела к антимосковскому восстанию во главе с эмирами и сейидом Кул Шарифом, изгнанию русского гарнизона из Казани и осаде Иван-города. Ханом Казанского государства стал астраханский Чингизид Ядгар-Мухаммед. Горные черемисы перешли на его сторону. Казань готовилась к активной обороне: здесь собрались 3-тысячная ногайская конница и 10-тысячное ополчение, в тылу московских войск действовали 5 тысяч всадников мурзы Япанчи и арских беков. В результате казанского похода 1552 г. и более чем 40-дневной осады 2 октября 1552 г. Казань была взята русской армией. В конце 1552 – начале 1557 г. на территории Казанского ханства прошли многочисленные восстания казанских татар, мариейцев, удмуртов и чувашей против русской власти. Однако в 1556 г. вся основная территория Казанского ханства, исключая дальние северные, восточные и южные периферии, окончательно вошла в состав Русского государства...

Следует отметить, что точные пределы/границы Казанского ханства, причём явно неодинаковые в разные периоды его существования, до сих пор неизвестны. На юге они доходили до Самар-

ской Луки, до владений Ногайской Орды; на западе проходили в бассейне западных притоков Суры и Ветлуги, а на севере – где-то немного севернее рек Пижмы и Чепцы, соприкасаясь с владениями Великого княжества Московского; на востоке – вообще непонятно где, на территории современного восточного Башкортостана соприкасаясь с границами Тюменского/Сибирского ханства и Ногайской Орды¹. Вся эта территория Казанского ханства по этно-социальному и географическому принципам делилась на четыре (условно западные) «стороны» (Арскую, Горную, Луговую и Побережную) и шесть (условно восточных) «земель» (Башкирскую, Беловолжскую, Вотякскую, Камскую, Костяцкую² и Сыплинскую/Циплинскую³), а административно-политически – на центральный ханский домен («Булгарский вилайет» / «Болгарской царев юрт») и как минимум 5 «даруг» (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую), в ярлыке хана Сахиб-Гирея от 1 января 1523 г. в совокупности названных «казанскими вилайетами и богохранимыми пределами»⁴. В орбите политического влияния казанских ханов и нередко в даннических отношениях к ханству находились Великая Пермь и Вятская земля, о чём свидетельствуют, например, письма Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I. Примерно с 1468 по 1477 гг. Вятской землёй правил наместник хана Ибрагима. Такую сложную схему и иерархию земель и наместничеств Казанского ханства можно объяснить лишь предшествующей историей администрирования этих территорий в разные периоды развития Золотой Орды, его Булгарского и иных северных улусов и местных «княжеств», и предшествующими традициями именования определённых территорий вне зависимости от их реального политико-административного, документально утверждённого названия, а также тем, что пределы самого Казанского ханства, безусловно, были

¹ На многих западноевропейских картах северо-восточными, восточными и юго-восточными соседями Казанского ханства (территория которой обычно обозначена терминами «Cazane» или «Casan Tartarum») разными вариантами написания латиницей указаны «Sciabani Tartari» («Шибанийские татары»), TVMEN («[Страна] Тюмень») и «NAGAIA», «Nagai Tartari» («[Страна] Ногайя», «ногайские татары»). См., например, карты Фра Мауро 1459 г., Баттисты Аньезе 1525 г., Сигизмунда Герберштейна 1546 г., Антония Дженкинсона 1562 г., Герарда Меркатора 1589 г. и др. авторов (Исторический атлас Республики Татарстан. Образы и пространство / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Х.М. Абдуллин. [Б.Л. Хамидуллин – член редколлегии издания]. – Пермь, 2016. – С. 11–26).

² Возможно, Остякскую/Иштякскую.

³ Вероятно, Сылвинскую.

⁴ Тарханный подтверждительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1) / пер. В.В. Трапавлова // История татар Западного Приуралья. – Казань, 2016. – Т. I. – С. 399.

разными в разные периоды его существования – одними при хане Махмуде в середине XV в. и совершенно иными при Абдул-Латыфе на стыке XV–XVI вв. и при Ядыгар-Мухаммаде в середине XVI в.

В Казанском государстве было большое количество (более 700) крепостей, поселений и городов, возникших ещё в X–XIV вв. Города Казань (Казань), Алабуга (Елабуга), Арча (Арск), Болгар, Жори (Зюри), Иске/Эчке Казань (Старая/Внутренняя Казань), Ка-шан, Кирмэн (Керменчук/Кременчук), Тятеш (Тетюши), Цепель (Васильсурск), Чаллы, Шупашкар (Чебоксары) и др. представляли собой крупные военно-политические и культурно-экономические центры страны. Столицей ханства являлась Казань с территорией около 20 га и населением до 40 тысяч жителей – крупнейший на то время политический, административный, экономический и культурный центр всего Среднего Поволжья и Приуралья. Она включала в себя цитадель с ханским двором (ок. 13 га) и укреплённый посад, окружённый слободами и кладбищами, а также несколько торжищ за пределами города (на Арском поле, Гостинном острове и т. д.). В городе процветали гончарное, камнерезное и кожевенное производство, деревообработка и металлургия, ювелирное и военное дело. Слободы отличались хозяйственной и духовной деятельностью и даже этноконфессиональным составом населения – известны слободы-усадьбы татарских мурз и сейидов «Амэт», «Кол-Мэмэт», «Утар бистэсе»¹, «Кораеш»², «армянская слобода»³, слобода кораблестроителей «Бишбалта»⁴, слобода кожевенных дел мастеров «Кун бистэсе»⁵, слобода камнерезов «Ташаяк»⁶ и т. д.,

¹ Их названия произошли от татарских имён «Ахмет/Ахмад», «Кул-Мухаммад» (сейид Кул-Мухаммад?) и термина «утар»/«отар», обозначающего отгороженное забором место.

² «Курайш» – название племени, к которому принадлежал пророк Мухаммад, и 106-й суры Корана. Имеется также имя собственное «Кураиш». В Кураишевой слободе на левом берегу Булака с давних времён функционировала каменная мечеть, проживало много мусульманских деятелей. Таким образом, вполне возможно, что здесь была загородная резиденция казанских сейидов и располагались дома мусульманского духовенства.

³ Её населением могли быть не только этнические армяне, но и христиане разных национальностей.

⁴ В переводе на русский язык «Пять Топоров». Ныне Адмиралтейская слобода.

⁵ В переводе на русский язык «Кожевенная слобода». Жители д. Конь Пестречинского района РТ считают себя выходцами из этой слободы, располагавшейся до 1552 г. на левом берегу оз. Средний Кабан (ныне это место между казанскими улицами Задне-Воскресенская, Лебедева и Модельная) напротив загородной резиденции казанских ханов (Кабанское городище).

⁶ В переводе на русский язык «Каменная Нога».

в т. ч. на небольшом отдалении от города: «Дэрвиш бистэсе»¹ или «Дэрвишлэр бистэсе»², «Кара бай»³, «Шамсыр»⁴ и др.

Население Казанского ханства, кроме государствообразующего, имеющего широкую географию расселения и доминирующего во всех областях жизни государства этноса казанских татар (в источниках XV–XVI вв. именуемого «казанцы», «казанский народ», «казанские татары», «татары», «басурмане и татарове», «бусурманы», «бесермены» и т. д.), составляли добровольно подчинившиеся власти Чингизидов⁵ и просившие их быть «заступниками» «от насилия и воевания русского» и «царству строителями»⁶ марийцы и чуваши, а также часть башкир, мордвы и удмуртов (в источниках XV–XVI вв. именуемых «татарами, называемыми черемисами», «черемисами», «горными черемисами», «луговыми черемисами», «черемисами, зовемыми отяками», «чу(ю)вашами», «башкирами», «башкирцами», «башкирдою», «мордвой», «мо(у)кшай», «арами», «казанских мест вотяками», «отяками» и т. д.) общей численностью около 400 тыс. человек. Русский князь А.М. Курбский, участник взятия Казани в октябре 1552 г., чётко указывал, что «кроме татарска языка [т. е. народа] в том [Казанском] царстве пять различных языков [т. е. народов]: мордовский, чувашский, черемисский, воитецкий або арски, пятый башкирский», а многие западноевропейские письменные источники и картографические документы XV–XVII вв. нередко упоминали периферийные области Казанского ханства (в разных вариациях написания) «Страну Мордову», «Чувашию», «Черемисию», «Страну Вачин», «Башкирию» и т. д.

Государственное устройство Казанского ханства базировалось на восточных традициях. Верховная власть принадлежала хану – потомку Чингиз-хана, что существенно поднимало престиж государства в глазах современников. Однако хан лишь формально являлся единовластным правителем, реальная власть принадлежала Дивану – собранию представителей высшей духовной и светской

¹ По имени астраханского хана Дервиш-Али.

² В переводе на русский язык «Слобода дервишей».

³ В переводе на русский язык «Чёрный/Великий/Славный богач». Возможно, название происходит от личного имени известного в период Казанского ханства Кара бия.

⁴ На персидском языке обозначает саблю определённого типа. Употреблялось у мусульман и как антропоним. Ныне Самосырово.

⁵ См., например: Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. – Казань, 2014. – С. 70.

⁶ Казанская история / подг. текста и перевод Т.Ф. Волковой; комм. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. Середина XVI века. – М., 1985. – С. 326.

аристократии, которую составляли потомки пророка Мухаммада – сейиды, а также карачи-беки, огланы и др. Военно-служилая знать состояла из беков, эмиров, мурз и казаков. Знать в совокупности именовалась «ак сояклэр» либо «зур кешелэр» («белая кость» или «большие люди»). Она постоянно пополнялась выходцами из других татарских государств, в основном из представителей татарских кланов, среди которых выделялись 4 правящих рода – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак (традиция существования которых восходит ещё ко временам хунну¹). Для решения наиважнейших вопросов собиралась вся аристократия государства – «курлтай» («вся земля Казанская» русских источников). Власть обслуживали придворные, государственные (эмиры, вали, хакимы, бахши и т. д.), судебные и иные чиновники. На периферийных территориях в управлении участвовала местная аристократия (например, сотники у черемисов или тюро у вотяков).

Податное сословие Казанского ханства составляли государственные крестьяне (кешелэр) и зависимые от конкретного феодала люди и военнопленные (коллар) – «кара халык» («чёрные люди»). Основными налогами и повинностями были ясак/йасак, амбар-малы, илчи-кунақ, салыг муссама, тамга-тартнак, харадж и др. Мусульмане платили также гошур и закят, а немусульмане – джизию. Основными занятиями татарского сельского населения, объединённого в общинно-родственные джиены (несколько аулов), были пашенное земледелие, стойловое скотоводство, птицеводство и садоводство; городского населения – ремесло (гончарное, деревообрабатывающее, кожевенное, кузнечное, ткацкое, ювелирное) и торговля, в т. ч. международная (экспорт: ремесл. изделия, меха, мёд, скот, хлеб, рабы; импорт: соль, благовония, шёлковые и хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия, бумага, книги). Среди населения периферии ханства развивалось земледелие, табунное или домашнее скотоводство, птицеводство, огородничество, пчеловодство, охота, рыболовство и собирательство.

Войско Казанского ханства состояло из 5-тысячной татарской конницы (в том числе мизерной тяжёлой кавалерии), 25–40-тысячной пехоты черемисов, лёгкой артиллерии и флота, насчитывающего иногда до 200 единиц галер и ладей.

В ханстве, при главенстве ислама, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями Хазарского кагана-

¹ Например, в 97-й главе китайской династийной истории «Цинь-шу» отмечено, что у хуннов были «четыре знатных фамилии», одна из которых была «самой знатной» (Из глубины столетий / сост., вступ. ст., обработка текста и comment. Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2000. – С. 24).

та, Волжско-Камской Булгарии, Монгольской империи и Золотой Орды. В Казани находилась армянская церковь, а большая часть финно-угорского и часть тюркского населения исповедовало язычество. Ислам распространялся ненасильственно – в результате усиления этнокультурных контактов. Мусульманское духовенство (шейхи, казы, муллы, имамы, мавали, хафизы, дервиши, суфии и др.) занимало почётное место в Казанском ханстве, а сейид считался вторым после хана лицом в стране, нередко возглавлял правительство в периоды междуцарствия и выполнял важные дипломатические поручения. Духовенство играло важную роль в просвещении населения, чему способствовало наличие высшего медресе при Соборной мечети в Казани, а также множества других медресе и мектебов, при которых функционировали библиотеки.

В государстве активно развивались делопроизводство, юриспруденция (на основе шариата), историография, литература и литературоведение, музыкальное творчество, декоративно-прикладное искусство, архитектура и т. д., что дало, например, возможность европейцу Сигизмунду Герберштейну в своих «Записках о московитских делах» (1549) написать, что «эти татары образованнее других»¹. О многочисленности в Казанском ханстве школ и библиотек, учёных и поэтов сообщают нам и некоторые татарские фольклорные предания. Делопроизводство в государстве было высокоразвитым, о чём свидетельствуют сохранившиеся после событий октября 1552 г. татарские документы (например, ханские ярлыки), а бахши (главы канцелярий) по своему статусу в социальной иерархии ханства стояли на высшей ступени, наряду с родовитыми беками. Выдающимися памятниками письменной культуры Казанского ханства являются литературные произведения хана Мухаммад-Эмина и поэтов Умми Камала, Мухаммельяра, Гарифбека и историко-публицистическое произведение Шарифи Хаджитархани (Кул Шарифа?) «Сочинение о победе Казанского государства». А «Сборник правил науки арифметики» Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи и «Исцеление» с комментариями медика Мухаммада-Эмина ал-Болгари ясно показывают высокий уровень развития в государстве различных точных наук, что, в частности, отразилось в высокой градостроительной культуре и развитой медицине Казанского ханства.

Своеобразные этнополитический генезис и географическое расположение Казанского ханства, а также относительная малочисленность государствообразующего населения (ок. 150–200 тыс. человек) приводят к оригинальному этносоциальному развитию

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 145, 157.

местных народов. В этот период отмечается увеличение интенсивности межэтнических взаимодействий, рост удельного веса татарского этнического компонента, широкое этнополитическое, социально-экономическое и ненавязчивое конфессиональное влияние государствообразующего татарского населения на периферийное население ханства, тюркское этнокультурное влияние на финно-угорское население страны (нередко приводящее к формированию специфических этнографических групп – каратаев, бесермян и т. д. – в среде периферийного населения государства) и финно-угорское этнокультурное влияние на тюркское население государства (что наиболее ярко было выражено в этногенезе чувашей)¹.

Особо важно отметить, что в Казанском ханстве наблюдается создание новой этнополитической общности, включающей этносы казанских татар, марийцев и чувашей, части башкир, мордвы и удмуртов, о чём свидетельствует наличие в стране устойчивого этнического равновесия, социально-экономической, культурной и языковой интеграции, осознание всем населением государства своей принадлежности к единому политическому целому и признание им этого целого своей Родиной², о чём, в частности, чётко свидетельствуют события в регионе в 1552–1557 гг.³. И, кстати, именно это дало в свое время (в 1950 г.) возможность московскому историку Ш.Ф. Мухамедьярову назвать Казанское ханство не только «национальным государством казанских татар»⁴, но и одновременно «государственным образованием народов Среднего Поволжья»⁵...

¹ Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства / АКД. – Казань, 2004. – С. 26.

² Там же.

³ О войне 1552–1557 гг. см., например: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Коваленко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 463–465; Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom. 16. bis 19. Jahrhundert. – Köln–Wien, 1982. – С. 87–94; Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 143–156; Бахтина А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 139–155; Свешников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. – Казань, 2014. – С. 229–253; Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). – Казань, 2014. – С. 73–85.

⁴ Мухамедьяров Ш.Ф. Материалы по истории Татарии, вып. I [рецензия на книгу] // Вопросы истории. – М., 1950. – № 4. – С. 144.

⁵ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) // Дисс. ... к.и.н. – М., 1950. – С. 5.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО КАК ЦЕЛЬНАЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ НАХОЖДЕНИЯ ЮЖНЫХ УДМУРТОВ В СОСТАВЕ ТАТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА)

Этносоциальная история Казанского ханства уже была подвергнута мною скрупулёзному исследованию¹. Рассмотрим же это татарское государство как цельную этнополитическую общность на примере нахождения в её составе южных удмуртов.

В середине XV в. южная группа удмуртов – окончательно сформированного уже к рубежу X–XI вв. этноса² (самоназвание *удмурт*, *удморт*, *уртмурт*, *укморт*, мн. *удмуртъес*³; экзоэтнонимы: мар. «*одо*», «*одо-мари*», рус. «*воть*», «*вотяки*», «*арские люди*», «*карины/аряне*», тат. «*чирмеш/чирмешлэр*», «*ар/арлар*», чув. «*ар/арсем*» и т. д.) – оказалась в составе Казанского государства⁴, в её Арской⁵ и отчасти Зюрейской даругах. Первый казанский хан Махмуд (сын основателя династии казанских ханов Улуг-Мухаммеда)⁶ нашёл в

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.; Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства // Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2004. – 218 с.

² Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 111; Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 2004. – 420 с.; Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. – Ижевск, 2007. – № 2. – С. 80, 86–87; Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. – Ижевск, 2008. – 248 с.

³ См., например: Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. – Л.: Наука, 1977. – 262 с.; Белых С.К., Напольских В.В. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1994. – Т. XXX (4). – С. 278–288.

⁴ Трефилов А.Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ истории, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. – Ижевск, 1951. – Вып. 15. – С. 78–101; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 3; Батыршин Р.Р. Удмурты // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2014. – Т. 6. – С. 10.

⁵ По-удм. *Арима*, по-тат. *Арча ягы*, по-рус. *Арская сторона, Арская земля*. О тождестве Арской земли и «Ардабаева юрта», отмеченного в переписке Ивана IV и ногайского мурзы Уруса, см.: Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоординское обозрение. – Казань, 2015. – № 4. – С. 188–206. Это совр. Заказанье – 12 районов Республики Татарстан, а также часть Мари-Турекского, Моркинского и Параньгинского районов Марий Эл, Вятскополянского и Малмыжского районов Кировской области.

⁶ Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 403. Ср.: Фәхретдин Р. Казан ханнары [статьи из журнала «Шура» 1908–1909 гг. издания]. – Казан, 1995. – 38–55 б.

регионе поддержку среди местной родовой верхушки, видевшей в его приходе возможность усиления центральной власти, ослабления междуусобиц¹, активного противодействия экспансии на свою территорию новгородских и вятских ушкуйников, галичских, московских и иных русских князей². Как правильно писал в 1998 г. йошкар-олинский учёный А.Г. Бахтин, «в условиях, когда Среднее Поволжье периодично подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как булгарское население, так и марийцы, удмурты и чуваши»³.

Арская даруга (*Арская земля, Арская сторона, Арская четверть*) была одним из наиболее густонаселённых административно-политических уделов государства со смешанным этническим составом⁴. Удмуртские поселения, входившие в состав Казанского ханства, обычно располагались по берегам рек, озёр и вблизи родников. В настоящее время определённое количество сторонников имеет концепция удмуртского происхождения города Арска, якобы основанного в XI в. (упоминаемая арабами «Арса»/«Арта», главный город «Арсании»/«Артании»)⁵ и якобы существовавшего в качестве центра самостоятельного южно-удмуртского княжества в XII–XV вв.⁶ и удельного удмуртского княжества в составе Казанского ханства

¹ Очерки истории Удмуртской АССР. – Ижевск, 1958. – Т. 1. – С. 33.

² О фактах этой экспансии см.: Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 37–39.

³ Там же. – С. 40.

⁴ См., например: Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкоznания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 271–278; Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272–291; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 76; Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. – Казань, 2002–2003. – № 1/2. – С. 100–136.

⁵ Шутова Н.И. К вопросу о расселении аров в конце I – первой половине II тысячелетия н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 121. С предложенной Н.И. Шутовой датой начала функционирования Арска (конец I тыс. н.э.) согласны многие ижевские археологи, поддержал это мнение и В.С.Чураков: Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – 78–79.

⁶ Сысоева М.В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкоznания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV. – С. 297–302.

в XV–XVI вв.¹, и в действительности многократно упоминаемого в разных русских летописях в связи с политическими событиями на территории Казанского ханства². Серьёзной основой этому мнению служат удмуртский фольклор³, в частности – информация, что «в Арске восседал удмуртский царь (эксэй)»⁴, и наличие в названии города компонента «ар», однозначно трактуемого некоторыми исследователями как указание на удмуртов⁵. Однако, эта концепция не раз ставилась под сомнение⁶ и уже не единожды серьёзно критиковалась, в первую очередь ижевскими исследователями⁷. Имеется также обширная историческая литература, рассматривающая возникновение города Арска в XII в. как результат булгаро-чувашского заселения бассейна рек Казанки, Вятки и Чепцы. В этой концепции Арск считается изначально чувашским городом, население которого позднее было ассимилировано татарами. В концепциях же, обосновывающих булгаро-татарское происхождение Арска, возникновение города видится как результат процесса политico-экономического закрепления территории будущей Арской земли в рамках Волжской Булгарии в XI – первой половине XIII в.⁸ либо как ре-

¹ Худяков М.Г. Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1920. – Т. XXX. – Вып. 3. – С. 346–347.

² Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С. 5–15.

³ См., например: Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997. – С. 80–81, 84; Его же. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. – Казань, 2003–2004. – № 1. – С. 59–60.

⁴ Атаманов М. Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. – Казань, 2003–2004. – № 1. – С. 60–61, 65.

⁵ Историографию вопроса см., например: Белых С.К. Ещё раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1996. – № 3. – С. 85–92; Чураков В.С. О значении этнонима *ар* // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1999. – № 4. – С. 5–14; Его же. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 89–104.

⁶ См., например: Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1890. – С. 53.

⁷ См., например: Белых С.К. История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск, 2005. – С. 10–16.

⁸ См., например, статья А.А. Бурханова, в 1996 г. проведшего первые стационарные археологические раскопки на территории Арска: Бурханов А.А. Средневековое городище Арск–Арча (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик–Омск: ОмГПУ, 2001. – С. 78–79; Его же. Средневековый татарский город

зультат стремления золотоордынских татар «удержать за собой эту страну»¹, а последующее развитие города неразрывно связывается с этнополитической историей татар Волго-Вятского региона. Как правильно указали казанские археологи Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков и З.Г. Шакиров, «решение актуальных проблем ранней истории Арска возможно только при комплексном рассмотрении всех имеющихся источников и анализа результатов научных исследований»², «историко-культурное наследие Арска и его округи – это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующее кропотливого изучения и бережного сохранения»³.

Количество удмуртского населения, входившего в Казанское государство (т. н. южные и/или арские удмурты; в русских письменных источниках – «черемиса, зовемая отяки»⁴ ибо «две бо черемисы в Казанской области, а языка их три»⁵; «казанские люди вотяки», «казанских мест вотяки», «вотяки из казанских мест»⁶), было невелико – на мой взгляд, не более 50 тыс. человек. Видимо, в ханстве проживали представители следующих удмуртских родов (удм. *выжы*): Зумъя/Юмъя (члены этого большого рода часто занимали главенствующее положение среди удмуртов Арской земли), Дурга, Затча, Кибъя, Кёпка, Куарса, Лёзя, Можга, Нёрья, Омга, Пельга, Поколь, Пышъя, Салья, Туръя, Уля, Уча, Чабъя, Чипъя, Чола, Шудъя, Ырга и др.⁷ Пребывание удмуртов камско-

Арча–Арск (по материалам историко-археологических исследований) // Родной край: Краеведческий журнал. – 2018. – № 1. – С. 92–107.

¹ Второв Н.И. Памятники древности в Казанской губернии // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Вып. XXXVII. – № 8. – С. 214–215.

² Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С. 3.

³ Там же. – С. 5–15.

⁴ Казанская история / подг. текста и пер. Т.Ф. Волковой; комм. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. Середина XVI века. – М., 1985. – С. 316.

⁵ Там же. – С. 388.

⁶ Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань, 2010. – С. 145–146 (текст жалованной «опасной» и бережельной грамоты Ивана IV каринским князьям от 6 мая 1542 г.; здесь же северные удмурты названы «вятцкими каринскими вотяками»).

⁷ Атаманов М.Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. – Казань, 2003–2004. – № 1. – С. 58–67; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 203–204; Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2005. – Т. XLI (1). – С. 43–57.

го правобережья в составе Казанского ханства оставило следы на многих сторонах их жизни. Исследователи отмечают сильное татарско-ногайское и марийское влияние на этнокультурный облик южных удмуртов; определённое этнокультурное воздействие на них оказали также башкиры и коми¹. Многие наименования предметов и понятия, в частности – социальные термины, привнесены в среду удмуртов именно в период Казанского ханства местными тюрками².

Очень непродолжительное время, около 10 лет, примерно с 1468 г. по 1477 г., когда в городе Хлынове – центре Вятской земли правил наместник хана Ибрагима, в состав Казанского ханства входили также северные удмурты и часть коми. Столь кратковременное пребывание северных удмуртов в вассальной зависимости от казанского хана, естественно, не отразилось на их этносоциальной истории. Очень правильно по этому поводу писал ижевский учёный В.С. Чураков: «...Были случаи, когда обе группы удмуртов оказывались в составе одного государства, как это, к примеру, происходило в годы правления казанского хана Ибрагима, которому в 1468 и 1478 гг. удавалось распространить свою власть на Вятскую землю. Однако подобные объединения носили временный характер и не приводили к существенным изменениям в социально-политической истории северных и южных удмуртов, ориентированных на разные политico-культурные центры. Первые, соответственно, испытывали сильное влияние русских христианских княжеств и земель, а вторые тяготели к тюркскому, преимущественно мусульманскому миру. Причём в отличие от северных, южные удмурты прошли через длительный синтез культур и социально-политических институтов земледельцев и кочевников. Лишь после включения территории Казанского ханства в состав Русского царства обе локальные группы оказались в составе одного социального организма, более чем четырёхсотлетнее пребывание в котором тем не менее не смогло до конца сгладить унаследованные от предыдущих эпох особенности материальной и духовной культуры южных и северных удмуртов»³.

¹ Владыкин В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.) // Дисс. ... к.и.н. – М., 1969. – 386 с.; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – 296 с.

² Очерки истории Удмуртской АССР. – Ижевск, 1958. – Т. 1. – С. 36; Кельмаков В.Е. Удмуртский язык // Языки мира: уральские языки. – М., 1993. – С. 239–255.

³ Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 3.

В условиях лесного Прикамья древнейшими хозяйственными занятиями удмуртов были охота, рыболовство, бортничество и собирательство. По мере развития производительных сил удмурты постепенно переходят к производящим формам хозяйства – животноводству и земледелию¹. Однако в XV–XVI вв. эти виды хозяйства удмуртов оставались ещё малопродуктивными. Присваивающие типы хозяйства (охота, рыболовство, собирательство, бортничество) были более органично и непосредственно связаны с природно-географической средой обитания удмуртов и фактически полностью определялись ею.

Из ремёсел наибольшее развитие у южных удмуртов периода Казанского ханства получили кожевенное, косторезное, деревообделочное и ткацкое, имевшие вид кустарного производства, появляется также кузнечное дело. Продукция ремесла в основном шла на удовлетворение спроса местного населения, торговля имела обменный локальный характер. Предметами же вывоза из Арской земли являлись пушнина, мёд и олово².

В этот период в культуре южных удмуртов прослеживается активное смешение традиций местных финно-угорских и тюркских народов. Исследователи отмечают близость культуры удмуртов к культуре коми и луговых марийцев, а также сильное тюркское влияние на материальную и духовную культуру удмуртов³. Именно этим влиянием известный историк-этнограф В.Е. Владыкин объясняет появление в Прикамье этнографической группы *бесермян*, которых он считает частью южно-удмуртского населения, испытавшую значительную тюркизацию и исламизацию⁴.

Этноним «бесермян» распознаётся относительно легко – это искаённое от тюрк. *busurman*, восходящее к перс. *mosalman*, произошедшего от араб. *moslem(un)*⁵. В русских письменных источниках XIII–XVI вв. термином «бесермены» именуются мусульмане,

¹ Кстати, есть достаточные основания полагать, что сельское хозяйство велоось в основном трудом удмуртских женщин, а также подростков. Об этом см.: Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов. – Ижевск, 2003. – С. 98–99.

² Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 218.

³ Владыкин В.Е. Удмурты // Вопросы истории. – М., 1969. – № 11. – С. 214–220.

⁴ Там же; *Ego же*. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. – М., 1991. – С. 24, 28.

⁵ Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997. – С. 52–53; Белых С.К. К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. – Киров, 2005. – С. 132.

какая-то часть волжско-камских булгар, а также татары¹. Не забудем также и сообщение Сигизмунда Герберштейна первой трети XVI в. о том, что «название же “бесермены” их [татар] радует»², что косвенно свидетельствует о достаточно широком распространении этого термина в Поволжье. На сегодняшний день практически все исследователи единодушны с географическими (Арская земля) и хронологическими (период Казанского ханства) рамками этногенеза бесермян. Однако с этническими компонентами и элементами их этногенеза, а также с пропорциями этих компонентов и элементов до сих пор не всё ясно³, т. к. в русских письменных источниках XVI–XVII вв. они именуются «чуваши/чувашами/чавашами» либо «чавашами арьскими»⁴, в документах XVII в. – и «чуваша-

¹ Напольских В.В. «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / под ред. Г.К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 50–54; Рудаков В.Н. О значении термина «бесермен» в русских источниках второй половины XIII – XVI вв. // Вестник славянских культур. – М., 2013. – № 3. – С. 19–24.

² Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – С. 238.

³ Историографию вопроса и мнения исследователей см., например: Корепанов Д.И. Бесермяне // На удмуртские темы / Учёные записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. – М., 1931. – Вып. 2. – С. 99–106; Трефилов Г.Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкоznания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV. – С. 310–318; Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Учёные записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1968. – Вып. 40. – С. 177–187; Её же. Язык бесермян. – М., 1970. – С. 5–22; Владыкин В.Е. Происхождение бесермян // Всесоюзная научная сессия, посвящённая итогам полевых археологических и этнографических исследований: Тез. докл. – Тбилиси, 1971. – С. 56–57; Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этно-культурных явлений. – М., 1980. – С. 19–37; Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 25–27; Каходский В.Ф. Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. – Чебоксары, 1982. – С. 90–94; Кельмаков В.К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. – Устинов, 1987. – Т. 1. – С. 113–115; Напольских В.В. «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / под ред. Г.К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 50–54; Его же. Введение в историческую уранистику. – Ижевск, 1997. – С. 52–53; Белых С.К. К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. – Киров, 2005. – С. 130–135. В последней из указанных статей очень интересно рассматривается и проблема термина «чуваши» для периода Казанского ханства. См. также одну из последних серьёзных работ, рассматривающих проблему происхождения и этнической истории бесермян: Исхаков Д.М. Арские князья и нукарские татары. – Казань, 2010. – С. 60–75 (выводы автора о происхождении бесермян см. на с. 67).

⁴ Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / под ред. Г.К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 22–23; Белых С.К. К вопросу о происхождении самоназвания

ми», и «бесермянами»¹ (лишь с конца XVII в. они начинают именоваться только лишь «бесермянами», аналогично тому как «ясачные чуваши» Казанского уезда – представители крестьянского сословия, платившего ясак – начинают именоваться «ясачными татарами»²), но при этом сами про себя даже спустя сотни лет говорили и говорят: «мы прежде были татарами»³, «мы из татар, а сейчас удмурты»⁴, т. е. очень конкретно подчёркивают своё татарское происхождение и отмечают ассимилированность в угро-финноязычной среде⁵. Отсутствие у бесермян *воришудов* (у удмуртов – духов-покровителей того или иного *выжы* – рода⁶), также, по мнению известного этнографа

бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. – Киров, 2005. – С. 130–135.

¹ Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / под ред. Г.К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 23; Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1968. – Вып. 40. – С. 177–187.

² См., например: Чернышёв Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. – С. 176; Ермолов И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.: управление Казанским краем. – Казань, 1982. – С. 67; Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. – М., 1988. – № 5. – С. 140–146; Его же. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998. – С. 80–102. См. также материалы Круглого стола «Понятия “чноваш” и “ясачная чноваша” в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.) в сборнике: Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 2014. – Вып. 4. – С. 207–242. Ср., например: Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Труды ЧНИИ. – Чебоксары, 1978. – Вып. 86. – С. 84, 94; Каховский В.Ф. Этническим «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. – Чебоксары, 1982. – С. 90–94.

³ Сорокин П.М. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1897 год. – Вятка, 1896. – С. 90.

⁴ Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. – М., 1970. – № 3. – С. 43.

⁵ Однако известный ижевский финно-угровед В.В. Напольских в 1997 г. отмечал, что современные бесермяне «очень чётко отделяют себя (точнее – в известной степени дистанцируются) от окружающих народов – удмуртов и татар» (Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997. – С. 52–53).

⁶ Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 125–126; Его же. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2003. – № 2. – С. 4; Его же. Об удмуртском роде «выжы» и его сакральном покровителе «воршуде» // Вордском кыл. – Ижевск, 2004. – № 2. – С. 55–60; Его же. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2005. – Т. XLI (1). – С. 43–57. См. также: Бушмакин С.К. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. – М., 1970. – С. 168–176; Зеленин Д.К.

К.И. Козловой, ставит под сомнение гипотезу о южно-удмуртском происхождении бесермян¹.

Основная часть южных удмуртов (как и северных) исповедовала языческую религию. Система язычества удмуртов, имевшая много общего с верованиями других финно-угорских народов региона, характеризовалась значительной сложностью и развитостью. Об этом свидетельствуют многочисленный пантеон божеств, авторитет служителей культа, наличие особых мест молений, святилища, детально разработанные ритуалы с обрядами жертвоприношений и т. д. – всё это было призвано идеологически обеспечить функционирование схемы «человек-общество-природа»².

Издавна включённые в тесные межэтнические политические, экономические и культурные связи в составе Волжской Булгарии и Золотой Орды южные удмурты Казанского ханства достигли более высокого уровня развития производительных сил, и социальная дифференциация у них была выражена ярче, чем в тот же период истории у северных удмуртов³.

Главой соседской общины на собрании общинников *кенеше* (турк. «совет») избирался *тюро* (турк. «руководитель») и его помощники, которые при посредничестве эльыров/калыкыров (сотных князей; от турк. «страна», «народ») регулировали взаимоотношения удмуртского податного населения с арскими князьями. Постепенно, при поддержке татарских мирз, которые нередко были кровно связаны с удмуртской знатью⁴, установилась несменяемость тюро (байев/узыров – богачей), и они стали сосредоточивать в своих руках значительную власть и обогащаться за счёт простых общинников (*калык*, *кара-калык*, *начар-калык*, *куанер* – чёрные люди, бедняки). Со временем они становятся мелкими землевладельцами.

Что такое воршуд? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике. – Ижевск, 1980. – С. 118–132; Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – 215 с.

¹ Козлова К.И. Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993 [рецензия на книгу] // Этнографическое обозрение. – М., 1994. – № 3. – С. 168–170.

² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. – М., 1991. – 34 с.; Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. – Ижевск, 2008. – 248 с.

³ 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). – Ижевск, 1983. – С. 19.

⁴ Трефилов А.Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Учёные записки НИИ истории, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. – Ижевск, 1951. – Вып. 15. – С. 97; Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань, 2010. – С. 127.

Укрепление власти тюро было выгодно казанским феодалам, т. к. обеспечивало бесперебойность поступления ясака в правительенную казну, в то же время значительно снижая возможность возникновения этносоциального напряжения в регионе.

В социальной структуре южно-удмуртского общества периода Казанского ханства заметное место занимали и служители языческого культа. Должность жреца среди удмуртов не наследовалась персонально, а закреплялась за определённой родственной (семейной) группой – «родом жреца». Жреческая группа не была единой, а строилась по иерархическому принципу: низшим божествам служили низшие жрецы, верховным – главные жрецы¹.

Южные удмурты подчинялись татарским феодалам, называемым в русских летописях «Арьскими князьями»², чьи дворцы, по мнению русского полководца А.М. Курбского, были «зело прекрасны и воистину удивления достойны»³. Арские князья (по мнению многих казанских и ижевских историков – потомки кыпчаков султана Бачмана, татарские князья из клана Кыпчак⁴, по мнению

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 220–221.

² См., например: Казанская история / подг. текста, вступ. статья и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 132; Галлям Р.Г. Летописные «Арские князья» XIV–XVII вв.: политический, этимологический и этнический аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2010. – Вып. 2. – С. 141–143.

³ Курбский А. Избранные сочинения. – СПб., 1902. – С. 21.

⁴ См., например: Исхаков Д.М. О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции 1995 г. – Казань, 1995. – С. 95–98; *Его же*. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-Форум. – Казань, 1995. – № 3. – С. 95–107; *Его же*. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998. – С. 31–42; Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) // Дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2001. – С. 233, 243; Владыкин В.Е. Удмуртский этнос на перекрёстке цивилизаций // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. – Sapporo, 2003. – С. 270; Белых С.К. История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск, 2005. – С. 10–16; Исхаков Д.М. Методологические аспекты изучения этногенеза и этнической истории тюркских народов Волго-Камья // Региональные энциклопедии: Проблемы общего и особенного в истории и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань, 2007. – С. 61; *Его же*. К вопросу о средневековой истории татар Вятского края // Национальная история татар: Теоретико-методологическое введение. – Казань, 2009. – С. 233–238. На сегодняшний день наиболее подробно вопрос рассмотрен в работе: Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань, 2010. – 224 с.

некоторых ижевских исследователей – представители отатаренной южноудмуртской племенной знати¹) имели свои резиденции в городе Арске (центре Арской даруги) и в крупном населённом пункте Нукарте (ныне – село Карино Слободского района Кировской области; по-удм. – Карагурт), расположенным на реке Чепце². Как единодушно отмечают многие исследователи, арские князья играли выдающуюся роль в политической и социально-экономической жизни Казанского ханства, что, например, подтверждают события лета 1496 г. (мятеж арских князей и изгнание хана Мамука)³, июля 1530 г. (бегство Сафа-Гирея из Казани в Арск)⁴, сентября 1552 г. (бои на территории Арской даруги)⁵, а также Первой черемисской войны, то бишь восстания 1552–1557 гг.⁶.

Летом 1489 г. город Хлынов и Вятская земля были завоёваны войсками московского великого князя Ивана III⁷. Признанный специалист по истории Поволжья и Приуралья М.В. Гришкина, оценивая данное событие, отмечала: «...в 1489 г. вместе с русским населением Вятской земли к Московскому государству были присоединены северные удмурты. Великокняжеская власть не нуждалась в выражении волеизъявления какой-либо группы населения, тем более удмуртов. Военная сила была решающим аргументом при присоединении той или иной территории к Московскому великому княжеству в процессе его разрастания и превращения в Российское государство»⁸. Окончательное же присоединение Вятской земли к Московии, по всей видимости, произошло лишь во второй половине 1540-х гг.⁹, о чём свидетельствует информа-

¹ См., например: Гришкина М.В. Арские князья в истории удмуртов // Гришкина М.В. Этюды из истории удмуртов IX–XIX вв. – Ижевск, 1994. – С. 49–66; Её же. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004. – С. 25, 34.

² Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань, 2010. – 224 с.

³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XII. – С. 343; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 166, 467.

⁴ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – М.–Л., 1959. – С. 314.

⁵ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1978. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 415–420.

⁶ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 143–156.

⁷ Софийские летописи // ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. VI. – С. 239; Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. – Л., 1982. – С. 97.

⁸ Гришкина М.В. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004. – С. 31.

⁹ Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. – Ижевск, 2007. – № 2. – С. 79.

ция письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I¹.

16 июня 1552 г. 150-тысячная² русская рать, в составе которой были касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сейта Черевсеева, темниковская мордва во главе с князем Еникеем, а также чуваши и горные марийцы³, под единым командованием царя Ивана IV выступила в поход «х Казани». 4 августа она достигла границы – реки Суры, а 23 августа стала лагерем на Царском лугу под Казанью. Обороняющееся казанское войско было разделено на 3 основных подразделения. Самое внушительное из них защищало столицу ханства и, по свидетельству князя А.М. Курбского, насчитывало 30 тыс. «избранных» воинов⁴. Вторая группировка, численностью 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по царским войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев, в его составе находилось 2700 ногайцев⁵. Многочисленное же марийское ополчение действовало самостоятельно на территории Галицкой даруги. Взаимодействуя друг с другом, все 3 подразделения казанского войска с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон войскам Ивана IV.

Однако вскоре царские войска достигли серьёзного успеха, разгромив арскую группировку ханских войск. Во время удачного наступления они заняли Арск «и повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали»⁶. «Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму, села повыжгли и скот их побили»⁷. Анонимный летописец так описывал победоносное шествие русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и

¹ Мустафина Д.А. Послание царя казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1997. – № 1/2. – С. 32.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1989. – Кн. 2. – Т. 8. – Стлб. 46. – Прим. 288; Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 127; Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. – Казань, 2014. – С. 213.

³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 199–200, 210.

⁴ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 24.

⁵ Казанская история / подг. текста, вступ. статья и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 131–133.

⁶ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 211.

⁷ Там же.

покрышася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми полияся варварьская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми»¹.

После разгрома Арской земли Казань оказалась в плотном окружении русской армии. В конце сентября Иван IV приступил к методичному штурму города, и 2 октября 1552 г. столица ханства пала, а хан Едигер сдался на милость царю.

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоёванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нём присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружились принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А.М. Курбского, «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки»². Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, ещё нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоёванного ханства и решать все вопросы мирным путём на переговорах с местным населением. Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоёванных народов в систему Русского государства. Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, т. к. более-менее мирное подчинение края избавляло его от дорогостоящей и кровопролитной войны, а также отвечало фискальным интересам государства.

По улусам ко всем чёрным людям были разосланы «жаловалные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует»³. «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их чёрных людей пожаловал, гнев свой

¹ Казанская история / подг. текста, вступ. статья и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 127.

² Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 47.

³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 221.

отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярьского, who бы им сказал царево жалованное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежалися, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю¹. Вскоре «с Луговой стороны такоже черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал»². По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и служилый татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали»³. Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают»⁴.

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа различных поволжских народов, так и прибывшие на переговоры представители татар, луговых марийцев и удмуртов. После пира царь приказал «дастъ им семена земныя, и коня, и волы на оratione, инем же и одеяние дастъ и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же»⁵.

Таким образом, 10 октября 1552 г. весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько дней в Казань не могли, из-за опасения и удалённости, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления вы свободившихся после взятия Казани войск. Поэтому чelобитьё 10 октября не во всём адекватно отражало настроения местного населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев, ведь они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества. Однако царь, уверенный в успехе своей политики, уже поторопился объявить, что «из всех Казанских предел, вси земскии люди, арскии и луговыя, нам добили чelом и обещалися нам до века дань давати»⁶.

¹ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 221.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Казанская история / подг. текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 161.

⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – М.–Л., 1949. – Т. XXV. – С. 113.

Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского ханства. Одним из его центров стала Арская земля, где отряды повстанцев состояли в основном из татар, удмуртов и марийцев¹. Вот, к примеру, границы карательной экспедиции русских войск в 1554 г.: «А война их была от Казани и по Каму, а от Волги за Ошит и за Оржум и на Илит и под Вятские волости, и от Казани вверх по Каме пол-300 верст, а от Волги к Вятке поперег 200 верст»².

Только подавление восстания 1552–1557 гг. приводит к тому, что вся основная территория проживания удмуртов (и северных, и южных³) полностью и окончательно входит в состав Московского государства. Как результат, Среднее Поволжье и Западное Приуралье явились первыми крупными многонациональными регионами, включёнными в состав Руси, отныне и навеки превратившейся в Россию со своим уникальным полигетническим и поликультурным обликом⁴.

* * *

Как уже отмечалось выше, Казанское ханство (1438/1445–1552/1556) имело богатую историю. Являясь крупным и экономически развитым государством, структурообразующим элементом для всего Волго-Уральского региона и одной из колыбелей наиболее многочисленной этнотERRиториальной группы татар – татар Поволжья и Приуралья, оно играло серьёзную роль в политической жизни и внесло существенный вклад в этносоциаль-

¹ Подробнее см.: Гришикина М.В. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004. – С. 46–49.

² Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XIII. – С. 239.

³ После событий 1552–1557 гг. часть южных удмуртов переселилась на восток, в основном на земли северо-востока современного Башкортостана. Здесь формируются группы т. н. закамских удмуртов, проживающих сегодня на юге Пермской области, в Республике Башкортостан, в Бавлинском районе Республики Татарстан и в Красноуфимском районе Свердловской области (Напольских В.В. Введение в историческую уралитику. – Ижевск, 1997. – С. 54).

⁴ 400 лет вместе с русским народом. – Ижевск, 1958. – 103 с.; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М., 1990. – 269 с.; Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI вв. // Дисс. ... к.и.н. – СПб., 1999. – С. 4, 235–295; Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство в панораме веков // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. – Казань, 2003. – С. 263–290; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. – Ижевск, 2005. – 314 с.; Его же. От Золотой Орды к Московскому царству: Вхождение народов Поволжья в состав России. – СПб., 2017. – 352 с.

ную историю Центральной Евразии. Изучение этнокультурного и социально-экономического развития населения Казанского ханства привело меня к заключению, что оно было исторически прогрессивным. Народы Казанского государства реально ощущали и осознавали положительные плоды своей принадлежности к единому общественно-политическому и этнокультурному пространству, о чём свидетельствует их активное стремление сохранить его в целостности. В реалиях ХХI в., вспоминая очередную годовщину завоевания и инкорпорации Казанского ханства в состав Руси–России, мне хотелось бы отметить, что это событие, независимо от конкретных военно-политических обстоятельств середины XVI в., послужило поворотным пунктом в исторической судьбе не только народов Волго-Уральского региона, не только Российской государства, но и всего огромного евроазиатского пространства. При этом характер присоединения ханства – завоевание – отнюдь не позволяет видеть в этой дате повод для излишней политизации этого события. Только взвешенная оценка падения средневековой ханской Казани с сугубо объективных позиций способствовала и будет способствовать росту интереса к общей истории народов Российской Федерации и, несомненно, окажется полезной на современном этапе укрепления межнациональных отношений в многоэтничной и поликонфессиональной стране. А всё написанное выше должно представлять безусловный интерес для нахождения путей решения межнациональных и межконфессиональных проблем современности...

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО В «СОЗВЕЗДИИ» ГОСУДАРСТВ ДЖУЧИДОВ: КРЫМСКИЕ ГИРЕИ НА КАЗАНСКОМ ПРЕСТОЛЕ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)

Осознание былого единства Джучидского государства – Золотой Орды, единства правящего рода Чингизидов–Джучидов, единства государствообразующего народа с единым языком, единой религией и культурой отчётливо понималось государствообразующим населением всех татарских ханств, и все они, как и в Золотой Орде, продолжали именоваться общим именем «татары»¹. Все правители татарских ханств являлись представителями единой династии Чингизидов–Джучидов и, естественно, будучи кровными

¹ Речь в данном предложении и в данном абзаце идёт именно о татарских ханствах. Узбекское (1469–1510) и Казахское (1469–1718) постордынские ханства Джучидов имели свою особую специфическую этнополитическую историю...

родственниками, воспринимали себя как часть одной большой семьи, единого правящего Дома, имеющего в татарских государствах надгосударственный характер. Например, на престоле Казанского ханства сидели как сыновья и внуки последнего правителя единой Золотой Орды Улуг-Мухаммеда, так и Джучиды из Касимовского, Тюменского, Крымского, Астраханского государств, т. е. родственники Чингизиды–Джучиды практически из всех татарских ханств¹. «Взаимодействие сформировавшихся после распада Золотой Орды татарских этнополитических общностей происходило на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых были: правление в тюрко-татарских юртах представителей дома Чингизидов; общность в них правящих феодальных кланов; родственные связи между высшими мусульманскими должностными лицами – сейидами и единство тарикатов, распространённых в этих государствах. Наиболее интенсивными в XV–XVI вв. являлись контакты между тремя ханствами – Крымским, Казанским и Касимовским, что объясняется идентичностью их правящих клановых структур. Однако в эту систему была "вписана" и Ногайская Орда – как через мангытские "юрты", существовавшие практически во всех татарских ханствах, так и через собственные клановые образования (кыпчак, барын, возможно, и аргын), позволявшие вмешиваться в дела всех ханств»².

...Основателем династии ханов Гиреев, правивших в татарских постзолотоордынских государствах вплоть до конца XVIII в., был Джучид, двоюродный брат Улуг-Мухаммеда Хаджи-Гирей. В 1430–1440-х гг. при поддержке знатных татарских кланов Ширин и Барын он добился независимости северо-причерноморских территорий от Золотой Орды. Кроме трона в Крыму представители этой династии занимали также престолы Астраханского (Бахадур-Гирей и Ислам-Гирей) и Касимовского (Нур-Давлет и его сыновья Сатылган и Джанай) государств. Казанскими ханами из джучидского рода Гиреев были Сахиб-Гирей (1501–1551), который правил с 1521 по 1524 г.; его племянник Сафа-Гирей (1510–1549), правил в 1524–1531, 1533–1546 и 1546–1549 гг.; сын Сафа-Гирея и ногайской татарки Сююмбике Утамыш-Гирей (1546–1566), являвшийся

¹ См., например: *Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань*, 2004. – С. 4–7; *Миргалиев И.М. Предисловие // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань*, 2014. – Т. IV. – С. 3; *Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XVIII вв. // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань*, 2014. – Т. IV. – С. 736–758.

² *Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XVIII вв. // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань*, 2014. – Т. IV. – С. 736.

номинальным ханом в 1549–1551 гг.¹. Именно годы правления крымских Гиреев в Казани автор «Очерков по истории Казанского ханства» М.Г. Худяков назвал «эпохой национального возрождения» в этнополитической истории татар Среднего Поволжья и Западного Приуралья².

Сахиб-Гирей родился в Крыму, здесь он провёл детство и юность. В 1510–1511 гг. он сопровождал свою мачеху – царицу Нур-Султан (ногайскую татарку) в её дипломатической поездке в Москву и Казань, где она встречалась с Василием III и своим сыном – казанским ханом Мухаммад-Амином³. Эта поездка завершилась подписанием мирного договора между Крымом, Казанью и Москвой⁴, чему в немалой степени способствовал и сын Нур-Султан Абдул-Латиф, в то время проживавший в Москве.

Казанский хан Мухаммад-Амин (последний из династии Джучида Улуг-Мухаммеда) умер в 1519 г., после чего его место занял прибывший из Касимова Шах-Али. Новый хан не был популярен среди казанских татар, он опирался на поддержку военного отряда во главе с русским послом в Казани Фёдором Карповым, по сути, управлявшим делами татарского государства⁵. В Казань из Крыма был послан царевич Сахиб-Гирей, который вскоре при активной поддержке местного населения занял казанский престол⁶.

Явная поддержка Москвой кандидатуры Шах-Али привела к войне, в которой на сторону казанцев перешли ногайцы и крымцы. Несмотря на серьёзные успехи (татары разорили многие русские земли, включая окраины Москвы), зимой 1522–1523 гг. Сахиб-Гирей начал мирные переговоры⁷.

Летом 1523 г. ситуация резко изменилась: в Казани произошёл погром русских купцов, и был убит русский посол Василий Поджогин. Великий князь Василий III начал поход на Казань, в котором участвовали и служилые татары. Оставшись в Нижнем

¹ Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

² Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / подг. к печати, авт. предисл. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2004. – С. 96–133 (Глава 3).

³ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). – СПб., 1853. – Т. VI. – С. 251–252; 1904. – Т. XIII. – Ч. 1. – С. 13–14; Хамидуллин Б.Л. Мухаммад-Эмин // Большая Российская энциклопедия. – М., 2013. – Т. 21. – С. 534.

⁴ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. VI. – С. 252.

⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 78–80.

⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. – СПб., 1895. – Ч. 2. – С. 678.

⁷ Фәхретдин Р. Казан ханнары. – Казан, 1995. – 86–92 б.

Новгороде со своими сыновьями, князь отправил дальше своих полководцев: воеводу Василия Немого и князя Бориса Горбатого. Дойдя до устья Суры, которая являлась границей двух государств, русские полководцы на правом берегу Волги в марийском поселении Цепель обосновали крепость, которую назвали «Васильев Новгород» (Василь-город, Васильсурск). Этот акт являлся реальным захватом территории чужого государства, и его неоднозначно оценили современники событий. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн полагал, что целью походов русских войск было завоевание Казанского ханства и что возведение новой крепости «явились источником многих бедствий»¹. А митрополит Даниил говорил, что великий князь «тем городом всю землю казанскую возьмёт»².

Сахиб-Гирей просил помощи у Крыма, но оттуда был послан лишь небольшой отряд во главе с 13-летним царевичем Сафагиреем. Весной 1524 г. Сахиб-Гирей обратился с просьбой об оказании помощи к турецкому султану. Но в Константинополе тогда ещё мало интересовались делами далёкого для них Среднего Поволжья: действенной помощи Казань тогда так и не получила.

Василий III запланировал нанесение решающего удара по Казанскому ханству. Для этого были собраны значительные силы – 150 тысяч воинов³, которые возглавил касимовский хан Шах-Али. Сахиб-Гирей, то ли испугавшись численности русской рати, то ли из-за противоречий с казанской знатью, решив совершить паломничество к святой Каабе, покинул Казань, оставив престол племяннику⁴. В 1538 г. в письме Ивану IV он объяснял свой отъезд желанием возвратиться на малую родину⁵. Прибыв в Крым, Сахиб-Гирей не поехал в Мекку, а активно включился в борьбу за власть в Крымском ханстве и в 1532 г. занял ханский трон.

Новый казанский хан Сафа-Гирей был энергичным, мужественным, талантливым полководцем и дипломатом⁶. Астраханский поэт Шерифи Хаджи-Тархани называл его «обладателем сабли и

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 134, 176.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. – М., 1836. – Т. 1. – С. 144.

³ Казанская история. – М.–Л., 1954. – С. 67.

⁴ Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 305.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА), ф. 123. Сношения России с Крымом, кн. 8, л. 534–534 об.

⁶ Хамидуллин Б.Л. Сафа-Гирей // Большая Российская энциклопедия. – М., 2015. – Т. 29. – С. 475.

пера», «источником благородства и щедрости»¹. Такой человек встал во главе Казанского государства в судьбоносный момент, когда к столице приближалось вражеское войско. Проявив незаурядные способности, он организовал отпор русскому наступлению, сумев отстоять независимость ханства. Обе воюющие стороны понесли большие потери (русские в походе на Казань потеряли почти все суда своей флотилии и более 50 тысяч воинов, казанцы потеряли не менее 45 тысяч человек), поэтому было решено заключить перемирие.

Начавшиеся в 1525 г. мирные переговоры между Москвой и Казанью затянулись и были безрезультатными. Русское правительство никак не хотело мириться с признанием независимости Казанского ханства. Сигизмунд Герберштейн отмечал, что во время его второй поездки в Москву в 1526–1527 гг. казанские послы «всё ещё находились в Москве, но и тогда не было никакой надежды на заключение в будущем мира между ними»².

Василий III снова попытался решить проблему военным путём. Весной 1530 г. флотилия во главе с Ф.И. Бельским и М.В. Горбатым и конная рать во главе с М.Л. Глинским и В.А. Шереметевым были направлены на Казань. На подмогу казанцам пришли ногайские, мариийские и астраханские воины. У стен Казани происходили ожесточённые бои. 30 июля русские воеводы согласились на перемирие и, удовлетворившись данью, приказали войскам возвращаться домой³.

В январе 1532 г. войска Сафа-Гирея предприняли крупномасштабное вторжение в русские северные земли. По распоряжению хана, была арестована русская делегация, которая вела мирные переговоры. Это вызвало протест казанцев, недовольных агрессивным поведением Сафа-Гирея. В результате весной 1532 г. произошёл дворцовый переворот, многие крымцы и ногайцы из окружения хана были перебиты. Сафа-Гирея выгнали из города.

Новое правительство возглавил улуг-карачи-бек Булат Ширин и ханбике Гаухаршад. 29 июня 1532 г. на трон был посажен брат Шах-Али 15-летний касимовский царевич Джан-Али. Над Казанским ханством был установлен московский протекторат⁴. При Джан-Али постоянно находились русские советники, в городе размещался

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 299–324.

² Герберштейн С. Записки о Москве. – М., 1988. – С. 179.

³ ПСРЛ. – СПб., 1841. – Т. III. – С. 199; 1859. – Т. VIII. – С. 273; 1904. – Т. XIII. – Ч. 1. – С. 47; 1911. – Т. XXII. – Ч. 1. – С. 538; М.-Л., 1959. – Т. XXVI. – С. 314.

⁴ РГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом, кн. 8, л. 475.

русский гарнизон. Хан должен был испрашивать у великого князя разрешение на всё, даже на женитьбу на дочери ногайского мурзы Юсуфа Сююмбике¹.

3 декабря 1533 г. умер Василий III. Великим князем стал 3-летний Иван IV. Этим воспользовались сторонники избавления Казанского ханства от вассальной зависимости. Летом 1534 г. в Казань возвратился Сафа-Гирей. Его младшей женой – после дочерей сибирского и астраханского ханов, крымского и русского князей² – вскоре стала овдовевшая Сююмбике (Джан-Али был убит в сентябре 1535 г.). Начались широкомасштабные походы на русские земли, прекратившиеся временным перемирием сторон в конце 1537 г. 10 марта 1538 г. при посредничестве крымского хана Сахиб-Гирея начались мирные переговоры. Крымский хан писал великому князю: «И в нашем здоровье Казанская земля нам своя земля. И только той земле учнешь лихо чинити и с нами тебе какой мир, а учнешь ей шод лихо и недружбу чинити и ты так ведай: опричь нашего походу, взяв хандыкерево величество да шод на твою землю и летовати и зимовати понудимся не так как Магмед-Кирей царь шед да воротился, того себе не мысли сколько наше силы лихо чинити потщимся, так бы еси ведал. Сам еси молод, а старые твои знают сколько от отцов и от дядь твоих времен хаживали х Казани да что учинивали. Сколько не идут, и рать свою истомят, опричь убытка людем и кунам иного нет. А которой твой юрт от отца тебе достался, тот у тебя в руках. Ибесерменом недружба чинити, что тебе прибудет. И ты б ныне наше слово принял, тому юрту лиха не чинив, гораздо бы еси помирился с ним... А учнешь Казань воевати и ты не помысли собе, что тебе нас кунами утолити. Ни всего света богатства мысли моей от того не утолити, и ты так то ведай»³. Из характера ханских требований вполне очевидно, что он хотел, чтобы великий князь отказался от притязаний на вассалитет над Казанским ханством, на чём настаивала русская сторона. Было очевидно, что между Бахчисараем и Москвой разворачивается серьёзная борьба за преобладающее влияние в Казанском ханстве.

¹ Продолжение древней российской вивлиофики (далее ПДРВ). – СПб., 1791. – Ч. 7. – С. 267.

² Казанская история. – М.–Л., 1954. – С. 83. По правильному свидетельству Д.М. Исхакова, этот факт является «достаточно красноречивым свидетельством матримональных связей между правящими домами разных [татарских] ханств» (Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XVIII вв. // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 737).

³ РГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом, кн. 8, л. 535–536.

Осенью 1539 г. Сафа-Гирей прервал мирные переговоры и возобновил походы на Русь. Примечательно, что в этих военных кампаниях активно участвовали не только татары (казанцы, крымцы и ногайцы) и их братья-тюрки (чуваши и башкиры), но также многие финно-угорские народы, в частности марийцы, мордва и удмурты, в своё время добровольно вошедшие в состав Казанского ханства и подчинившиеся хану Улуг-Мухаммеду и его сыну Махмуту.

Сафа-Гирей в борьбе с Русским государством умело использовал не только имеющийся в его руках военный потенциал, но и дипломатию. Он стремился заручиться поддержкой Ногайской Орды, Астрахани, Крыма и Литвы и координировал с ними свои действия против Москвы. Он затевал «мирные» переговоры, ссыпая тем самым готовившиеся ответные походы русских войск на Казань. Когда угроза вторжения исчезала, прерывал их и посыпал свои многочисленные отряды на разграбление русских земель. Примечательно, что предложения о перемирии хан делал в конце зимы – начале весны, когда русские готовили судовую рать для движения по полой воде. Весьма точная характеристика применяемой Сафа-Гиреем политики в отношении Руси дана в письме Шерифи Хаджи-Тархани турецкому султану Сулейману II. Он писал, что «в соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми. Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов: быть верным с друзьями и притворно радушным с врагами»¹.

Важным источником по истории Казанского ханства являются письма хана Сафа-Гирея польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I. Публикация текста писем с переводом на современный русский язык была осуществлена Д.А. Мустафиной в 1997 г.². Содержание писем позволяет датировать их между ноябрём 1542 и декабрём 1545 г. Они представляют изложение политических событий 1530–1540-х гг. и показывают международное положение Казанского ханства, его внутреннее состояние, в частности этнодемографическое развитие, а также непримиримо-враждебное отношение хана к Москве. Сафа-Гирей сообщал своему адресату о

¹ Шерифи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань. – 1995. – Май. – С. 87.

² Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 26–38.

том, какие опустошения он причинил русской земле. «Землю московского звоевал и спустиши сам своею головою: zo всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской»¹. Достигнув значительных успехов, Сафа-Гирей не думал останавливаться на достигнутом и не отвечал на мирные инициативы со стороны русских. «Князь великий московский, – писал он королю, – присыпал до нас послов и гонцов своих, просячи и жедаючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял»².

Активизацию казанских набегов современники напрямую связывали с боярской междуусобицей на Руси. В повести о житии царя Фёдора Иоановича говорится о том, что казанцы «многие пакости деюще православным христианом, брани составляюще непрестанно; по все лета воеваху и православнаго христианства кровь, яко речные быстрины, изливаиися мнози же православнии христьяне от нечестивых побиени быша, ови же в плен отведен и различные муки претерпеша»³.

Вторжения на русские земли объявлялись в Казани и во всём мусульманском мире священной борьбой с неверными – газаватом. Имя Сафа-Гирея возвеличивалось, его называли великим воителем, борцом за веру⁴.

В 1545 г. повзрослевший великий князь Иван IV взял бразды правления государством в свои руки. Он проявил крутой нрав и поставил препяду ослаблявшему страну боярскому самоуправству. Одним из первых самостоятельных действий 14-летнего правителя стала организация похода против Казани. 2 апреля 1545 г. по Волге, Вятке и Каме на Казань были направлены судовые рати. В столице ханства уже успели позабыть о том времени, когда русские войска подходили к городу, поэтому атака с реки была неожиданностью. Русские «людей казанских многих побили и кабаки царевы пожгли»⁵. Казанский летописец пишет, что воеводы «шед повоеваше многия казанских области, кровью наполниша черемиския поля и земли варварских побитыми мертвцы, а Казань град мимо идоша, неподалече, токмо силу свою показаша казанцем, не приступающе ко граду».

¹ Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 32.

² Там же. – С. 33.

³ ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. XIV. – Ч. 1. – С. 3.

⁴ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М., 1990. – С. 53–54.

⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 146–147, 445–446.

По его мнению, «велми было мощно тогда невеликим трудом Казань взяти; пришли бо воеводы неведомо в землю казанскую, а во граде бе мало людей: все велможи разъехашася по селом гуляти з женами и з детми, и царя во граде не бе. Обретоша его на поле со птицами ловящь и со псы, впросте, в мале дружине»¹. Однако в целом успех русских был незначительным, даже сомнительным. Тем не менее для судьбы ханства он имел самые драматические последствия. Неожиданное нападение русских хан посчитал результатом предательства казанцев, ранее находившихся в оппозиции к нему. Противоречия между казанцами и крымцами обострились, многие представители оппозиции перешли на службу великому князю Ивану IV.

В мае 1541 г. «Булат князь и вся земля Казанская» тайно прислали в Москву своих представителей. Они просили направить к Казани войска и обещали убить или арестовать хана, как только русские рати появятся у стен города. Посланцы жаловались боярам: «ка от царя ныне казанским людем вельми тяжко, у многих князей ясаки поотнимал да крымцом подавал; а земским людем великая продажа; копит казну да в Крым посылает»². Русские пообещали поддержать заговорщиков³.

Переворот произошёл в начале января 1546 г. Казанский летописец писал: «Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившися болшие с меньшиими, на царя своего Сапкирея и свергноша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша»⁴. Многие крымцы были перебиты⁵, а Сафа-Гирей вынужден был уйти в Ногайскую Орду к своему тестю – князю Юсуфу⁶.

Среди казанцев возобладало мнение в пользу повторного приглашения на ханство Шах-Али. Однако, учитывая предыдущий опыт, было решено максимально ограничить его власть и русское влияние. Когда 13 июня 1546 г. Шах-Али в сопровождении касимовских татар и тысячного русского отряда во главе с князем Д.Ф. Бельским прибыл к Казани, ему разрешили оставить при себе только сотню приближённых. Бельский вместе с русскими и касимовскими воинами был размещён на посаде и лишиён возможности общения с ханом. Во время второго ханствования Шах-Али не имел реальной власти

¹ Казанская история... – С. 84.

² ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 99; – М., 1965. – Т. XXIX. – С. 135.

³ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 446.

⁴ Казанская история... – С. 78.

⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 148, 447.

⁶ РГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом, кн. 9, л. 27 об.; ПДРВ. – СПб., 1793. – Ч. 8. – С. 271–272.

и не пользовался авторитетом среди казанцев. Вскоре, уже через месяц, под угрозой заговора он бежал на Русь.

При активной поддержке ногайских татар в Казани вновь воцарился Сафа-Гирей. Став ханом в третий раз, он решил навсегда покончить с какой-либо оппозицией. Физическому истреблению подверглись все, кто открыто не встал на его сторону. Оставшиеся в живых поспешили уйти на Русь и в Ногайскую Орду. Летописи фиксируют, что в сентябре 1546 г. в Москву прибыло 76 казанцев, среди которых были князья Кулуш, Тереул, Бурнаш и братья Чюры Нарыкова¹. Здесь они были приняты на русскую службу и использовались в борьбе против Казани.

Добившись с помощью ногайских татар возвращения на казанский престол, Сафа-Гирей не выполнил ни одного обещания, данного им. Вскоре они из союзников превратились в противников². Таким образом, недальновидная политика Сафа-Гирея поставила Казанское ханство на грань войны сразу на двух фронтах: с Русью и Ногайской Ордой.

Неожиданная смерть Сафа-Гирея в начале марта 1549 г.³ привела к воцарению малолетнего Утамыш-Гирея. Иван IV незамедлительно воспользовался этим. В июле 1549 г. в Москве состоялось заседание Боярской думы, на котором было решено окончательно завоевать Казанское ханство. 23 января 1550 г. 60-тысячное русское войско двинулось к Казани. Однако во время неудачного приступа русские «града не взяша»⁴. Принимавший участие в обороне Казани астраханец Шерифи Хаджи-Тархани говорит о значительных потерях как среди казанцев, так и среди русских. По его словам, «два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение – будто судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой... Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой»⁵. Победа досталась казанцам.

Русским стало ясно, что для завоевания Казани им необходима опорная база близ города. Иван IV, обсудив этот вопрос с русскими

¹ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 148, 449–450; – СПб., 1914. – Т. XX. – Ч. 2. – С. 467–468; – М., 1965. – Т. XXIX. – С. 49.

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 294, 304, 318; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 274–275.

³ ПСРЛ. – СПб., 1911. – Т. XXII. – Ч. 1. – С. 529.

⁴ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 14.

⁵ Шерифи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань. – 1995. – Май. – С. 92.

воеводами и многочисленными служилыми татарами, принял решение воздвигнуть таковую на Горной стороне Казанского ханства – в устье Свияги на Круглой горе¹.

К апрелю 1551 г. всё было готово к проведению новой кампании против Казани. Наступление началось 16 мая и развивалось успешно. Уже к вечеру следующего дня русские вышли к Круглой горе на Свияге, а утром 18 мая приблизились к Казани и удачно атаковали её. Подверглись нападению и периферийные земли ханства: русские воеводы «распустиша воя по улусом казанским воевати»². К 30 июля было завершено строительство «Иван-города», позднее названного Свияжском.

Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи Казани произвело ошеломляющее впечатление на казанских татар, они «почаша тужити и тосковати»³. Дух русско-татарского воинства, боровшегося с войсками хана Утямыш-Гирея, наоборот, сильно окреп и возрос. Население же Горной стороны Казанского ханства «нача бити челом» русскому царю, «хотя служити», что привело к её присоединению к Русскому государству⁴.

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 г. наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кучака (Кощака) и регентши Сююмбике (матери Утямыш-Гирея) не в состоянии было обеспечить безопасность страны, вследствие чего противоречия между казанскими и крымскими татарами заметно обострились. Опасаясь казанцев, 300 крымцев во главе с уланом Кучаком, бросив свои семьи, попытались покинуть страну, однако были перехвачены русскими, частью перебиты, а частью взяты в плен и отправлены в Москву и там после отказа креститься казнены⁵.

Бегство из Казани крымских татар создало условия для начала мирных переговоров между Казанью и Москвой. Русские дипломаты настояли на том, чтобы 5-летний хан Утямыш-Гирей и его мать – регентша Сююмбике – были смешены и отправлены в Москву. Казанцев обязали выдать русским также всех иных оставшихся в ханстве крымцев. Ханом Казани уже в третий раз был объявлен русский ставленник Шах-Али. А Утямыш-Гирей был крещён в Москве в Чудовом монастыре под именем Александр и умер в 20-летнем возрасте…

¹ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 159, 461; 1914. – Т. XX. – Ч. 2. – С. 477; М., 1965. – Т. XXIX. – С. 59.

² Казанская история… – С. 87.

³ Там же. – С. 92.

⁴ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII. – С. 164–165, 466.

⁵ Там же. – Т. XIII. – С. 166, 468; Казанская история… – С. 94.

НАРОДЫ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА НА СТРАНИЦАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ НARRATIVНЫХ ИСТОЧНИКОВ XV–XVII ВВ.

Изучение Казанского ханства, в особенности его этносоциальной истории, всегда было затруднено из-за явной недостаточности источников¹. Западноевропейские нарративные источники XV–XVII вв. на английском, голландском, испанском, итальянском, латинском, немецком, польском, французском и иных языках, хотя в них информация о татарах и иных народах и дана очень отрывочно, нередко существенно восполняют некоторые лакуны истории как всех постзолотоординских татарских государств в целом, так и Казанского ханства в частности².

Несмотря на отрывочность представленных сведений по истории народов Среднего Поволжья этого и предшествующего периодов, а также предыстории и истории Казанского ханства, из описаний западноевропейцев XV–XVII вв. хотелось бы отметить интересные воспоминания баварского наёмника Иоганна Шильтбергера³ (1381 – ок. 1440), который служил, в частности, у золотоординского хана Улуг-Мухаммеда – основателя династии казанских ханов; рассказ венецианского дипломата и купца Иосафата Барбаро⁴ (1413–1494), знавшего татарский язык и прожившего долгие годы в г. Тане (Азове), оставившего достаточно подробные сведения об этнографии народов Приазовья и Поволжья (не только о татарах, но и о мордве⁵ и иных народах), о политической ситуации в «Татарии» в первой половине XV в., в частности – о «великом Магомете императоре»

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. – Казань, 2002. – С. 12–36.

² Гатин М.С. Западноевропейские источники [по истории татарских государств XV–XVIII вв.] // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 20–28; Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodzel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – 5–17 s.

³ Его мемуары в XV в. были изданы не менее 4-х раз. Современные издания см., например: Schiltberger Johannes. Als Sklave im Osmanischen Reich und bei den Tatern: 1394–1427. – Stuttgart, 1983. – 253 p.; Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984. – 88 с.; Иоганн Шильтбергер о Татарии // Из глубины столетий. – Казань, 2000. – С. 209–214.

⁴ Первый раз рассказ издан в Венеции в 1543 г. под следующим заглавием: «Viaggi fatti da Venetia, alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli: con la descritione particolare di Citta, Luoghi, Siti, Costumi, et della Perta del gran Turco etc.», о чём нас информирует «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефона. См. также: Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971. – 274 с.

⁵ Область «Moxia» указана Иосафатом Барбаро в § 57, а рассказ о верованиях и образе жизни народа «Moxii» – в § 58.

(об Улуг-Мухаммеде); описания путешествий посла Венецианской республики Амброджо Контарини¹ (1429–1499) через Польшу, Крым и Грузию к персидскому шаху, а также его возвращения домой через «татарские степи» (Campagna di Tartari) и Московию, в котором представлены интересные сведения о татарах Поволжья и Крыма и в целом о Восточной Европе; итальянского купца Марко Фоскарино (?–?), посетившего «расположенную между Польшей и Татарией» Россию в 1557 г. и давшего описание многих «татарских Орд», в том числе «Орды казанских татар» (Orda di Tartari Cassani)²; немца Генриха Штадена (1542 – после 1579), служившего в опричном войске Ивана Грозного в 1564–1576 гг. и достаточно подробно описавшего, «как великий князь [Иван IV Грозный] завоевал и добыл Казань и Астрахань» и т. д.³; английских купцов Христофора Бэрроу (?–?), Уильяма Тэринбулла (?–?) и др., живших в Казани с 22 по 26 сентября 1579 г. и с 26 мая по 4 июня 1581 г.⁴; Джерома Горселя (ок. 1550 – 1626) – английского коммерсанта, с 1573 по 1591 г. находившегося в России и описавшего взаимоотношения Ивана IV с татарами⁵; Антонио Поссевино (1534–1611) – папского посла, побывавшего в России в 1581–1582 гг.⁶; Джайлса Флетчера (1548–1611) – английского посла в Москве в 1588–1589 гг.⁷; секретаря польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III немца Рейнгольда Гейденштейна (1553–1620)⁸.

Отдельно я выделяю произведения ещё пятерых авторов – «Tractatus de duabus Sarmatiis» («Трактат о двух Сарматиях») профессора Краковского университета, придворного врача и астролога короля польского и великого князя литовского Сигиз-

¹ Впервые издано в Венеции в 1487 г. под названием «Viaggio de misier Ambro-gio C., ambassador al gran-signore Ussum-Cassan, re di Persia». См. также: Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971. – 274 с.

² Донесение о Московии второй половины XVI в. – М., 1913. – 151 с.

³ Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925. – 184 с.; Царь-палац (Грозные времена Грозного). – Казань, 1998. – 200 с. (публикация «записок» Альберта Шлихтинга и Генриха Штадена).

⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л., 1937. – 308 с.

⁵ Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVII в. – М., 1990. – 289 с.

⁶ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. – М., 1983. – 272 с.

⁷ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. – СПб., 1891. – 410 с.; Флетчер Дж. О государстве Русском. – СПб., 1906. – 156 с.

⁸ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). – СПб., 1889. – 86+312 с.; Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodzel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – S. 12.

мунда I и короля чешского, венгерского и хорватского Владислава II поляка Матвея Меховского (Maciej Miechowita / Maciej Karpiga, 1457–1523)¹, «Rerum Moscoviticarum Commentarii» («Записки о московских делах») австрийского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна (Siegmund von Herberstein, 1486–1566)², отчёты-донесения английского дипломата и купца Энтони Дженкинсона (Anthony Jenkinson, 1529–1610)³, «Omnium Regionum Moscoviae Monarchae subiectarum, Tartarorumque campestrium, arcium, civitatum praecipuarum, mo-rum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio. Adiuncta praeterea gesta praecipua, tyrannisque ingens moderni Monarchae Moscoviae, Ioannis Basiliadis, nuper perpetrata, vera fide descripta» («Полное и правдивое описание всех областей, подчинённых монарху Московии, а также описание степных татар, крепостей, важных городов и, наконец, нравов, религии и обычаев народа. Присоединены, кроме того, и добросовестно описаны важные деяния и недавняя великая тирания нынешнего монарха Московии Иоанна Васильевича») издателя и историка итальянца Александра Гваньини (Alexander Gwagninus / Alessandro Guagnini / Aleksander Gwagnin, 1538–1614)⁴, а также «Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen» («Давно желаемое описание нового путешествия на Восток, что было совершено по случаю голштинского посольства к монарху Персидскому») ориенталиста и прозаика, математика и физика, секретаря и советника посольства герцога Фридриха III Гольштейн-Готторпского к московскому царю Михаилу Фёдоровичу Романову и иранскому шахиншаху Сефи I немца Адама Олеария (Adam Olearius; настоящая фамилия Ольшлегель / Эльшлегер = Oehlschlegel / Ölschläger, 1599–1671)⁵.

¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.–Л., 1936. – XI+288 с. Книга впервые была издана в 1517 г. (где?) на латинском языке.

² Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – 430 с. Это произведение впервые было издано в 1549 г. в Вене на латыни, вызвало огромный интерес читателей в Западной Европе и уже в XVI в. имело более 10 изданий на латинском, немецком и итальянском языках.

³ Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Бус) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1884. – № 4. – 108 с.; Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л., 1937. – 308 с.

⁴ Гваньини А. Описание Московии. – М., 1997. – 176 с. Книга впервые была издана в 1578 г. в Кракове на латинском языке.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003. – 480 с. Книга впервые была издана в Шлезвиге в 1647 г. на немецком языке с авторскими рисунками (в частности – изображениями различных народов и городов

Степень информативности и достоверности этих письменных источников по истории татар и Казанского ханства, по истории народов указанного государства принципиально различна¹.

Компилятивное (в своей исторической части) сочинение М. Меховского «Трактат о двух Сарматиях»² содержит наиболее полное и очень интересное повествование о татарах XIII – начала XVI в. Автор уделил особое внимание «страшному татарскому народу, живущему в степях Азиатской Сарматии». В 1-м разделе книги («Трактат первый» Книги первой) он информирует читателя о Сарматии Европейской и Сарматии Азиатской (где «ныне живёт много татарских племён»), «о появлении и нашествии татар», «о жестоком опустошении Польши и Венгрии татарами», о том, «как хан принял веру Магомета», «об обычаях татар и о находящемся в их землях», «о границах владений заволжских татар», «о четырёх татарских ордах» и «генеалогии их императоров». Во 2-м разделе книги («Трактат второй» Книги первой) он писал о том, «какие племена и какой народ живёт в Скифии, называемой Татарией», т. е. собственно о многих народах Европы со времен готов и гуннов Аттилы до прихода сюда татар. В 3-м разделе книги («Трактат третий» Книги первой) М. Меховский пишет о «турках – потомках и ветви татар, что доказывается тождеством обычая, языка и боевых приёмов», а также о «роде татар уланов или перекопских» (т. е. о крымских татарах), о «татарах козанских и татарах ногайских».

О татарах Восточной Европы, в частности – о казанских и ногайских татарах³, М. Меховский пишет⁴, что «они – последователи

Поволжья). Второе издание 1656 г. именуется «Vermehrte Neve Beschreibung Der Muscowitischertiiund Persischen Reyse» («Дополненное новое описание путешествия в Москвию и Персию»), а третье издание 1663 г. – «Adami Olearii Ausfuhrliche Beschreibung der Kundbaren Reyse Nach Muscown und Persien» («Адама Олеария подробное описание знаменитого путешествия в Москвию и Персию»). Одно из часто используемых в дореволюционной России переводов: «Описание путешествия Голштинского посольства в Москвию и через Москвию в Персию и обратно».

¹ Далее тексты письменных источников цитируются по публикациям на некоммерческом интернет-сайте «Восточная литература» (<http://www.vostlit.info/>), дата обращения: 11–14.12.2016.

² *Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – S. 14–17.*

³ Здесь следует отметить активное участие представителей ногайских татар в этносоциальной жизни и военно-политической истории Казанского ханства, о чём см., например: *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. – Казань, 2002. – С. 180–182.*

⁴ <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 11.12.2016), перевод М.П. Алексеева.

и поклонники Магомета»; «чаще всего люди среднего роста, широкоплечие, с широкой грудью и некрасивые. Лица у них широкие с плоским носом, цвет кожи тёмный. Они сильны, смелы и легко переносят голод, холод и жару. Верховой езде и стрельбе из лука они предаются с раннего возраста. Всё своё возят с собой и, кочуя с места на место, живут в полях с жёнами, детьми и скотом. У них нет ни городов, ни сёл, ни домов... Они не воруют и не терпят воров в своей среде, но жить грабежом, разоряя соседей, для них – величайшее удовольствие и доблость... Татары хитры и вероломны с чужими, но между собой и со своими весьма честны»; «татарских орд четыре и столько же их императоров. Это именно: орда заволжских татар, орда перекопских, орда козанских (*Cosanensium*) и четвёртая орда ногацких. Добавляют ещё и пятую, не имеющую императора, и называют её казакской (*Kazacka*)»; «татары не могут жить в покое, не делая набегов и нападений на соседей, не унося добычи, не угоняя пленных и скота. Это одинаково свойственно всем татарским ордам, с самого их появления и до сего дня... Отсюда явствует, что татары никогда не живут без грабежа и тревожат нападениями соседние народы. Так и в наше время перекопские татары часто бросаются на Валахию, Руссию, Литву и Московию. Ногайские и козанские татары вторгаются в Московию, предавая её убийствам и разграблению».

В Книге второй «Трактата...» имеется также отдельная глава, озаглавленная как «О татарах козанских и татарах ногайских». Текст главы небольшой, приведём его полностью: «Третья орда – козанских татар – названа так по замку Козан, стоящему над рекой Волгой у границ Московии, где они живут. Они произошли от главной татарской орды, а именно от чагадайских или заволжских татар, как и все другие татары. Эта Козанская орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов. Об их государях, деяниях и генеалогии не пишут, так как они – даниники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей. Поэтому к ним можно будет отнести то, что будет сказано о государе москов [великом князе московском]. Четвёртая орда, молодая и недавно существующая, позднее других возникшая, как ветвь заволжских татар, это оккассы или ногайские татары. После того как Оккасс, выдающийся слуга и воин великого хана, имевший 30 сыновей, был убит, сыновья его отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно, лет за 70 или немного меньше до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наи-

более многочисленной и самой крупной ордой. Они ближе всех других татар к холодному северу и примыкают к восточному краю Московии, которая часто подвергается их набегам и грабежам. Правят у них сыновья и внуки Оккасса. Ни денег, ни монеты там нет, а продают они вещи за вещи, т. е. за рабов, детей, скот и выочных животных».

Далее в статье «О Московии», описывая «государство москов», т. е. Московию, М. Меховский указывает, что Волга, «по-татарски называемая Эдель», «подходит к замку Козан, которым владеет князь Московии, и наконец, к замку Сарай, принадлежащему Татарам». «За Москвией на северо-востоке, – пишет М. Меховский, – на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся... Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела».

Подводя итог обзору произведения М. Меховского, еще раз отмечу, что в исторической части «Трактат...» по преимуществу представляет собой компилятивный труд, в части же географии и этнографии он почти всегда оригинален и целиком является первоисточником¹, безусловно заслуживающим самого внимательного к себе отношения и изучения...

Одно из наиболее полных и достоверных описаний соседних с Московским государством стран и народов первой половины XVI в. мы находим в написанных в 1549 г. «Записках о московских делах» Сигизмунда фон Герберштейна. Чрезвычайно ценна представленная им информация о некоторых нюансах этнополитической и социально-экономической истории казанских и ногайских татар, иных этносов Среднего Поволжья (в частности – о марицах, мордве и чувашах). С. Герберштейн, чуждый этнической и религиозной нетерпимости, сообщает нам множество интересных сведений об этих народах – приводит их этнические названия (например, экзо- и эндоэтнонимы Czeremissae, Czubashi/Zuwaschi, Mordwa), характеризует язык, описывает основные занятия, особенности быта, религию, их участие в казанско-московском военно-политическом противостоянии и т. д., чем существенно дополняет информацию других письменных источников². К примеру, у С. Герберштейна мы находим первое упоминание о Чувашии (Schvuuaij) как осо-

¹ Гатин М.С. Западноевропейские источники [по истории татарских государств XV–XVIII вв.] // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 21.

² См., например: Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. – СПб., 1884. – 571 с.; С. Герберштейн о татарах Восточной Европы в XVI веке // Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – С. 235–253.

бай области в составе Казанского государства и одно из первых упоминаний чувашей (Czubashi/Zuwaschi) как отдельного этноса.

Особого внимания заслуживают отчёты-донесения английского дипломата и путешественника Энтони Дженкинсона¹, в 1557–1571 гг. побывавшего в России (жил в Казани с 29 мая по 13 июня 1558 г.), Средней Азии и Персии и много интересного написавшего про «Татарию», про татар (в т. ч. про ногайских и крымских), мордву, «татар, называемых черемисами», «землю черемисов» (Cheremizes), «страну Вачен/Вачин» (Vachen/Vachin), расположенную «между Казанью и Камой», про «Волгу, по-татарски называемую Итиль», про «богатый» и «прекрасный» город Казань, про Астрахань и Сарайчик, про «бухарцев и прочих татар» и т. д.

Первый отчёт Дженкинсона «Путешествие из Лондона в Москву: 1557–1558 гг.» содержит информацию о поездке автора в Москву, где в частности он видел «12-летнего наследника казанского царя, покоренного русским царем тому лет 8 назад [т. е. Утамыш-Гирея]». Второй отчёт «Путешествие в Среднюю Азию: 1558–1560 гг.» содержит информацию о его путешествии из Москвы в Бухару, где в пути он видел «замок Касимов (Cassim), находящийся под управлением татарского князя Шиг-Алея (Utzar Zegoline), когда-то царя богатого города Казани, ныне же подданного московского царя»; «замок, называемый Чебоксары (Sabowshare), в 16 лигах от Васильгорода» и его «окрестную страну Мордву (Mordovits)», жители которой когда-то «исповедовали языческую веру, а теперь, будучи покорены нынешним русским царем, по большей части крещены, но живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ»; «замок Свияжский (Swyasko), в 25 лигах от вышеупомянутых Чебоксар»; столицу ранее «самостоятельного государства» Казань – «прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме»; «Купеческий остров, который был обычным местом, где все купцы – русские, казанцы, ногайцы и крымцы – съезжались и производили торг, покупали и продавали, но теперь торг оставлен, и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря»... Дженкинсон в своём втором отчёте пишет, что «страна между Казанью и Камой называется Вачен, ее обитатели язычники и живут в диких местах без домов и других жилищ; страна же на той стороне Волги против Камы называется землей черемисов – полуязычников, полутатар; а страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и

¹ <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.12.2016), перевод Ю.В. Готье.

северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами (Turkamen), носит название страны Мангат или ногаев; жители ее держатся закона Магомета», а ранее у них «были долгие и жестокие войны» с русскими. Автор достаточно подробно описывает ногайских татар, имевших, как мы знаем, свои кочевья и на территории Казанского ханства.

Житель Витебска и Кракова итальянец Александр Гваньини в своих «Описаниях...», как это видно из текста титула книги, дал, кроме всего прочего¹, «описание местоположения, нравов и образа жизни степных татар, разделенных на орды или некие области»². По имеющейся у меня информации, в русском переводе этот раздел сочинения Гваньини отсутствует³. К большому сожалению. Однако в главе 1-й «Описаний...» мы находим два очень интересных и достаточно информативных параграфа под названием «Народ черемисы» и «Народ мордва»⁴. Необходимо отметить, что под этнонимом «черемисы» в первую очередь надо понимать марийцев, однако под ним могут «скрываться» также и чуваши, и удмурты, что неоднократно наблюдалось в письменных источниках. В тексте параграфа «Народ черемисы», на мой взгляд, фигурируют луговые марийцы и северные удмурты. Чуваши же отмечены итальянцем в разделе «Народ мордва» как «верхние/горные черемисы» (в противоположность «северным черемисам»). Хотя очень возможно, что речь здесь идёт опять-таки не о чувашах, а о горных марийцах либо и о чувашах, и о горных марийцах в совокупности.

Автор описывает черемисов, уже находящихся в русском подданстве. Однако вполне логично данное описание экстраполировать и на период Казанского ханства, с единственным уточнением, что нельзя забывать о серьёзных военных действиях, ведущихся на территории Среднего Поволжья как минимум с 1545 г.⁵ (затем:

¹ В книге, как указано в тексте титула, «достаточно сказано о лютости и жестокости московитской» и о «частых войнах [московитов] с литовцами, ливонцами, шведами или с перекопскими татарами, турками и другими соседними народами».

² *Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – S. 12–14.*

³ Ср.: Гваньини О. Хроніка Європейської Сарматії. – Київ, 2009. – 1008 с.

⁴ <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 13.12.2016), перевод Г.Г. Козловой.

⁵ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 96; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. – Ижевск, 2005. – С. 118.

1552 г. – взятие Казани войсками Ивана Грозного, 1552–1557 гг. – так называемая Казанская или Первая Черемисская война, 1571–1574 гг. – Вторая Черемисская война), что, безусловно, сказалось на жизнедеятельности многих местных народов. Итак, по мнению А. Гваньини, черемисы «живут без всяких домов в обширных лесах между провинциями Вяткой и Вологдой», «имеют собственный язык и исповедуют магометанскую религию, а некоторые являются язычниками (не зная никакого Бога)», «занимаются воровством и грабежом и чрезвычайно склонны к магическим заклинаниям», «питаются, главным образом, мясом диких зверей и медом (у них очень много ульев), хлеб же едят редко», «все их ремесло и труд – охотиться с луком на диких зверей, мясом которых они питаются».

Про мордву и «верхних черемисов» (чувашей? горных марийцев? чuvашей и горных марийцев?) Гваньини пишет следующее: «Двигаясь на юго-восток от Нижнего Новгорода.., встречаем огромные дикие леса, которые населены на большом протяжении вдоль знаменитой реки Волги народами [!] под названием мордва. Они говорят на собственном языке, живут в деревнях, разбросанных повсюду, и занимаются земледелием. В изобилии у них мед и разнообразная ценная пушнина. Люди эти суровые и воинственные, они храбро отгоняют от своих земель разбойничающих татар (которые обитают по соседству), сражаются почти всегда пешими, вооружены длинными луками, чрезвычайно искусны в стрельбе: зверей бьют стрелой, пущенной в нос, чтобы сохранить мех неиспорченным и нетронутым. Некоторые из них исповедуют магометанскую религию, некоторые упорно остаются язычниками... С ними смешаны другие народы – черемисы, которые для отличия от северных черемисов (о которых сказано выше) называются верхними черемисами или горными, от холмов, на которых обитают». И тут же автор «Описаний...» отмечает: «Здесь нам надо было бы рассказать о соседних и пограничных с московской державой татарах казанских и прочих степных, разделенных на орды, но чтобы не прерывать начатой темы, нам кажется небесполезным в немногих словах обрисовать нравы, религию и обычай московитов. После же окончания этого описания мы кратко коснемся территории татар и обычаяев этого народа». Повторюсь – к сожалению, текст Гваньини о татарах на сегодняшний день всё ещё не переведён на русский язык.

Как мы видим, А. Гваньини даёт достаточно подробную информацию о периферийном населении юго-западных, западных и северо-западных территорий Казанского ханства, к моменту написания книги оказавшемся уже в составе Российского государства. Особо оригинальной, на наш взгляд, является его мысль о том, что

«черемисы» и «народы под названием мордва» в большинстве своём исповедовали ислам, что противоречит сведениям очень многих иных письменных источников, отмечающих лишь незначительную исламизацию периферийных народов Казанского ханства.

Интересная и содержательная информация о «черемисских татарах» (марийцах и чувашах) и о «Казанской стране», которая «была некогда [суверенным] Татарским Царством», находится в «Описании путешествия...» Адама Олеария¹. В Главе IV Книги 4-й, которая именуется «О Черемисских Татарах», автор пишет: «Здесь начинается другой род Татар, именно Черемисы (Ceremissen), которые простираются далеко за Казань, живут по обеим сторонам Волги, большую частью не в домах, а в дрянных лачужках, питаются своим скотом, медом и дичью, отлично стреляют из лука и приучают к тому детей с малолетства. Это коварный, хищнический и колдовству преданный народ. Обитающие на правом берегу Волги называются Нагорными (Nagorni), ибо они живут на возвышенной местности, на горах и между горами... Обитающие же на левом берегу называются Луговыми (Lugowi), ...ибо там, по причине низменной и влажной почвы, множество прекрасных лугов и полей, с которых снимается громадное количество сена, доставляющего корм для скота и Нагорных Черемисов. Гваньин говорит, что народ этот частью язычники, частью Магометане; живущие около Казани, сколько мог я дознать, только все язычники; ибо у них нет ни обрезания, ни крещения... Большинство из них верует, что есть бессмертный Бог, который делает людям добро на земле, и по тому его должно призывать; но что он такое, и как должно чтить его, сообразно с его волею, они не знают. Они не верят воскресению мертвых, и за тем в будущую жизнь, и думают что со смертью человека, как и со смертью скота, все кончено... Наконец, хотя они не верят в ад, но верят в существование черта, которого зовут мучителем, и думают, что черти, во время жизни, могут причинять скорбь и все сердечные боли, почему и стараются задабривать их жертвоприношениями. Верстах в 40 на юг от Казани, в одном болотистом месте, течет река или ручей, который Черемисы называют Немда (Nemda) и которому они ходят на поклонение и для приношения жертв; они говорят: кто приходит туда и не приносит никакой жертвы, тот должен зачахнуть до смерти, или высохнуть; ибо они полагают, что там, и в особенности у речки Шукшан (Schokschem), текущей верстах в

¹ <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 14.12.2016), перевод А.М. Ловягина.

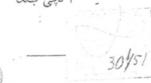
10 от Немды, черт имеет свое главное местопребывание... Черемисы приносят иногда жертвы и Богу, убивают лошадей, коров или овец, натягивают шкуру их на колья, варят тут же мясо, берут его полное блюдо в одну руку, а чашу с медом, или другим каким напитком в другую, бросают и выливают то и другое в огонь, расположенный против развешанной шкуры, со следующими словами: «Ступай, снеси мои желания к Богу!». Или же: «Боже, я жертвую это тебе: прими это милостиво от меня и дай мне больше скота», или иного чего, что бы они желали иметь у себя. Так как они не верят ни в какую другую жизнь, кроме здешней, то и все просьбы их и молитвы устремлены только к временному. Они поклоняются также солнцу и месяцу; ибо замечают, что действием их доставляется много доброго для земли и скота их... У Черемисов нет ни письмен, ни священников, ни церквей. Язык их также особый, имеющий мало сродства с обыкновенным Татарским... Если умрет у них зажиточный Черемис, то лучшую лошадь его убивают, и у какого-нибудь ручья, или реки, съедают ее оставшиеся в живых друзья и челядинцы покойника (все жертвоприношения и подобные торжественные обряды совершаются ими непременно у ручья); покойника же зарывают в землю, а одежду его вешают на дерево. Черемисы имеют за раз по 4 и по 5 жен и не обращают внимание на то, если 2 или 3 из них родные сестры. Женщины и девицы ходят обыкновенно закутанные в толстый, белый, холщевой платок, закрывающий даже лицо. Невесты на передней части головы носят украшение, торчащее у них наподобие рога, длиною в локоть, на конце которого, к пестрой кисточке, привешивается маленький колокольчик. Мужчины ходят в длинных полотняных кафтанах (холстах), под которыми носят порты; волосы же на голове коротко, почти до тела, подстригают; несвободные же из них оставляют на маковке длинную косу, которую иногда завязывают узлом, а иногда заплетают, как женские косы, и оставляют висеть вдоль спины, как это видели мы на многих из них, не только здесь, но и в Казани также...».

В Главе VI Книги 4-й, которая именуется «О городе Казани и о том, как он подпал под владычество Москвитян», мы читаем: «Город Казань лежит на левом берегу Волги, в 7 верстах от ее берега, в ровном поле, на небольшом холме, при р. Казанке (Casanka), от которой город и вся окрестная страна получили свое название... Казанская страна, простирающаяся налево до Волги, на север до Сибири и на восток до владений Ногайских Татар, была некогда Татарским Царством. Так как страна эта имела громадное население и могла выставить в поле до 60 тысяч человек, то Татары

вели с Русскими тяжкие и кровавые войны и иногда принуждали их платить им дань, но наконец покорены были под Царское Владычество». Здесь же Олеарий подробно описывает завоевание Казанского ханства.

Как мы видим, Адам Олеарий даёт нам достаточно интересные сведения о «черемисских татарах» и о том, как Казань «подпала под владычество Москвитян». Безусловный интерес представляют и очень информативные гравюры, выполненные в 1640–1660-е гг. по оригинальным рисункам (сделанным с натуры) Олеария и под личным его надзором, которые, однако, требуют особого профессионального рассмотрения...

В заключение отмечу, что западноевропейские авторы XV–XVII вв. внесли свой посильный вклад в историографию истории Среднего Поволжья начала XV – середины XVI в., а их произведения представляют собой достаточно оригинальные письменные источники, отражающие в первую очередь понимание именно самими западноевропейцами этнополитической и социально-экономической истории Казанского ханства и народов, его населявших. И в этом их несомненная огромная ценность.

سادی آنلاسیف.

52810

نحو جلد

ایمکنی رامانی.

Отечественная историография Казанского ханства

لِإِلَامِ الْعَلَمَةِ اسْمَاعِيلِ الشَّعْبَانِ شَهَابِ الْجَنَانِ الْمَرْجَانِ (الْمَرْجَانُ رَحْمَةُ اللَّهِ)
لِدُكْلَانِ فِي فَصَمَمْهُ مِنْهُ لَأَوْلَى الْأَلَابَابِ

كل علم ليس في المطلب شائع وكل سراجون الاندون شائع
« أول مرتبة بالماستری »

بر سکنی پاکیزہ سے رخصت بیرونی سائکٹ پیٹر بر رویہ ۳۰ ہیں
اولین ۱۴۰۰ ہیں پانچ

بر حکم فرانز آردوین و پیشنهاد مخاطب خانه منتهی باشند از نظر این مکان
تاشکندها کل هم خراف صفت شریف احمدیان از اهلی باکو و فردان
در اینجا این ابلان ۴۰۰ نیم بلندی باشند.

基金设立与存续

1000 v.

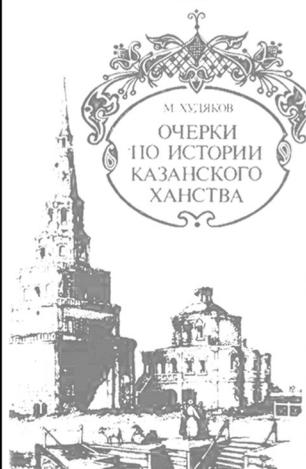

С. Х. АЛИШЕВ

Казань и Москва:

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XV—XVI в.

В.Д.ДМИТРИЕВ

من تلقيح الاختار في وقائع قرآن وبغار و ملوك التبار

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XV–XVI ВВ. И В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА

Казанское ханство (1438/1445–1552/1556) имело богатую историю¹. Однако письменные источники по истории этого государства очень ограничены, а их сведения предельно отрывочны². Наиболее полное отражение истории ханства получила в русских летописях XV–XVI вв.³, что привело к их максимально активному использованию практически во всех исследованиях этнополитической и социально-экономической истории этого татарского «царства»⁴.

¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / подг. к печати, предисловие Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2004. – 304 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405; Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 289–358.

² Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 62; Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нarrативные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 114.

³ Keenan E.L. Coming to Grips with a Kazanskaya Istorya: Some Observations on Old Answeres and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. – 1968. – Vol. XI. – №1/2 (31/32). – 143–183 p.; Pelenski J. Russian and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560 s.). – Hague–Paris, 1974. – 368 p.; Kennedy C.G. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the XV and XVI centuries. – Harvard, 1994. – 238 p.; Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 62–65; Его же. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 62–77; Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нarrативные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 114–129; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – 288 с.

⁴ Хамидуллин Б.Л. Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. – Казань, 1997. – С. 202–204; Его же. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–228; Его же. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций

И, начиная с конца XIX в., указанное мной активное использование летописей неоднократно критиковалось в отечественной и зарубежной историографии¹. Так, директор гарвардского Русского исследовательского центра Эдвард Кинан, исследуя взаимоотношения Москвы и Казани в XV–XVI вв., в своей диссертации «Московия и Казань. 1445–1552 гг.: исследование степной политики» (защищена в 1965 г.), а также во многих своих научных статьях² неоднократно отмечал, что доверие русским летописям при реконструкции взаимоотношений Московского государства и татарских ханств во многом ошибочно. Позднее его мнение поддержали и некоторые другие исследователи, показавшие своё глубокое знание средневековых русских письменных источников³. В то же время большинство коллег Э. Кинана, в их числе авторитетные учёные И. Шевченко⁴ и Я. Пеленски⁵, в своих работах активно опирались на сведения русских летописей XV–XVI вв., отмечая при этом, что тезис Э. Кинана в отношении этих источников слишком радикален. Многие современные историки солидарны с мнением И. Шевченко и Я. Пеленски и продолжают в своих исследованиях опираться именно на русские летописи XV–XVI вв. (например, см. монографию А.В. Аксанова⁶). В отечественной и зарубежной историографии так и не сложилось однозначное отношение к русским летописным источникам.

* * *

Для предыстории и ранней истории Казанского ханства наибольший интерес представляют великолкняжеские своды и летописи первой половины XV в.⁷. В первой трети XV в. появилась новая

по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

¹ Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 63.

² См., например: Keenan E.L. Coming to Grips with a Kazanskaya Istoriya: Some Observation on Old Answeres and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. – 1968. – Vol. XI. – №1/2 (31/32). – 143–183 р.

³ См., например: Kennedy C.G. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the XV and XVI centuries. – Harvard, 1994. – 238 р.

⁴ Sevcenco I. Moscow's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled // Slavic Review. – 1967. – Vol. 26. – № 4. – 541–547 р.

⁵ Pelenski J. Russian and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560 s.). – Hague–Paris, 1974. – 368 р.

⁶ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – 288 с.

⁷ Общее обозрение русских летописей XIV–XVI вв. см.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.–Л., 1938. – 374 с.

редакция т. н. «Свода 1408 года» / Троицкой летописи (по мнению Н.М. Карамзина, – части какого-то более раннего произведения – «Летописца великого Русского»¹), непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце, Никоновской и Симеоновской летописях, а также в цитатах, достаточно часто используемых Н.М. Карамзиным при написании «Истории государства Российского». Следующим за Троицкой летописью памятником общерусского летописания был т. н. Новгородско-Софийский свод 1430-х гг., отразившийся в Новгородской IV, близкой к ней Новгородской Карамзинской (единственный её список принадлежал Н.М. Карамзину) и Софийской I летописях.

Софийская I летопись послужила основным источником московского великокняжеского летописания, отразившегося в разных редакциях в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, московских сводах конца XV и XVI в. Большинство указанных летописей отличаются крайней промосковской позицией, тенденциозно представляющей историю московско-казанских отношений². В них есть информация о нюансах взаимоотношений Василия II с ханом Улуг-Мухаммедом как до свержения последнего с золотоордынского престола в 1437 г., так и в период становления независимого от Сарая Казанского ханства (1438–1445), очень подробно рассмотрены события войны Ивана III с Казанским ханством в 1467–1469 гг. (т. н. «Первая Казань» / «Первая казанская война»), в 1487 г. и т. д.

Независимое общерусское летописание XV в. представлено Ермолинской и сходными с нею летописями. Автор Ермолинской летописи, в отличие от летописей, восходящих к Софийской I, немногого иначе описал события 1467–1469 и 1487 гг. и взаимоотношения Москвы и Казани в конце XV – первой трети XVI в. Ермолинская летопись явилась основой для свода, ставшего протографом для Софийской II и Львовской летописей. Сам текст Львовской летописи доведён до 1560 г. и во второй своей части (1518–1560 гг.) отражает свод 1560 г., близкий к «Летописцу начала царства»³. Эти летописные своды вызывают особый интерес, поскольку они сохранили независимые от официального историописания свидетельства об обстоятельствах тех или иных событий, о политической борьбе и

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Прим. № 148 к т. V.

² Sevcenco I. Moscow's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled // Slavic Review. – 1967. – Vol. 26. – № 4. – 541–547 p.

³ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С. 199–205.

взаимоотношениях Москвы с татарскими ханствами. К концу XV в. независимое летописание исчезает или приобретает локальный характер. Вразрез с позицией официального летописания идут лишь авторы нескольких провинциальных летописей, в частности – автор Устюжского свода, подробно и уникально описавший события войны 1467–1469 гг., конфликт 1478 г. и войну 1487 г. и почти проигнорировавшего военные события 1505–1506 гг.¹.

Официальное русское летописание XVI в. в свете нашей темы интересно двумя объёмными летописями – Никоновской (ее оригинальная часть заканчивается сообщением 1520 г. после информации о воцарении в Казани в 1519 г. хана Шах-Али) и Воскресенской (завершается рассказом о вторжении войск казанского хана Сафагирея в 1541 г.). Основными источниками Никоновского свода, по мнению Б.М. Клосса, были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (т. н. Новгородская хронографическая) и близкая по времени к Никоновской Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский хронограф. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по средневековой русской истории, причём часть из них уникальна². Однако использование большого числа источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода. В первую очередь, это касается «избыточных» сведений. Так, уже доказано, что целый ряд подобных сведений, касающихся Волжской Булгарии и её населения, являются вставками её сводчика/редактора³. Тем не менее Никоновская летопись – один из важнейших источников по истории Казанского ханства. Более подробно отражение истории Казанского ханства на страницах Никоновской летописи было рассмотрено мной в отдельной публикации⁴, тексты Никоновской и

¹ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – С. 45, 59–103, 129.

² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – 313 с.; Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 62–77.

³ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С. 187; Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 64–66.

⁴ Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 62–77.

Воскресенской летописей использовались в целом ряде наших исследований¹.

Новым явлением XVI в. стало активное использование историописания в создании государственной идеологии. Никоновская летопись послужила материалом для «Книги Степенной царского родословия», в которой последовательно проводилась мысль о богоизбранности Руси–России. В отличие от других летописей, Степенная книга, излагающая события русской истории от призвания варягов по 1563 г., была разбита на 17 глав – степеней, соответствующих 17 поколениям русских великих князей: от Владимира Святославича до Ивана IV. В символическом же понимании «степени» – это ступени, ведущие к Богу, поэтому в центре каждой степени находится биография великого князя, рядом с которой помещены жизнеописания митрополитов и святых, живших в то время. Книга была написана в начале 1560-х гг. протопопом московского Благовещенского собора Андреем, который участвовал в походе на Казань в 1552 г. Именно поэтому из всех сюжетов московско-казанских отношений наибольшее внимание автор уделил лишь взятию Казани.

Среди важнейших для изучения истории Казанского ханства следует назвать также «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», составленный при непосредственном участии А.Ф. Адашева. Текст летописи охватывает сравнительно небольшой период времени – с 1533 по 1556 г. и освещает преимущественно 2 темы – укрепление самодержавия Ивана IV и «присоединение» Казани. Здесь содержится самое раннее описание московско-казанской войны 1545–1552 гг., особо подробно повествуется об осаде и взятии Казани в октябре 1552 г.

Особо необходимо выделить историко-публицистическую повесть XVI в. под названием «Казанская история» («История о Казанском царстве», «Казанский летописец»), насквозь пронизанную идеей православного мессианизма и имперской концепцией, оправдывающими завоевание Казани и вообще всех нехристианских государств и народов². Она была написана около 1565 г. (Э. Кинан

¹ См., например: Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 289–358.

² Keenan E.L. Coming to Grips with a Kazanskaya Istorya: Some Observation on Old Answeres and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. – 1968. – Vol. XI. – №1/2 (31/32). – 143–183 р.; Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 62–65; Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нarrативные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 119–120; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосу-

считал, что она написана в середине XVII в.¹⁾ анонимным русским автором, ранее занимавшим какую-то должность в ханской канцелярии и ставшим непосредственным очевидцем последних 20 лет самостоятельного существования Казанского ханства. Не исключено, однако, что авторство некоего «очевидца» – просто литературный приём, который должен был придать историко-публицистической повести видимость достоверности и объективности. Источниками сведений для её автора были легенды и рассказы очевидцев, официальные документы, русские летописи и литературные труды, наиболее актуальные в эпоху Ивана IV². Основу повествования составляет предыстория и история Казанского ханства, к сожалению – без чёткой датировки и хронологической последовательности изложения. Ради своей концепции автор тенденциозно описывает реальные события, создаёт вымышленные эпизоды, вводит новые факты, а саму историю Казани переосмысливает и делает формой выражения своей монархической идеи. Именно поэтому «Казанская история» – очень специфический источник для изучения Казанского ханства, довольно оригинальный, содержащий множество сведений по истории этого государства, но требующий очень внимательного и критичного отношения к себе.

Важно отметить также не имеющую аналогов в мировой культуре, созданную всего лишь в одном экземпляре опять-таки при непосредственном участии А.Ф. Адашева т. н. «Царь-книгу», или «Лицевой летописный свод Ивана Грозного»³. Она была написана в 1560–1570-е гг. (скорее всего в 1568–1576 гг.) и содержала историческую информацию «от сотворения мира» до 1567 г., т. е. здесь история русского государства рассматривалась уже в рамках всемирной истории. Над книгами Лицевого свода работал большой штат книжников и художников (около 25 человек). В результате их работы свод состоит из около 10 тыс. листов и около 17 тыс. иллюстраций, причём изобразительный материал занимает около 2/3 всего объёма памятника, тексты минимальны. История Ка-

дарственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – С. 45–47.

¹⁾ Keenan E.L. Comming to Grips with a Kazanskaya Istorya: Some Observation on Old Answeres and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. – 1968. – Vol. XI. – № 1/2 (31/32). – P. 148.

²⁾ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – С. 46.

³⁾ Текст свода см.: Лицевой летописный свод XVI века // <https://www.ranivers.ru/lib/book6958/> (дата обращения 13.08.2018). О своде см., например: Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. – М., 2005. – 285 с.

занского ханства нашла отражение в т. н. «Шумиловском томе» (здесь дана информация о событиях 1425, 1478–1533 гг.), т. н. «Синодальном томе» (здесь дана информация о событиях 1533–1542, 1553–1567 гг.) и «Царственной книге»¹ (здесь дана информация о событиях 1533–1553 гг.). Историческая концепция свода базируется на изложении исторического процесса в целях укрепления самодержавной власти московского царя, созданию представления о том, что Русь является наследницей древних монархий и оплотом православия в борьбе с «безбожными басурманами», в частности с «безбожными басурманами казанскими татарами» / «безбожными казанскими сарацинами». Лейтмотивом повествования являются слова, вложенные в уста «родившегося в Казани дитя человеческого образа»: «Повинуйтесь без лукавства Московскому государю! Если же не станете, то погибнете»²...

* * *

Научный интерес к истории Казанского ханства проявился уже в XVIII в.³, в период формирования просветительства и становления дворянской историографии в России. Оригинальной спецификой дворянской историографии того времени было ограничение круга её интересов исключительно вопросами политической истории. Поэтому многие социально-экономические и этнокультурные аспекты развития общества изучались слабо, а в центре внимания находились лишь такие события, как дипломатия и войны (аналогичная ситуация наблюдалась в XIX в. и в зарождающейся татарской исторической науке⁴). Ограничивала творческую активность историка и его исследовательские возможности также зависимость от формы изложения материала в источниках и сам способ его критического анализа. Летописная форма долгое время была превата-

¹ См., например: Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. – СПб., 1893. – 52 с.

² Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 20. Русь (1544–1559 гг.) // <https://www.universities.ru/upload/iblock/138/LLS20.pdf>. Л. 414. (дата обращения: 13.08.2018).

³ Хамидуллин Б.Л. Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. – Казань, 1997. – С. 202–204; Его же. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

⁴ Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–228.

лирующей в изложении средневековой истории России, а факты, отражённые в летописях, практически не подвергались сомнению. Эта зависимость заметна в трудах ранних российских историков, таких как А.И. Лызлов, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др. Да и С.М. Соловьёв не отошёл полностью от этой формы. Не удивительно, что и первые исследования, посвящённые непосредственно Казанскому ханству, создавались по этим «летописным» лекалам, следуя в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина¹.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) был одним из первых исследователей, кто обратился к сюжетам истории Казанского ханства не как летописец, а как профессиональный историк, в частности критически воспринимавший некоторые известия летописей. В своём изложении истории России Н.М. Карамзин продолжил просветительскую концепцию её прогрессивного развития в едином контексте с другими европейскими странами. В то же время он рассматривал историю России и как особый объект исторического изучения, обладающий национальными особенностями. Его «История государства Российского» стала первым научным трудом, творчески обобщившим в начале XIX в. разные исследовательские направления предшествующего столетия, прежде всего западные просветительские и российские «просвещённого абсолютизма».

Н.М. Карамзин, используя обширный летописный материал, среди которого были впервые введенные им в научный оборот источники, привёл в «Истории государства Российского» ряд новых данных, относящихся к истории возникновения, политического развития и завоевания Казанского ханства. Информацию об этом татарском ханстве Н.М. Карамзин черпал главным образом из русских летописей, в особенности из «Казанской истории», сведениям которой он в целом доверял и которую часто цитировал. Как известно, «История государства Российского» в целом носит описательный характер, позиция автора в отношении интересующей нас темы предельно ясна. В изложении Н.М. Карамзина взаимоотношения Руси с восточными народами вписаны в рамки борьбы русских государей с кочевниками: сначала с «завоевателями» хазарами и «варварами» печенегами, потом с торками, затем с «неутомимыми злодеями» половцами. «Татарские орды» исследователь также считал априори

¹ Хамидуллин Б.Л. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

враждебной силой, объектом справедливой борьбы православного русского народа.

Изучение тюрко-мусульманских государств на территории будущей Российской империи не входило в задачу Н.М. Карамзина. Между тем, не занимаясь специально татарскими странами, он своё отношение к раннесредневековым кочевникам, как к силе, препятствующей развитию Русского государства, перенёс и на Золотую Орду, и на Казанское ханство. Исследователь, опираясь на мнение большинства русских летописцев, искренне верил, что т. н. «татарское иго» отбросило Россию на несколько столетий назад в своём развитии. Однако именно ему принадлежит знаменитая фраза, и поныне отражающая мировоззрение определённой части исторического сообщества, что «Москва обязана своим величием ханам», и мысль, что именно благодаря татарам русские княжества избежали оккупации католическими странами и имело место государственное возрождение Руси и становление самодержавия.

Как и многие летописцы, Н.М. Карамзин оставил очень мало информации по истории собственно Казанского ханства, основной упор повествования сделав на московско-казанские политические взаимоотношения¹ и на взятие Казани в октябре 1552 г., чему посвящены многие страницы VIII тома «Истории государства Российского»². Николай Михайлович писал, что Казанское ханство – «одно из знаменитых Царств, основанных в пределах нынешней России»³, которое «возникнув на развалинах [Волжско-Камской] Болгарии и поглотив ее бедные остатки»⁴, «имела хищный, воинственный дух Моголов, и торговый, заимствованный ею от древних жителей сей страны»⁵. При этом автор «Истории государства Российского» особо отмечал, что «земли Болгарские» не были «в древнем достоянии России», как о том писали казанский летописец и автор «Скифской истории» Андрей Лызлов⁶, и что «Болгарская земля никогда не принадлежала России»⁷. До прихода в Казань («древний Саинов Юрт») золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда («Махмета») этот город, «в 1399 году опустошенный Россиянами»⁸, «около сорока лет состоял

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989.

² Там же. – Т. VIII, с. 83–116.

³ Там же. – Т. VIII, с. 115.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Т. VIII, с. 105.

⁷ Там же. – Прим. № 319 к т. VIII.

⁸ Там же. – Т. V, с. 159; Карамзин Н.М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г.П. Макогоненко. – М., 1989. – С. 400.

единственно из развалин и хижин, где укрывались несколько бедных семейств»¹. «Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и представил оную в убежище Болгарам, Черемисам, Моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами Россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета Царем и защитником. Таким образом, сей изгнаник Капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником Царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового»² (далее Николай Михайлович называет Улуг-Мухаммеда «Царём Казанским Улу-Махметом»³). Н.М. Карамзин писал, что постепенно «Моголы» смешались с «Болгарами» и «составили один народ, коего остатки именуются ныне Татарами Казанскими, и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области Российские»⁴, и что «доныне Казанские Татары потомки [государства] Золотой Орды и Болгаров»⁵. Также исследователь отмечал, со ссылкой на информацию князя Андрея Курбского, что в Казанском государстве проживали ещё «пять народов: Мордва, Чуваши, Вотяки (в Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверх по Каме)»⁶. «Около 115 лет Казанцы нам и мы им неутомимо враждовали, от первого их Царя, Махмета [Улуг-Мухаммеда], у коего прадед Иоаннов [Василий II] был пленником, до Едигера [Ядыгар-Мухаммада], взятого в плен Иоанном [IV], которого дед [Иван III] уже именовался Государем Болгарским, уже считал Казань нашею

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V, с. 159; *Его же*. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г.П. Макогоненко. – М., 1989. – С. 400.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V, с. 159; *Его же*. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г.П. Макогоненко. – М., 1989. – С. 400.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V, с. 180; *Его же*. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г.П. Макогоненко. – М., 1989. – С. 403.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V, с. 159–160; *Его же*. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г.П. Макогоненко. – М., 1989. – С. 400.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. VIII, с. 115.

⁶ Там же. – Т. VIII, с. 116.

областью, но при конце жизни своей видел её страшный бунт и не мог отмстить за кровь Россиян, там пролиянную. Новые мирные договоры служили поводом к новым изменам, и всякая была ужасом для Восточной России, где, на всей длинной черте от Нижняго Новагорода до Перми, люди вечно береглися как на отводной страже. Самая месть стоила нам дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истреблением войска и коней от болезней, от трудностей пути в местах диких, населённых народами свирепыми¹. Все эти мысли подводили Н.М. Карамзина к выводу о необходимости завоевания Казани Иваном IV Грозным, т. к. «вопрос “надлежало ли покорить Казань?” соединялся с другим: “надлежало ли безопасносию и спокойствием утвердить бытие России?”»². Само же взятие Казани 2 октября 1552 г. описано Н.М. Карамзиным со ссылкой на мнение многих летописцев, в легко читаемом литературно-пафосном тоне: «Так пало к ногам Иоанновым одно из знаменитых Царств… Чувство государственного блага, усиленное ревностью Веры, производило в победителях общий, живейший восторг… Небо благоприятствовало торжеству победы; …Россияне, осаждав Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в неё как бы весною»³. То есть «осень» Казани, «обновляемой во имя Христа Спасителя, осеняемой хоругвями, украшаемой церквами Православия, оживлённой (после ужасов кровопролития, после безмолвия смерти) присутствием многочисленного, радостного войска, среди свежих трофеев»⁴, безусловно, приравнивалась к «весне», возрождению России.

В целом взгляды выдающегося учёного Н.М. Карамзина на историю Казанского ханства и этногенез казанских татар (государство возникло на землях Волжской Булгарии в пределах нынешней России в результате распри в Золотой Орде; первый хан, «возобновитель» или «истинный первоначальник» государства – Чингизид Улуг-Мухаммед; ханство имело воинственный дух монголов (= татар) и торговый дух волжских булгар; казанские татары – этнополитические преемники и Волжской Булгарии, и Золотой Орды; население ханства было полиэтничным, здесь также проживали мордва, чуваши, вотяки (удмурты), черемисы (марийцы) и баш-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. VIII, с. 115.

² Там же.

³ Там же. – Т. VIII, с. 115–116.

⁴ Там же. – Т. VIII, с. 116.

киры; около 115 лет Казань и Москва неутомимо враждовали, что привело к завоеванию Казани осенью 1552 г.) послужили источником формирования научного мировоззрения нескольких поколений отечественных (в том числе татарских) историков и подспудно оказали и оказывают серьёзное влияние на современные представления исследователей истории средневекового Поволжья.

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ¹

Энциклопедия – это отражение всей совокупности научных знаний той эпохи, в которую она создавалась. С этой точки зрения для современных исследователей большой интерес представляют энциклопедические издания прошлых лет.

Как логическое продолжение энциклопедий мусульманского Востока, западноевропейских тезаурусов и русских азбуковников во второй половине XVIII в. в России появились первые энциклопедии, начался процесс становления энциклопедистики как науки. На каждом этапе исторического развития она имела свои особенности. В данной статье анализируется, как история Казанского ханства и связанные с нею исторические события представлены и интерпретированы в энциклопедических изданиях дореволюционной России. Это, во-первых, позволит в рамках данной проблемы проследить процесс зарождения и развития российской энциклопедической мысли; во-вторых, даст возможность выявить историографические особенности изучаемого времени, необходимые при его сравнении с другими периодами. Так, например, после Октябрьской революции 1917 г. в советских энциклопедиях история татар, Золотой Орды и постордынских татарских ханств подверглась явному искажению; источники, приведённые в дореволюционных изданиях, часто игнорировались; дореволюционная литература по большей части оставалась в тени². В связи с этим дореволюционные энциклопедии

¹ Очерк написан в соавторстве со старшим научным сотрудником Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионаоведения Академии наук Республики Татарстан, кандидатом исторических наук *Калимуллиной Фирдаус Галимовной*.

² Калимуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В., Мухаметшина Л.Т. История Золотой Орды на страницах Большой советской энциклопедии // Вестник Екатерининского института. Серия «Исторические науки и археология». – 2016. – № 3 (35). – С. 25.

приобретают особую историческую ценность, являясь, в частности, богатым информативным фундаментом для написания современных энциклопедических статей¹.

В начале XVIII в. идеями энциклопедизма, под влиянием саксонца Готфрида Вильгельма Лейбница и англичанина Джона Харриса, сильно заинтересовался император Пётр I, передавший это увлечение многим своим подданным. В начале 40-х гг. XVIII в. в Петербургской Академии наук и художеств было принято решение о создании переводных русскоязычных энциклопедий. Во многих странах Европы к этому времени уже существовали лексиконы по самым различным отраслям знаний. Имея в виду то обстоятельство, что в России тогда не хватало квалифицированных учёных, на начальном этапе обсуждался вопрос о переводе иностранных энциклопедических словарей, в частности немецких. Но государственный деятель и историк Василий Никитич Татищев (1686–1750) видел основную задачу российских учёных не в переводе иностранных справочных изданий, а в создании оригинальных отечественных лексиконов и с этими намерениями рьяно принялся за дело, став автором первого русского энциклопедического словаря. Первая часть «Лексикона исторического, географического, политического и гражданского» была передана В.Н. Татищевым в Петербургскую Академию наук и художеств в 1745 г., однако в доработанном виде издание увидело свет лишь в 1793 г.², уже после смерти Василия Никитича. В нём нашли отражение исторические представления учёного, получившие более детальное освещение в его знаменитом труде «История Российской».

В «Лексиконе...» В.Н. Татищева нет отдельной статьи «Казанское ханство» / «Казанское царство», но имеются статьи «Казанская дорога», «Казанская, или Болгарская, губерния», «Казанский дворец и приказ», «Казань», в которых упоминаются отдельные эпизоды истории ханства. Использованные при подготовке статей источники и литература не указаны, что наблюдается и в «Истории Российской»³. Учитывая тот факт, что и «Лексикон...», и иные тру-

¹ См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405; *Хамидуллин Б.Л. и др.* Татарстан // Большая Российская энциклопедия. – М., 2016. – Т. 31. – С. 687–697.

² [Татищев В.Н.] Лексикон исторический, географический, политический и гражданский. Сочинённый господином тайным советником и астраханским губернатором Василем Никитичем Татищевым. – М., 1793. – Ч. 1–3. – 311+216+217 с.

³ Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». – СПб., 2009. – 344 с.; *Его же*. Василий Никитич Татищев – историк // Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб., 2011. – С. 439–520. Стоит отметить, что относительно истории Казанского

ды В.Н. Татищева являлись первым опытом создания российской энциклопедии и научных исторических разработок, они не лишены фактологических ошибок и смысловых заблуждений. Например, В.Н. Татищев считал, что Казань «есть главный город в Болгарии Волской»¹ (статья «Казань»), а датой падения Казанского ханства ошибочно указывал 1553 г. («...царь Иоан I [т. е. Иван IV; Иваном I его именовали до Н.М. Карамзина] в 1553 [году Казань] приступом взял и всем оным царством овладел...»)² (статья «Казань»). Само Казанское ханство автор характеризовал как «государство великое и сильное»³ (статья «Казанская, или Болгарская, губерния»). Обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что при описании истории Казани и Казанской губернии В.Н. Татищев пропускает целую эпоху – период Золотой Орды («Волской орды» у автора⁴), до Казанского ханства рассматривая лишь историю Волжской Булгарии. Окончательное покорение Казанского края учёный относит к 1584 г.: «[казанцы] в 1584 году покорены и с того времени в непоколебимом подданстве состоят»⁵ (статья «Казань»). Неоднократное использование В.Н. Татищевым определения «великий» при характеристике Казанского ханства наводит на мысль о том, что учёный признавал былое могущество данного государства.

В «Лексиконе...» упоминается, что после покорения Казанского ханства христианизации больше поддавалось черемисское (марийское) и чувашское языческое население, нежели татары-мусульмане. Повествуя о выступлениях против русского завоевания, В.Н. Татищев отмечал, что Казанскую дорогу (т. е. даругу) заселяли вполне богатые, успешные люди, но много «знатных бунтовщиков» было разорено из-за их участия в бунте против русского правительства. Учёный особо выделял «последний бунт»⁶, под которым, скорее всего, он имел в виду восстание татар в 1735–1740 гг. на территории Казанской, Ногайской, Осинской и Сибирской даруг⁷. Аналогич-

ханства в работах В.Н. Татищева практически нет авторских добавлений по сравнению с текстом русских летописей.

¹ Татищев В.Н. Избранные произведения / под общ. ред. С.Н. Валка. – Л., 1979. – С. 305.

² Там же.

³ Там же. – С. 306.

⁴ [Татищев В.Н.] Лексикон исторический, географический, политический и гражданский. Сочинённый господином тайным советником и астраханским губернатором Василем Никитичем Татищевым. – М., 1793. – Ч. 1–3. – 311+216+217 с.

⁵ Татищев В.Н. Избранные произведения / под общ. ред. С.Н. Валка. – Л., 1979. – С. 305.

⁶ Там же. – С. 307.

⁷ Башкиро-татарские восстания // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 327.

ные мысли учёный высказывал и на страницах своей многотомной «Истории Российской»¹.

Во второй половине XIX в. известный востоковед, тюрколог, заслуженный профессор Петербургского университета Илья Николаевич Березин (1818–1896) издал многотомный «Русский энциклопедический словарь», главным редактором которого он являлся. В данном словаре информация о Казанском ханстве приведена в статье «Казанская губерния», в статье «Казань» всего лишь указано, что это был «гл. город бывшего татарского царства»². Казанское ханство И.Н. Березин, так же как и В.Н. Татищев, считал прямым преемником Волжской Булгарии³. «В первой половине XIII в. Болгария была покорена татарами... Около 1440 г., на месте прежней Болгарии, возникло царство Казанское, собранное Улумахметом из разных народностей: Болгар, Черемисов и Татар»⁴. Казанское царство, как отмечал автор, «имело кратковременное существование»⁵, т. к. «с 1467 г. началось вооруженное вмешательство русских в дела Казанского царства», в результате чего в 1552 г. ханство было «покорено окончательно»⁶. Наряду с В.Н. Татищевым И.Н. Березин признаёт, что после завоевания Казани «происходил постепенно наплыв русского населения в Казанский край: возникли русские города, крепости, монастыри и церкви»⁷. Использованные в процессе написания энциклопедических статей источники и литература И.Н. Березиным не указаны.

Истории Казанского ханства достаточно много внимания уделено в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрон», изданного в 1890–1907 гг. в Санкт-Петербурге. Словарь состоит из 86 томов, включающих 121 240 статей, 7800 иллюстраций и 235 карт. Изданное имело устойчивую репутацию одной из лучших в мире универ-

¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5–6. История Российской. Ч. 3–4. – М., 1995. – 784 с.; *Его же. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7–8. История Российской (окончание). Работы разных лет.* – М., 1996. – 934 с.

² Русский энциклопедический словарь / гл. ред. И.Н. Березин. – СПб., 1877. – Отдел II. – Т. 2. – С. 611.

³ Калимуллина Ф.Г. Вклад И.Н. Березина в российское востоковедение // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых учёных и аспирантов): Сборник статей научно-практической конференции «Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых учёных и аспирантов)» (г. Казань, ОП «ИТЭР АН РТ», 22 апреля 2015 г.). – Казань, 2015. – С. 127–131.

⁴ Русский энциклопедический словарь / гл. ред. И.Н. Березин. – СПб., 1877. – Отдел II. – Т. 2. – С. 608.

⁵ Там же. – С. 609.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

сальных энциклопедий¹. Здесь автором статьи о Казанском ханстве является украинский историк, государственный и политический деятель Николай Прокофьевич Василенко (1866–1935). Многие рассмотренные в статье вопросы истории Казанского ханства – его генезис, социально-политический строй, покорение Казани и т. д. – соответствуют современной трактовке проблем².

Об основании Казанского ханства Н.П. Василенко писал следующее: «...Один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный братом своим Кичимом, искал убежища в России и занял г. Белев. Он надеялся на содействие и помочь вел. князя Василия Васильевича, которому, в бытность свою ханом, не раз оказывал дружбу. Великий князь, однако, приказал хану удалиться из русских пределов, а когда тот не послушался, выслал против него многочисленную рать, под начальством Шемяки и Дмитрия Красного. Хан имел войска всего около 3 тыс. Все его мирные предложения были отвергнуты. Произошла отчаянная битва, в которой татары, несмотря на свою малочисленность, одержали победу. Хан не стал продолжать борьбу с Василием, а двинулся чрез землю Мордовы, прошел Булгарию, построил, вблизи опустошенного русскими войсками в 1399 г. древнего Сайнова Юрта, новый город Казань, вызвал колонистов из Золотой орды, Астрахани, Азова и Крыма, провозгласил себя самостоятельным царем казанским и, таким образом, сделался основателем царства К[азанского]. Хотя К. царство и отделилось от Золотой орды, но по своему строю далеко не во всем было на нее похоже. К[азанские] цари должны были допустить существование возле себя аристократии, как учреждения постоянного, с определенным устройством, известными правами, непременным участием в управлении страною. Этого не было в Золотой орде...»³. Невзирая на последнее предложение, особо отметим, что, в отличие от В.Н. Татищева и И.Н. Березина, Н.П. Василенко всё же считал Казанское ханство «отделившимся» от Золотой Орды государством, а не прямым наследником Волжской Булгарии, хотя и указывал, что географически Казанскому ханству «предшествовало в тех местах Болгарское или Булгарское

¹ Калимуллина Ф.Г. История Золотой Орды и татарских ханств в Энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана // Научный альманах. – 2016. – № 4–4 (18). – С. 84.

² См., например: Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

³ Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; под ред. проф. И.В. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1891. – Т. 4А. – С. 895.

государство», чей «общественный порядок» татары «не изменили коренным образом»¹.

Украинский учёный также указывал, что кроме татар в пределах Казанского царства жили башкиры, вотяки (удмурты), мещеряки (татары-мишари), мордва, черемисы (марийцы) и чуваши. «Отсутствие сведений о мятежах инородцев против Казани, а также всегадашняя их готовность действовать вместе с казанцами, заставляют думать, что положение инородцев в К. царстве не было особенно тяжелым»². «Магометанская культура была усвоена казанцами односторонне, своей чисто формальной стороной, выразившейся, между прочим, в религиозной обрядности и привязанности к формам; поэтому она не могла иметь оживляющего значения. Многие инородцы долгое время оставались в язычестве, другие, напр. башкиры, приняв магометанство, не оставили своего кочевого образа жизни. То же можно сказать о черемисах, чувашах, мордве, вотяках, большинство которых, приняв магометанство, продолжало вести скучную жизнь в лесах, занималось звероловством, отличалось воинственностью. После покорения К. царства они не раз принимали участие в восстаниях против русского владычества»³, подчёркивает автор статьи. «1 окт. 1552 г., после долгой осады, стены города были взорваны, Казань была взята и разрушена русскими войсками... Вслед за взятием Казани покорилась Москве Арская область, а также и область луговой черемисы... Дольше других упорствовали башкиры, но и они через два года должны были покориться»⁴, отмечает Н.П. Василенко. «С 1552 г., после покорения русскими, начался постоянный наплыв русского населения в Казанский край: возникли русские крепости, монастыри, церкви и города»⁵, характеризует учёный период после взятия Казани, фактически слово в слово повторяя мнение И.Н. Березина по этому поводу. О дальнейшей судьбе покорённой страны в «Энциклопедическом словаре Брокгауз и Ефрон» приведена следующая информация: «В 1553 г. в бывшем Казанском царстве вспыхнул мятеж, который хотя вскоре был усмирен, но заставил московское правительство принять меры к скорейшему обрушению края...»⁶ (статья «Казань»).

¹ Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; под ред. проф. И.В. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1891. – Т. 4А. – С. 893.

² Там же. – С. 895.

³ Там же. – С. 897.

⁴ Там же. – С. 898.

⁵ Там же. – С. 899.

⁶ Там же. – С. 907.

При подготовке статьи о Казанском ханстве Н.П. Василенко были использованы труды П.И. Рычкова, М.С. Рыбушкина, В.В. Вельяминова-Зернова, Н.А. Фирсова, М.Н. Пинегина, многочисленные «мусульманские источники»¹.

Наряду с рассмотренными выше трудами одной из значимых дореволюционных российских универсальных энциклопедий является «Энциклопедический словарь» братьев-издателей Александра Наумовича и Игнатия Наумовича Гранат. Первые шесть выпусков словаря состояли из 8–9 томов (1891–1903). 7-е издание, «совершенно переработанное», как указано на обложке, было напечатано в 1910–1948 гг. под названием «Энциклопедический словарь Гранат» в 58 томах и 1 дополнительном томе (36-й том состоял из 7 книг, 41-й том – из 10 книг, 45-й том – из 3 книг, 56-й том не был издан). В словарь были включены достаточно объёмные статьи «Казанское царство» и «Казань». Что примечательно, первую из них подготовил Н.П. Василенко, автор аналогичной статьи в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона». Поэтому нет ничего удивительного в том, что данные «Энциклопедического словаря Гранат» повторяют сведения, приведённые в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. Казанское ханство признано наследником Золотой Орды с историческими корнями, уходящими во времена Волжской Булгарии. Среди населения ханства выделены следующие народности: татары, башкиры, вотяки, мещеряки, черемисы и «много других мелких представителей финских племён»². Основателем ханства назван изгнанный из Золотой Орды Махмет (Улуг-Мухаммед). Автором статьи приводятся сведения об образовании Казани на месте древнего Саинова Юрта (в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона – вблизи Саинова Юрта). «Внутреннее устройство Казанского царства резко отличалось от Золотой Орды. Здесь видно влияние Волжской Болгарии», подчёркивает Н.П. Василенко³. «Инородческие князья, которые существовали при булгарских царях, в Казанском царстве исчезли», отмечает учёный⁴. Он также подчёркивает, что главной причиной падения Казани стала борьба за власть в Казанском ханстве: «Великий князь удачно воспользовался раздорами между претендентами на казанский престол»⁵.

¹ Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; под ред. проф. И.В. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1891. – Т. 4А. – С. 899.

² Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. – М., 1914. – Т. 23. – С. 131.

³ Там же. – С. 132.

⁴ Там же. – С. 133.

⁵ Там же.

При написании статьи для «Энциклопедического словаря Гранат» Н.П. Василенко расширил список используемой литературы: были добавлены работы П. Заринского и В. Трофимова.

Подводя итоги, можно сказать, что история Казанского ханства получила достаточно подробное освещение в дореволюционных российских энциклопедических изданиях. В целом статьи рассматриваемых энциклопедий, несмотря на имеющиеся недостатки (иногда существенные), богаты фактическим материалом, нередко подкреплённым источниками, и имеют научную ценность. Если в ранних российских энциклопедических изданиях авторы связывали Казанское ханство только с историей Волжской Булгарии, то в конце XIX – начале XX в. оно было признано наследником Золотой Орды. При этом отмечались различия в государственном устройстве Золотой Орды и Казанского ханства, в частности то, что аристократия в Казани имела большее влияние на хана при управлении государством, тогда как золотоордынские правители якобы обладали деспотичной властью. Процесс образования Казанского ханства учёные связывали с ослаблением Золотой Орды, временем его основания считался период с конца 1430-х гг. Коренным населением Казанского ханства во всех энциклопедиях называются татары, башкиры, марицы, мордва, удмурты, чуваши и др. народы; о положении периферийных народов в Казанском ханстве сообщается, что они не притеснялись татарами, но среди аристократии их представителей не было; отмечается, что массовое расселение русских на территории бывшего татарского государства произошло лишь после завоевания Казани. Падение Казани объясняется отсутствием единства среди татарской аристократии и постоянной борьбой различных татарских династий за престол. После присоединения к Русскому государству край был подвергнут насильственной христианизации. Против московских властей наиболее активно выступали не только татары, но и башкиры, марицы и мордва. Отголоски сопротивления местных народов русской власти наблюдались даже в XVIII в.

В плане активности использования письменных источников и научной литературы, адекватности изложения фактов и их трактовки особое место среди рассмотренных выше занимают статьи Н.П. Василенко в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» и «Энциклопедическом словаре Гранат». Украинским учёным были привлечены как русскоязычные, так и тюркоязычные, мусульманские источники, что существенно обогатило информативность его текста. И можно с уверенностью сказать, что данные статьи и на сегодняшний день не потеряли своего научного значения.

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТРУДОВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ П.И. РЫЧКОВА, К.Ф. ФУКСА, Н.К. БАЖЕНОВА, В.В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА, Г.И. ПЕРЕТЯТКОВИЧА И С.М. ШПИЛЕВСКОГО

Научный интерес к истории Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) проявился уже в XVIII в.¹, в период становления дворянской историографии и формирования просветительства в России. Характерной чертой российской историографии того времени было ограничение круга её интересов исключительно вопросами политической истории. Поэтому многие социально-экономические и этнокультурные аспекты развития общества изучались слабо, а в центре внимания находились такие события, как дипломатия, войны, завоевания, а также причины, их порождавшие (аналогичная ситуация наблюдалась в XIX в. и в зарождающейся татарской исторической науке²). Ограничивала творческую активность историка и его исследовательские возможности также зависимость от формы изложения материала в источниках и сам способ его критического анализа. Летописная форма долгое время была превалирующей в изложении средневековой истории Руси–России, а факты, излагаемые в текстах летописей, были настолько отрывочны и скучны, что становились препятствием для написания российской истории по типу европейских, в первую очередь образцовых для того времени немецких работ. Эта зависимость заметна в трудах ранних российских историков, таких как А.И. Лызлов³, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др. Да и С.М. Соловьев не отошёл полностью от этой формы. Не удивительно, что и первые исследования, посвящённые непосредственно Казанскому ханству, создавались по этим «летописным» лекалам, следуя в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина.

¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / подг. к печати, предисл. Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2004. – С. 34.

² Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–228.

³ Анализ исследования А.И. Лызлова о татарах и Казанском ханстве см.: Хамидуллин Б.Л. «Скифская история» – история тюрко-татар // Идель. – 2000. – № 10. – С. 48–55; Хамидуллин Б.Л. Казаның ныгуы һәм Казан ханлыгы тарихы. – Казан, 2005. – 142–143 б.

Первым, кто специально обратился к истории Казанского ханства, был член-корреспондент Петербургской Академии наук Пётр Иванович Рычков (1712–1777) – автор трудов по археологии, этнографии и истории Поволжья, Урала и Прикаспия. Он был также участником Оренбургской академической экспедиции, которая провела исследования природных ресурсов Оренбургского края. Именно в Оренбурге П.И. Рычков впервые обращается к истории татар. Об этом свидетельствует сочинение, написанное им в конце 1740-х гг., – «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются»¹. Он также является автором первого путеводителя по городу Казани². Наиболее интересной для изучения Казанского ханства является его публикация «Опыт Казанской истории древних и средних времён»³, которая для своего времени была написана на хорошем научном уровне, с использованием как русских, так и восточных источников. И всё же основным источником по истории Казанского ханства для Рычкова являлась «Казанская история», которую он практически переписал, трактуя некоторые сложные или непонятные сюжеты на свой лад и дополняя сведениями, которые смог найти в весьма ограниченном круге опубликованных на тот период письменных источников. Вместе с текстом этого публицистического произведения автор воспринял и перенёс в свою книгу многие его идеологические штампы, оправдывающие и легитимизирующие захват Казани Иваном IV в 1552 г. Вся история Казанского ханства в его изложении, таким образом, неизбежно превратилась в описание политических взаимоотношений Казани и Москвы. В самом начале своего сочинения Рычков пишет о том, что история Казанского царства неразрывно связана с историей России, особенно на раннем её этапе. Волжских булгар (одних из предков казанских татар) автор причисляет к древнейшим славянам, которые пришли на Волгу с незапамятных времён. Это утверждение базируется, в частности, на сведениях, приведённых в «Казанской истории», в которой территория, «где стоит теперь город Казань», именовалась частью «единой Русской земли»⁴, и на лингвистическую трактовку этнонима «булгары/болга-

¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Первые историко-этнографические описания казахских земель. – Алматы, 2007. – Т. IV. – С. 8.

² Ефремов А.В. Пётр Иванович Рычков: историк и просветитель. – Казань, 1995. – С. 31.

³ Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времён. – СПб., 1767. – 244 с.; Хамидуллин Б.Л. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – 2004. – № 4. – С. 76–78.

⁴ Казанская история / подготовка текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С. 47.

ры», созвучного названию реки Волги. «Не только наши российские летописи, — писал Рычков, — но и иностранные писатели согласно и довольно уверяют нас, что в нынешних Казанской, Оренбургской и Астраханской, частью ж и в Сибирской губерниях, особенно же около Камы, Волги и Яика рек, в древние времена под разными именами Славянские народы обитали, между которыми Болгары по их бывшему великому купечеству, и многим ремеслам, как сильный, богатый и в городах обитавший народ, за знатнейший признавался»¹. По его мнению, эти болгары и создавали первые города на землях Поволжья. Благодаря этому весьма сомнительному доводу, целиком заимствованному из «Казанской истории», автором создаётся основа для утверждения, что Казанское ханство было образовано на издревле заселённой русскими территории: «...Казанское царство и город Казань, более, нежели за триста лет, основаны Татарами на земле Российскому государству принадлежащей, к великому государственному вреду...»². Завоевание татарами русского края, по его мнению, произошло во времена хана Бату. Именно с этим Чингизидом связывает Рычков строительство города Казани. При этом он критикует автора «Казанской истории» за то, что тот считал Бату и Сaina двумя разными личностями и утверждает, следуя известной летописной «Повести об убиении Батыя», что хан Бату был убит венгерским королём во время похода в Паннонию³. Казанское ханство Рычков считал частью Золотой (Большой) Орды. «Казанское Татарское царство, — писал историк, — с начала его было ничто иное, как отрывок или отрасль той же Большой Орды...»⁴, чья политика ничем не отличалась от политики Золотой Орды. Ведь, по его мнению, на смену миролюбивым и родственным славянам болгарам пришли «клукавые» и «пронырливые» татары, которые занимались только тем, что грабили русские земли. Большую роль Рычков отводил исторической роли хана Улуг-Мухаммеда, которого считал вторым после Бату самым жестоким разорителем русских земель⁵. С именем этого золотоордынского хана Рычков, как и казанский летописец, связывал повторное «возобновление» Казани. Несмотря на имеющиеся недостатки, в целом его работа явилась определённым этапом в изучении истории Казанского ханства. Создавалась она как летопись и писалась на основе публицистического сочи-

¹ Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времён. — СПб., 1767. — С. 2.

² Там же. — С. 113–114.

³ Там же. — С. 74.

⁴ Там же. — С. 25.

⁵ Там же. — С. 81.

нения («Казанской истории»), которое автор воспринимал именно как летопись, заимствуя оттуда концепцию и смысл всей истории Казанского ханства.

Первой действительно серьёзной научной работой по истории Казанского ханства стала «История города Казани» (Казань, 1817) профессора Казанского университета Карла Фёдоровича Фукса (1776–1846). Именно ему можно отдать приоритет в монографическом изучении Казанского ханства. В дальнейшем многие отечественные историки XIX – начала XX в. именно на основе его исследований и выводов строили свои концепции. Его сочинение дало повод для многочисленных дискуссий в российской историографии, в особенности по поводу даты и места основания Казани. Фукс, воспитанный на классической немецкой историографии, строил свои выводы на рационалистической западноевропейской концепции и, хотя при написании своей книги опирался на русские летописи и татарские письменные источники и фольклор, был достаточно свободен от национальных пристрастий. Фукс относил первое упоминание о Казани к 1396 г. (здесь имеется в виду зимний поход московских войск 1399 г. на булгарский вилайят Улуса Джучи), когда русские войска заняли город, отдельно указывая, что «до царствования хана Золотой Орды Туктамыша (1380), мы ничего не знаем о городе Казани»¹. Старинные предания об этом он считал «баснословными, как и повествования о сём предмете в сочинениях Лызлова и Рычкова»². По его мнению, ко времени прихода хана Улуг-Мухаммеда в Казань, который Фукс относил к 1430 г., она уже освободилась от власти Золотой Орды и имела собственных князей. В 1446 г. Улуг-Мухаммед, по мнению учёного, вновь покорил Казань и убил правившего там казанского князя Али-Бея (Либея). Фукс также писал, что сам Улуг-Мухаммед в Казани не правил, а «возвёл на Казанское царство своего сына Махмутека, коим началась новая династия»³. Автор первым в отечественной историографии указал на несколько важных моментов казанской истории. Во-первых, что Казань не была разрушена до прихода Улуг-Мухаммеда; во-вторых, что после захвата города ханством стал править не сам Улуг-Мухаммед, а его сын Махмутек. Эти идеи Фукса были приняты наукой, и их, в частности, в дальнейшем развивал известный российский востоковед В.В. Вельяминов-Зернов (1830–1904). В целом можно сказать, что автор сделал немало интересных замечаний по истории Казани и Казанского ханства, однако

¹ Фукс К. История города Казани / 5-е изд. – Казань, 1914. – С. 1.

² Там же.

³ Там же. – С. 1–3.

сделать большее ему не позволило отсутствие качественного и достоверного источникового материала. На то время многие летописи ещё не были опубликованы, а известия большинства западноевропейских путешественников ещё не стали достоянием научной общественности. В таких условиях написать источниковедчески выверенный цельный труд было практически невозможно. Автор, понимая, что «Казанская история» – источник довольно сомнительный, не смог опереться в последовательном изложении событий на другие, более достоверные сведения. Вынужденно он следовал за канвой военно-политических событий, практически не уделяя внимания фактам внутреннего устройства казанского государства и его политического строя. Можно сказать, что это весьма характерный пример, показывающий, как в XVIII–XIX вв. терпела фиаско немецкая историософская учёность, столкнувшаяся с сопротивлением российского исторического материала.

Новой вехой в изучении истории Казанского ханства стал выход в 1847 г. книги «Казанская история» врача Казанского порохового завода, краеведа Николая Кирилловича Баженова (1804–1878). Автор расширяет рамки своего исследования, фактически рассматривая всю историю Поволжья и уделяя возникновению самого Казанского ханства лишь незначительное внимание. История Поволжья и Казанского ханства рассматривалась им через призму Российской истории. Как писал сам Баженов, он «держался истории Государства Российского, сохраняя историческую сущность и хронологический порядок»¹. Источниками при создании работы, как указывал историк, были татарские рукописи и устные предания, неясные моменты и лакуны он трактовал по-своему. Однако созданная Баженовым работа и её событийная канва дают повод думать, что автор использовал в большей степени лишь русские летописи, включая ту же «Казанскую историю». Вся его работа, как и у предшественников, сводится к хронике военно-политических отношений Москвы и Казани. Причём Казань априори выступает как завоеватель и зачинатель политических конфликтов. О внутреннем устройстве ханства автор практически ничего не сообщает. Вопрос об основателе «Новой Казани» Баженов решает в пользу Улуг-Мухаммеда, считая, что «Алим-Бек не был основателем Новой Казани, но поселился в Старой, а новую основал Улуг-Мухаммед»². Город, по словам автора, по установившейся уже у отечественных историков традиции ссылавшегося в этом случае на «Казанскую историю»,

¹ Баженов Н.К. Казанская история. – Казань, 1847. – С. 1.

² Там же. – С. 27.

укрепился жителями, «вызванными из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды»¹. Далее Баженов указывает, что по политической значимости Казань заменила Булгары, «переменивши только имя и место свое»². Краевед даёт оригинальную трактовку исчезновения из русских летописей Улуг-Мухаммеда после 1445 г. и появления хана Махмутека. Он, следуя рассказу «Казанской истории» и некоторым иным летописям (например, Никоновской), составляет цельный рассказ об этих событиях. Исследователь повествует, что, когда в 1445 г. Улуг-Мухаммед с сыновьями предпринял поход на русские земли, Казанью завладел булгарский князь Либей. Хан был вынужден вернуться, чтобы восстановить порядок. Этим положением воспользовался его сын Махмутек, который в ситуации политической неразберихи убил отца и брата, а сам «вступил на престол Казанский». Интересно, что Баженов рассматривал татарское феодальное общество с позиции гражданского общества современного ему европейского типа, поэтому на страницах его работы появляются «граждане», которые всеобщим голосованием решают насущные проблемы³.

Таким образом, создание первых научных работ по истории Казанского ханства показало, что без кардинального расширения источниковой базы исследования и новых концептуальных подходов, которые позволили бы раскрыть внутренние механизмы функционирования Казанского ханства как государства, историки будут находиться в плену летописных рассказов о событиях лишь военно-политической истории…

Во второй половине XIX в. появляется ещё ряд серьёзных работ, касающихся истории Казанского ханства. Среди них можно отметить исследование академика Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова (1830–1904) о касимовских ханах, в котором содержится много сведений о Казани. Вельяминов-Зернов указывал, что основными источниками по истории ханства являются русские летописи. Но при этом он весьма скептически относился к «Казанской истории», о которой писал, что это «источник, которым надо было пользоваться с большой осторожностью. В ней рассказывается множество басен и небылиц; года часто перепутаны и происшествия искажены; автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера»⁴. Вельяминов-Зернов небезосновательно от-

¹ Баженов Н.К. Казанская история. – Казань, 1847. – С. 24.

² Там же. – С. 53.

³ Там же.

⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 6.

вергал мнение о том, что Казань до прихода Улуг-Мухаммеда находилась в развалинах, считая этот факт неподтверждённым источниками: «В летописях нигде не сказано, чтобы Русские в 1399 году разрушили Казань дотла...»¹. Это позволило ему раскритиковать точку зрения Карамзина о том, что Казань с 1399 г. была в упадке. В отличие от многих своих предшественников, прекрасный источниковед Вельяминов-Зернов, опираясь на сообщения Воскресенской и Никоновской летописей и на некоторые другие источники, относил возникновение Казанского ханства к осени 1445 г. и приписывал приоритет его создания сыну Улуг-Мухаммеда Махмутеку. Именно Махмутек, по мнению В.В. Вельяминова-Зернова, убил казанского вотчича «князя Али-Бика» и овладел городом, «и через то положил начало новому ханству и новой династии царей»². Автор, однако же, не удержался, чтобы не использовать при этом рассказ критикуемой им «Казанской истории» при объяснении ситуации смены хана. По его мнению, «по освобождении Василия, Улуг-Мухаммед двинулся с Махмутеком из Курмыша на Казань, с целью завоевать ее; Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решился убить отца и выполнил этот умысел, либо не за долго до взятия Казани, либо немногого времени спустя»³. Свою гипотезу он подкреплял данными летописей. Вельяминов-Зернов обращал внимание на тот факт, что после октября 1445 г. об Улуг-Мухаммеде нет ни одного упоминания в летописях, а Воскресенская и Никоновская указывают, что Махмутек овладел Казанью и положил основание Казанскому ханству. Тем самым, хотя Вельяминов-Зернов предостерегал учёных от ошибки безусловного доверия «Казанской истории», сам он, указывая на исчезновение Улуг-Мухаммеда с политической сцены, считал, что хан был убит своим сыном Махмутеком.

Впервые межгосударственные и межэтнические отношения в Среднем Поволжье получили детальное освещение в 1877 г., после выхода в свет монографии ученика С.М. Соловьёва Георгия Ивановича Перетятковича (1840–1908) «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)»⁴. Для второй половины XIX в. его работы явились существенным вкладом в изучение проблемы колонизации Среднего Поволжья. Автор попытался разобраться в улусной системе Золотой Орды, взаимоотношениях

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1 – С. 12.

² Там же. – С. 4.

³ Там же. – С. 11.

⁴ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – 338 с.

различных группировок мурз и военно-политической истории поздней Золотой Орды. Необходимо отметить как значительный вклад историка в освещение истории Казанского ханства то, что Перетяткович одним из первых сделал попытку изучить его внутриполитическую структуру и государственное устройство. При создании монографии основным источником для учёного также послужили русские летописи, которые он изучал в комплексе. Следуя в русле концепции «борьбы леса со степью», Перетяткович, развивая мысль об экономической отсталости Казанского ханства, считал, что «Казань предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен жителей»¹. Он прямо писал, что «сам город обращается в депо, где постоянно содержится огромное количество пленных, которыми Казанцы ведут торговлю на своём и на чужих рынках»². Этот вывод тем более парадоксален, учитывая, что автору были известны факты о развитой земледельческой культуре татар и прямые указания источников на наличие земледелия в Поволжье.

Рассуждая о происхождении и государственном устройстве Казанского ханства, Перетяткович пришёл к противоречивому выводу о характере государства. С одной стороны, Казань унаследовала от Булгарского государства городскую цивилизацию и развитую агрокультуру, а с другой – это государство, которое «по своим хищническим инстинктам более напоминает монголов» и имеет чрезвычайно малое количество городов³. Он доказывал в своей работе, что отождествление в летописях Казани с «именем Болгар» – явление не случайное и что «у Казанцев была та же религия и те же занятия, что и Волжских Болгар»⁴. Тем не менее Перетяткович писал, что «не без основания некоторые видят в Казани не столько наследницу древнего Булгара, сколько преемницу Золотой Орды»⁵.

Хотя автор и изучил большое количество источников и прекрасно ориентировался в них, он не смог найти собственного подхода к сложной истории Казанского ханства, оказавшись в зависимости от весьма противоречивых историографических традиций. Появление Улуг-Мухаммеда Перетяткович относил к 30-м гг. XV в., когда в Золотой Орде была «замятня великая». Историк считал, что Улуг-Мухаммед сам овладел Казанью, убив правившего там князя, и старался «укрепиться и распространить пределы нового своего го-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – С. 116.

² Там же.

³ Там же. – С. 117–131.

⁴ Там же. – С. 116.

⁵ Там же.

сударства». Основным населением Казанского ханства автор считал татар, но при этом в состав государства входили и финские племена, к которым он относил и черемис. Перетяткович, скорее под влиянием историографической традиции, нежели на основании собственных данных, писал о том, что «земледелием казанские татары вряд ли занимались охотно и с усердием. Земледелие у казанских татар и в настоящее время находится в плохом состоянии, а любимое и успешное занятие их – торговля»¹. Так же категорично писал он и о религиозных традициях казанцев: «Татары Казани отличались такою же ревностью к своей религии, как и предшественники их Волжские Болгары; как последние, увлекаемые религиозным фанатизмом, побуждали христиан обращаться к исламу и, в случае отказа, замучивали их, так позже в Казани Русские были принуждены к отречению от Христа...»². Скорее всего, этот вывод автор делал на основании предвзятого отношения летописцев к Казанскому ханству.

Г.И. Перетяткович первым довольно подробно остановился на внутреннем устройстве Казанского ханства. Он писал, что в Казанском ханстве существовала сильная аристократия, которая ограничивала власть царя. Аристократы были настолько могущественны, что легко могли убить сейида – высшего духовного лица у мусульман. Перетяткович попытался воссоздать иерархическую лестницу Казанского ханства. Не смотря на то, что в его распоряжении были те же источники, что и у предшествующих ему историков, он попытался найти новые подходы к изучению социальной структуры Казанского государства. К аристократии он относил все княжеские фамилии, каждый член которых имел право на звание «мирзы». В свою очередь, представители наиболее знатных фамилий носили титул «бик». И лишь «бики» главнейших дворянских родов имели право на звание «карачия»³. Перетяткович не раскрывал того, насколько влиятельны были эти «карачи». Нужно особо отметить, что именно Перетяткович первым указал на якобы существование в Казани политических партий, которые боролись за власть⁴. Позднее эти выводы воспроизводили многие историки, в частности М.Г. Худяков, Г.С. Губайдуллин, Н.Н. Фирсов, развивая их дальше. В отдельную группу Перетятковичем были отнесены «уланы», которых он ошибочно считал влиятельными чиновниками. Так же ошибочно он пытался усмотреть в феодальном государстве неких земских или

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – С. 123.

² Там же. – С. 125.

³ Там же. – С. 126.

⁴ Там же. – С. 125.

городских князей¹. Низшим сословием историк считал земских и чёрных людей, оговариваясь, что, исходя из источников, ничего определённого написать о них не может².

Говоря о границах Казанского ханства, Перетяткович отмечает, что они довольно неопределённые. По его данным, Казанское ханство должно было соприкасаться с другими постзолотоординскими образованиями: «Казань по необходимости должна была войти в сношения с шибанскими Татарами, жившими в соседстве с Пермью, на севере от Казани, – с Ногаями, которые кочевали в неизмеримых степях между Волгою, Уралом и Каспийским морем; принуждена была общаться также с Москвою. Кроме этого, Казань была отраслью знаменитой некогда Золотой Орды, и поэтому не могла не иметь сношения с подобною себе отраслью той же Орды – Крымом...»³. Как мы видим, границы государства были указаны очень неопределённо, но для того времени этого было вполне достаточно ввиду того, что практически не имелось археологических источников. Перетятковичу принадлежит мнение о том, что в Казанском ханстве было очень мало городов. Это точку зрения в своё время попытался опровергнуть М.Г. Худяков, отмечая «особый вид» татарских городов и многочисленность открытых городских поселений.

Несомненная заслуга Перетятковича состоит в том, что он сделал попытку рассмотреть Казанское ханство как независимое государство со своими государственно-политическими традициями. Хотя отношение автора к ханству было традиционно для российской историографии крайне тенденциозным, но, несмотря на это, его работы значимы для исследователей, которые обращаются к тем или иным вопросам по истории этого татарского государства. Учёный смог на довольно ограниченном источниковом материале выявить новые факты и наметить новые подходы к теме, которые ранее игнорировались его предшественниками. Можно сказать, что труд Перетятковича стал своеобразной ключевой вехой, после которой рассматривать историю Казанского ханства только в рамках военно-политической истории стало просто невозможно.

В том же 1877 г. вышла ещё одна крупная работа по истории Среднего Поволжья. Её автором был известный краевед, профессор права Казанского университета Сергей Михайлович Шпилевский (1833–1907). По сравнению с другими авторами, в своей работе ему удалось во многих случаях удачно сопоставить данные пись-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – С. 126.

² Там же. – С. 130.

³ Там же. – С. 128.

менных источников с археологическими памятниками, например, летописные города с выявленными остатками древних городищ. Опирался он и на труды своих предшественников, особенно часто цитируя работы К.Ф. Фукса и В.В. Вельяминова-Зернова. Так же, как и они, С.М. Шпилевский считал важнейшими и основными источниками по истории Казанского ханства русские летописи. Например, он вслед за Вельяминовым-Зерновым отмечал, что нет причин выделять «Казанскую историю» на фоне других летописей. «Казанская история неизвестного сочинителя, – писал он, – с первых страниц возбуждает к себе недоверие и представляет противоречия другим более достоверным источникам»¹, приводя в доказательство многочисленные противоречия между «Казанской историей» и более ранними летописями. В результате своих исследований Шпилевский делает справедливый вывод о том, что «Казанская история» – это «плохая компиляция из русских летописей с прибавлением весьма немногих данных»².

Казанское ханство С.М. Шпилевский рассматривал как преграду на пути московского государства в деле собирания земель. Он писал, что «к половине XV столетия обстоятельства так сложились, что Москве еще на 100 лет была положена преграда усиливаться за счет Булгарии: на Волге, в западных пределах собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство – Казанское»³. К тому же Москве пришлось выдержать большие разорения от самой Казани. На основе сопоставления русских летописей и татарских письменных источников автор предложил свои даты основания Старой и Новой Казани. Временем основания Старой Казани, на его взгляд, являются 1290–1298 гг., сразу после похода Менгу-Тимура на Булгарию. Основание же Новой Казани отнесено им на 1394–1402 гг. При этом он возражал против наименования в 1429 г. татар «Казанскими, когда центром Булгарской земли не была еще Казань, по-моему, этих татар должно называть Булгарскими до основания Казанского ханства сыном Улуг-Мухаммеда»⁴. В целом работа Шпилевского дала не очень много новых сведений по истории Казанского ханства, часто следуя за трудами К.Ф. Фукса и В.В. Вельяминова-Зернова. Однако в заслугу автору можно поставить стремление анализировать и сопоставлять различные источники, а в привлечении археологических данных он был подлинным пионером.

¹ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – С. 80.

² Там же.

³ Там же. – С. 191.

⁴ Там же. – С. 190.

В заключение хотелось бы отметить, что в трудах по русской истории, созданных в XVIII–XIX вв., Казанское ханство выступало в качестве объекта московской внешней политики, одного из тех татарских постзолотоордынских образований, что определяло характер их государственности и «захватнические традиции». В целом Казанское ханство представлялось в работах тех лет как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынуждено было заключать тактические соглашения. Хотя отсутствие соответствующей квалификации при работе с историческом материалом и сказалось на качестве исследований, но эрудиция и интуиция историков XVIII–XIX вв. заложили основы изучения Казанского ханства. Таким образом, к началу XX в. имелось несколько фундаментальных работ, на основании которых уже можно было получить представление о формировании и развитии Казанского ханства – и идти дальше, ставить и решать как более узкие, так и более глубокие проблемы. Вместе с тем возникла потребность в работе, которая бы объединила и подытожила исследования историков XVIII–XIX вв.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА КАК ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ТРУДЫ Н.М. КАРАМЗИНА, С.М. СОЛОВЬЁВА, В.О. КЛЮЧЕВСКОГО И Н.И. КОСТОМАРОВА

Дореволюционная историография, за редким исключением, обслуживала социально-политические устремления постоянно воевавшей и расширявшейся самодержавной Российской империи. Российские историки (М.Н. Карамзин, С.М. Соловьёв и др.) уделяли много внимания завоеваниям и расширению империи. Их труды были националистическими по тону и, следовательно, стремились к прославлению успехов страны в приобретении территорий, продвижения вперёд российской цивилизации, и её роли во всемирных делах. Само собой разумеется, что они или очень критично относились к нерусским странам и общинам, попавшим в российскую орбиту, или пытались минимизировать их вклад в развитие империи.

В этой связи, господствовавшая в историографии того времени «государственная школа» определяла основные подходы к пониманию истории России и месте в ней истории нерусских народов, в частности, татар. Российских историков Казанское ханство

(1438/1445–1552/1556)¹ интересовало лишь в плане объяснения причин активного продвижения границ русского государства на восток. При этом они уделяли преимущественное внимание последнему моменту борьбы – завоеванию края, в особенности – победоносной осаде Казани осенью 1552 г. Однако очень часто оставлялись почти без внимания причины возникновения и сам процесс образования и развития Казанского государства. Казанское ханство рассматривалось в совокупности с другими постордынскими государствами, такими как Ногайская Орда, Крымское, Астраханское, Касимовское и Сибирское ханства.

Имперская позиция по отношению к нерусским народам и Казанскому ханству, в частности, появилась не в XVIII и XIX вв. Она связана с начальным периодом русской историографии – летописанием. Летописи являлись и являются одним из важнейших источников по истории Казанского ханства². Но летописи – очень тенденциозный источник, выражавший интересы русской верховной власти. Русские летописи характеризуются общей политической направленностью – идеей объединения князей, прекращения распри и усобиц – и содержат призыв совместными усилиями избавить русские земли от постоянных набегов «кочевников». Этими идеями проникнута, прежде всего, «Повесть временных лет»³. Но в Московском государстве идея централизации приобрела несколько другой смысл. Как правильно заметил Павел Николаевич Милюков: «Старорусская, шедшая еще с киевского юга традиция "единства" превратилась в силу обстоятельств в традицию "объединения". Не единение князей-родичей, а единство власти в руках одного "господаря"»⁴. Также в это время идёт попытка установить чёткую линию этнополитической непрерывности: Киев – Владимир – Москва. Эта теория должна была служить главным основанием мо-

¹ Хамидуллин Б.Л. Становление и развитие Казанского ханства // Аргамак. – Набережные Челны, 1995. – №12. – С. 154–165; *Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie.* – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – 5–17 s.

² Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 62–65; *Ego же. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков.* – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 62–77; Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нarrативные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – 2012. – № 3. – С. 114–129.

³ Мавродина Р.В. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). – Л., 1983. – С. 11.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – М., 1995. – Т. 3. – С. 34.

сковским geopolитическим претензиям, в частности – к Казани, и для оправдания её завоевания¹. Крайне негативное отношение к кочевникам Великой Степи, а потом и к Казанскому ханству чётко прослеживается в летописях XVI в., таких как Никоновская и Воскресенская. В них всячески поощряются военные действия русского государства против татарских государств, в т. ч. Казанского ханства. Можно отметить политическую конъюнктурность и имперскую тенденциозность, т. е. крайнюю однобокость трактовки фактов истории и нередко вымыселность некоторых фактов этих летописей.

Большое значение для изучения истории Казанского ханства играет «Казанская история» (также упоминающаяся как «Сказание о Царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве» и т. д.)². «Казанская история» является первым литературно-публицистическим произведением в русской историографии, описывающим 300-летнюю предысторию и историю Казанского ханства вплоть до завоевания его Иваном Грозным. «Казанская история» структурно состоит из небольших (более 100) глав, названных по событиям общественно-политической жизни Казани и Москвы. Она является одним из первых произведений в русской литературе, пронизанным единой и цельной историко-публицистической идеей, суть которой в возвышении царя и поддерживающего его дворянства. Ради своей концепции автор тенденциозно описывает реальные события, создаёт вымыселные эпизоды, вводит новые факты, а саму историю Казани переосмысливает и делает формой выражения своей монархической идеи. По его мнению, гибель Казанского ханства – следствие слабости ханской власти и самовластия вельмож, поэтому он отрицательно характеризует татарскую власть и с определённой долей симпатии – ханов и простых воинов. Одновременно «Казанская история» пронизана идеями православного мессианизма и имперской концепцией, оправдывающими завоевание Казани и вообще нехристианских народов. Особо следует заметить, что именно в «Казанской истории» Москва впервые прямо называется «третьим Римом»³. Довольно подробное содержание сделало «Казанскую историю» едва ли не основным письменным источником по истории Казанского государства. При этом многие историки при-

¹ Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial ideology (1438–1560s). – Hague–Paris, 1974. – P.10.

² Казанская история / подг. текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – 195 с.

³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М., 1998. – С. 312.

нимали на веру большинство указанных в ней фактов без серьёзного анализа. Это приводило к тому, что исследователи оказывались в пленау заблуждений. Многие имперские идеи летописей были переписаны дореволюционными историками и использованы ими при создании своих трудов. Таковы, например, работы А.И. Лызлова¹ и В.Н. Татищева². Эти «последние летописцы» следовали канве русских летописей, а авторская их активность выражалась в комментировании, как внутри текста, так и в примечаниях. Относительно истории Казанского ханства в их работах практически нет авторских добавлений по сравнению с текстом летописей. Это касается также и теоретической основы их трудов.

Одним из первых авторов, кто обратился к сюжетам истории Казанского ханства не как летописец, а как профессиональный историк³, был Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), 250-летие которого мы отмечаем в 2016 г. В своём изложении истории России Н.М. Карамзин продолжил просветительскую концепцию её прогрессивного развития в едином контексте с другими европейскими странами. В то же время он рассматривал историю России и как особый объект исторического изучения, обладающий национальными особенностями. «История государства Российского» стала первым исследованием, творчески обобщившим в начале XIX в. разные исследовательские направления предшествующего столетия.

Н.М. Карамзин, используя обширный летописный материал, среди которого были впервые введённые им в научный оборот источники, привёл в «Истории государства Российского» ряд новых данных, относящихся к истории возникновения и развития Казанского ханства. Сведения о Казанском ханстве Н.М. Карамзин черпал главным образом из русских летописей, в особенности из «Казанской истории», которой он полностью доверял и которую часто цитировал. Как известно, «История государства Российского» в

¹ Лызлов А.И. Скифская история. – М., 1990. – 522 с.

² Татищев В.Н. История Российской. – М.–Л., 1966. – Т. VI. – 438 с.; *Его же. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5–6. История Российской. Ч. 3–4.* – М., 1995. – 784 с.; *Его же. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7–8. История Российской (окончание).* Работы разных лет. – М., 1996. – 934 с. Об исторических взглядах и творческой лаборатории В.Н. Татищева см.: Толочко А.П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. – М., 2005. – 544 с.; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». – СПб., 2009. – 344 с.; *Его же.* Василий Никитич Татищев – историк // Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб., 2011. – С. 439–520.

³ Хамидуллин Б.Л. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

целом носит описательный характер, но позиция автора в отношении интересующей нас темы предельно ясна. В изложении Н.М. Карамзина взаимоотношения Руси со степными народами вписаны в рамки борьбы русских государей с кочевниками: сначала с «завоевателями» хазарами и «варварами» печенегами, потом с торками, затем с «неутомимыми злодеями» половцами. «Татарские орды» исследователь также считал априори враждебной силой, объектом справедливой борьбы православного русского народа.

Изучение тюрко-мусульманских государств на территории будущей Российской империи не входило в задачу Н.М. Карамзина. Между тем, не занимаясь специально татарскими странами, он своё отношение к раннесредневековым кочевникам, как к силе, препятствующей развитию Русского государства, перенёс и на Золотую Орду, и на Казанское ханство. Исследователь, опираясь на мнение большинства русских летописцев, искренне верил, что т. н. «татарское иго» отбросило Россию на несколько столетий назад в своём развитии. Однако именно ему, потомку татарина Кара-мурзы, принадлежит знаменитая фраза, и поныне отражающая мировоззрение определённой части исторического сообщества, что «Москва обя-зана своим величием ханам», и мысль, что именно благодаря татарам имело место государственное возрождение Руси и становление самодержавия.

Как и многие летописцы, Н.М. Карамзин оставил очень мало информации по истории собственно Казанского ханства, основной упор повествования сделав на московско-казанские политические взаимоотношения¹ и на взятие Казани в октябре 1552 г., чему посвящены многие страницы VIII тома «Истории государства Российского»². Николай Михайлович писал, что Казанское ханство – «одно из знаменитых Царств, основанных в пределах нынешней России»³, которое «возникнув на развалинах [Волжско-Камской] Болгарии и поглотив ее бедные остатки»⁴, «имела хищный, воинственный дух Моголов, и торговый, заимствованный ею от древних жителей сей страны»⁵. При этом автор «Истории государства Российского» особо отмечал, что «земли Болгарские» не были «в древнем достоянии России», как о том писали казанский летописец

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V–VIII.

² Там же. – Т. VIII, с. 83–116.

³ Там же. – Т. VIII, с. 115.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

и автор «Скифской истории» Андрей Лызлов¹, и что «Болгарская земля никогда не принадлежала России»². До прихода в Казань («древний Саинов Юрт») золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда («Махмета») этот город, «в 1399 году опустошенный Россиянами»³, «около сорока лет состоял единственно из развалин и хижин, где укрывались несколько бедных семейств»⁴. «Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и представил оную в убежище Болгарам, Черемисам, Моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами Россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета Царем и защитником. Таким образом, сей изгнанник Капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником Царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового»⁵ (далее Николай Михайлович называет Улуг-Мухаммеда «Царем Казанским Улу-Махметом»⁶). Н.М. Карамзин писал, что постепенно «Моголы» смешались с «Болгарами» и «составили один народ, коего остатки именуются ныне Татарами Казанскими, и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области Российские»⁷, и что «доныне Казанские Татары потомки [государств] Золотой Орды и Болгаров»⁸. Также исследователь отмечал, со ссылкой на информацию князя Андрея Курбского, что в Казанском государстве проживали ещё «пять народов: Мордва, Чуваши, Вотяки (в Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверх по Каме)»⁹. «Около 115 лет Казанцы нам и мы им неутомимо враждовали, от первого их Царя, Махмета [Улуг-Мухаммеда], у коего прадед Иоаннов [Василий II] был пленником, до Едигера [Ядыгар-Мухаммада], взятого в плен Иоанном [IV], которого дед [Иван III] уже именовался Государем Болгарским, уже считал Казань нашею областью, но при конце жизни своей видел ее страшный бунт и не мог отмстить за кровь Россиян, там проливанную. Новые мирные договоры служили поводом к новым изменам, и всякая была ужасом для Восточной

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V–VIII. – Т. VIII, с. 105.

² Там же. – Прим. № 319 к т. VIII.

³ Там же. – Т. V, с. 159.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Т. V, с. 180.

⁷ Там же. – Т. V, с. 159–160.

⁸ Там же. – Т. VIII, с. 115.

⁹ Там же. – Т. VIII, с. 116.

России, где, на всей длинной черте от Нижняго Новагорода до Перми, люди вечно береглися как на отводной страже. Самая месть стоила нам дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истреблением войска и коней от болезней, от трудностей пути в местах диких, населённых народами свирепыми¹. Все эти мысли подводили Н.М. Карамзина к выводу о необходимости завоевания Казани Иваном IV Грозным, т. к. «вопрос “надлежало ли покорить Казань?” соединялся с другим: “надлежало ли безопасносию и спокойствием утвердить бытие России?”»². Само же взятие Казани 2 октября 1552 г. описано Н.М. Карамзиным со ссылкой на мнение многих летописцев, в легко читаемом литературно-пафосном тоне: «Так пало к ногам Иоанновым одно из знаменитых Царств... Чувство государственного блага, усиленное ревностью Веры, производило в победителях общий, живейший восторг... Небо благоприятствовало торжеству победы; ...Россияне, осаждав Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в нее как бы весною»³. То есть «осень» Казани, «обновляемой во имя Христа Спасителя, осеняемой хоругвями, украшаемой церквами Православия, оживленной (после ужасов кровопролития, после безмолвия смерти) присутствием многочисленного, радостного войска, среди свежих трофеев»⁴, безусловно, приравнивалась к «весне», возрождению России.

В целом взгляды выдающегося учёного Н.М. Карамзина на историю Казанского ханства и этногенез казанских татар (государство возникло на землях Волжской Булгарии в пределах нынешней России в результате распри в Золотой Орде; первый хан, «возобновитель» или «истинный первоначальник» государства – Чингизид Улуг-Мухаммед; ханство имело воинственных дух монголов (= татар) и торговый дух волжских булгар; казанские татары – этнополитические преемники и Волжской Булгарии, и Золотой Орды; население ханства было полигэтничным, здесь также проживали мордва, чуваши, вотяки (удмурты), черемисы (марицы) и башкиры; около 115 лет Казань и Москва неутомимо враждовали, что привело к завоеванию Казани осенью 1552 г.) послужили источником формирования научного мировоззрения нескольких поколений отечественных (в том числе татарских) историков и подспудно оказали и оказывают серьёзное влияние на современные представления исследователей истории средневекового Поволжья.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. – М., 1989. – Т. V–VIII. – Т. VIII, с. 115.

² Там же.

³ Там же. – Т. VIII, с. 115–116.

⁴ Там же. – Т. VIII, с. 116.

Очередной вехой в познании истории России и в какой-то степени вошедших в неё народов стала «История России с древнейших времён» Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). Исследователи относят С.М. Соловьёва к т. н. «государственному направлению» в русской историографии. Учёный считал невозможным понимание истории народа без изучения истории государственной власти. Государство он провозглашал главной движущей силой общественно-го развития¹. С.М. Соловьёв ввёл два новых элемента в концепцию государственной школы: постоянную и непрекращающуюся борьбу русского народа с кочевыми племенами Востока («борьба Леса со Степью») и, как следствие, связанный с нею процесс русской колонизации на территории восточно-европейской равнины и Сибири («наступление Леса на Степь»)². Этот исследователь тоже рассматривал Казанское ханство как неприятное препятствие на пути Российской державы к славе и величию. Соответственно и отношение его к этому фактору русской истории складывалось пренебрежительное. С конца XIV в., по мнению С.М. Соловьёва, начинается новый, последний этап в истории борьбы «Европы» с «Азией». Этот период, по мнению историка, имел особое значение в процессе развития колонизации. К этому времени Казанское ханство становится форпостом «Азии», оплотом ислама в борьбе с европейской цивилизацией, с христианством: «Издавна Азия, и Азия магометанская, – писал С.М. Соловьёв, – устроила здесь притон, притон не для кочевых орд, но для цивилизации своей; издавна утвердился здесь торговый и промышленный народ – болгары; издавна, когда ещё русский славянин не начинал ещё строить на Оке церквей христианских, не занимал ещё мест во имя европейской гражданственности, болгарин слушал уже Коран на берегах Волги и Камы. Здесь впервые в северо-восточной Европе христианство столкнулось с мусульманством»³.

Сочинение С.М. Соловьёва до сих пор остаётся крупнейшим и наиболее информативным сводным научным трудом по российскому средневековью. Хотя автор практически не привлекал по этой теме новых источников, построенная им целостная концепция российской истории, где истории Казанского ханства отводилась роль ведущего форпоста («притона») дикости, «азиатчины» и мусульманства, стала

¹ Ермолов И.П. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии: вторая половина XIX – начало XX в. / Рукопись диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Казань, 1965. – С. 34.

² Там же.

³ Ермолов И.П. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии: вторая половина XIX – начало XX в. – Казань, 1965. – С. 47.

ведущей в формировании взглядов отечественных историков на конкретные обстоятельства взаимоотношений Руси и татар.

С.М. Соловьёв в своих мнениях традиционно основывался на русских летописях, иногда даже не сопоставляя их между собой. При этом он называл «Казанскую историю» «мутным источником» и отказывался пользоваться ею, считая известия Сигизмунда Герберштейна более достоверными относительно некоторых событий истории Казанского ханства и его взаимоотношений с Московией. Более того, он даже критиковал Н.М. Карамзина за его излишнее доверие сведениям «Казанской истории»¹. «История России с древнейших времён», однако, даёт очень скудные сведения о возникновении Казанского ханства и её социально-политической структуре. С.М. Соловьёв считал, что основателем ханства являлся Улуг-Мухаммед, который после победы над русскими под г. Белёвым в 1437 г. якобы переправился через Волгу и «засел в опустелой от русских набегов Казани». Тем самым С.М. Соловьёв, следуя данным летописей и концепции того же Н.М. Карамзина, склонялся к мысли о разорении Казани в конце XIV – начале XV в., отмечая, вслед за ними, что Улуг-Мухаммед основал новую Казань: «поставил себе деревянный город на новом месте, и в июле 1439 года явился нечаянно под Москвою»².

Дальнейшее развитие концепция «государственной школы» получила в трудах Василия Осиповича Ключевского (1841–1911). Он в своих трудах, в частности, в «Курсе русской истории», развил точку зрения С.М. Соловьёва. Так же как и у С.М. Соловьёва, у него борьба с кочевниками приобретает характер «борьбы Леса со Степью», поскольку он в ещё большей степени, чем С.М. Соловьёв, придавал значение роли географического фактора в историческом процессе. В.О. Ключевский рассматривал Степь как постоянную угрозу для Руси: «Она была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для неё. Борьба со степным кочевником, половчанином, злым татарином, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., – самое тяжёлое историческое воспоминание русского народа... Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом – это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочёт в русской исторической жизни»³. Такая же угроза, по его мнению, таилась для России и в существовании

¹ Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. – М., 1988. – Кн. 3. – Т. 5. – С. 365.

² Там же. – Кн. 2. – Т. 3. – С. 392.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 84.

Казанского ханства. В.О. Ключевский писал, что с развалом в XVI в. Золотой Орды «из её развалин образовались новые татарские гнёзда, царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды Ногайские...»¹. С этими наследниками Орды и приходилось постоянно вести войны русскому государству. Единственным промыслом этих государственных образований, как считал В.О. Ключевский, был грабёж русских земель; объяснялся этот «хищнический» характер татарских государств отсутствием собственного экономического хозяйства, основанного на земледелии. Трудно сказать, почему автор, делая этот вывод, игнорировал сведения не только западно-европейских путешественников, но и русских летописей. Скорее всего, определяющую роль в этом сыграла сама концепция «борьбы Леса со Степью», которой этот маститый учёный следовал буквально и последовательно, подчёркивая, что борьба с «кочевниками» имела огромное историческое значение для судеб европейской цивилизации: «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого...»². Поэтому он писал, что завоевание Казанского и Астраханского ханств открыло «русскому земледельческому труду обширные пространства дикого поля, невозделанного степного чернозёма»³. Подобные взгляды, несомненно, являлись сутью его «государственных» идей и, благодаря авторитету автора, оказали огромное, определяющее влияние на всю последующую историографию, особенно в части трактовки характера социально-экономического строя Казанского ханства и его взаимоотношений с Московским государством.

Примером этого влияния могут служить труды историка Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). Он также следовал в русле концепции об отрицательном влиянии Степи (под которой он понимал также и Казань) на Русь. По его мнению, борьба с кочевниками была основной причиной, препятствовавшей развитию на Руси «народного самобытного строя»⁴. «Русь была окружена чужеземцами, – писал Н.И. Костомаров, – готовыми вмешиваться в её дела. С востока, как тучи, одна другой мрачнее, выходили полчища степных кочующих народов Азии, жадных к грабежу и

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. – М., 1987. – Ч. 2. – С. 196.

² Там же. Т. 1. Курс русской истории. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 284–285, см. также с. 171–173, 282.

³ Там же. Т. 2. Курс русской истории. – М., 1987. – Ч. 2. – С. 227.

⁴ Мавродина Р.В. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). – Л., 1983. – С. 19.

истреблению»¹. Иными словами, квинтэссенцией концепции представителей «государственной школы» являлся производный от этой концепции взгляд на историю Казанского ханства, как на обитель диких варваров, извечно разорявших Русь и живших за счёт этого грабежа. Нельзя, впрочем, не заметить в этом взгляде весьма примечательного сходства с церковно-православными мифологемами XV–XVI вв., к которым он, в конечном счёте, и восходит...

Особенность работ представителей начального этапа историографии истории Казанского ханства – односторонний подход к описанию этой самой истории. Учитывалась преимущественно негативная сторона взаимоотношений Москвы и Казани, преувеличивались агрессивность и завоевательные устремления казанских ханов. Указывалось, что Казанское ханство, продолжая политику Золотой Орды, сдерживало экономическое и политическое развитие Руси, препятствовало формированию российской цивилизации и культуры. При этом упускались из виду вопросы возникновения, социально-экономической и политической истории самого Казанского ханства.

Русская историография XVIII и XIX вв. находилась под глубоким влиянием исторических идей и идеологических утверждений московских летописей XV–XVI вв. Собственно говоря, они уже в силу своей церковно-державной идеологии содержали концепцию истории Российского государства как православной империи. Поэтому историки XVIII в., приступив к научному изучению российского прошлого и, в частности, тех страниц, которые были связаны с историей Казанского ханства, оказались заложниками своих источников и их концепций. Тем не менее можно указать, что именно в этот период начал проявляться живой интерес российских учёных к проблемам истории Казанского ханства, были созданы первые научные концепции, в определённой степени раскрывающие причины возникновения и политическую историю этого татарского государства.

XVIII в. характеризуют временем становления дворянской историографии и формирования просветительского направления в России². В XVIII в. в России, как и странах Западной Европы, стали прослеживаться новые тенденции в развитии общественно-исторической мысли. Они стали результатом нескольких причин, важнейшими из которых были: во-первых, отказ от богословского объяснения причинно-следственных связей, а во-вторых, переход

¹ Мавродина Р.В. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). – Л., 1983. – С. 18.

² Макарихин В.П. Курс лекций по отечественной историографии. Досоветский период. – Н. Новгород, 2001. – С. 20.

к прогрессивному, рационалистическому подходу к объяснению фактов и самого хода истории¹. Характерной чертой дворянской историографии этого периода было ограничение круга её интересов исключительно вопросами политической истории. Поэтому социально-политические и экономические аспекты общества практически не изучались, в центре внимания оставались войны, дипломатия, завоевания, а также причины, их порождавшие. Ограничивала творческую активность историка и его исследовательские возможности также зависимость от формы изложения материала в источниках и сам способ его критического анализа. Летописная форма долгое время была превалирующей в изложении материала средневековой истории России. Кроме того, что сами авторы зависели от формы подачи материала, сами факты, излагаемые в дискретных текстах летописи, были настолько скучны и отрывочны, что становились препятствием для написания российской истории по типу европейских, в первую очередь образцовых для того времени немецких работ. Эта зависимость заметна в трудах ранних российских историков, таких как А.И. Лызлов, В.Н. Щербатов, В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов. Да и С.М. Соловьёв не отошел от этой формы. Не удивительно, что и первые исследования, посвящённые непосредственно Казанскому ханству², создавались по этим «летописным» лекалам, в рамках российской традиции, заложенной авторитетными и концептуальными работами В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина.

«БОРЬБА С ПЯТЬЮ КАЗАНСКИМИ НАРОДАМИ»: ЗНАЧЕНИЕ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ 1552 Г. И КАЗАНСКАЯ (ПЕРВАЯ ЧЕРЕМИССКАЯ) ВОЙНА 1552–1557 ГГ. В ТРАКТОВКЕ С.М. СОЛОВЬЁВА

В своих публикациях, посвящённых истории Казанского ханства, я неоднократно подчёркивал оригинальный этнополитический генезис данного государства, приведший к своеобразному развитию местных народов: в ханстве в первой половине XVI в. наблюдается функционирование единой этнополитической общ-

¹ Макарихин В.П. Курс лекций по отечественной историографии. Досоветский период. – Н. Новгород, 2001. – С. 21.

² Хамидуллин Б.Л. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

ности, включающей все местные народы, о чём свидетельствует наличие в стране толерантной экономической, социальной, культурной, языковой и отчасти конфессиональной интеграции, а также осознание всем населением государства своей принадлежности к единому политическому целому и признание им этого целого своей Отчизной¹.

Одним из ярких подтверждений данного тезиса являются развернувшиеся в Казанском крае события 1552–1557 гг., получившие в историографии название «Казанской войны 1552–1557 гг.» или «Первой Черемисской войны». Несмотря на то что события этого периода достаточно хорошо представлены в современной исторической литературе², на сегодняшний день однозначной трактовки основных причин начала, хронологии и действующих этносоциальных сил этой войны, этнической принадлежности и характеристики поведения её конкретных персонажей, итогов первого восстания народов Среднего Поволжья и т. д. до сих пор нет. А потому мнение отечественных исследователей по данной теме, в частности авторитетных дореволюционных учёных – создателей собственной исторической школы, вызывает несомненный интерес. Из дореволюционных исследователей мне особо хотелось бы остановиться на мнении известного русского историка Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879), в чьих работах впервые события 1552–1557 гг. нашли полноценное описание и трактовку, а его взгляды во многом предопределили дальнейшее развитие отечественной историографии.

«История России с древнейших времён» С.М. Соловьёва – это 29-томная целостная концепция русской национальной истории, фундаментальный труд, изданный в 1851–1879 гг. По мнению многих дореволюционных, советских и современных исследователей, это научно-историческое произведение создавалось в противовес работам исторической школы Н.М. Карамзина, взгляды которого на прошлое нашей страны (в том числе – историю Казанского ханства) послужили источником формирования научного

¹ См., например: *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование*. – Казань, 2002. – 335 с.; *Его же. Этносоциальная история Казанского ханства* / АКД. – Казань, 2004. – С. 26.

² Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 143–156; Бахтин А.Г. *XV–XVI века в истории Марийского края*. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 139–155; Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). – Казань, 2014. – С. 73–85.

мировоззрения нескольких поколений отечественных исследователей¹, и чья «История государства Российского», изданная в 1803–1826 гг., считалась официальной в первой половине XIX в. Взглядам Н.М. Карамзина Сергей Михайлович противопоставил идею исторического развития в ракурсе одинаковой роли государственного и общественного начал. По его мнению, государство, будучи естественным продуктом народной жизни, есть сам народ в его развитии, и одно нельзя отделять от другого; история России есть история её государственности – не конкретного правителя и правительства, как думал Н.М. Карамзин, но жизни народной в её целом. Следуя этой логике, Сергей Михайлович где-то впервые, а где-то по-новому осветил массу важнейших вопросов истории русского народа и государства, в частности, первым в отечественной историографии поставил процесс государственной централизации Руси–России в тесную связь с борьбой «леса со степью» против «преобладания азиатских орд» (т. е. русского народа с кочевыми тюркскими племенами) и т. н. «монголо-татарского ига» (т. е. русского народа с Золотой Ордой и постордынскими татарскими государствами), таким образом «объяснив» русскую экспансию на Восток и колонизацию территории проживания восточных народов. В результате, например, исследователь рассматривал захват постордынского Казанского ханства (территории которой со времён Волго-Камской Булгарии он отводил роль ведущего «притона не для кочевых орд, но для цивилизации» «Азии магометанской») лишь как очередной этап в справедливой «постоянной и тяжёлой борьбе с азиатскими варварами», «между европейским и азиатским духом», между христианством и «бусурманством», как «естественное стремление» «движения Руси на восток по течению Волги»². И эта мысль С.М. Соловьёва в последующем стала ведущей при формировании взглядов отечественных историков на конкретные факты взаимоотношений Руси и татар, в частности – Москвы и Казани. Сочинение С.М. Соловьёва до сих пор остаётся крупнейшим и наиболее информативным сводным научным трудом по

¹ Хамидуллин Б.Л. Вклад Н.М. Карамзина в историографию Казанского ханства // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 28–29 сентября 2016 г.). – Казань, 2016. – Вып. 8. – С. 116–121.

² Соловьёв С.М. Восточный вопрос (3 статьи) // Сочинения Сергея Михайловича Соловьёва. – СПб., 1882. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html (дата обращения: 26–28.04.2017); Его же. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковалыченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 461–465.

российскому средневековью, хотя автор практически не привлекал по этой теме новых источников.

Учёный в своих мнениях традиционно основывался на русских летописях, иногда даже не сопоставляя их между собой. При этом он называл «Казанскую историю» «мутным источником» и отказывался пользоваться ею, считая известия С. Герберштейна более достоверными относительно некоторых событий истории Казанского ханства и его взаимоотношений с Москвией. Более того, он даже критиковал Н.М. Карамзина за его излишнее доверие сведениям «Казанской истории»¹.

С.М. Соловьёв описанию событий Казанской войны 1552–1557 гг. посвятил небольшой параграф под названием «Борьба с пятью казанскими народами», включенный в 3-ю главу 6 тома «Истории России с древнейших времён» после параграфов «Поход на Казань 1552 года», «Осада и взятие Казани» и «Значение казанского взятия», что вполне логично со всех точек зрения. Рассмотрим вкратце содержание разделов «Истории России с древнейших времён», предваряющих оценку автором многотомника значения казанского взятия 1552 г. и информацию о т. н. Первой Черемисской войне. По мнению С.М. Соловьёва, долгое время Казань могла поддерживать свою независимость только благодаря малолетству Ивана IV²; когда Иван IV возмужал, то «обнаружил намерение решительно действовать против Казани»³; 2 первых похода Ивана IV на Казань были неудачными⁴; «в апреле [1552 г.] царь созвал совет насчет решительного похода на Казань» и «объявил, что неизменно сам хочет отправиться в поход»⁵; «23 августа [1552 г.]... 150 000 [русские] войска со 150 пушками обложили Казань... 23 же числа начались сшибки с осаждёнными...»⁶; «6 сентября [1552 г.] с большим кровопролитием взят был острог, построенный казанцами в 15 верстах от города, на Арском поле, на горе между болотами. Взявши острог, воеводы пошли к Арскому городищу, воюя и пожигая села; от Арского городища возвратились другою дорогою к Казани, повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, жен и детей в плен взяли, а христиан многих из плена освободили;

¹ Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. История России с древнейших времён. – М., 1988. – Кн. 3. – Т. 5. – С. 365.

² Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 441.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 441–442.

⁵ Там же. – С. 448.

⁶ Там же. – С. 452.

воевали они на 150 верст поперек, а в длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали к Казани в полки»¹; 2 октября 1552 г. в воскресенье «русское войско... пошло на приступ [Казани]... В воротах и на стенах началась страшная сеча...»²; Казань, «благодаря великодушным усилиям молодого государя»³, была взята, и царь велел служить молебен под своим знаменем⁴... Далее историк восторженно писал, что «надобно перенестись в XVI век, чтобы понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское царство!»⁵, «завоевание Казанского царства было, следовательно, первым завоеванием, и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей...»⁶, «...завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершился для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских...»⁷. Значение завоевания столицы Казанского ханства в 1552 г., по мнению С.М. Соловьёва, было очень важным для Руси и состояло в том, что «славянская колонизация нашла себе путь» в Среднее и Нижнее Поволжье, преодолев «пребладание азиатских орд», уничтожая «расторгнутые члены чудовища [Золотой Орды]»⁸. «До тех пор пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможno», – отмечал историк. «Здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани [в 1556 г.] было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани. Мы видели, что до сих пор колонизация русская брала северо-восточное направление: юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причине господства здесь кочевых орд; но с падением Казани, т. е. со взятием всей Волги во

¹ Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 454.

² Там же. – С. 456.

³ Там же. – С. 460.

⁴ Там же. – С. 457.

⁵ Там же. – С. 460.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 461.

⁸ Там же.

владение Московским государством, русские поселения получили возможность распространяться и на юго-восток, в богатые страны, орошаемые западными притоками Волги и восточными – Дона»¹, – уточнял и подчёркивал свою мысль учёный.

Далее, описывая Казанскую (Первую Черемисскую) войну 1552–1557 гг. как «борьбу с пятью казанскими народами», С.М. Соловьёв даёт интересную информацию «об устройстве новозавоёванной земли» и «окончательном искоренении бусурманского воинства» и отмечает некоторые узловые моменты данного периода истории Среднего Поволжья. По мнению историка, хотя 2 октября 1552 г. «Казань была взята, но надобно было распорядиться насчёт дикого, воинственного народонаселения, жившего в её области»². А ведь «кроме татар в земле Казанской обитали еще пять различных народов»³ – «около Казани сосредоточивались и укрепляли её разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры»⁴. «Мы видели, – пишет С.М. Соловьёв, – как народонаселение Горной стороны – горные люди после разных колебаний должны были подчиниться Москве вследствие основания Свияжска [в 1551 г.]; мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народцам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченым»⁵. Но «оставшиеся князья казанские, какие – неизвестно, соединившись с черемисами и другими народцами, подняли войну против русских» по вине «бояр, которым царь поручил промышлять казанским делом», а «они заботились только о кормлениях, а казанское строение поотложили»⁶. Указав своё видение причины начала войны 1552–1557 гг., С.М. Соловьёв впервые в научной историографии достаточно подробно описал и сам ход этой войны.

Современные исследователи условно выделяют в этих событиях несколько этапов, в целом следуя описанию событий, данных ещё С.М. Соловьёвым. В целях объективного представления того, как трактовал события С.М. Соловьёв, я буду давать параллельно

¹ Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 462.

² Там же. – С. 458.

³ Там же. – С. 462.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 463.

обобщённый мной взгляд современных историков¹ и выдержки из сочинения Сергея Михайловича².

Первый этап войны начался в октябре–декабре 1552 г. Завоевание Казани приводит к открытому вооружённому выступлению местного населения против новой власти: например, около Казани и на Арской стороне выступили местные жители под руководством т. н. «Тугаевых детей с товарыщи», о чём царь узнает лишь во второй половине декабря 1552 г. от своих вассильсурских и казанских воевод. Первые выступления достаточно быстро были подавлены: на Горной стороне свияжским отрядом во главе с воеводой Б.И. Салтыковым, на Арской стороне – отрядами Камая-мурзы и Н. Казарина. С.М. Соловьёв эти события описывает следующим образом: «не прошло ещё двух месяцев по возвращении царя в Москву, как 20 декабря воеводы вассильсурские прислали весть, что луговые и горные люди побили на Волге гонцов, купцов и боярских людей, возвращавшихся с запасами из-под Казани. Царь послал приказание свияжскому наместнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между горными людьми, кто из них разбойничал. Шуйский отправил для розыска воеводу Бориса Солтыкова; тот перехватал разбойников, числом 74 человека; одних повесили на месте, других – у Свияжска, имение их отдали истцам. Казанский наместник, князь Горбатый, доносил, что он также перевешал 38 человек казанцев и вотяков, замышлявших было дурное дело, что ясак собирается успешно».

Второй этап был более длительным (весна 1553-го – март 1554 г.) и еще более ожесточённым. Отличительной чертой второго этапа восстания стало объединение усилий повстанцев Арской, Луговой и Побережной земель ханства с привлечением части населения Горной стороны, в массе своей сохранявшим верность московскому правительству. Костяком восставших были татары, марийцы и удмурты самых разных социальных слоёв. Так, марийские легенды подробно сообщают нам о борьбе против завоевателей луговых марийцев под предводительством малмыжского князя Полтыша (Болтуша), ещё до октября 1552 г. на реке Большая Кокшага основавшего крепость Шанчара именно для борьбы с войсками Ивана IV. Крупная военная

¹ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 143–156; Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 139–155; Ермолов И.П., Измайлова И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). – Казань, 2014. – С. 73–85.

² Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С. 463–465.

победа повстанцев под предводительством сеида Хусейна (Усеин-Сайта), шахзаде Тохтамыша (Тоакмыш-Шахзады) и Сары-батыра над царской армией у Высокой Горы, недалеко от Иски-Казани (было уничтожено 350 стрельцов и 450 казаков), в марте 1553 г. ошеломляюще подействовала на русских и показала моральную сплочённость и боевую мощь местного полиэтничного населения. Вскоре повстанцами ненадолго была блокирована Казань, а в 70 км от Казани на реке Мёша при её впадении в Каму был построен укреплённый лагерь «Мишэ-тамак» («Мёшский городок») – ставший центром восставшего края, и образовано самостоятельное правительство. Разгром войск воеводы Б.И. Салтыкова-Морозова (сам воевода был взят в плен) на Горной стороне весной 1553 г. людьми сеида Хусейна и Сары-батыра позволил восставшим осадить Ивангород (Свияжск) и Васильсурск и даже распространить боевые действия на муромскую, нижегородскую и вятскую земли. В середине весны на помощь повстанцам пришли отряды из Ногайской Орды. Местные карательные отряды были не в состоянии самостоятельно подавить восстание. По сведениям М.М. Щербатого, в Москве даже обсуждался вопрос об оставлении Казани. Но власти смогли сохранить власть над Горной стороной, что позволило перебросить под Казань значительные силы из Свияжска и мобилизовать отряды из других регионов. Зимой 1553–1554 гг. царским войскам, которыми руководили опытные военачальники А.М. Курбский, С.И. Микулинский, П.И. Морозов, И.В. Шереметев, П.И. Шуйский и др., удалось добиться существенных военных успехов – были взяты Высокая Гора, Арск и Мёшский городок, разорены Заказанье и Предволжье, убиты многие вожди повстанцев, в частности, Алека Черемисянин. 25 марта 1554 г. русская армия вернулась «во отчество со пресветлою победою и со множайшими корыстями».

Сергей Михайлович описывал события этого этапа следующим образом: «В конце 1552 и в два первые месяца 1553 года насчёт Казани, следовательно, могли быть спокойны в Москве; но 10 марта пришла дурная весть: князь Горбатый писал, что луговые люди изменили, ясаков не дали, сборщиков ясака убили, прошли на Арское поле, стали все заодно и утвердились на высокой горе у засеки; воеводы послали на них козаков и стрельцов, те разошлись по разным дорогам и побиты были наголову; стрельцы потеряли 350, а козаки – 450 человек, после чего мятежники поставили себе город на реке Мёше, в 70 верстах от Казани, землёю стену насыпали и положили тут отсиживаться от русских. Через две недели пришла другая весть из Свияжска, ещё хуже: мятежники, черемисы и вотяки, пришли воиню на Горную сторону; князь Шуйский отпустил про-

тив них известного уже нам Бориса Солтыкова с детьми боярскими и горными людьми, но Солтыков потерпел поражение, был взят в плен; кроме него русские потеряли 250 человек убитыми и 200 пленными. По этим вестям из Москвы отправился с детьми боярскими в Вятку Данила Фёдорович Адашев, родной брат Алексея; ему велено было искать изменников по рекам Каме и Вятке; сверху по Волге шли на помощь Адашеву козаки. Адашев всё лето ходил по трём рекам – Каме, Вятке и Волге, на перевозах во многих местах бил казанцев и ногаев и переслал в Казань 240 человек пленных. В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семён Микулинский, Пётр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Мёшке, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, вверх по Каме ходили на 250 вёрст, взяли в плен 6000 мужчин, 15 000 женщин и детей, следствием чего было то, что арские и побережные люди дали клятву быть неотступными от Казани и давать дань государю».

Новый этап повстанческого движения начался в конце лета – начале осени 1554 г. Восстание развернулось ещё масштабнее прежнего, и царская армия вновь была направлена на его подавление. В октябре 1554 г. русские войска совместно со служилыми татарами во главе с князьями Е. Чигасовым, Е. Маматовым, стрелецкими головами А. Бортеневым и И. Можневым «побили изменников наголову» – «Кебенка князя, Курманалия князя, Кулая мурзу, да Ниначебока мурзу Базтаргаева, и иных многих князей, и мурз, и казаков, и сотных князей...». Всего погибли и были казнены 1560 человек. В этот период руководителем повстанцев стал «луговой сотник Мамич-Бердей». Понимая огромную роль марийцев в войне за независимость Казанского юрта, в январе 1555 г. русская армия вторглась именно вглубь марийских земель, подвергнув их беспощадному разорению. В ответ на это в феврале 1555 г. повстанцы под руководством Мамич-Бердея предприняли нападение на Арскую и Луговую стороны, а в 160 км от Казани на Сундырской горе возвели Чалымскую крепость, и здесь также было образовано самостоятельное правительство. Но царским властям путём обмана и подкупа удалось расколоть руководство повстанцев. Однако освободительное движение продолжилось. В сентябре 1555 г. Иван IV направляет против восставших новые войска под командованием А.М. Курбского и Ф.И. Троекурова, и в феврале–мае следующего года царские войска одерживают ряд крупных побед. В частности, в апреле 1556 г. казанский воевода П.В. Морозов занял Чалымский городок. А в мае на реке Мёшке произошло решающее сражение, в

результате которого повстанцы потерпели поражение. После этого русским правительством во все стороны Казанского края были отправлены карательные отряды, которые должны были подавить последние очаги сопротивления. Но борьба населения бывшего Казанского ханства за независимость, во главе которой стояли дети Мамыч-Бердея сотники Абыз и Енебяк, «Ахметек-богатырь» и иные люди – в основном татары и марийцы, продолжалась на Арской, Луговой, Побережной и отчасти Горной стороне вплоть до мая 1557 г. Зимой 1556–1557 гг. один из повстанческих боевых отрядов даже пытался захватить городок Солигалич, подверглись нападению и нижегородские земли. Однако безусловное численное превосходство царских войск, а также отсутствие единства среди руководителей повстанческого движения и среди уставшего от войны полиэтнического населения региона привели к безжалостному подавлению восстания и почти поголовному истреблению её участников...

С.М. Соловьёв последний этап войны описывает достаточно подробно, рассматривая действия каждой из воюющих сторон: «Но летом вззволновались луговые люди; воеводы попробовали послать против них двух казанских князей с арскими, побережными и горными людьми, чтобы испытать верность последних; опыт не удался: казанцы не пошли на изменников, соединились с ними, побили тех арских и горных людей, которые оставались верны, на Каме побили рыбаков и начали приходить к самой Казани на сенокос. Против них отправился князь Иван Фёдорович Мстиславский; в две недели были опустошены 22 волости, мятежники, напавшие на сторожевой полк, были разбиты наголову. Толпы луговых явились на Арской стороне; но арские люди поделали остроги и отбились от них с помощью московских стрельцов, которые стрельбою из пищалей наносили много вреда нападавшим; также остались верны и горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали её; двое князей казанских, отправленные воеводами вместе с стрельцами и новокрещёными народами, поразили войско мятежников и привели в Казань пленными многих князей и мурз, которые были все казнены. Арские люди и побережные продолжали отличаться верностию: побили в одну эту осень 1560 мятежников всяких званий. Государь послал воеводам и верным татарам жалованье – золотые. Но если арские и побережные люди все были верны и заплатили ясак исправно, то луговые сотники – Мамич-Бердей с товарищами – не пошли в Казань и по-прежнему разбойничали по Волге, разбивая суда. Против них отправились князь Иван Мстиславский и боярин Данила Романович. В чём состояли их действия, мы не знаем; только весною 1556 года князь Пётр Иванович Шуйский дал знать из Казани, что

арские люди и побережные опять изменили, стоявших у них стрельцов побили и ссылаются с главным мятежником Мамич-Бердеем, который взял уже себе царевича от ногаев. К счастию, горные люди оставались по-прежнему верными и оказали важную услугу Москве, освободив её от Мамич-Бердея; с 2000 человек подступил он к их острогу, опустошив окрестные места; горные люди завели с ним переговоры, обещались действовать заодно против царского войска и в знак союза позвали его к себе на пир; Мамич-Бердей пришёл к ним с двумястами своих, но эта стража была перебита на пиру, Мамич-Бердей схвачен живой и отвезён в Москву. Государь пожаловал за это горных людей великим своим жалованьем и сбавил им ясака. Мамич-Бердей объявил в Москве, что он уже убил призванного им царя из ногаев, потому что от него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитого на высокий кол и приговаривали: “Мы было взяли тебя на царство, для того чтоб ты с своим двором обронял нас, а вместо того ты и твои люди помохи не дали никакой, а только волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле”. Мятежники, лишившись ногайской помощи, потеряв Мамич-Бердея, должны были выдержать нападения боярина Петра Морозова; последний весною 1556 года с детьми боярскими, козаками, стрельцами, новокрещёными инородцами выступил к Чалымскому городку и сжег его, повоевавши и побивши многих людей, которые встретили его на реке Мёше и потерпели совершенное поражение; после этого Морозов воевал десять дней, опустошил все арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество. Это было в мае; в июне Морозов вместе с воеводою Феодором Солтыковым выступил в новый поход, за 50 вёрст только не дошёл до Вятки; ратники его брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали. Кроме того, князь Пётр Шуйский из Казани отпускал ещё другие отряды, вследствие чего Арская и Побережная стороны опустошены были вконец; спасшиеся от меча и плена пришли в Казань и добили челом. Весною следующего года князь Петр Шуйский велел арским и побережным людям поставить на Каме город Лайшев, который должен был служить обороною против ногаев; в городе посажены были новокрещены и стрельцы, у которых головами были дети боярские; новокрещенам воевода велел тут пашню пахать, также у Казани по пустым сёлам велел всем пахать пашни – и русским людям и новокрещенам. Но в то же самое время луговые люди продолжали волноваться: под начальством богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены князем Ковровым, и Ахметек попался в плен; другие толпы луговых, приходившие на арские места, были также

побиты, а между тем из Казани, Свияжска и Чебоксар ежедневно выходили русские отряды опустошать Луговую сторону. Наконец в мае государь получил известие, что луговые прислали бить челом о своих винах; Иоанн послал в Казань и на Свиягу стряпчего Ярцева приводить луговых к присяге. Ярцев возвратился с известием, что вся Казанская земля успокоилась».

В ходе Казанской войны были опустошены самые густонаселённые земли бывшего Казанского ханства, значительная их часть вскоре была роздана Архиерейскому дому, монастырям, русским помещикам. В ходе войны была истреблена почти вся знать бывшего ханства, а немногочисленные её остатки, перешедшие на сторону русского государства, уже не представляли никакой опасности – ни политической, ни экономической. Заканчивая описание событий 1552–1557 гг., Сергей Михайлович сделал следующее резюме: «Таким образом, после взятия Казани нужно было ещё пять лет опустошительной войны, чтобы усмирить все народы, от неё прежде зависевшие»¹. С.М. Соловьёв тем самым признавал, что завоевание Казанского ханства не произошло одномоментно в октябре 1552 г., что этот процесс сильно затянулся во времени, что местное население (не только татары, но и марийцы, удмурты, чуваши) почти 5 лет оказывало московскому правительству и казанским наместникам достаточно жёсткое сопротивление, не принимая новой инородной власти и стремясь вернуть старый уклад и порядок жизнедеятельности…

ВЗГЛЯДЫ В.В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА НА ИСТОРИЮ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА²

Отечественная историография истории Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) насчитывает десятки трудов, однако интерес к его истории и поныне не становится меньше³. Первые

¹ Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времён. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М., 1989. – С.465–466.

² Очерк написан в соавторстве со старшим научным сотрудником Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионаоведения Академии наук Республики Татарстан, кандидатом исторических наук Калимуллиной Фирдаус Галимовной.

³ Хамидуллин Б.Л. Становление и развитие Казанского ханства // Аргамак. – Набережные Челны, 1995. – № 12. – С. 154–165; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань, 2005. – 116 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

научные труды по истории Казанского ханства появились уже в XVIII в.¹, в период формирования просветительства и становления дворянской историографии в России. Позднее исследование этой темы существенно активизировалось.

Свой посильный вклад в историографию Казанского ханства внёс и широко известный русский историк-востоковед XIX в., автор многочисленных научных трудов по истории Кокандского ханства, взаимоотношениям России и Средней Азии, по истории Крымского ханства и курдов, создатель 4-томного «Исследования о касимовских царях и царевичах» Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904)².

Будущий нумизмат, археолог, доктор турецко-татарской словесности, академик и почётный член Петербургской Академии наук, действительный член Русского географического общества, Германского общества ориенталистов, Французского археологического общества Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов родился 31 октября 1830 г. в Санкт-Петербурге. В 1850 г. там же окончил Александровский лицей. Затем 9 лет работал переводчиком Азиатского департамента МИД, в том числе находился в научной командировке в Оренбургском крае, где изучал язык и обычаи казахского народа. С 1857 г. – действительный член, а с 1861 г. – секретарь Русского археологического общества и экстраординарный академик по части языка и литературы мусульманских народов. Он неоднократно совершал научные командировки в Московскую, Тульскую, Орловскую, Рязанскую губернии, в Бельгию, Германию, Италию и Францию, где исследовал татарские надгробные памятники, выявлял тюрко- и персоязычные письменные источники по истории и лингвистике восточных народов России. Отойдя от активной научной деятельности по состоянию здоровья, с 1872 г. Владимир Владимирович занимался общественной и преподавательской работой. Умер 17 января 1904 г. в Киеве и был похоронен в с. Корсунское Малоархангельского уезда Орловской губернии.

¹ Хамидуллин Б.Л. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С.64.

² Калимуллина Ф.Г. Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 558–559; Её же. Касимовское ханство // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 260; Её же. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – 240 с.; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – 207 с.

В.В. Вельяминов-Зернов написал много исследовательских трудов по истории и культуре восточных народов России, выявил и ввёл в научный оборот редкие образцы древних хроник. Но особое место в научном наследии учёного занимает монография «Исследование о касимовских царях и царевичах» (СПб., ч. 1–4, 1863–1887), где на основе многочисленных источников была описана история Касимовского ханства с большими экскурсами в историю Золотой Орды, тюркских народов Поволжья и Приуралья, Средней Азии и Казахстана¹.

Богатая эрудиция и профессионализм учёного привели к тому, что, изучая историю татарского Касимовского ханства, Владимир Владимирович уделил достаточно пристальное внимание и другим постзолотоордынским государствам, в том числе Казанскому ханству². Взгляды В.В. Вельяминова-Зернова на его историю и поныне вызывают серьёзный интерес.

При описании отношений русских и касимовских правителей, для объяснения их поступков и действий, В.В. Вельяминов-Зернов неоднократно обращался к истории Казанского ханства, подчёркивая тесную взаимосвязь многих политических событий в Центральной Евразии. Им были исследованы вопросы образования Казанского ханства как наследника Золотой Орды, последовательность правления казанских ханов-Чингизидов, их отношения с русскими великими князьями, сделан обзор внутренней жизни и драматических событий покорения Казани осенью 1552 г.³. Также учёный провёл чёткие параллели между Касимовским и Казанским ханствами, установил общие традиции их государственности и пришёл к мнению, что по структуре они являлись идентичными⁴.

В.В. Вельяминов-Зернов предполагал, что Казанское ханство образовалось осенью 1445 г., после того как сын Улуг-Мухаммеда Махмуд прибыл из Курмыша в Казань и завладел ею. До него данной точки зрения придерживался историк-этнограф К.Ф. Фукс⁵.

¹ Калимуллина Ф.Г. Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 558–559; Её же. Касимовское ханство // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 260; Её же. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – 240 с.; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – 207 с.

² История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 17, 30, 37, 146–148, 208, 365, 371–376, 447–448, 488, 494, 498–500, 611, 633, 729, 742–745, 796–800, 804.

³ Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – 240 с.

⁴ Там же. – С. 135.

⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 3.

В.В. Вельяминов-Зернов отметил, что существуют две версии об основателях ханства. По другой версии считалось, что Улуг-Мухаммед сам положил начало ханству. Впервые об этом упоминалось в трудах авторов XVII–XVIII вв. – А.И. Лызлова, П.И. Рычкова, Н.М. Карамзина¹, позднее об этом писали Г.И. Перетяткович и Шигабутдин Марджани². В.В. Вельяминов-Зернов допускал, что первым ханом Казани мог стать и сам Улуг-Мухаммед, но подчёркивал, что «Улу-Мухаммед если даже был ханом, то, наверно, всего несколько дней»³. Учёный, не всегда доверяющий данным казанского летописца («Казанской истории»), в этом конкретном случае допускал возможность правдивости сообщения повествователя о том, что сын Улуг-Мухаммеда Махмуд убил своего отца и завладел троном⁴.

Взгляды В.В. Вельяминова-Зернова по поводу образования Казанского ханства позднее были резко раскритикованы автором «Очерков по истории Казанского ханства» М.Г. Худяковым⁵. Михаил Георгиевич отмечал, что Улуг-Мухаммед был представлен В.В. Вельяминовым-Зерновым как «бродячий авантюрист», и доказывал, что самостоятельное татарское государство в Среднем Поволжье уже существовало с 1438 г. и организатором его являлся лично сам Улуг-Мухаммед, бывший хан Золотой Орды. М.Г. Худяков также не соглашался с мнением В.В. Вельяминова-Зернова о том, что Улуг-Мухаммед был якобы убит своим сыном; он предлагал, что имевший трёх взрослых сыновей хан был уже в пожилом возрасте и вполне мог умереть своей смертью.

Данные две точки зрения о дате образования Казанского ханства бытуют в работах и современных исследователей. В целом в отечественной историографии доминирует взгляд, по которому датой возникновения Казанского ханства является 1438 г.⁶, это мнение отражено и во многих энциклопедических изданиях⁷. Однако не-

¹ Там же. – С. 5; *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 52–53; *Аксанов А.В.* Казанское ханство // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 146.

² *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 403.

³ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 14.

⁴ Там же. – С. 15.

⁵ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 27–40.

⁶ *Калимуллина Ф.Г.* В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – С. 159.

⁷ Большая Советская энциклопедия / изд. 3-е; гл. ред. С.М. Ковалёв. – М., 1973. – Т. 11. – С. 140; *Измайлов И.Л.* Казанское ханство // Татарская энциклопе-

которые авторитетные исследователи придерживаются взглядов В.В. Вельяминова-Зернова¹. Так, М.Г. Сафаргалиев², а вслед за ним С.Х.Алишев³ и некоторые иные историки считали события до 1445 г. лишь предысторией Казанского ханства. Вопрос остаётся открытым и на сегодняшний день⁴.

Размышляя о происхождении Улуг-Мухаммеда, В.В. Вельяминов-Зернов привел сведения венецианского торговца и дипломата XV в. Иосафата Барбаро. Учёный доверял сведениям И. Барбаро, который лично посетил ставку Кичи-Мухаммада и упоминал о том, что Улуг-Мухаммед и Кичи-Мухаммад были родственниками. Развивая идею, В.В. Вельяминов-Зернов допускал, что, возможно, Улуг-Мухаммед был сыном Тимур-Кутлуга, братом Тимура, и дядей Кичи-Мухаммада⁵. Учёный упоминал, что по этому поводу существуют разные мнения, привёл версию, которая упоминается у Абульгази Бахадур-хана и в русской родословной по синодальному списку. Согласно ей выходило, что Улуг-Мухаммед был сыном Ичкили Хасана, из потомков Тука-Тимура – родственником Токтамыша. По этому поводу В.В. Вельяминов-Зернов высказал свои сомнения, отметив, что если Улуг-Мухаммед был дядей Кичи-Мухаммада, значит, он не мог быть потомком Тука-Тимура. Но историк не решался конкретно заявить о полной правоте той или иной версии. Вероятно, по этой причине взгляды востоковеда на данный вопрос современными исследователями трактуются по-разному. Например, Д.М. Исхаков упоминает, что В.В. Вельяминов-Зернов придерживался второй версии⁶. В отечественной историо-

дия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 147; *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 403; *Измайлов И.Л.* Улуг-Мухаммад // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2014. – Т. 6. – С. 21.

¹ См.: *Калимуллина Ф.Г.* В.В.Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – С. 160; *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т.12. – С.403; *Аксанов А.В.* Казанское ханство // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 146.

² *Сафаргалиев М.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... – М., 1996. – С. 484.

³ *Алишев С.Х.* Источники и историография города Казани. – Казань, 2001. – С. 10–11.

⁴ *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 403; *Аксанов А.В.* Казанское ханство // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань, 2014. – С. 150.

⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 235.

⁶ *Исхаков Д.* Казан ханлыгы тарихының билгесез битлэр // Мирас. – 1993. – № 10. – 42–48 б.; *Его же.* О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический

графии по данному вопросу существуют разные мнения. Разработку В.В. Вельяминова-Зернова о линии Тимур-Кутлуга поддерживали татарские историки Шигабутдин Марджани и Риза Фахретдин¹. Другой версии (линия Тука-Тимур – Ичките-Хасан/Хасан-оглан) придерживаются некоторые современные историки². В своё время М.Г. Худяков высказал предположение о том, что Улуг-Мухаммед был внуком Токтамыша и сыном Сарайского хана Джала ад-дина, т. е. произошёл из другой ветви потомков Тука-Тимура³. Данной точки зрения придерживались многие последующие учёные, и этот вариант нашёл отражение в «Татарской энциклопедии»⁴. Как мы видим, единогласное мнение современных исследователей и в этом вопросе отсутствует.

Одной из хорошо освещённых В.В. Вельяминовым-Зерновым тем является завоевание Казани осенью 1552 г. В первую очередь учёный пользовался данными русских летописей. Он отметил, что смерть хана Сафа-Гирея и провозглашение ханом 2-летнего Утамыш-Гирея в 1549 г. усилили завоевательную политику Ивана IV в адрес Казани. В январе 1550 г. русские войска были под стенами Казанского кремля, но вследствие дождей и оттепели в феврале отступили, именно в это время родилась мысль о построении недалеко от Казани на реке Свияга крепости-опоры, писал исследователь⁵.

Говоря о Сююмбике, В.В. Вельяминов-Зернов подчеркнул, что она в Казани пользовалась большой известностью, имела огромное влияние на мужа Сафа-Гирея, поскольку тот пришёл к власти при поддержке её отца – ногайского мурзы Юнуса. Тот факт, что после смерти Сафа-Гирея к власти пришёл младенец Утамыш-Гирей, а не остальные взрослые его сыновья от других жён, свидетельствует о том, что влияние Сююмбике в ханском дворе было большим, писал учёный. Он также допускал правдивость высказываний казанского летописца о том, что после смерти Сафа-Гирея Сююмбике имела

сборник. 2001. – М., 2002. – С. 63–74; *Его же. Исторические очерки*. – Казань, 2009. – С. 109–122.

¹ Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – С. 161.

² Исхаков Д. Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас. – 1993. – № 10. – 42–48 б.; *Его же. О родословной хана Улуг-Мухаммеда* // Тюркологический сборник. 2001. – М., 2002. – С. 63–74; *Его же. Исторические очерки*. – Казань, 2009. – С. 109–122.

³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 22.

⁴ Измайлова И.Л. Улуг-Мухаммад // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2014. – Т. 6. – С. 21.

⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 335–342.

связь с Кучук-огланом и что они хотели отравить Шах-Али¹. Этим В.В. Вельяминов-Зернов подчеркнул, что внутри казанской знати шла борьба за власть.

В августе 1551 г. казанцы выдали русским Сююмбике и Утамыш-Гирея, в сентябре их перевезли в Москву. Размышая о выдаче казанцами Сююмбике и её сына русским, В.В. Вельяминов-Зернов отметил, что это была крайняя необходимость, поскольку после построения Свияжска опасность со стороны русских войск реально усилилась. Нагорные жители Волги – чуваши, черемисы (марицы), мордва (ближайшие соседи татар и подданные ханства), склонились на сторону русских, служили им и опустошали казанские земли, писал исследователь². Причину того, что нагорные жители перешли на сторону Москвы, учёный видел в щедрых подарках, сделанных русскими, и страхе. В.В. Вельяминов-Зернов отметил также имеющиеся внутренние распри между казанской знатью и претендентами на казанский престол. Шах-Али был вызван не из-за особой симпатии, в его лице казанцы видели не царя, а средство выйти из отчаянного положения и оправиться хотя бы на время от пагубной для них борьбы с Россией, считал автор. Он подробно описал, какие действия были предприняты русскими для осады и взятия Казани 2 октября 1552 г.³. Разбирая данный вопрос, учёный высоко оценил книгу Ф. Ласковского⁴, в которой описана история осады Казани русскими и приведены чертежи города времён осады.

В.В. Вельяминов-Зернов установил, что в январе 1553 г. Утамыш-Гирей был крещён под именем Александр, в феврале 1563 г. во время войны России с Ливонией при въезде в завоёванный Полоцк сопровождал Ивана IV, умер 11 июня 1566 г. и был погребён в Москве в Архангельском соборе. Это всё, что было известно В.В. Вельяминову-Зернову об этом казанском хане⁵. В мае 1552 г. в Москве Сююмбике была выдана замуж за Шах-Али. Иван IV сделал это для того, чтобы такую особую пленницу не отпустить к отцу, а оставить при себе, размышлял учёный.

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 348–350.

² Там же. – С. 352.

³ Там же. – С. 379.

⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – СПб., 1858. – Ч. 1. – 322 с.

⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 461.

Данными о дальнейшей судьбе Сююмбике ученый не располагал, он лишь предположил, что она жила в Касимове, умерла и была погребена там.

В.В. Вельяминов-Зернов подробно рассмотрел также вопрос участия касимовских татар в походах на Казань. Первый поход был совершен самим ханом Касимом в 1466 г. для занятия казанского престола, но отпор хана Ибрагима заставил его вернуться в Касимов ни с чем¹. В 1505 г. касимовский султан Сатылган и его брат Джанай участвовали в противостоянии против казанских татар под предводительством Мухаммада-Амина у Мурома². В 1506 г. Джанай участвовал в неудачном походе Василия III на Казань.

Значительная военная заслуга в противостоянии Москвы и Казани отводится ученым хану Шах-Али, ведь тот участвовал в казанских походах Ивана IV, организованных в 1523–1524, 1547–1550 и 1552 гг.³. Если остальные исследователи в этих событиях видели лишь верное служение касимовских правителей русским великим князьям, то В.В. Вельяминов-Зернов преподнёс эти факты как противостояние касимовских татар с казанскими правителями в борьбе за казанский престол.

Определяя роль касимовских татар в покорении Казани, учёный отметил, что они принимали участие в завоевании Арска. Но Шах-Али и его татарам было дано особое распоряжение, по которому они не должны были участвовать в штурме города, им было велено находиться на задних позициях, в виде запасных войск⁴. В.В. Вельяминов-Зернов писал, что во время взятия Казани Шах-Али и касимовские татары ничем не отличились⁵. На наш взгляд, по этому поводу уместно предположение исследователя Ф.Л. Шарифуллиной о том, что русские опасались того, что касимовцы могли перейти на сторону казанских татар⁶.

В.В. Вельяминова-Зернова поразил дальнейший поступок Шах-Али. Когда Казань была взята, он одним из первых прибежал к царю с поздравлениями и вместе с ним въехал в завоёванный город.

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 58.

² Там же. – С. 70.

³ Там же. – С. 355.

⁴ Там же. – С. 399.

⁵ Там же. – С. 390.

⁶ Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань, 2014. – С. 165.

Учёный отметил, что после покорения Казани Шах-Али жил в Касимове и в военных действиях русских против казанцев в середине 1550-х гг. не участвовал. А касимовские татары во время Казанской войны, в 1553, 1554, 1555 гг. вместе с русскими войсками ходили усмирять повстанцев, разгромили отряды Мамыш-Бирде (Мамич-Берды), писал учёный¹.

В.В. Вельяминов-Зернов попытался дать как можно более полную психологическую характеристику такой сложной и неординарной личности, как Шах-Али. В историографии о нём написано много, обычно хан изображается человеком безвольным и уродливым внешне. В.В. Вельяминов-Зернов отмечал, что в оценке историков существует некоторый субъективизм, вызванный личной неприязнью². Учёный смог избежать этот субъективизм, и рассмотрел поступки Шах-Али во взаимосвязи с внешними факторами, показал трагизм личности. В.В. Вельяминов-Зернов отмечал, что в особо затруднительном положении хан находился в период последнего правления в Казани. Казанцы требовали от него, чтобы он вернул Нагорную сторону, а Иван IV – «сделать Казань такой же зависимой – как и Касимов»³. С одной стороны, Шах-Али был повинен в смерти более 70 казанских князей, мурз, а с другой – выполнял не все требования Ивана IV, например, допускал, чтобы казанцы держали у себя русских пленных, и ходатайствовал, чтобы царь вернул ханству Нагорную сторону⁴. Данные поступки хана доказывают, что независимо от воли царя он преследовал свои цели, а именно – пытался любой ценой остаться на престоле. Несовпадение его планов с приказами Ивана IV повлекло последующие события.

В феврале 1552 г. Иван IV приказал Шах-Али сдать Казань. «В этой ситуации Шах-Али сумел выказать, в некоторой степени, твёрдость и благородство характера», – отмечал учёный. Хан отказался пускать русских в город: «в его сердце была еще жива любовь к сородичам и мусульманам», – писал В.В. Вельяминов-Зернов⁵. Однако Шах-Али был вынужден покинуть город, и весной был отпущен в Касимов. На совете Ивана Грозного об осеннем наступлении на Казань единственным, выступившим против, был Шах-Али. Он объяснил это тем, что время года не очень подходит

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 404–410.

² Там же. – С. 430.

³ Там же. – С. 352.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 356.

для захвата города. Но каковы были реальные мысли хана на этот счёт, неизвестно. Возможно, Шах-Али ещё надеялся на сохранение Казанского ханства, чтобы вновь попытаться взойти на казанский престол. В.В. Вельяминов-Зернов показал, как печально заканчивались попытки Шах-Али отступить от воли Ивана IV, и как не-предсказуемо вёл себя хан, чтобы сохранить своё особое положение. Учёный сумел показать личность Шах-Али в разных ракурсах, отмечая отрицательные и положительные черты его характера и поступки, связывая личностные характеристики с факторами внешнего влияния.

В заключение ещё раз укажем, что В.В. Вельяминов-Зернов, сравнивая средневековые татарские ханства, пришёл к мнению, что и Казанское, и Касимовское ханства являются прямыми наследниками Золотой Орды. Участие касимовских татар в походах русских войск на Казань он обосновывал разумными союзническими отношениями и адекватными амбициозными устремлениями касимовских ханов-Чингизидов овладеть казанским престолом. Падение Казани учёный объяснял разрозненностью татар, расколом внутри казанской политической элиты и усилением Московского государства.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ОСВЕЩЕНИИ Г.И. ПЕРЕТЯТКОВИЧА

Георгия Ивановича Перетятковича, безусловно, можно отнести к числу основоположников целенаправленного изучения истории Поволжья в отечественной историографии. Им был собран обширнейший материал по истории поволжских народов, введено в научный оборот большое количество ранее неизвестных материалов, в том числе архивных, некоторые из которых позже были утрачены. Ряд его суждений и выводов по различным вопросам истории актуален и сегодня¹. Всё это придаёт работам Г.И. Перетятковича

¹ Трепавлов В.В. Астраханское ханство // Большая Российская энциклопедия онлайн: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1835859 (дата обращения: 1.09.2017); Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405; Его же. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Хамидуллин Б.Л. Казан ханлыгы халыклары. – Казан, 2008. – 112–132 б.; Музычко А.Е. Южноукраинские историки и российская академическая элита во второй половине XIX ст. – 1920-х гг.: этапы и направления сотрудничества // Історіографічні дослідження в Україні. – Київ, 2011. – № 21. – С. 56–83; Mouseев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники

не только историографическую, но и вполне конкретную практическую научную ценность.

Георгий Перетяткович родился в 1840 г. в с. Малаешты Оргеевского уезда Бессарабской губернии. Его интерес к истории проявился уже во время обучения в кишинёвской гимназии и Ришельевском лицее в Одессе. Тем не менее в 1860 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, а на исторических курсах при университете учился параллельно. Здесь его наставником был известный историк С.М. Соловьёв. После окончания университета в 1864 г. Г.И. Перетяткович стал преподавателем истории в 1-й московской гимназии, в 1872 г. был командирован за рубеж, посетил Берлин и Прагу, в 1877 г. при Московском университете успешно защитил магистерскую диссертацию. Его дальнейшая многолетняя научно-педагогическая деятельность была связана с Новороссийским университетом в Одессе, где он читал лекции по русской истории, в 1882 г. защитил докторскую диссертацию и получил должность профессора. Заслуги Г.И. Перетятковича как просветителя и учёного были высоко оценены уже при его жизни: он стал кавалером трёх орденов, получил гражданский чин высокого IV класса – действительного статского советника. Умер Г.И. Перетяткович в 1908 г. в Кишинёве¹.

Основными работами Г.И. Перетятковича являются опубликованные отдельными изданиями диссертационные исследования: «Поволжье в XV и XVI вв. Очерки из истории колонизации края»² (1877 г., магистерское) и «Поволжье в XVII и XVIII вв. Очерки из истории колонизации края»³ (1882 г., докторское). Как видно из биографии учёного, его жизнь никоим образом не была связана с Поволжьем. Чем же тогда был вызван интерес к этому региону? Можно предположить, что на выбор исследовательской тематики оказал влияние его учитель С.М. Соловьёв, который считал присоединение поволжских «инородческих» земель ключевым событием российской истории, во многом определившим её ход⁴.

// Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2013. – № 5. – С. 20–30; Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: В 7 т. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 289–358.

¹ См., например: Музичко О.С. Перетяткович Георгій Іванович (1840–1908) // Одеські історики. – Одеса, 2009. – Т. 1. – С. 293–295.

² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – 338 с.

³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. – 404 с.

⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. – М., 1960. – Кн. 3. – Т. 5–6. – С. 475–476.

Для нашей темы основной интерес представляет первая из указанных выше книг. В ней впервые межэтнические отношения в регионе Среднего Поволжья получили детальное освещение. Монография начинается экскурсом в раннесредневековую историю. Историческое разнообразие племён, обитавших на Волге, Г.И. Перетяткович объясняет тем, что её нижнее течение лежит между Уральскими горами и Каспийским морем – в зоне т. н. «Великих ворот», через которые из Азии в Европу издревле проходили постоянные миграции племён, некоторые из которых оседали здесь на продолжительное время¹. Изучая этнические аспекты, автор использовал работы этнолингвистов того времени (Матиаса Кастрена, Фридриха Мюллера и др.), поэтому его представления об этногенезе и родстве народов соответствуют имевшемуся на тот момент уровню знаний. Так, он относит гуннов и венгров к финнам, а финнов к алтайской языковой группе. Также гуннов он называет «возможными» скифами². К племенам «турко-финского корня» автор относит и болгар с хазарами, создавшими на Волге и Каме два «общественных союза»: Хазарское и Болгарское царства³. Оригинальным является замечание Г.И. Перетятковича, что Хазария защищала южную Русь от набегов кочевых народов с востока, а после её падения границы Руси оказались открытыми для нападения печенегов и половцев.

По мнению Г.И. Перетятковича, болгары состояли из разных ветвей: чёрных, серебряных (живших на Каме), волжских, черемшанских, хвалынских. Учёный пишет о «несомненных следах славянского элемента» у болгар и уточняет, что они, по всей видимости, лишь «первоначально» принадлежали к финским племенам, впоследствии сильно перемешались со славянскими и тюркскими племенами и в результате превратились в славян (на Дунае) и тюрков (на Волге). Также он называет болгар «амальгамой из трёх этих рас»: финской, славянской и тюркской⁴. Границами террито-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 25.

² Там же. – С. 29.

³ Там же. – С. 28–29, 33.

⁴ Отмечу, что к весне 1992 г. мной под руководством доктора исторических наук М.А. Усманова была написана университетская дипломная работа по историографии этнополитической истории Волжской Булгарии, в которой, в частности, в одной из глав была подробно рассмотрена отечественная историография этногенеза и этнической истории волжских булгар. Опонентом на защите выступила известный учёный Д.А. Мустафина; работа была защищена в 1992 г. на истфаке КГУ на «отлично». Эта дипломная работа нигде не публиковалась; в настоящее время она требует очень серьёзной доработки с учётом новейших научных знаний...

рии волжских болгар обозначаются Уральские горы, реки Сура, Ока, Вятка, Кама, истоки Хопра и Самары. Автором указывается большая роль в их жизни международной торговли по водным путям, в том числе транзитной. Также у них было развитое земледелие, чему способствовало большое количество высокоплодородного чернозёма, и скотоводство (особенно в южных, степных областях)¹.

В зависимости от болгар находились «черемисы»-марицы и другие «финно-тюркские племена», также болгары вели выгодный обмен с «малоразвитыми тюрко-финскими племенами», жившими на севере и западе от них. Соплеменники и соседи «черемисов» и мордвы – финские племена весь и меря населяли Верхнее и отчасти Среднее Поволжье. Возможно, меря – это и есть марицы (их самоназвание «мары» – человек) или их ветвь, а название «черемисы» получено последними от мордвы, и с мордовского языка переводится как «восточный», т. е. живущий на востоке². Многочисленные племена мордвы в домонгольский период заселяли значительные территории современных Г.И. Перетятковичу Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской губерний, частично зависели от русских князей, частично оставались независимыми. Между хазарами и булгарами на обширной лесистой территории проживал народ буртасов – это более поздние либо мордва-мокша, либо чуваши³.

Ключевым событием в истории Поволжья явилось нашествие татар, которые, подчинив Русь и Булгар, расположились в степных низовьях Волги. Этнополитические понятия «татары» и «монголы» для Г.И. Перетятковича являются синонимами, он употребляет их в абсолютно одинаковом значении, периодически чередуя. Историю Среднего Поволжья в золотоордынский период Г.И. Перетяткович, по существу, не рассматривал, сосредоточив внимание на событиях в районах Верхней и Нижней Волги. Автор попытался разобраться в улусной системе, взаимоотношениях различных группировок мурз и военно-политической истории времён поздней Золотой Орды и её распада.

Достаточно подробно Г.И. Перетяткович останавливается на межгосударственных и межэтнических отношениях постордынских татарских государств, в том числе Казанского ханства. В поле зре-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 36–38.

² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 50.

³ Там же. – С. 32.

ния историка попали вопросы экономической жизни, происхождения и характера государства, социальной структуры, внутренних политических взаимоотношений и борьбы, границ и внешних взаимоотношений, религиозных традиций в Казанском ханстве. Естественно, учёный не мог обойти вниманием вопросы истории отдельных народов ханства, которое было по своему составу весьма полигэтничным.

Собственно, описанию народов, населявших Казанское ханство, посвящена отдельная 3-я глава книги; также они упоминаются в ходе изложения политических событий. Основными письменными источниками для Г.И. Перетятковича послужили русские летописи, которые он изучал в комплексе. Также он черпал информацию из записок иностранных путешественников (С. Герберштейн, А. Олеарий), привлекал работы историков, этнографов и лингвистов (П.И. Рычков, Н.М. Карамзин, В.В. Вельяминов-Зернов, Н.А. Фирсов, В.А. Сбоев, П. Мельников, Г.Ф. Миллер, А.Ф. Риттих и др.).

«Основой Казанского царства», «племенем, господствовавшим и управлявшим остальными», государствообразующим народом ханства Г.И. Перетяткович называет татар¹. Он доказывает в своей работе, что отождествление в русских летописях Казани с «именем Болгар» – явление не случайное, т. к. «у Казанцев была та же религия и те же занятия, что и у Волжских Болгар»². Тем не менее Г.И. Перетяткович пишет, что «не без основания некоторые видят в Казани не сколько наследницу древнего Булгара, сколько преемницу Золотой Орды»³, что казанцы более напоминают монголов, нежели болгар, а Казань – это «отрасль знаменитой некогда Золотой Орды»⁴, а не Волжской Булгарии. На проблеме трансформации болгарского населения в татарское он не останавливается, пишет лишь, что Казань «обновилась и поднялась» при новом татарском «владетеле» Улу-Мухаммеде. Рассуждая о происхождении и государственном устройстве Казанского ханства, Г.И. Перетяткович пришёл к противоречивому выводу о его характере. С одной стороны, – оно унаследовало от Булгарского государства городскую цивилизацию и развитую агрокультуру, а с другой, – «по своим хищническим инстинктам

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 124.

² Там же. – С. 116.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 129.

более напоминает монголов» и имеет чрезвычайно малое количество городов¹.

Татары, по мнению учёного, были образованнее остальных народов ханства, занимались земледелием, вели широкомасштабную международную торговлю, являвшуюся основой благосостояния ханства. Таким образом, автору были известны факты о высокой земледельческой культуре татар, но в то же время он был убеждён в неразвитости у них земледелия. Этот его вывод видится парадоксальным. Одновременно Г.И. Перетяткович в традициях отечественной историографии XIX в. стремится особо подчеркнуть «хищнический» характер Казанского ханства по отношению к Руси – неоднократно делает упор на то, что оно главным образом состояло «во вторжениях с целью грабежа и увода в плен населения»², «Казань предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен жителей»³, что «сам город обращается в депо, где постоянно содержится огромное количество пленных, которыми Казанцы ведут торговлю на своём и на чужих рынках»⁴.

Основываясь на свидетельствах русских летописей, о религиозных традициях казанцев учёный также пишет довольно категорично: «...татары Казани отличались такою же ревностью к своей религии, как и предшественники их Волжские Болгары; как последние, увлекаемые религиозным фанатизмом, побуждали христиан обращаться к исламу и, в случае отказа, замучивали их, так позже в Казани Русские были принуждены к отречению от Христа...»⁵.

Г.И. Перетяткович попытался найти новые подходы к изучению социальной структуры Казанского ханства. Он писал, что в Казанском ханстве существовала сильная аристократия, которая ограничивала власть хана и, например, легко могла публично убить сеида – высшее духовное лицо⁶. Стоит особо отметить, что именно Г.И. Перетяткович первым указал на существование в Казани политических «партий», которые боролись за власть. Позднее эти его выводы подхватили многие историки, в частности Н.А. Фирсов, М.Г. Худяков и Г.С. Губайдуллин, развивая и

¹ Там же. – С. 117–131.

² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 151.

³ Там же. – С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 125.

⁶ Там же. – С. 124.

дополняя их¹. Феодальная «иерархическая лестница» ханства, по мнению Г.И. Перетятковича, включала все княжеские фамилии, каждый член которых имел право на звание «мирзы», затем – представителей наиболее знатных фамилий, носивших титул «бика», и, наконец, «биков» главнейших дворянских родов, которые имели право на звание «карачия»². В отдельную группу им были отнесены «уланы», которых он ошибочно считал влиятельными чиновниками. Также он пытался усмотреть в феодальном государстве некоторых земских или городских князей – «быть может, представителя не раз упоминаемых земских людей...»³. Низшим сословием ханства Г.И. Перетяткович считал земских и черных людей, сразу оговариваясь, что ничего определённого сказать о них нельзя⁴.

Границы Казанского ханства Г.И. Перетяткович описывал как довольно неопределенные, что для его времени было объективно ввиду отсутствия археологических источников. По его данным, оно соприкасалось с «шибанскими Татарами, жившими в соседстве с Пермью, на севере от Казани», с ногаями, кочевавшими в степях между Волгою, Уралом и Каспийским морем, имело отношения с «подобной себе отраслью» Золотой Орды – Крымом, а также с Московским государством⁵.

Кроме татар, в состав ханства входили поволжские финские племена, некоторые из которых, по мнению Г.И. Перетятковича, подверглись сильному татарскому влиянию, причём не только культурно-лингвистическому, но и антропологическому. Среди таких племён особое положение автор отводит «черемисам» – марийцам. Они занимали наиболее обширную территорию в ханстве, границами которой являлись реки Вятка, Кама, Волга до Нижнего Новгорода и Вологды, также их поселения находились на правой

¹ В недавней своей публикации М.В. Моисеев отмечает, что деление группировок казанской элиты на «русскую», «крымскую», «ногайскую» и «шибанскую» партии, восходящее к мнению Г.И. Перетятковича, не подтверждается источниками. Он доказывает, что реальная geopolитическая дифференциация казанской аристократии наметилась лишь к 1530-м гг., причём изначально можно говорить лишь о партиях «войны» и «мира». И только в 1545 г. произошёл раскол казанской знати на непримиримые группировки, а появление собственно «крымской» и «русской» партий имело место лишь в 1549 г. См.: *Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. – С. 20–30.*

² *Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 126.*

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 130.

⁵ Там же. – С. 128.

стороне Волги и в низовьях реки Суры. Эта область делилась на две части: правый горный берег Волги и левый – луговой, покрытый лесами и болотами. Луговая сторона оставалась пустынной, малонаселённой частью Казанского ханства. Соответственно разделялись автором и «чадомисы»: жившие на горной стороне были более «способные», занимались оседлым земледелием, населявшие луговую являлись «не столь даровитыми», не имели постоянных жилищ и жили за счёт охоты и рыболовства. Также в жизни марийцев большую роль играло участие в войнах с целью получения добычи. Благодаря постоянным занятиям охотой они были отличными стрелками из лука, умели много и быстро бегать. Всё это определило большое значение марийцев в системе вооружённых сил ханства – они привлекались в качестве стрелков в пешем войске¹.

Также в состав Казанского ханства входили чуваши. Г.И. Перетяткович считает их финским народом, больше чем другие подвергшимся тюркскому влиянию, как в антропологическом плане, так и в языковом. Автор считал, опираясь на летописное упоминание, что чувашей раньше «смешивали» с родственными «горными чадомисами». Преимущественно чуваши жили на горном берегу Волги, в меньшей степени – на левой стороне в «Арской земле». Их хозяйство включало земледелие и охоту². Также неоднократно отмечается, что они «славились судоходством»³.

Ещё одним финским племенем, территория проживания которого отчасти входила в Казанское ханство, была мордва. «Впрочем, значение её в царстве было невелико», уточняет Г.И. Перетяткович⁴. Мордва проживала в лесистой местности, но отличалась большей степенью оседлости, чем марийцы; занималась ловлей зверей и хищных птиц для охоты, разведением свиней и пчёл.

Указывая на незначительное количество городов, как особенности Казанского ханства, Г.И. Перетяткович упоминает остроги и крепости чувашей на горной стороне, а также мордовские оборонительные сооружения – «твёрди»⁵.

Общественное устройство марийцев, мордвы, чувашей описывается Г.И. Перетятковичем сходным образом и соответствует стадии «военной демократии» и разложения рода-племенного строя: деле-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 118–119.

² Там же. – С. 119–120.

³ Там же. – С. 236.

⁴ Там же. – С. 122.

⁵ Там же. – С. 132.

ние на сотни и десятки во главе с сотными и десятными, которые осуществляли сбор регулярных дани и оброка в пользу хана, за что получали часть доходов и определённые привилегии (вопрос о размерах налогов и повинностей Г.И. Перетяткович оставляет открытым, замечая, что вряд ли они были чрезмерно тяжелы). В числе знати этих народов также упоминаются князья и миры. У чувашей, кроме того, называются такие категории населения, как «сотские казаки» и «чёрные люди»¹, что может говорить о более сложной социальной структуре и большей степени разложения первобытно-общинной общественной системы.

В языческих религиях этих трёх народов Г.И. Перетяткович также отмечает значительное сходство, выражавшееся в дуализме – вере в злое и добре божества (Юма и Шайтан – у марицев, Чам-Пас и Шайтан – у мордвы, Тор и Шайтан – у чувашей) и подчинённых им младших духах, вечную борьбу между ними. Им приносились жертвоприношения, у них просили в молитвах хлеба, успехов в охоте и рыбной ловли, защиты от диких зверей. Кроме того, мордовцы, в отличие от марицев и чувашей, поклонялись умершим предкам, считая их защитниками и помощниками рода. На примере мордвы Г.И. Перетяткович констатирует отсутствие у язычников храмов и отдельного жреческого сословия. Домашние жертвоприношения осуществлялись старшим в доме мужчиной или женщиной. Коллективные общественные жертвоприношения проводились в специальных огороженных местах – кереметях, специально назначаемыми старейшинами, которые также выполняли функции судей. В то же время длительное соседство и подчинение марицев и чувашей сначала булгарам, затем татарам сказалось в религиозном плане – среди них были и те, кто исповедовал ислам (судя по именам), также это влияние проявлялось в том, что у них выходным днём была пятница².

Также среди народов, населявших Казанское ханство, Г.И. Перетятковичем называются «вотяки» (удмурты) и башкиры (родственные, по его словам, черемисам и чувашам), но поскольку они жили не на Волге, он лишь упоминает их.

Таковы основные положения книги, относящиеся к отдельным народам Казанского ханства. В описании событий, связанных с военными и политическими отношениями Казани и Москвы во второй четверти XVI в., борьбе сначала за «посаждение» на казанский пре-

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 120.

² Там же. – С. 122.

стол лояльного Москве хана, затем – за «присоединение» ханства также наряду с татарами упоминаются марицы и чуваши, и намного реже – мордва. Постройка Васильсурска привела к усилению московского влияния, распространению его на жителей Горной стороны. Г.И. Перетяткович пишет о регулярных переходах татарских князей и мурз на московскую службу, о прибытии в Москву послов горных черемис и чувашей, которые в 1547 г. заявили о готовности служить великому князю Московскому и просили послать войска против хана Сафа-Гирея¹. После сооружения Свияжска представители знати этих народов принесли присягу на верность царю, и по их просьбе они были освобождены на 3 года от выплаты ясака, а также получили подарки: деньги и шубы. В дальнейшем к присяге были приведены все жители Горной стороны: чуваши, марицы, мордва, а также «можары» и «тарханы». Они должны были платить дани и оброки в том же объёме, как и казанским ханам, освободить всех находившихся у них русских невольников². Одновременно чуваши, проживавшие в Арской даруге, пришли в Казань «на царский двор» и потребовали выполнения всех требований русского правительства, но были «побиты» крымцами³. В то же время Г.И. Перетяткович справедливо отмечает колебания части населения жителей Горной стороны весной 1552 г., на некоторое время вновь присоединившихся к казанцам, и то, что впоследствии одни «инородцы» сражались против Казани в составе русского войска, и награждались царём «паче своих воинов»⁴, другие – защищали Казань и участвовали в антимосковской борьбе вплоть до конца XVI в.

Вообще, этнический фактор, по мнению Г.И. Перетятковича, сыграл большую роль в падении Казани. Здесь одной из главных причин автор указывает «пестроту» ханства, т. е. то, что в его состав входили народы, очень различные по культуре, религии и обычаям, «лишь внешне прикреплённые к государству»⁵ (по современным данным общая численность населения Казанского ханства доходила до 0,5 млн человек, из них татар-мусульман насчитывалось около 200 тыс.⁶). В этих условиях была необходима сильная центральная

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... – С. 186.

² Там же. – С. 193.

³ Там же. – С. 194.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 206.

⁶ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань, 2005. – С. 41; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402.

власть, власть же казанских ханов была ограничена аристократией, среди которой «находились представители самых разнообразных партий, кроме одной – которая имела бы в виду и преследовала интересы самого Казанского ханства»¹. В результате Казанское ханство задолго до падения попало в зависимость от внешних сил: Руси, ногайских татар, и в особенности крымских татар. В то же время противостоявшее Казанскому ханству Русское государство было более монолитно в национальном и религиозном отношении и уже успело далеко продвинуться по пути формирования централизованного государства.

Таковы были основные взгляды Г.И. Перетятковича на этносоциальную и этнополитическую историю Казанского ханства. Если сравнить их со взглядами современных ему учёных, можно отметить, что они по некоторым моментам перекликаются с мнением Н.А. Фирсова²: историческая связь Казанского ханства как с Волжской Булгарией, так и с Золотой Ордой, состав народов, их знать, повинности, образ жизни, верования. Но у Г.И. Перетятковича эта проблематика оказалась разработана гораздо более широко и комплексно. Несомненная заслуга учёного состоит в том, что он первым из отечественных исследователей сделал попытку рассмотреть Казанское ханство как суверенное государство со своими государственно-политическими традициями и довольно подробно остановился на его внутреннем устройстве (до него история ханства рассматривалась лишь в рамках военно-политической истории), в том числе этносоциальной структуре. Хотя позиция учёного по ряду моментов была традиционно для российской историографии XIX в. тенденциозной, его исследования представляют собой существенный вклад в изучение Казанского ханства, история которого является значимой частью истории России и целого ряда её народов: татарского, башкирского, марийского, мордовского, русского, удмуртского, чувашского и некоторых иных сопредельных…

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках… – С. 129.

² Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в московском государстве. – Казань, 1866. – С. 60–204, 205–261.

ТАТАРСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. О КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

Поскольку у тех, кто пишет историю, есть друзья и враги, они порой могут изобразить белое чёрным, чёрное – белым. Однако у самой истории нет ни врагов, ни друзей. Перед ней все народы и государства равны. Её путь состоит из истины, и она не сбивается с неё и потому не может смотреть на людей разными глазами.

Риза Фахретдинов

Во второй половине XIX – начале XX в. окончательно формируется татарская научная историография¹. Ибрагим Хальфин, Хусайн Амирханов, Шигабутдин Марджани, Хусайн Фаизханов, Каюм Насыри, Мурад Рамзи, Габдрахман Забири, Хасан-Гата Габаши, Гайнетдин Ахмаров, Гарифулла Салихов, Габдельбари Баттал, Касим Биккулов, Газиз Губайдуллин и другие национальные исследователи² (часто – энциклопедически образованные, совмещавшие в одном лице и историка, и литературоведа, и языковеда, и исламоведа, и философа, и педагога, и журналиста) изучали историю татар, опираясь главным образом на тюрко-татарский фольклор, национальные этнографические и лингвистические материалы и арабо-письменные тюркские, арабские, персидские исторические документы, а также частично – на труды турецких и русских историков и русские летописи (в данной ситуации «белыми воронами» выглядят Риза Фахретдинов и Хади Атласи, в своих исторических работах очень активно пользовавшиеся русскими летописями и русской исторической литературой³). Поэтому их произведения, в сравнении с трудами иноязычных историков, более подробно и более адекватно отражали историю татарского народа, Казанского ханства в частности. Разумеется, в татарской историографии второй половины XIX – начала XX в. присутство-

¹ О татарской исторической литературе XVII–XVIII вв. см.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

² Подробнее о татарской досоветской исторической литературе см.: Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917. – Казань, 2002.

³ Амирханов Р.У. Ризаэддин Фахретдин как историк // Ризаэддин Фәхрәддин: мирасы нәмән хәзәргә заман. Фәнни конференция материаллары. – Казан, 2003. – С. 40, 43; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 46.

вал и субъективный этнический фактор, подчинённый идеологии татарской интеллигенции периода формирования нации, однако «отпечаток» этого «этнического субъективизма» присутствует, как мы знаем, везде и всюду...

* * *

В числе первых татарских исследователей, обративших серьёзное внимание на историю Казанского края феодального периода, необходимо назвать имама Хусаина Амирхана (Хусаина Амирханова)¹.

Согласно сведениям муллы и издателя Шигабутдина Рахматуллина и учёного-энциклопедиста Ризы Фахретдина, Хусайн Амирхан был известной для своего времени фигурой, знатоком исламской религии и многих наук. Он родился в Казани в 1814 или в 1816 г. Видимо, вторая дата более верна, поскольку её указывал авторитетный татарский учёный XIX в. Шигабутдин Марджани². Лишившись отца в возрасте 12 лет, Хусайн обучался в медресе Чистополя, Казани и Мачкары (совр. с. Маскара Кукморского района РТ), в первой половине 1840-х гг. (почти одновременно с Шигабутдином Марджани) – в Бухаре, в 1846 г. вернулся в Казань и женился на дочери муллы. В 1848 г. он устроился на работу в мечеть своего покойного отца «Иске-Таш» (Старокаменная мечеть Ново-Татарской слободы г. Казани), а в 1849 г. стал первым имам-хатыбом данной казанской мечети, где и прослужил до конца своей жизни. Много времени Хусайн Амирхан отдавал преподавательской, писательской и научной работе – обучал шакирдов в начальном и среднем мектебе, в одном из лучших медресе Казани «Амирхания», написал около 15 богословских, поэтических и исторических трудов, большая часть которых не дошла до наших дней. Скончался он в Казани в январе 1893 г. и был похоронен на кладбище Ново-Татарской слободы³.

¹ Амирханов Р.У. Амирханов Хусайн // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 140; Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–224.

² Ахунов А.М. Хусайн Амирхан и его книга «Таварих-е Булгариа» // Амирханов Х. Таварих-е Булгариа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст., и comment. А.М. Ахунова. – М., 2010. – С. 4.

³ Амирханов Р.У. Амирханов Хусайн // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 140; Ахунов А.М. Хусайн Амирхан и его книга «Таварих-е Булгариа» // Амирханов Х. Таварих-е Булгариа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст., и comment. А.М. Ахунова. – М., 2010. – С. 4–6.

Активное увлечение историей своего народа Хусайн Амирханов объяснял так: «Имеется много солидных книг, написанных на разных языках, которые отражают многие факты и дают их анализ, о разных странах-государствах (*йорт*) и учёных. Из книг по мусульманской юриспруденции известно многое о … Булгарском Юрте, издавна бывшем Великим Исламским юртом. Во многих книгах он назван «Страна Булгар» (*кэшэргил Болгар*). Несмотря на это, удивительно, нет ни одной достойной внимания исторической книги [об этой стране] …»¹. Его опубликованные исторические произведения «Таварих-е Булгариya» («История Булгарии» / «Булгарские хроники», Казань, 1883) и «Ножумет-таварих» («Звезда историй», Петербург, 1884) имели большой успех у тюрко-мусульманской читательской аудитории конца XIX – начала XX в. Если «Звезда историй» содержала очерки о жизни и деятельности пророков, мусульманских правителей, Чингиз-хана, Тамерлана, Наполеона и т. д., то «Таварих-е Булгариya» отражала мнение автора об этногенезе казанских татар (по определению Х. Амирхана – «булгар», «булгарских тюрок», «булгарских мусульман») и о жизнедеятельности правителей «Булгарского Юрта» (Волжско-Камской Булгарии и Казанского ханства)². Необходимо отметить, что современные западные историки, изучавшие «Таварих-е Булгариya» (в частности, Allen Frank / Аллен Франк), особо выделяли тот факт, что Х. Амирхан одним из первых среди татарских интеллектуалов предпринял попытку составить «наиболее всесторонний и всеобъемлющий труд по истории Булгара и Казани» и что его книга – это «богатый и доступный источник»³.

Обратимся к сведениям «Таварих-е Булгариya» по истории Казанского ханства⁴. В основном они содержат информацию о годах правления, внешней и внутренней политике казанских ханов, а также некие «штрихи к портрету» татарских правителей. Отметим, что многое из написанного Х. Амирханом противоречит не только

¹ Эмирхан Х. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы) / төз. һәм тәрж. С. Гыйләҗетдинов. – Казан, 2001. – 4, 14, 91 б.

² Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 223.

³ Ахунов А.М. Хусайн Амирхан и его книга «Таварих-е Булгариya» // Амирханов Х. Таварих-е Булгариya (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст., и comment. А.М. Ахунова. – М., 2010. – С. 7.

⁴ Амирханов Х. Таварих-е Булгариya (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст., и comment. А.М. Ахунова. – М., 2010. – С. 80–93; Эмирхан Х. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы) / төз. һәм тәрж. С. Гыйләҗетдинов. – Казан, 2001. – 62–75, 138–153 б.

сведениям русских письменных источников XV–XVII вв. и российских историков XVII–XIX столетий, но и современным научным данным. Однако именно в этом и заключается историографическая ценность его труда, который отражает, во-первых, исторические знания части татарской интеллигенции той эпохи, во-вторых, стремление лично самого автора показать этнополитическую историю татарского народа лишь как историю булгар, без её взаимосвязи с историей татар Золотой Орды и династией Чингизидов.

По мнению Хусаина Амирхана, основанному на данные татарского фольклора, г. Казань после походов в Поволжье Тамерлана и разорения им г. Булгара основали дети булгарского хана Абдуллы Алтынбек и Алимбек. Их потомки – представители булгарской ханской династии – правили в Казани до середины XVI в. Х. Амирхан называет следующую последовательность казанских ханов: 1) сын Абдуллы Алтынбек; правил в Старой Казани 2 года, в 76 лет отправился в хадж и не вернулся; 2) его брат Алимбек; был ханом 31 год, пытался обустроить разрушенный г. Булгар, где и умер в 73-летнем возрасте; 3) сын Алимбека «умный и хозяйственный» Мухаммед; правил в Старой Казани 11 лет, затем в Новой Казани – 9 лет, умер в 64-летнем возрасте, будучи в гостях у посаженного им на трон Елабуги местного правителя Ислама; 4) сын Алимбека «безбожник и пьяница» Мамат-Гирей; правил 6 лет, низложен с престола казанцами, умер в г. Биляр «по состоянию здоровья» в 46 лет; 5) сын Алтынбека Халиль; правил 25 лет, укрепил положение ислама и различных наук в государстве, в 78-летнем возрасте отправился в хадж и не вернулся; 6) внук Халиля, сын Салима «очень образованный» Ибрагим, возведённый на трон «по совету казанцев»; правил 28 лет, умер в г. Булгар; 7) сын Салима Ильхам; правил 4 года, добровольно отдал власть Мухаммед-Амину, умер в Казани в 67 лет; 8) сын Ибрагима «превосходный учёный и поэт» Мухаммед-Амин, до этого учившийся в Крыму; правил 21 год, умер в Булгаре на 66-м году жизни; 9) сын Мухаммед-Амина Мамук; правил 9 лет, строил дороги и базары, чем прославил Казань, не имел сыновей, умер в Казани в 42 года; 10) сын Мухаммед-Амина Абдул-Латиф; правил 11 лет, соединил каналом оз. Кабан и р. Казанку, разделил Казань на Верхнюю и Нижнюю, умер в Казани в 58 лет; 11) сын Абдул-Латифа Сахиб-Гирей; правил 9 лет, добровольно отдал трон Сафе, умер в Стамбуле в 45 лет; 12) сын Абдул-Латифа Сафа, любивший повторять, что «такого хана, как я, нет во всей округе»; был низложен с престола казанской аристократией и духовенством, умер в г. Касимов, где жил у своего зятя хана Ислама; 13) внук Мамука, сын принцессы Сэрвар «очень учёный и религиозный» Али; пра-

вил 12 лет, сделав много полезных дел, умер в 57 лет; 14) сын Али Утяш, в период правления которого «московский хан» выдвинул такой ультиматум: «Отдай Казань мне, она не будет в руках мусульманских ханов, не я, так другие её возьмут»; правил 16 лет; 15) младший брат Утяша Ядгар – «недостойный человек», желавший «продать Казань московскому хану»; правил 12 лет, сыновей у него не было, а только дочь Сююмбике, после смерти отца пригласившая на трон Шах-Али, находившегося «у московского хана»; 16) сын Сафы Шах-Али, говоривший казанцам, что «знает все дела русских и никогда ими не обманется»; правил 13 лет. В 1554 г. огромное русское войско пришло для взятия Казани силой¹. Русских поддержал внук хана Кирмана хан Касим [т. е. правитель Касимовского ханства (*Хан Кирмэн по-тат.*)], который был влюблён в Сююмбике, и которому русские обещали её в жёны. Казанцев же поддержали марийцы, испортив все дороги на пути следования русской армии. Тогда русские войска пошли на Казань через Горную сторону и воевали здесь около 7 лет. На р. Свияге они построили г. Свияжск, после чего Шах-Али «подло сдал Казань русским». Отрубленная голова самого хана Шах-Али была найдена на ханском кладбище Казани через несколько дней после этих событий...².

Кроме достаточно сомнительной интерпретации истории правления казанских ханов Х. Амирхан даёт в «Таварих-е Булгариya» много интересной информации о некоторых нюансах истории иных постзолотоордынских государств, о духовном развитии казанцев (религия, наука, образование), по географии г. Казани и т. д.

В заключение надо отметить информативность «Таварих-е Булгариya» Хусаина Амирхана (обильное упоминание устных татарских легенд и преданий, арабо-письменных источников и историографии, и т. д.), но также одновременное его противоречие большей части материалов восточных и европейских исторических источников и историографии, уже известных научному сообществу второй половины XIX в.

¹ В главе 5-й «Таварих-е Булгариya» Х. Амирхан, однако, указывал правильную дату: «Русские взяли Казань в 1552 году. Булгар и все подвластные Булгару юрты вошли в состав России» (*Эмирхан Х. Тэварихы Болгария... – 36, 112 б.*).

² Амирханов Х. Таварих-е Булгариya (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст., и comment. А.М. Ахунова. – М., 2010. – С. 80–93; Эмирхан Х. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы) / төз. нәм тәрж. С. Гыйләҗетдинов. – Казан, 2001. – 62–75, 138–153 б.; Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–225.

Выдающимся мыслителем, просветителем, религиозным реформатором и основоположником национальной исторической науки, «Геродотом татарской истории» был Шихаб ад-дин ал-Марджани / Шигабутдин Марджани (1818–1889)¹. Он был современником Х. Амирхана, получал дополнительное образование вместе с ним примерно в одни и те же годы в Бухаре. Его просветительские взгляды выразились в том, что он выступал в защиту свободомыслия, открыто заявляя, что приобретение светских знаний не противоречит канонам ислама, шариату. Отражая потребности нового времени, Ш. Марджани выдвинул идею распространения светских знаний, реформы мектебов и медресе, доказывал вредность средневековой схоластики, явившейся причиной замкнутости и отсталости. Большая заслуга Ш. Марджани как просветителя заключается ещё и в том, что он создал ряд ценнейших трудов по истории тюрко-татарских государств, в частности Казанского ханства, которые во многом определили дальнейшее развитие татарской историографии². Так, в 1864 г. был издан труд Ш. Марджани «Гурфат ал-хавакин ли-арфат ал-хавакин» («Жилища хаканов для познания их жизни») по истории Средней и Центральной Азии X–XII вв. Всеобщее признание российских учёных получила книга Ш. Марджани «Гилалат аззаман фи тарихи Булгар ва Казан» («Завеса времени, прикрывающая историю Булгара и Казани»), первоначальный вариант которой был написан ещё в 1864 г., переведённая на русский язык В.В. Радловым

¹ О нём см., например: Шиабетдин Мэржани [биография Ш. Марджани, написанная Шахаром Шарафом и впервые изданная в сборнике «Марджани» в 1915 г.]. – Элмэт, 1998. – 175 б.; Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. – Казань, 1981. – 230 с.; Марджани: учёный, мыслитель, просветитель. Сб. ст. – Казань, 1990. – 191 с.; Хәйри Өнвәр. Ш. Мэрҗәни татар халкының килем чыгышы турында // Мирас. – 1992. – № 2. – 82–85 б.; Юзееев А. Мировоззрение Ш. Марджани и арабо-мусульманская философия. – Казань, 1992. – 157 с.; Марджани: наследие и современность. Материалы Международной научной конференции. – Казань, 1998. – 195 с.; Юзееев А. Ш. Марджани // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань, 2000. – С. 26–41; Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. – Казань, 2003. – С. 16–29; Ижтиһад ишекләрен ачучы Мэрҗәни: Мәкаләләр жыентыгы / төз. А.М. Гайнетдинов. – Казан, 2018. – 76 б.; Хамиудуллин Б.Л. Шигабутдин Марджани: от среднеазиатских «университетов» к идеологии татарской нации «Нового времени» // Татарика. – 2018. – № 1. – С. 157–163.

² Американский исследователь Юлай Шамильоглу писал: «мысли, впервые высказанные в работах Ш. Марджани, были целиком приняты в современных исследованиях по этногенезу и истории казанских татар..., стали частью общего исторического сознания...» (Schamiloglu U. The formation of Tatar historical consciousness: Sihabaddin Marcani and the image of the Golden Horde // Central Asian Survey. – 1990. – Vol. 9. – № 2. – P. 47).

и изданная в оригинале и в переводе в «Трудах IV археологического съезда» (1884). Впоследствии многие материалы «Гилалат аз-заман...» в дополненном и уточнённом виде органично вошли в самое крупное из изданных исторических сочинений Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Сведения, привлечённые для истории Казани и Булгара» / «Кладезь сведений о делах Казани и Булгара», 1-й том был издан в 1885 и 1897 гг., 2-й – в 1900 г.)¹. Из его неизданных произведений особо отметим 6-томный свод «Вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф» («Некрологи предшественникам, заветы потомкам»)².

Во «Введении» («Мукаддима») в «Вафийат...», изданном в 1883 г., Ш. Марджани раскрывает теоретическую методологию написания своих исторических исследований и называет основные принципы философии истории: причинность, согласно которой все события, включая исторические, взаимообусловлены причинной связью, и действительность исторического свидетельства, которая зависит от честности повествователя и обусловлена характером эпохи. Только всесторонний анализ и взаимное сопоставление сведений комплекса всех доступных источников, считал Ш. Марджани, способны установить достоверность исторических событий и фактов³.

При работе над своими трудами по истории татарского народа, отражающими историю Хазарии, Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и последующих периодов, Ш. Марджани, конечно же, использовал сочинения русских историков и русские летописи. Но самыми главными в исследовании истории татар для Ш. Марджани были тюркские и арабо-персидские источники и исторические произведения. Для восстановления исторической правды он обращался к огромному количеству первоисточников: старинным монетам, ярлыкам, устным и письменным легендам и преданиям, надписям на надгробных камнях, шеджере, рукописным научным трактатам, этнографическим материалам и т. д. Собирая эти сведения, он часто совершал поездки к местам конкретных со-

¹ Современная сокращенная публикация этого сочинения: *Мәрҗәнан Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартылып төзелдө.* – Казан, 1989. – 415 б. (переводчик на современный татарский язык и составитель А.Н. Хайруллин, авторы предисловия Я.Г. Абдуллин и А.Н. Хайруллин).

² Здесь собраны биографии 6057 выдающихся личностей мусульманского мира. Имеются переводы этого сочинения на русский язык с комментариями, к сожалению, до сих пор не изданные в полном объёме. Информацию «Вафийат...» об известных людях Казанского ханства см., например, в переводе А.Н. Юзеева в кн.: Очерки Марджани о восточных народах. – Казань, 2003. – 175 с.

³ Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний... – С. 16, 20.

бытий, общался с образованными людьми, знавшими историю своего родного края¹.

Приводя множество исторических фактов, в своих трудах Ш. Марджани доказывает, что издревле в Поволжье развивалась тюрко-татарская цивилизация, корнями уходящая в глубь веков. Основываясь на источники, он приводит много сравнений между элементами культуры и социально-экономического устройства Хазарского каганата, «страны кыпчаков», Волжской Булгарии, Казанского ханства (*Казан дэулэте*, *Казан мэмлэктэ*, *Казан ханлыгы* у автора) и современных ему татар, показывающих их преемственность. Казанское ханство он называет «наследницей былого величия» Булгарского государства, т. к. «татары их [булгар] завоёвывают, но государство [Волжскую Булгарию] не уничтожают», а казанских татар («казанлылар», «казан халкы» для периода Казанского ханства) – потомками «отважных сердцем, воинственных, набожных и благочестивых» булгар, а также отчасти хазар, кыпчаков и др. Ш. Марджани пишет: «Вначале Булгарское государство было под властью кыпчакских и хазарских хаканов, затем – булгарских эмиров, затем – татарских ханов, в настоящее время уже более 300 лет – под властью России»². Однако на первых же страницах «Мустафад...» Ш. Марджани обращается к читателю со знаменитым тезисом «кто же ты, если не татарин?» и активно отстаивает этот этоним. Наследниками Золотой Орды учёный называет³: 1) «Казанское государство, государство детей хана Улуг-Мухаммеда»; 2) «Сарайское государство»; 3) «Астрахань» (*Хаджитархан*); 4) «Крымское государство»; 5) «Ногайскую Орду»; 6) «казахских ханов Казахстана». Таким образом, Ш. Марджани впервые в историографии научно обосновывает существенное участие волжских булгар в этногенезе казанских татар и раскрывает историческую преемственность Волжской Булгари, Золотой Орды и Казанского ханства, что, согласно мнению Ю. Шамильоглу, было результатом сознательного создания им новой идеологии национальной идентичности⁴. В этой связи хотелось бы процитировать известного татарского учёного Р.М. Амирханова, с мнением которого

¹ См., например: Усманов М.А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» // Очерки истории Поволжья и Приуралья: Сб. ст. – Казань, 1969. – Вып. 2–3. – С. 144–154.

² Мәрҗәни Ш. Мөстәфадел-әхбар фи эхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре түрүнда файдаланылган хәбәрләр). – Казан, 1989. – 53 б.

³ Там же. – 46–47 б.

⁴ Шамильоглу Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. – Казань, 1991. – № 10. – С. 24–26. См. также: Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – С. 50.

я полностью солидарен: «В современной научной литературе в связи с концептуальными проблемами истории татарского народа вновь оживились дискуссии условно говоря «булгаристов» и «татаристов». По отношению к... аспектам исторической концепции Ш. Марджани тенденция «перетягивание» его исторического наследия в лагерь «булгаристов» или «татаристов» представляется весьма сомнительной и... неплодотворной. Если уж использовать эти термины по отношению к позиции Ш. Марджани, в нашем представлении он является и «булгаристом», и «татаристом». Как мусульманский учёный и просветитель он убеждённый булгарист, ибо именно в булгарском периоде лежат истоки ислама, его культуры и цивилизации, определившие духовный и культурный облик татарского народа в последующие века. В этом смысле булгаризм Ш. Марджани является в своей основе культурологическим, связующим современных ему татар с их далёкими культурными предками и, через них, с исламской цивилизацией, определявшей в эпоху своего расцвета уровень мировой цивилизации. Тем самым Марджани подчёркивает историчность своего народа (в цивилизационном контексте этого понятия) и его потенциальные возможности вновь занять достойное место среди цивилизованных наций. С другой стороны, как идеолог консолидации татарской нации, как провозвестник её политического пробуждения Ш. Марджани – убеждённый «татарист»... И его «татаризм» несёт политическую и идеологическую нагрузку как внешнее выражение объективных процессов национальной интеграции и как напоминание о былом могуществе предков татар, оставивших глубокий след в мировой политической истории. Таким образом, не в противопоставлении, а в единстве булгарского и татарского компонентов исторической концепции Ш. Марджани, получившей воплощение в «Вафийят...» и «Мустафад...», мы видим ключ к объективной, целостной оценке его идейного наследия¹.

Рассматривая вопросы образования и развития Казанского ханства, Ш. Марджани серьёзное внимание уделяет вопросу о первом казанском правителе, которым он называет хана Улуг-Мухаммеда², политической истории государства, внутренним и внешним причинам трагедии 1552 г., проблемам духовного (в т. ч. религиозного)

¹ Амирханов Р.М. Ислам и нация в концепции национальной истории Ш. Марджани // Марджани: наследие и современность... – С. 155–156.

² См.: Мэржаны Ш. Мөстәфадел-әхбар... – Казан, 1989. – 158–165 б.; Хәмидуллин Б. Шинабетдин Мәрҗани. «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар». Казан ханлығының барлыкка килүе турында кайбер фикерләр // Татар иле. – 1998. – № 5 (266). – 6 б.; Хәмидуллин Б. Марджани о возникновении Казанского ханства // Татарские края. – 1998. – № 2/3 (263/264). – С. 7.

совершенствования местного населения, его социальной структуре и т. д. В отсутствии единства внутри Казанского ханства и в отсутствии прочного союза всех тюрко-татарских государств он видит основную причину завоевания Казани Иваном IV¹. Не менее серьёзное внимание (фактически всё содержание 2 тома «Мустафад...») он уделяет периоду после падения Казани. Много информации в трудах Ш. Марджани о соседних татарам народах, в частности – о периферийном населении Казанского ханства². Интересными здесь являются, например, рассуждения учёного о причинах слабого проникновения ислама в среду чувашей и мариейцев, о языке, этнографии и проблемах этнического формирования и дальнейшего развития народов поволжского региона. Поэтому не зря профессор Казанского университета тюрколог Н.Ф. Катанов в 1895 г. отмечал, что работы Ш. Марджани «по богатству этнографического и исторического содержания достойны перевода не только на русский, но и на европейские языки»³.

* * *

Ш. Марджани не только оставил богатое историческое наследие, но взрастил именитых учеников, одним из которых (с 1850 г.) был Хусайн Фаизханов (1828–1866) – преподаватель Петербургского университета, учёный-просветитель⁴. Русские востоковеды высоко оценивали Х. Фаизханова как учёного. В.В. Григорьев в 1870 г. писал о нём следующее: «Под руководством Казем-бека в Казани, затем академика Дорна и Вельяминова-Зернова в Петербурге усвоил он себе учёные приёмы и отчасти критический взгляд европейцев, а это при основательных познаниях его в арабском языке и татарской начитанности, и при уме и способностях, данных природою, сделало его одним из полезнейших преподавателей..., тем более что при означенных достоинствах отличался он ещё в высшей степени усердием

¹ Проблема завоевания Казани в 1552 г. как итога «внутренней борьбы» в Казанском ханстве отражена в работах многих татарских учёных и общественных деятелей конца XIX – начала XX в. См. подробнее: Хабутдинов А. Казанское ханство в концепции государственности татарского общества конца XIX – начала XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара. – Казань, 2002. – С. 149–159.

² См., например: Мәрҗәни Ш. Мөстәфадел-әхбар... – Казан, 1989. – 68–69, 72–73, 96–97 б. л. б.; Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани... – С. 196–202.

³ Катанов Н.Ф. [Выступление на общем собрании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете] // Известия ОАИЭ. – Казань, 1898. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 470.

⁴ О нём см., например: Госманов М. Тарихыбызда Хөсәен Фәезханов урыны // Казан утлары. – 1978. – № 9. – 149–158 б.; Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. – Казань, 1980; Юзев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX вв. – Казань, 2001. – С. 148–154.

в работе и желанием приносить пользу всем, кто бы ни обращался к нему по специальности¹. Среди материалов архива Ш. Марджани, переданных в 1998 г. Национальной библиотеке РТ его правнуком, были обнаружены рукописи Х. Фаизханова. Оказалось, что наши представления о научном наследии этого просветителя были неполными. Более того, важнейшая сторона его многогранной деятельности как историка (а мы знали его в первую очередь как исследователя дипломатических грамот крымских ханов, «расшифровщика» текстов булгарских эпитафий, переписчика и систематизатора восточных рукописей, знатного более 10 языков) оставалась неизвестной. Рукописи объёмом 60 страниц содержали черновые тексты по истории Касимовского и Казанского ханств. В работе «История Казани» Х. Фаизханов писал об основании Казани, происхождении названия города, образовании ханства, его населении и политике правителей, сообщал об эпиграфических памятниках и приводил сведения по топонимике². По всей видимости, этими материалами Х. Фаизханова³ воспользовался и его наставник – Ш. Марджани, что, безусловно, ни в коей мере не умаляет заслуг самого учителя.

* * *

Серьёзное влияние Ш. Марджани оказал и на становление как выдающегося мыслителя татарского народа, просветителя, историка и педагога, писателя и журналиста Ризаэтдина Фахретдина (Риза казый) (1859–1936)⁴. Человек широчайшей эрудиции, огромного таланта, энциклопедических знаний, создавший сотни произ-

¹ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. – СПб., 1870. – С. 267.

² Мэрданов Р. Тарих бигләрен актарганда… // Казан утлары. – 2002. – № 3. – 132–133 б.; Аныкы ук. Хөсәен Фәезхановның яңа табылган кульязмалары // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. – Казань, 2006. – 466–469 б.

³ Фәезханов Х. Казан тарихы // Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыентык / «Шәхесләрбез» сериясы; төз.-авт. Р. Мэрданов. – Казан, 2006. – 109–123 (транслитерация), 228–241 (перевод на современный татарский язық) б.

⁴ О нём см., например: Госманов М. Катлаулы чорның каршылыкы вәкиле // Казан утлары. – 1984. – № 1. – 142–157 б.; Творчество Ризы Фахретдина. Исследования, материалы. – Уфа, 1988; Эмирхан Р. Риза Фәхреддинев – тарихчы // Мирас. – 1992. – № 12. – 64–73 б.; Аныкы ук. Иманга тугрылык… – 76–93 б.; Ризаэтдин Фәхретдин: Фәнни-биографик жыентык. – Казан, 1999 (здесь на с. 7–38 на татарском языке и на с. 81–110 на русском языке дана автобиография учёного, написанная в 1905 г.); Хайруллин А. Ризаэтдин Фахрутдинов // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты… – С. 80–84; Ризаэтдин Фәхреддин: мирасы һәм җәзәргә заман…; Алишев С.Х. Татар тарихчылары… – 138–148 б.

ведений в самых различных сферах духовной жизни, он скромно называл себя всего лишь историком. Говоря о вкладе Р. Фахретдина в историческую науку, мы прежде всего имеем в виду его многотомное биобиографическое сочинение «Асар» («Памятники» / «Следы»), а также труды по истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и постзолотоордынских ханств (итого 32 книги и 180 статей по проблемам истории).

Огромное признание и популярность, в частности – в среде русских учёных-востоковедов, Р. Фахретдинов получил после издания «Асар» (в 1900–1908 гг. в Казани и Оренбурге было издано 15 выпусков первых двух томов, рукописи неизданных томов хранятся в Уфе), в котором представлены очерки о 1009 известных мусульманских учёных и государственных деятелях X – начала XX в., в т. ч. периода Казанского ханства. Сведения «Асар», отразившие формирование исторических знаний татар, продолжили традицию изучения национальной истории, заложенную Х. Амирханом и Ш. Марджани, – это сочинение написано на примере «Ножуметтаварих» первого и «Вафийат...» второго. Значение «Асар» как исторического труда, базирующегося на сведениях огромного количества письменных и устных источников, трудно переоценить.

Рассматривая вопросы историографии Казанского ханства, мы, конечно же, должны обратить внимание и на следующие труды Р. Фахретдинова: статью о хане Улуг-Мухаммеде, опубликованную в рубрике «Мәшһүр адәмнәр вә бөек хадисәләр» («Знаменитые люди и великие события») в серии публикаций о золотоордынских ханах в журнале «Шура» («Совет»)¹, серию статей в той же рубрике журнала «Шура» о казанских ханах², рукопись «Болгар вә Казан төрекләре» («Булгарские и казанские тюрки»), написанную в начале 1930-х гг. и впервые полностью опубликованную в 1993 г.³.

В этих трудах, написанных с привлечением всей доступной автору

¹ [Фәхретдин Р.] Олуг Мөхәммәд хан // Шура. – 1908. – № 10. – 297–303 б. См. современное издание обо всех ханах: Фәхретдин Р. Алтын Үрда ханнары = Ханы Золотой Орды. – Казан, 1995. – 127 б. (на титуле «Казан, 1996»; тексты даны на татарском и русском языках, их подготовили Р. Амирхан и С. Шамси).

² Шура. – 1908. – № 11–13, 15, 16, 20–24; – 1909. – № 1–3. См. современную публикацию этой серии статей: Фәхретдин Р. Казан ханнары. – Казан, 1995 (подготовка текстов, комментариев, предисл. Р. Амирхана, послесловие С. Шамси). Сюда же включена и статья об Улуг-Мухаммеде.

³ Фәхретдинев Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан, 1993. – 287 б. (составитель, переводчик на современный татарский язык и автор предисловия А.Н. Хайруллин). См. также публикации А.Н. Хайруллина сокращённого варианта «Болгар вә Казан төрекләре» в журнале «Казан утлары» (1989, № 1, 167–183 б.) и в газете «Шәһри Казан» (1991, 9, 10, 12, 15–17, 19, 24, 26 октября).

исторической литературы на нескольких языках (в первую очередь русском) на основе анализа большого количества источников, автор рассматривает многие проблемы истории Казанского ханства (в первую очередь политическую историю) и вопросы этногенеза казанских татар. Привлечение широкого круга источников и литературы, в т. ч. работ российских историков П.И. Рычкова, С.М. Соловьёва, Н.М. Карамзина, К.Ф. Фукса, многократный их критический анализ позволили Р. Фахретдинову объективно поставить и решить задачи своих исследований. Так, он, невзирая на авторитеты, вступает в жаркую полемику со своими научными предшественниками, раскрывает искажённое освещение истории Золотой Орды, политических отношений Москвы и Казани в русской исторической литературе, особо отмечая предвзятость при освещении этих тем Н.М. Карамзина. Р. Фахретдинов резко отзыается об искажённой, по его мнению, истории столкновения войск Василия II и Улуг-Мухаммеда в интерпретации П.И. Рычкова и С.М. Соловьёва, когда 1-тысячный ханский отряд с кличем «Аллах акбар!» обратил в бегство 40-тысячную княжескую армию¹. Р. Фахретдинов также обвиняет русских историков в необъективности при оценке действий казанских ханов, в частности Сафа-Гирея². Учёный приводит также высказывание Н.М. Карамзина по поводу того, как в марте 1552 г. Чапкун-мирза и Бурнаш-мирза якобы уговорили казанцев не впускать московские войска в город и сражаться против них до последнего вздоха. Н.М. Карамзин писал, что предания самих казанцев по этому поводу совершенно другие, но он использовал только версию русских историков. Р. Фахретдинов критикует Н.М. Карамзина за однобокий подход к проблеме и подчёркивает: «Если бы он хотя бы в виде примечания привёл версии казанцев, то показал бы себя объективным историком, однако это невозможная вещь для русских историков того периода. Они больше служили политике, чем науке, и в этом смысле во многом погубили историю»³. Но в целом он достаточно уважительно относился к трудам ведущих русских историков и широко пользовался их материалами. Дж. Валиди в 1923 г. писал: «Одной из главных черт этого писателя является его веротерпимость и уважение чужой мысли, но он человек чересчур серьёзный, в современной культуре для него ценно только то, что научно и нравственно; в этом отношении он указывает на европейцев, как на достойных подражания...»⁴.

¹ Фәхретдин Р. Казан ханнары... – 42 б.

² Там же. – 103, 105 б.

³ Там же. – 149 б.

⁴ Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. – М. – Пг., 1923. – С. 73.

Одним из главных предметов исторических изысканий Р. Фахретдинова является этногенез поволжских татар и происхождение самого этнонима «татары». Его взгляды можно свести к нескольким основным тезисам. Во многом продолжая историографическую традицию Х. Амирхана, и в отличие от своего духовного наставника Ш. Марджани, Р. Фахретдинов относится резко отрицательно, причём с явным пренебрежительным оттенком, к этнониму «татары» и никогда не употребляет его по отношению к своему народу. «Наше национальное имя, — пишет Р. Фахретдинов, — северные тюрки (*шималь тореклэрэ*)»¹. Название «татары» используется им лишь как синоним этнонима «монголы». По мнению учёного, «татар» означает «всадник», так первоначально называли специальное воинское подразделение авангарда войск Чингиз-хана, затем при первых Чингизидах это имя было перенесено на все евразийские тюрко-монголоязычные этносы², его приняли правители Золотой Орды³ (при которых слово «татары» обозначало представителей высших слоёв общества), и позднее оно перешло на все подданные им народы, в частности на булгарских тюрок⁴. Р. Фахретдинов при обозначении казанских татар активно употребляет этнонимы «булгарские тюрки», «северные тюрки», «казанские тюрки», «тюрки-мусульмане», чтобы рельефнее показать отличие современных ему татар от подвластного Чингиз-хану населения, а также от турков Малой Азии⁵. Объявив 2-й и 3-й периоды истории своего народа как «Булгарские тюрки под властью татар и русских» (авторская периодизация⁶), он исключает всякую этническую связь между мусульманами «булгарскими тюрками» и язычниками «татарами» периода походов внука Чингиз-хана Бату. Осуждая монгольские походы первых Чингизидов, он пишет: «Оглушённый дубиной татарского нашествия, исламский

¹ [Фәхретдин Р.] Мөрасәлә вә мөхабәрә // Шура. – 1913. – № 8. – 249 б. Иногда учёный по отношению к татарам Среднего Поволжья употреблял термины «булгарские тюрки», «казанские тюрки», «тюрки-мусульмане» (см.: Фәхреддинев Р. Болгар вә Казан төрекләре...).

² [Фәхретдин Р.] Мөрасәлә вә мөхабәрә... – 249 б.

³ Одновременно Р. Фахретдинов указывает, что Чингизиды с гордостью носили имя «монгол».

⁴ [Фәхретдин Р.] Олуг Мөхәммәд хан... – 300 б.

⁵ См.: Бикмухаметов Р.Р. Проблема этногенеза татарского народа в творчестве Ш. Марджани и Р. Фахрутдинова // Марджани: наследие и современность... – С. 81.

⁶ Фәхреддинев Р. Икенче һәм өченче дәверләр. Болгар төрекләренең татарлар белән руслар кул астында калулары // Фәхреддинев Р. Болгар вә Казан төрекләре... – 49–53 б.

мир не может встать на ноги вот уже семь столетий¹. При этом Р. Фахретдинов не скрывает своих симпатий к выделившейся из состава Монгольской империи при преемниках Бату Золотой Орде (её он называет, в частности, «Великим Тюркским государством»), являвшейся тюркским по составу населения и культуре государством с правящей монголо-татарской династией². Р. Фахретдинов, как и Ш. Марджани, развивает идею исторической преемственности Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и современных автору «булгарских тюрок» = «туркомусульман» Поволжья, проживающих в Казанской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Саратовской и Астраханской губерниях³.

Говоря о преемственности Волжской Булгарии и Казанского ханства, он отдельно отмечает факт свержения с престола булгарского эмира Алимбека выходцем из Золотой Орды ханом Улуг-Мухаммедом, который сам стал правителем «булгарских и казанских тюрок» и основал ханскую династию в «Казанском и Булгарском государстве (*Казан һэм Болгар мэмләкәтендә*)». Однако, по убеждению Р. Фахретдинова, смена династий не означала, что население государства стало монгольским (татарским), поскольку Улуг-Мухаммед привёл с собой всего 3000 человек, из которых воины составляли 1000. «Здешний народ, хотя целиком состоял из тюрок, получил название «татары», но этим он обязан лишь хану и его приближённым. На деле же татар здесь содержалось не более как капля в море»⁴. «Булгарские тюрки», по свидетельству историка, объединились вокруг Улуг-Мухаммеда, а чувавши и марийцы выразили свою покорность и попросили защитить их от русских набегов. Таким образом, отмечал Р. Фахретдинов, в 1439 г. Казань «возродилась» и началась её новая история. «После этого в данном государстве правят ханы – потомки татарских ханов, однако известно, что от татарина не жди ничего хорошего. Его характеру не свойственно принесение пользы, а лишь порча

¹ См.: *Рашид Кадыр аль-Булгари*. За целостный взгляд на историю // Татарстан. – 1997. – № 7. – С. 82.

² См. цикл статей Р. Фахретдинова о ханах Золотой Орды. Интересно следующее мнение учёного: «[Монголы = правители Золотой Орды] весьма преуспели в деле превращения «лаптёжных» русских в «сапожных», возведя небольшое славянское племя до уровня завоевателей половины мира» (*Фәхрәтдинев Р. Болгар вә Казан төрекләре...* – 50 б.).

³ См.: *Фәхрәтдин Р. Болгарларның пайтәхетләре улан Болгар шәһәре* // Шура.– 1912. – № 22. – 674 б., и другие труды учёного.

⁴ [Фәхрәтдин Р.] Олуг Мөхәммәд хан... – 300 б.

и разрушения. «Где татарин, там беда»¹, – именно это привело в дальнейшем, по мнению Р. Фахретдинова, к трагедии 1552 г., постигшую «казанцев (казанлылар)»²...

* * *

Впервые после Ш. Марджани попытка составления истории татар с древнейших времён до современности была предпринята «последним могиканином татарских интеллектуалов XIX века» Мурадом Рамзи ал-Мекки (1854 или 1855 – 1934) – мусульманским богословом и историком³. Родился он в Уфимской губернии (ныне Сармановский район РТ), в 8 лет поступил в медресе аула Альметьево, затем учился в Троицке, Ташкенте, Бухаре, долгие годы жил в Саудовской Аравии (1878–1914), занимаясь различными науками в Мекке и Медине, причём в эти годы неоднократно приезжал в Россию (ездил в Туркестан, работал в библиотеках и архивах Петербурга), позже он жил в Ташкенте, Бухаре, Андижане, Казани, Оренбургской губернии, Ургенче, Уфе, Чугучаке (Китай), Стамбуле, умер и был похоронен в г. Чугучак. Двухтомный исторический труд М. Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакай Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» («Собрание известий и памятников о событиях в Казани и Булгаре и о татарских правителях») был написан на арабском языке (с целью ознакомления широкой мусульманской читательской аудитории с историей татарского народа) и издан в Оренбурге в 1908 г.⁴. Первый том этой работы содержал, в частности, информацию о Волжской Булгарии, Золотой Орде и начальном периоде истории Казанского ханства. Особую ценность этому написанному по старой мусульманской традиции

¹ Фәхрәддинев Р. Болгар вә Казан төрекләре... – 38 б.

² См. цикл статей Р. Фахретдинова о ханах Казани.

³ О нём см.: Гәрәева Н. Кем ул Морад Рәмзи? // Казан утлары. – 1990. – № 2. – 171–175 б.; Гараева Н. Мурад Рамзи // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань, 2000. – С. 54–60; Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний... – С. 47–49; Мурад Рамзи и его место в исторической и общественно-политической мысли российских мусульман начала XX века // Мурад Рамзи. Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакай‘ казан ва булгар ва мулук ат-татар. Том I / научн. ред., авт. вступ. ст. и комм. С.И. Хамидуллин. – Уфа, 2017. – С. 4–25. В последнем из указанных изданий представлена башкирская версия происхождения Мурада Рамзи.

⁴ Известно, что существовал перевод книги на тюркский (возможно, на татарский) язык, ныне не найденный. Перевод 1-го тома на русский язык см.: Мурад Рамзи. Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакай‘ казан ва булгар ва мулук ат-татар. Том I / научн. ред., авт. вступ. ст. и комм. С.И. Хамидуллин. – Уфа, 2017. – 600 с.

сочинению придавали цитируемые и пересказываемые в нём сообщения устных преданий и многочисленных арабоязычных письменных источников. Однако Н.Ф. Катанов, работавший в то время в составе Казанского временного комитета по делам печати, в своём цензорском отзыве на «Талфик...» (отмечая, что М. Рамзи в своей работе «пользуется арабскими источниками, историей Карамзина, татарскими изданиями и сведениями из татарских газет и устных преданий») указывал, что его книга представляет научную ценность лишь в качестве «сырого материала»¹ и в целом тенденциозна и «лишена научного знания». Это заключение цензора приводит к конфискации жандармским управлением всего тиража «Талфикс...» (3 тыс. экз.) и временному аресту его автора. Саратовская судебная палата, в течение 1908–1915 гг. занимавшаяся рассмотрением этого дела, не обнаружила состава преступления в деятельности М. Рамзи. Но к тому времени тираж книги был уничтожен, случайно сохранилось лишь несколько экземпляров издания...

* * *

Изучение истории татарского народа, в частности истории Казанского ханства, продолжил известный татарский учёный, «историк от Бога» Гайнетдин Ахмаров (1864–1911)². Г. Ахмаров, также как Ш. Марджани и другие исследователи, в своих изысканиях использовал обширных круг источников – восточных (в т. ч. тюркотатарских) и европейских (в т. ч. русских). Наряду с письменными источниками Г. Ахмаров активно привлекал к работе археологические, этнографические, лингвистические и другие материалы, в изучении которых он проявил себя крупным специалистом. Г. Ах-

¹ Здесь необходимо вспомнить слова Густава Шпета: «История не сразу становится наукой объяснительной. Историография... проходит сперва подготовительные стадии беспорядочного накопления материалов, и затем упорядочения его» (Шпет Г. История как проблема логики. – М., 2002. – С. 65).

² Подробнее о его жизни и творчестве, а также современную публикацию его основных исторических произведений см.: Хамидуллин Б.Л. Древние татары и современность [о предках центральноазиатских татар жуань-жуанях и перевод некоторых сведений Г. Ахмара о Казанском ханстве и казанских татарах] // Аргамак. – 1998. – № 7. – С. 118–127; Ахмаров Г. Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар / сост., вступит. ст. и comment. Р.Г. Хайрутдинова. – Казань, 1998; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... – С. 37–45; Гайнетдин Эхмэрев. Gaynetdin Axmarev. Тарихи-документаль жыентык. – Казан, 2000 (науч. ред. и автор вступит. ст. М.А. Усманов, составители исторических трудов Г. Ахмарова Р. Марданов, Р. Миннурин и Э. Салахова, автор статьи о жизни и творчестве ученого Э. Салахова); Алишев С.Х. Татар тарихчылары. – Казан, 2006. – 172–182 б.

маров достаточно критически относился к русским летописям и трудам русских историков. Так, он критиковал русских историков за чрезмерное доверие летописным сведениям, в которых преобладают в основном описания военных действий. В книге «Казан тарихы» («История Казани»¹) он справедливо отмечал, что «русские исторические сведения чаще всего исходят из оставленных монахами летописей. А эти сведения, особенно в эпоху Казанского ханства, так и дышат ненавистью к татарам, то есть изначально настроены только на негативное восприятие всего татарского»². Историк считал, что русские летописи обвиняют во всех бедах только татар и «брызжут таким фанатизмом и предвзятостью, что зачастую невозможно определить, кто побеждён, а кто победил, сколько людей погибло, ранено или взято в плен, и, в конце концов, на чьей стороне была справедливость и по какой причине»³.

Г. Ахмаров, во многом следуя за мнением Х. Амирхана, в своих статьях и монографиях «Болгар тарихы» («История Булгарии», 1909) и «История Казани» на основе серьёзной доказательной базы пишет, что казанские татары – прямые потомки волжских булгар⁴, а Волжская Булгария и Казанское ханство – государства, тождественные друг другу по территории, населению и государственному управлению. Единственное различие между ними он видит в разных столицах. Г. Ахмаров настаивает на том, что Казанское ханство имело развитую мусульманскую культуру (в частности, что в государстве была развита сеть образовательных учреждений – мектебов и медресе), а не было диким варварским государством, которое промышляло только набегами, как это пытались представить многие русские историки.

В «Истории Казани» Г. Ахмаров самостоятельно рассматривал и предлагал решение многих страниц истории города, Казанского государства, взаимоотношений его с соседями, подробно характе-

¹ Она написана на основе лекций, прочитанных в феврале 1909 г. в Восточном клубе г. Казани. На обложке книги указан 1910 год издания, а на титуле – 1909-й.

² Ахмаров Г. Избранные труды... – С. 65.

³ Там же. – С. 66.

⁴ См., например: Эхмэрэв Г. Төп Казан халкы // Гайнэтдин Эхмэрэв. Gaynetdin Axmarev. Тарихи-документаль жыентык... – 175–179 б. (впервые эта статья была опубликована в марте 1906 г. в газете «Йолдыз» («Звезда»), № 9, 11); Эхмэрэв Г. Ватан вэ миллэт тарихы хакында // Гайнэтдин Эхмэрэв. Gaynetdin Axmarev. Тарихи-документаль жыентык... – 188–192 б. (впервые эта статья была опубликована в апреле 1906 г. в газете «Казан мохбира» («Казанский вестник»), № 67, 68); Ахмаров Г. Избранные труды... – С. 27–34 (раздел «Современные потомки булгар» в книге «История Булгарии»).

ризовал правление каждого хана, выражая своё личное отношение к каждому из них. Его основные выводы заключаются в том, что Казанское ханство возникло после распада Булгарского государства на его месте, примерно на той же территории, что в Казанском ханстве жил тот же тюркский булгарский народ, сохранивший и развивший все свои прежние традиции и обычаи, ремёсла и знания. Возникновение г. Казани Г. Ахмаров относит ко времени существования домонгольской Волжской Булгарии. К этому выводу он приходит на основании археологических находок, прочтения надписей на надгробных камнях, относящихся к булгарскому периоду. Предположение Г. Ахмарова о том, что задолго до того, как Казань впервые появилась на страницах письменных источников, на её месте находился небольшой булгарский город или поселение, получило подтверждение спустя почти столетие. Основание Новой Казани Г. Ахмаров также связывал с булгарскими беками, которые переселились из Старой Казани. Причину этого переселения он видел в неудачном для экономики (в первую очередь торговли) расположении Старой Казани. Само возышение Казани Г. Ахмаров, так же как и многие историки до него, связывает с упадком Волжской Булгарии и ослаблением «кыпчакской империи» Золотой Орды. Благодаря этим обстоятельствам, «встающая на ноги Казань оставалась первейшим мусульманским городом во всей Восточной Европе», а «торговое значение Великих Булгар и политическое значение Сарай как правительенного центра» перешло к ней¹.

Г. Ахмаров одним из первых в историографии истории Казанского ханства попытался определить его границы, но из-за слабости источников базы ограничился лишь фразой о том, что «так как Казанское ханство было заселено теми же племенами, что заселяли прежнюю Булгарию, то и прежние булгарские города и селения стали считаться собственностью казанских ханов». Он правильно отмечал, что границы феодального государства отличаются от тех границ, которые существует в нашем представлении. «В те времена, – писал Г. Ахмаров, – не существовало пограничных столбов в современном понятии этого слова»².

Г. Ахмаров сделал также попытку разобраться во внутреннем устройстве Казанского ханства. Он считал, что даже после прихода в Казань Улуг-Мухаммеда, после чего государство «стало называться татарским», его управление кардинально не изменилось и «скорее напоминало булгарское, нежели золотоордынское»³.

¹ Ахмаров Г. Избранные труды... – С. 72.

² Там же. – С. 73.

³ Там же. – С. 82.

К этому выводу Г. Ахмаров пришёл на основании тезиса о том, что в Золотой Орде ханская власть была абсолютной, а в Казанском ханстве она была ограничена родовитыми беками. Г. Ахмаров выделяет беков и мурз в отдельный институт власти, ведавшими всеми делами в государстве, которые «были и самыми богатыми, могущественными в стране магнатами, обладавшими почти неограниченной властью. Они, к примеру, могли свергнуть, а то и умертвить неугодного им хана или избрать нового. На подвластных им землях беки и мурзы были практически полными суверенами, способными единолично начать войну или заключить мир, единолично решить какие-то конфликтные вопросы или наладить особые отношения с языческим населением, наконец, использовать для своей выгоды право сбора дани»¹.

Большую роль в социальной структуре Казанского ханства Г. Ахмаров придавал духовенству. Он не писал о всей инфраструктуре духовенства, которая, несомненно, была очень сложной, а ограничился лишь тем, что выделил ее главу – «саида», «единолично, без участия хана ведавшего всеми духовными делами» государства. По мнению учёного, саид принимал также активное участие и в политической жизни ханства, – Г. Ахмаров правильно подметил, что во всех письменных посланиях правителям иных государств стояло имя «духовного владыки Казани – саида»².

Г. Ахмаров отказывается от бытовавшего в русской историографии мнения о том, что в Казани имело место экономическое и духовное давление на немусульман и процветал религиозный фанатизм. Он подчёркивает, что в Казанском ханстве люди могли принимать ислам лишь добровольно и вести тот уклад жизни, который пожелают: «Языческие племена [жившие в Казанском ханстве] пользовались полной свободой в выборе образа жизни и верований. Чуваши, черемисы [марийцы] или ары [удмурты] могли принимать мусульманство лишь по собственному желанию, но никак не по принуждению, ибо насилие в вопросе вероисповедания было запрещено. Уважением пользовались не только верованием, но и образ жизни: так, никто не насаждал в башкирских землях землепашество, хотя большинство казанского народа [т. е. казанцев, казанских татар] ещё с давних булгарских времён традиционно было искусными хлеборобами. Башкирские племена по-прежнему, как и их предки, вели кочевой образ жизни, и это нисколько не порицалось властями»³.

¹ Ахмаров Г. Избранные труды... – С. 83.

² Там же.

³ Там же. – С. 84.

О внутренней этнополитической ситуации в Казанском ханстве в книге «История Казани» в разделе «Отношения Казани к соседям» Г. Ахмаров пишет: «Напомним, что, когда на смену Булгарии пришла Казань, арские, чувашские, черемисские, башкирские племена добровольно признали её власть и вошли в состав нового государства. Эти племена никогда не замышляли антиказанских бунтов, напротив, шли вместе с казанцами против общего врага, вместе защищали Казань, а после её падения делали всё, чтобы не попасть под русское иго, поднимали восстания, а, потерпев поражения, зачастую предпочитали свободолюбивые башкирские степи рабству на истоптанной захватчиком родине. Все эти движения языческих племён свидетельствуют об их этнической и духовной общности с казанскими, а ещё ранее – с булгарскими тюрками, что, в свою очередь, даёт основание предполагать наличие равных прав и достаточных свобод у народов как Булгарской, так и Казанской держав... Все племена Казанского ханства жили как один народ...»¹. Эти мысли учёного, высказанные в самом начале XX в., не противоречат той совокупности исторических сведений, что известны на сегодняшний день.

Значительное внимание Г. Ахмаров уделяет политической истории Казанского ханства – взаимоотношениям Казани и Москвы, Казанского ханства и других постзолотоордынских ханств, событиям 1552 г.². О взаимоотношениях Казани и Москвы он писал: «Русские – давние соседи казанцев. Казанские мусульмане в мирное время вели с русскими соседями торговлю, как и в прежние булгарские времена, но чаще всего воевали, так как в московско-казанских политических отношениях преобладала, к сожалению, взаимная вражда»³. Падение Казанского ханства Г. Ахмаров рассматривал как большую трагедию всего татарского народа, переломную страницу его национальной истории.

* * *

Важными историческими трудами по истории Казанского государства являются книги действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, «алмаза татарской нации» Хади Атласи (1876–1938)⁴ «Сөен-бикә» («Сююм-

¹ Ахмаров Г. Избранные труды... – С. 82.

² Там же. – С. 74–123.

³ Там же. – С. 74.

⁴ О нём и его произведениях см., например: Валиди Дж. Очерк истории... – С. 144–147; Губайдуллин Г. С. Развитие исторической литературы тюркотатарских народов // Первый Всесоюзный тюркологический съезд: Стенографический отчет. – Баку, 1926. – С. 39–49; Ansiklopedik suzluk. – Ankara,

бике», 1914) и «Казан ханлыгы» («Казанское ханство», т. 1, 1914)¹, получившие высокую оценку историков как «новое явление в тюркотатарской историографии»². Они охватывают период со времени основания г. Казани до потери Казанским ханством своей независимости. Своё обращение к историческим изысканиям Х. Атласи объяснял так: «Если молодёжи одной нации будут известны древнейшие события из жизни своих предков и совершённые ими дела, то этой нации суждено будет жить и впредь... Мы, дети татар, если хотим уцелеть как нация, то должны знать свою богатую литературу, яркую, светлую историю, где описаны величественные деяния наших могучих предков»³. В указанных выше и иных своих исторических исследованиях Х. Атласи провозглашал идею преемственности евразийских тюркских государств по цепочке «государства скифов и хуннов – тюркские каганаты – государства хазар и булгар – Монгольская империя – Золотая Орда – Казанское, Сибирское и другие ханства»⁴. При написании своих работ он использовал широкий круг источников (отдавая предпочтение хронологически более ранним и современным описываемым событиям), но, без сомнения, упор делал на русские летописи и русскую исследовательскую литературу (он первым из татарских историков активно вводит в

1970. – 272 б.; *Абдуллин Я.Г., Госманов М.Г., Тагиров И.Р.* Ҳади Атласи турында // Казан уллары. – 1986. – № 11. – 172–176 б.; *Алишев С.Х.* Татар тарихчысы Ҳади Атласи // Атласи Ҥ. Себер тарихы. Соенбикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993. – 3–15 б.; *Turk kulturu arastirmaları*. – Ankara, 1993. – 20–37 б. (статья тюрколога Ахмета Темира); *Солтанбеков Б.Ф.* Тарих серләре ачыла. – Казан, 1994. – 13–23 б.; *Кәримуллин Э.Г.* Язмыш, язымыш... – Казан, 1996. – 126–129 б.; *Абдуллин Я.Г., Госманов М.Г., Тагиров И.Р.* Ҳади Атласи – галим һәм жәмәгать эшлеклесе // Милләт язымышы. – Казан, 1999. – 103–112 б.; *Мухаметдинова А.Х.* Ҳади Атласи: общественный деятель и историк. – Казань, 2004; *Загидуллин И.К.* О Ҳади Атласи и книге «История Сибири» // Атласов Х.М. История Сибири / пер. А.И. Бадюгиной. – Казань, 2005. – С. 4–10; *Алишев С.Х.* Татар тарихчылары... – 192–198 б.; *Бәйрәмова Ф.* Соңғы турانчы...: фәнни-популяр язма. – Казан, 2016. – 134 б. «Алмазом татарской нации» Х. Атласи назван в татарском календаре 1913 г. (Заман календаре. – 1913. – 58 б.).

¹ Эти работы несколько раз переиздавались на языке оригинала. См., например: *Атласи Ҥ. Себер тарихы. Соенбикә. Казан ханлыгы.* – Казан, 1993 (сост., редактор, авт. вступит. ст. и comment. С.Х. Алишев). О «Казанском ханстве» см.: *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С. 45–51; *Мухаметдинова А.Х.* Ҳади Атласи: общественный деятель и историк... – С. 81–110. Х. Атласи было задумано издание и последующих томов «Казанского ханства» – об этом он сообщал в одном из писем Фатиху Карими. По всей видимости, в них он хотел проанализировать те вопросы развития ханства, о которых лишь вскользь упомянул в 1-м томе.

² *Губайдуллин Г.С.* Развитие исторической литературы... – С. 48.

³ *Атласи Ҥ. Борыңғы эш һәм борыңғы сүзләр // Шура.* – 1910. – № 18. – 557–558 б.

⁴ См., например: *Атласов Х.М. История Сибири...* – С. 13 и сл.

научный оборот многочисленные данные из русских исторических памятников XV–XVI вв., из работ В.Н. Татищева, П.И. Рычкова, М.М. Щербатова, Н.К. Баженова, Н.М. Карамзина, Н.И. Новикова, С.М. Соловьёва¹, К.Ф. Фукса и В.В. Вельяминова-Зернова, впервые как источники использует ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г., исторический байт «Ханэкэ Солтан» и т. д.). Он так же как и многие историки того времени описывал в гораздо большей степени политическую историю татарских ханств, нежели их внутреннее устройство. В книге «Сююмбике» Х. Атласи прослеживает жизнь и деятельность последней казанской ханши: историю замужества дочери ногайского мурзы Юсуфа с казанскими ханами Джан-Али и Сафа-Гиреем, годы правления на казанском троне с малолетним сыном Утамыш-Гиреем, трагедию последних лет её жизни². В книге «Казанское ханство» (как и В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв при изучении русской истории, Х. Амирхан, Ш. Марджани и Г. Ахмаров при изучении истории татарского народа) автор рассматривает политическую историю Казанского государства отдельными блоками, соответствующими времени правления казанских ханов. О дате основания Казани татарский историк не даёт чётких данных, сообщая о том, что Казань была основана не ранее второй половины XIV в. и не позднее первой половины XV в. Основателем Казанского ханства он, основываясь на данные татарских и персидских рукописей³, считает Улуг-Мухаммеда. При этом Х. Атласи выделяет несколько казанско-ханских династий: золотоордынскую (Улуг-Мухаммед, Махмуд, Халиль, Ибрагим, Ильгам, Мухаммад-Эмин, Абдул-Латиф), касимовскую (Шах-Али, Джан-Али), сибирскую (Мамук), крымскую (Сахиб-Гирей, Сафа-Гирей, Утамыш-Гирей) и астраханскую (Ядкар). Последующие разделы его книги очень содержательны, но не дают каких-либо существенных новых данных по истории Казанского ханства – они в основном повторяют сообще-

¹ Х. Атласи считал, что работами С.М. Соловьёва следует пользоваться очень осторожно, т. к. они отличаются религиозным фанатизмом (*Атласи И. Себер тарихы. Сөөнбикә. Казан ханлыгы...* – 113 б.). Не считаясь с авторитетами, Х. Атласи при необходимости резко критиковал и русских, и татарских историков, в частности Ш. Марджани (Там же. – С. 134).

² Образ ханши Сююмбике нашёл серьёзное отражение и в татарских устных преданиях, где, в частности, сообщается о якобы имевшей место любви Ивана Грозного к ней (сравни с сообщением Х. Амирхана о любви к ней касимовского хана). См., например: Сөөнбикә // Татар халык риваятләре һәм легендалары / төз. С. Гыйләҗетдинов. – Казан, 2000. – 59 б. См. также: Урманче Ф. Сөөнбикә бәете // Казан утлары. – 1997. – № 8. – 161–170 б.

³ См., например: Абдуллин Я.Г., Тагиров И.Р., Усманов М.А. Правда о Хади Атласи // Наука. – 1989. – 24 июля.

ния русских летописцев и иных иностранных историков. Причинами событий 1552 г. Х. Атласи называет сочетание многообразных внешних и внутренних обстоятельств, однако, по его мнению, внутренние центробежные тенденции (существование т. н. московской, крымской, сибирской, ногайской «партий» и т. д.) и личные качества татарских правителей и представителей знати (не в пример Ивану III и Ивану IV, существенно укрепивших могущество Московского государства) сыграли доминирующую роль в трагической судьбе казанских татар. «Падение Казанского ханства, явившегося сердцем татарских государств, – пишет исследователь, – положило начало крушению всех татарских ханств..., всей татарской цивилизации»¹.

В целом в своих исторических произведениях Х. Атласи проводит мысль об отсутствии единства среди татар, неорганизованности и несплочённости их. Своими «разоблачительными» высказываниями он страстно призывает к единству народа, к борьбе за независимость страны. Не случайно известный востоковед В.В. Бартольд назвал его «татарским патриотом», одновременно указывая на корректность и справедливость многих суждений татарского учёного².

* * *

Крупнейшим татарским историком 20–30-х гг. XX в. по праву считается Газиз Салихович Губайдуллин (Г. Газиз) (1887–1937)³. Он был одним из первых европейски образованных татарских интеллигентов и являлся первым профессором из татар. В 1909 г.

¹ Атласи И. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы... – 39–40 б.

² Бартольд В.В. Х. Атласов. «Казанское ханство» // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – 1916. – Т. 2–3. – Вып. 3–4. – С. 421–422; Алишев С. Хади Атласи // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты... – С. 136–139.

³ О нём и его исторических произведениях, современную публикацию его произведений на татарском и русском языках см., например: Алишев С.Х. Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978. – С. 46–53; Его же. По следам минувшего. – Казань, 1986. – С. 112–121; Гобайдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганды. Сайланма хәзмәтләр. – Казан, 1989 (составители, авторы примечаний С.Х. Алишев и И.А. Гилязов, автор статьи о Г. Губайдуллине С.Х. Алишев); Газиз Г. История татар. – М., 1994 (сокр. пер. с тат. яз. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных под редакцией и с предисловием Э.С. Кульпина–Губайдуллина и Ш.Ф. Мухамедьярова, автор послесловия В.И. Пантин); Насреддина Д. Историк Г.С. Губайдуллин: Жизнь и творчество / Рукопись диссертации к. и. н. – Казань, 1997; Газиз Гобайдуллин. Газиз Губайдуллин: Фәнни-биографик җыентык. – Казань, 2002 (здесь на с. 135–177 дана работа Г.С. Губайдуллина «Из прошлого татар», 1925 г. и., к сожалению, с досадными пропусками текста – в частности, на с. 143 о войнах Москвы против Казани); Алишев С.Х. Татар тарихчылары... – 199–201 б.

Г.С. Губайдуллин поступает на юридический факультет Казанского университета, но через год по совету профессоров М.М. Хвостова и Н.Н. Фирсова переходит на историческое отделение. В 1916 г. он окончил Казанский университет с дипломом первой степени. Большую роль на взгляды Г. Газиза оказали профессора Н.Н. Фирсов и Н.Ф. Катанов, под руководством которых он занимался, ещё будучи студентом, а потом и в годы учёбы в аспирантуре университета. Наиболее полно и чётко исторические воззрения Г.С. Губайдуллина отражены в его книге «Татар тарихы» («История татар», 1922), которая несколько раз переиздавалась и дополнялась новыми данными. Впоследствии точка зрения на историю Казанского ханства у учёного несколько менялась¹ – это было связано с усилением советского идеологического давления на науку.

Г.С. Губайдуллин следовал в русле идей историка М.Н. Покровского, несомненно, не без влияния Н.Н. Фирсова, и рассматривал историю с позиции теории торгового капитала. Как писал сам историк: «Историю всех народов определяет экономическая жизнь. Она есть причина многих, если не всех, явлений жизни. Поэтому изучение истории татар должно сопровождаться исследованием экономического развития»². Большую роль в истории Г.С. Губайдуллин придавал торговым путям, поэтому в его концепции истории важную роль играли представления о Среднем Поволжье как месте пересечения этих торговых путей, где происходил обмен товарами между Европой и Азией. Г.С. Губайдуллин считал, что за обладание этим ключевым торговым пунктом и шла постоянная борьба между государствами Восточной Европы. Сначала им владели поочерёдно Хазарский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, затем Казанское ханство. Г.С. Губайдуллин связывал возникновение Казанского ханства с потерей городами Булгарии прежнего экономического и стратегического значения. Падение Булгарии, по его мнению, напрямую связано с ослаблением Золотой Орды. Сама же Золотая Орда, на его взгляд, стала «жертвой» глобальных изменений в экономике и политике всей Европы, которые были связаны с открытием

¹ См., например, его исторические произведения и учебники на татарском языке «История татар» (дополненное и доработанное издание, Казань, 1923), «Из истории борьбы за Поволжье» (журнал «Магариф», 1923, № 5/6, с. 19–37), «Древние булгары» (Казань, 1924), «Происхождение татар и Золотая Орда» (Казань, 1924); на русском языке – «Из прошлого татар» (в сборнике «Материалы по изучению Татарстана», Казань, 1925, вып. 2, с. 71–111), «История татар» (М., 1925), «К вопросу о происхождении татар» (в «Вестнике Научного общества татароведения», Казань, 1928, № 8, с. 131–141), «История народов СССР в эпоху феодализма» (Баку, 1932).

² Газиз Г. История татар... – М., 1994. – С. 20.

тием новых торговых путей мореходами Португалии и Испании. Немаловажное значение имели и захват турками Константинополя и Босфора, а также разгром эмиром Тимуром городов Поволжья. В результате всех этих событий появляется новый центр края – Старая Казань. Г.С. Губайдуллин делает вывод, что «наш край до образования Казанского ханства управлялся из этого центра», а сам этот период он называл «промежуточным»¹.

Образование Казанского ханства татарский историк относил к 1438 г., когда Улуг-Мухаммед, понимавший значение волжского торгового пути, сумел на территории бывшей Волжской Булгарии организовать новое государство. Г.С. Губайдуллин указывал на сходство этих двух государств, даже границы Казанского ханства он соотносил с Булгарским государством: с запада – река Сура, с востока – Уральские горы, с юга – Самарская Лука, с севера – Вятские области. Интересна позиция Г.С. Губайдуллина относительно населения ханства. Он писал, что народ ханства в большинстве своё оседлый, не былmonoэтничным: основную его массу составляли тюрки татары, которые пришли из Золотой Орды (правители которой происходили из племени «кара татар») и дали своё имя «всем туркам [туркам], живущим в этой области»², а остальное население было разнородным – сюда входили булгары, марицы и чуваши.

Социальный строй Казанского ханства, по мнению учёного, «остался тот же, что был в золотоордынскую эпоху Болгарского ханства, но с более развитым оттенком феодализма»³. Он указывал на монархическое правление в ханстве, но отмечал, что после смерти третьего хана Халиля усиливается власть аристократии, которая всё чаще и чаще вмешивается в политические дела государства. Поэтому Г.С. Губайдуллин приходит к выводу, что «Казанское ханство, формально возглавляемое суверенным ханом, фактически управлялось светскими и духовными феодалами, военным классом помещичьей аристократии»⁴ и во многом повторяло и копировало государственное устройство Золотой Орды. Казанское ханство, писал учёный, «было построено по типу государств Чингизидов, где управление было организовано по военному принципу, а весь народ был военизированным, подразделявшимся на десятки, сотни и тысячи»⁵. В качестве господствующего класса им выделялось

¹ Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925. – Вып. 2. – С. 74.

² Там же.

³ Там же – С. 75.

⁴ Газиз Г. История татар... – С. 87.

⁵ Там же.

военно-аристократическое сословие, состоящее из карачеев, беков-«князей», уланов, мурз и тарханов, считавших Казанский «юрт» наследником Золотой Орды. Г.С. Губайдуллин придавал большую роль институту карачи-беков, отмечая, что это особо привилегированный слой правящей татарской знати. Он первым обратил внимание на тот факт, что карачи-беки подразделяются на четыре рода – Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак не только в Казанском ханстве, но и в других постзолотоордынских государствах. Таким образом, взгляды татарского учёного на социальный строй Казанского ханства противоречивы – с одной стороны, он говорит о том, что социальный строй остался таким же, каким был в Булгарском государстве, с другой, отмечает сходство социального строя Казанского, Крымского ханств и Ногайской Орды.

Г.С. Губайдуллин так же как русские историки до него делил аристократию Казанского ханства на партии, которые выдвигали ханов. Исследователь повторял традиционное для историографии того времени мнение об отсутствии государственного порядка в Казанском ханстве. Писал, что татарские феодалы владели зависимыми людьми, называемыми им «кул чура»¹. Были в этом государстве и юридически свободные люди, которые жили преимущественно в самой Казани. Отдельный класс населения представляли рабы. Также отдельно Г.С. Губайдуллин выделял в ханстве собственных «князей» периферийных народов ханства, которые ими управлялись. Кроме светского феодального класса автор определяет духовно-феодальное сословие. В него входили сеиды, шейхи, муллы, абызы, шейхзады и муллазады, которые также владели многочисленными «землями и водами» и имели различные привилегии.

Г.С. Губайдуллин называл три источника доходов Казанского ханства – военную добычу, пошлины с товарооборота и налоги с населения. Он сравнивает налоговую систему Казанского ханства с системой Монгольской империи и Крымского ханства. И хотя он акцентирует внимание на том, что главным источником дохода Казани являлись именно налоги, тем не менее, пишет, что войны с Московским государством приносили большую выгоду, т. к. доставляли большое количество пленных «и для себя, и для продажи»².

Историк подчёркивал военизированный характер Казанского ханства: «Казань и всё ханство представляло собой военный лагерь. Это государство родилось в войне и пало в ней»³. Непрерывные войны мешали казанцам развивать культуру. «По этой причине, –

¹ Газиз Г. История татар... – С. 76.

² Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар... – С. 78.

³ Там же.

пишет Г.С. Губайдуллин, – думать о большом культурном развитии в этой стране было бы неправильно»¹. Казанцы «даже стали терять былые булгарские достижения»² и лишь «сохранять те достижения, которые были в эпоху золотоордынского господства»³. Это повлекло за собой ослабление военной мощи государства. Захват Казани Москвой Г.С. Губайдуллин считал вполне закономерным процессом. Москва, с его точки зрения, была более развитым государством, т. к. географически располагалась по соседству с более развитой Европой. Благодаря этому соседству русские раньше начали применять огнестрельное оружие и сумели пригласить к себе специалистов в оружейном деле из Европы. «У татар, – писал учёный, – оставалась лишь прежняя воинственность, но в сравнении с русскими они были более отсталыми экономически, политически и культурно»⁴. Эта отсталость начиналась с государственного устройства и заканчивалась полным превосходством в военном деле. В то время как русские «цари строили своё государство на крепкой основе», в это же самое время «в татарских ордах во всех этих вопросах была полная анархия», а «беки, мурзы, саиды играли в государственные дела, как в игрушки»⁵. В военном деле, по мнению историка, Казанское ханство сильно уступало Московскому государству как в вооружении, так и в военной организации, которая осталась «у татар на уровне Чингиза»⁶. «Казань, – подчёркивал Г.С. Губайдуллин, – проводившая время в непрерывных войнах, не сумела создать и военную культуру, в то время как русская поднялась на значительную высоту»⁷. На основе всех этих данных Г.С. Губайдуллин делает вывод о том, что «московские войска должны были победить татар»⁸.

* * *

К сожалению, положительные тенденции становления в конце XIX – начале XX в. татарской исторической школы и национальной концепции истории татарского народа и Казанского ханства были прерваны насилиственным путём. Усиление идеологического диктата и тотального контроля за «чистотой идеологии», борьба с «татарским буржуазным национализмом» привели к закрытию

¹ Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар... – С. 78.

² Газиз Г. История татар... – С. 89.

³ Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар... – С. 78.

⁴ Газиз Г. История татар... – С. 103.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 104.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Академического центра и других центров краеведения в Казани. В начале 1930-х гг. был закрыт исторический факультет и Общество археологии, истории и этнографии Казанского университета. Начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее активных татарских историков и гуманитариев – Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Али Рахима, Саида Вахиди и многих их коллег и учеников...

Татарская историческая мысль, по сути дела, сохранялась лишь в эмиграции, где плеяда энциклопедически образованных учёных пыталась создавать труды по средневековой тюрко-татарской истории. Среди них можно выделить Г. Баттала¹ и А.Н. Курата², а также востоковеда с мировым именем Ахмеда-Заки Валиди (Валиди-Тогана)³, опубликовавших на турецком и иных языках много интересных работ по истории тюрков в целом и Казанского ханства в частности. Творчество этих учёных заслуживает серьёзного внимания, хотя историю Казанского ханства они затрагивали лишь вскользь⁴ или в узко-проблемном виде⁵, следуя в своих концепциях за историками-традиционалистами – Р. Фахретдиновым, Г. Ахмаровым и Х. Атласи.

¹ См., например: приложение № 4 «Отражение истории Казанского ханства в работе Г. Баттала "Казанские тюрки"» в кн.: *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства...* – С. 265–276.

² См., например: приложение № 6 «A.N.Kurat. Ulug-Muhammed han» в кн.: *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства...* – С. 286–298. В последние годы Институт истории АН РТ осуществляет издание многотомника трудов А.Н. Курата.

³ См., например: приложение № 7 «Z.V.Togan. Kazan hanlığında islam türk kultürü» в кн.: *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства...* – С. 299–324.

⁴ См., например, книгу Г. Баттала «*Kazan türkleri*» («Казан төркиләре», «Казанские тюрки»), изданную в Стамбуле в 1925 г., в Анкаре в 1966 г. и в переводе на татарский язык (пер. А.Р. Рахимовой, comment. Л.Х. Хамидуллина) в Казани в 1996 г. В последнем издании из 160 страниц текста «Казан төркиләре» лишь одиннадцать посвящены конкретно истории Казанского государства.

⁵ См., например: *Kurat A.N. Kazan Hanlığını kuran Ulug-Muhammed Hanin yarlılığı. Edirne ve yoresi eski eserleri sevenler kurumu yayınlarından.* – Istanbul, 1937. – 36 s.; *Ego же. Topkapı Sarayı Arsivindeki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler.* – Istanbul, 1940. – VIII+212+2 p.; *Ego же. IV–XVIII yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri...* Перечень трудов Заки Валиди см.: *Эмирхан Р. Зәки Вәлиди хәzmətlәrenen қыскача библиографиясе // Вәлиди Ә.-З. Қыскача төрек-татар тарихы.* – Казан, 1992. – 162–178 б.; *Байкара Тунджер.* Заки Валиди Тоган / сост., пер. на рус., дополнения, указатель Р.М. Булгакова и А.М. Юлдашбаева. – Уфа, 1998. – С. 79–128 («Библиография произведений»). Отметим следующие статьи Заки Валиди: «*Kazan Hanlığının son günleri*» (Стамбул, 1912), «*Kazan Hanlığında Islam Türk kultürü (Kanuni zamanında 1550'de Kazan'dan gonderilen bir rapor)*» (Стамбул, 1966), и монографии: «*Umumi Türk tarihine giriş*» (Стамбул, 1946, т. 1; 1970, т. 1; 1981, т. 1), «*Türklugun mukadderati üzerine*» (Стамбул, 1970; 1977).

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: ТРУДЫ Н.Н. ФИРСОВА И М.Г. ХУДЯКОВА

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. и установление советской власти определили в отечественной историографии развитие нового этапа при господстве марксистско-ленинской методологии. В первое же десятилетие появились работы, в которых делались попытки качественно нового подхода к изучению истории. Прежде всего это нашло отражение в трудах действительного члена АН СССР (с 1929 г.) М.Н. Покровского (1868–1932), выступившего с критикой концепций исторического развития, созданных дореволюционными российскими историками, в первую очередь – представителями «государственной школы». Историософской основой для его работ, как и трудов его последователей, был социологический подход с преувеличенным вниманием («приматом») к социально-экономическим факторам, выступавшими определяющими по отношению к явлениям политического и культурного плана.

Попытка дать общий очерк развития истории России с марксистских позиций привела М.Н. Покровского к необходимости критического пересмотра многих положений дворянских и буржуазных историков. Он, в частности, резко выступил против базовой теории «государственной школы» – «борьбы леса со степью». М.Н. Покровский подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена эта теория – С.М. Соловьёва, Б.Н. Чичерина, В.О. Ключевского и др. Основной вывод, сформулированный им, заключался в том, что борьбы «леса» со «степью» в истории России не было. Возникновение этой теории у целого поколения русских историков он связывал со стремлением «доказать, что государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы», исключить из исторического процесса элементы классовой борьбы, подменив их показом т. н. классовой солидарности, проявившейся в борьбе с внешним врагом. При этом М.Н. Покровский не отрицал факта борьбы восточных славян с кочевыми племенами. Большую роль в его теории играли и вульгарно социологические схемы – теория «торгового капитала» и существования различных «партий» в средневековом обществе – «боярской», «дворянской», «торговой» и т. д. Одновременно, следя за работами В.И. Ульянова-Ленина, учёный развивал взгляд на Россию как на «тюрьму народов», государство, ведшее захватническую колониальную политику. Антиимпериалистический и интернационалистический пафос его работ требовал

пересмотром истории формирования империи и историй народов, в неё входивших. Взгляды М.Н. Покровского оказали огромное влияние на многих российских историков 20–30-х гг. XX в., открыли новое направление в отечественной историографии.

Исследователи, занимавшиеся историей Поволжья, не могли не откликнуться на эти новые тенденции, тем более что многие из них (например, вопросы колонизации Поволжья) были в фокусе их интересов уже довольно давно. В 1921 г. выходит работа Н.Н. Фирсова «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья». Не со всеми выводами автора можно сейчас согласиться, вызывают возражения отдельные датировки, трактовка событий. Помимо вынужденной идеологической предвзятости, присущей работам гуманитарного профиля начала 1920-х гг., причина неточностей кроется в крайней скучности источниковых материалов исследования. Работа Н.Н. Фирсова, к сожалению, в основном базируется на методологических штампах квазимарксистского подхода. В частности, он, давая характеристику социально-экономического строя Казанского ханства, следовал в русле социологизаторских идей и «классового подхода». По сути дела, это было некое введение в новую концепцию истории Поволжья.

Вместе с тем, нельзя не отметить и стремление автора объективно подойти к раскрытию истории татарского народа и отойти от подходов прежней «государственной» школы. В предисловии к своей книге Н.Н. Фирсов пишет о политической подоплёке своей работы в связи с «вопросом о самоопределении народностей и об автономии отдельных частей России»¹. Он отмечает, что «истинное право на автономию политическую может дать лишь прошлое области, её история»². Однако знание истории татарского народа для него не было самоцелью, а являлось лишь необходимым дополнением истории целого, т. е. Советской России. В этой связи Н.Н. Фирсов указывал, что «специальное изучение истории Поволжья тем более необходимо, что эта область имела исключительное значение в процессе создания и развития великорусского государства»³.

Образование Казанского ханства Н.Н. Фирсов считал следствием и результатом распада Золотой Орды, в которой шла внутренняя политическая борьба. Падение авторитета Орды дало, по мнению Н.Н. Фирсова, толчок к развитию самостоятельной жизни в Сред-

¹ Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1921. – С. 3.

² Там же.

³ Там же.

нем Поволжье, на территории «Болгарского царства». Продолжая историографическую традицию, он связывал выдвижение Казани на историческую сцену с разрушением г. Булгара в 1361 г. Он считал, что Старая Казань не сыграла выдающейся роли в жизни Поволжья, т. к. её заслонял своим могуществом г. Булгар, и потому постепенно теряла своё значение. Н.Н. Фирсов, повторяя датировку С.М. Шпилевского, относил основание г. Старая Казань к 1290–1298 гг., а Новой Казани – к 1394–1402 гг. На основе информации «Казанской истории» Н.Н. Фирсов пытался показать «факт преемственности между Волжской Болгарией и Казанским ханством, которое явилось наследником Болгарии в обладании населением и городами обширного края, входившего в его состав»¹. При этом им выдвигалась версия о том, что переход наследия от булгар к татарам начался в период более ранний, чем основание Новой Казани. Он писал, что «процесс ассимиляции высшего болгарского слоя с высшим татарским слоем закончился ещё до разрушения Болгара Булат-Тимуром, значит, – до так называемого "второго зачатия" Казанского царства»². Основателем Казанского ханства во второй раз был «кордынский изгнаник» Улуг-Мухаммед, «истинный восстановитель Булгарского государства»³. Соглашаясь с мнением предшественников о запустении Казани, Н.Н. Фирсов пишет, что в Казань стало собираться разнородное население. Сюда, по его мнению, перекочевал и «булгарский коммерческий класс», который возродил булгарские торговые традиции. Это событие автор относил к 30-м гг. XV в., когда уже существовала Новая Казань. Н.Н. Фирсов тем самым подчёркивал, что Улуг-Мухаммеду пришлось Казань «не основывать, а восстанавливать, организуя разнородное население Волжско-Камского края вокруг этого города»⁴. Учёный приходил к выводу, что «Казанское царство со стороны состава населения было нечем иным, как восстановлением болгарского царства, но только с новой столицей и с новым правительственный слоем, который, будучи татарского происхождения, задолго ещё до этого воспринял болгарскую культуру»⁵.

В книгах «Чтения по истории...» и «Прошлое Татарии» Н.Н. Фирсов подробно останавливается на политическом и социальном строе Казанского ханства. Рассуждая о политическом строе Казанского

¹ Фирсов Н.Н. Чтения по истории... – С. 64.

² Там же.

³ Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии: Краткий научно-популярный исторический очерк. – Казань, 1926. – С. 14.

⁴ Фирсов Н.Н. Чтения по истории... – С. 67.

⁵ Там же. – С. 60.

ханства, учёный подчёркивает, что сюда Улуг-Мухаммед перенёс «военное устройство по образцу Золотой Орды и Крымской»¹.

Падение Казанского ханства Фирсов связывал, в соответствии с теорией торгового капитала, с экономическим упадком развития этого государства. По его мнению, московская колонизация перекрыла торговую артерию на севере и тем самым закрыла доступ к международной торговле для Казанского ханства. Этот момент Н.Н. Фирсов считал ключевым для судьбы Восточной Европы. Московский торговый капитал старался полностью монополизировать в своих руках всю волжскую коммерцию и поэтому начал борьбу с Казанским ханством под лозунгом освобождения русских пленных из мусульманского плена. Казанский же торговый капитал не был однородным по своей сути, т. к. каждая политическая партия преследовала свои экономические интересы. Эта внутренняя борьба в ханстве, по мнению Н.Н. Фирсова, сильно ослабила государство, чем и воспользовались московские правители. На решающей стадии борьбы между двумя торговыми капиталами большую роль в пользу Москвы сыграли два фактора: значительный человеческий ресурс и превосходство в военном деле. «Независимая коммерческая Казань, – подводил итог Н.Н. Фирсов, – перестала существовать, несмотря на то воодушевление, которое сумело вызвать в последнюю минуту в её защитниках мусульманское духовенство: порох и научное умение пользоваться им в международной борьбе оказались сильнее религии»².

Особой вехой в изучении Казанского ханства стал выход в 1923 г. фундаментального труда молодого историка Михаила Георгиевича Худякова (1894–1936)³ «Очерки по истории Казанского ханства». Опубликованный в первые годы советской власти, когда идеологическое давление на науку было не так сильно, как в последующем, но идеи марксизма уже активно внедрялись в историографию, он представлял собой попытку создания новой концептуальной модели изучения этого средневекового татарского государства. Можно сказать, что монография М.Г. Худякова являла собой первое действительно подробное и цельное изложение истории Казанского ханства.

¹ Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии... – С. 19.

² Там же. – С. 23–24.

³ О нём и о его трудах см., например: Байрамова Ф.А. Михаил Худяков и история татарского народа. – Казань, 2003; Её же. Роль М.Г. Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья / Рукопись диссертации на соискание степени к. и. н. – Казань, 2006. В этих же работах указана основная литература о М.Г. Худякове и его исследованиях.

При исследовании истории Казанского ханства М.Г. Худяковым использовалось огромное количество письменных, археологических, фольклорных и этнографических источников. Приоритет отдавался в первую очередь письменным документам. Учёный активно использовал сведения восточных источников – из татарских источников М.Г. Худяковым отмечаются ханские ярлыки и «Изложение булгарской истории» Хисамуддина бин Шарафеддина Муслими, составленное в конце XVIII в. (исследователь считал, что это произведение было написано в середине XVI в.). Среди русских письменных источников им выделяются Воскресенская, Никоновская и II Софийская летописи, «Царственная книга», «История князя великого Московского» А.М. Курбского, среди европейских – «Записки о Московии» С. Герберштейна. «Казанскую историю» он считал «очень ярко написанным литературным произведением, преломляющим исторические события сквозь призму тенденциозной фантазии»¹, автор которого «нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрезные подробности, сочинённые им же самим»². Археологическими источниками, которые активно использовались М.Г. Худяковым, были надгробные плиты, развалины архитектурных сооружений, находки бытовых предметов. Большое внимание М.Г. Худяков уделял и этнографическим источникам, к которым, в частности, относил памятники развития языка, «бытовые понятия», предания, «остатки обычного права», народные обычаи и обряды.

Написанная М.Г. Худяковым книга разрешила не все проблемы истории Казанского ханства, поскольку, как он сам указывал, многое осталось неясным и ему самому. Это было связано как с уровнем исторических знаний того времени, так и со слабо разработанной источниковской базой. Квазимарксистский подход, который разрабатывался школой академика М.Н. Покровского, у М.Г. Худякова принял вид упрощённого социологизма при подходе к сложным общественным проблемам и также привёл к ряду искажений в объяснении событий истории. В частности, им была поддержана и развита мысль Г.И. Перетятковича о существовании в Казанском ханстве двух «политических партий». Одна из этих партий – «московская», по его мнению, старалась приспособиться к давлению со стороны внешних врагов и выработать формы совместного симбиоза, сначала – в виде союза, затем – в виде унии Казанского ханства

¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства [Репринтное воспроизведение издания 1923 г.]. – Казань, 1990. – С. 12.

² Там же. – С. 33.

и Русского государства, другая – «крымская» старалась вести решительную и агрессивную политику по отношению к внешним врагам. М.Г. Худяковым борьба этих двух политических течений внутри Казанского ханства рассматривалась как эволюция политической мысли и рост государственного самосознания¹.

М.Г. Худяков считал, что Казанское ханство, «представлявшее собою крайний северо-западный угол обширного татарского мира»², возникло на основе булгарского населения, но имело своеобразное развитие. Исследователь писал: «сочетание старинного населения с военной организацией государства, принесённой извне, сложный узел экономических отношений, международный товарообмен, рабовладельческое хозяйство и хищническая эксплуатация природных богатств» составили «своеобразный уголок восточный культуры в пределах Европы, заслуживающий большого внимания»³. Основным населением Казанского ханства М.Г. Худяков считал потомков «древних болгар», создавших в Среднем Поволжье могущественную государственную организацию. Причиной переселения булгар из коренных областей проживания на северную сторону р. Камы он считал разрушение и опустошение в 1361 г. г. Булгара и других городов Булгарии ханом Булат-Тимуром. С этим перемещением земледельческого населения М.Г. Худяков связывал появление нового торгового и культурного центра – Казани. Учёный соглашался с выводами татарского историка Г. Ахмарова о том, что потомки булгарского народа продолжали существовать в составе казанских татар. Благодаря этой булгарской основе, писал М.Г. Худяков, «Казанское государство выступило на поприще исторической жизни сразу уже в виде зрелого организма сочно сложившимся бытовым и культурным укладом; оно совершенно не знало стадии постепенного формирования, и это явление может быть объяснено лишь древностью его населения и преемственностью культуры и расы»⁴.

Основателем Казанского ханства М.Г. Худяков считал хана Улуг-Мухаммеда, «внука Тохтамыша и сына Сарайского хана Джеляль-уддина», в 1436 г. лишившегося золотоордынского престола и изгнанного из Саarya. После долгих скитаний по степным районам Поволжья Улуг-Мухаммед, по мнению учёного, решил отторгнуть от Улуса Джучи часть его владений и основать новое

¹ Эта идея была подхвачена позднее некоторыми исследователями и широко развивалась в советской науке.

² Худяков М.Г. Очерки... – С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 21.

ханство. М.Г. Худяков пишет, что целью Улуг-Мухаммеда было «восстановление самостоятельного мусульманского государства в Среднем Поволжье, каким было Болгарское царство»¹. Избрание Улуг-Мухаммедом столицей нового государства г. Казани, а не г. Булгара М.Г. Худяков объясняет экономическим и политическим упадком последнего. Захват Казани и возникновение самостоятельного ханства исследователь относит к 1437 г., вступая при этом в полемику с В.В. Вельяминовым-Зерновым, который относил это событие к 1445 г. и считал основателем ханства сына Улуг-Мухаммеда – Махмутека. Убийство хана Улуг-Мухаммеда Махмутеком М.Г. Худяков считал выдумкой автора «Казанской истории»: «зная приёмы повествования «Казанского Летописца», легко признать в этом сообщении об убийстве Махмудом отца одну из многочисленных выдумок автора»². Сам М.Г. Худяков исчезновение имени Улуг-Мухаммеда со страниц русских летописей объяснял естественной смертью хана, т. к. тот был пожилого возраста.

Как и некоторые другие историки М.Г. Худяков, ссылаясь на данные археологии, считал, что ко времени «занятия» Улуг-Мухаммедом Казань была уже крупным торговым и политическим центром Поволжья. Историк отрицал «намеки русских летописей» о том, что «Улу Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя»³. М.Г. Худяков также считал, что хан Улуг-Мухаммед, утвердившись в Среднем Поволжье, хотел «восстановить господство своё над Россией и заставить Московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не Сарайскому хану»⁴. Учёный писал, что «план основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения, и, задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование»⁵. «Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства, – отмечал М.Г. Худяков, – дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улуг-Мухаммеду»⁶.

¹ Худяков М.Г. Очерки… – С. 24.

² Там же. – С. 32.

³ Там же. – С. 24.

⁴ Там же. – С. 25.

⁵ Там же. – С. 31.

⁶ Там же.

Само Казанское ханство рассматривается М.Г. Худяковым, в противовес предыдущей историографии, не как слаборазвитое, заранее обречённое на крах государственное образование, а как могучее и цивилизованное государство. «Государственный организм, – писал М.Г. Худяков, – возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имел все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу»¹. М.Г. Худяков даже указывал, что Казанское ханство находилось в более устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, в отличие от слабой на начальном этапе своего развития Москвы. При этом исследователь отмечал положительное взаимовлияние татарской и русских культур: «если влияние татарской культуры на русскую не приходится отрицать, то русские историки не могут пройти без внимания мимо истории Казанского ханства, с которым русское государство было связано наиболее тесными узами»².

Далее в своей работе М.Г. Худяков очень детально рассматривает внешние, а также внутренние административные и этнические границы Казанского ханства, его внешнюю и внутреннюю политику (в т. ч. «Эпоху русского протектората. 1487–1521 гг.» и «Эпоху национального возрождения. 1521–1550 гг.»), социально-политическое устройство Казанского государства, культурное влияние татар на Россию, географию г. Казани и зодчество казанских татар.

Падение Казанского ханства М.Г. Худяков связывает с экономическими причинами. «Причина завоевания Казанского ханства со стороны России, – пишет он, – коренилась именно в экономических, торговых сношениях: одно государство стремилось завладеть рынком, товарами и капиталами государства другого, и борьба была решена в пользу той стороны, которая оказалась сильнее»³. Само противостояние русских с казанцами он предлагает рассматривать в русле борьбы за Поволжье, где завоевание Казанского ханства – лишь один из её этапов. По мнению М.Г. Худякова, Казанское ханство не смогло выдержать экономической конкуренции с Русью по нескольким причинам: во-первых, на всём протяжении своего существования Казанское государство занимало одну и ту же территорию, в то время как Русское государство непрерывно расширялось, тем самым увеличивая свой

¹ Худяков М.Г. Очерки... – С. 9.

² Там же. – С. 11.

³ Там же. – С. 240.

производственный потенциал; во-вторых, Москва отрезала Казань от пушного рынка на севере, и теперь сама играла решающую роль в торговле; в-третьих, ослаблению Казанского государства способствовал консервативный олигархический строй, который не развивал в достаточной мере военное дело¹. Причины столь большой разницы в развитии М.Г. Худяков искал в расовых особенностях славянского и татарского населения: «причины застоя могли быть чисто биологическими и объясняться расовыми признаками болгаро-татар»². В то время как «сформировавшаяся народность великороссов развивала свою деятельность весьма интенсивно», население Казанского ханства переживало застой, который был свойственен в то время всему «азиатскому Востоку»³.

Таким образом, мы видим, что содержание «Очерков...» М.Г. Худякова соответствовало духу своего времени, когда шёл процесс активного восстановления татарской культуры и духовности, а в российской гуманитарной науке господствовали интернационалистические, антиимперские подходы к прошлому своей страны. М.Г. Худяков, в отличие от прежних представителей традиционных антитатарских концепций, попытался написать объективную историю Казанского ханства. Хотя сам учёный отмечал, что эта книга написана лишь для привлечения внимания знатоков и специалистов к данному предмету исторических исследований, она остаётся до сих пор во многом непревзойдённой.

Работа М.Г. Худякова получила широкий резонанс в научной среде. В частности, практически сразу же после её выхода была опубликована рецензия, написанная С.И. Порфириевым⁴. Он крайне негативно и тенденциозно оценил «Очерки по истории Казанского ханства», даже не взяв на себя труд «читать книгу г. Худякова целиком...»⁵. Критика сводилась к двум вещам: во-первых, С.И. Порфириев считал необоснованным пренебрежение М.Г. Худякова работами своих предшественников, занимавшихся историей Казанского ханства, во-вторых, он обвинял М.Г. Худякова в том,

¹ Худяков М.Г. Очерки... – С. 243.

² Там же. – С. 244.

³ Там же. Критику этих взглядов М.Г. Худякова см., например: *Хәмидүллин Б. Аерылганны аю ашый // Мәдәни җомга. – 1995. – № 17. – 10 нояб. – 12 б.*; *Хамидүллин Б. Нетрадиционный взгляд на историю Поволжья VIII – первой половины XVI веков // Идель. – 2000. – № 4. – С. 40.*

⁴ Порфириева И.В. С.И. Порфириев и работа М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Краеведческие чтения, посвящённые 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С. 339–347.

⁵ Там же. – С. 343.

что тот очень вольно обращается с данными источниками¹. Если первое замечание, на наш взгляд, было вызвано скорее желанием «осадить» молодого ученого, чем реальным положением дел, то второе являлось отчасти справедливым, т. к. в некоторых местах своей работы М.Г. Худяков действительно давал неверные ссылки на письменные источники, в частности – на летописи.

Отдельно отмечу, что кроме широко известных в настоящее время «Очерков...» М.Г. Худяковым был написан и целый ряд научных статей по различным аспектам истории, археологии и этнографии тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в частности отражающих духовную и хозяйственную жизнь этих народов в рамках Казанского ханства².

К сожалению, уже на рубеже 20–30-х гг. XX в. процесс создания национальных историй был прерван. Истории народов страны постепенно «растворились» в единой «истории СССР». Большинство объективно мыслящих историков было обвинено в «буржуазном национализме» и подвергнуто репрессиям...

ВКЛАД Н.Ф. КАЛИНИНА, Х.Г. ГИМАДИ И Ш.Ф. МУХАМЕДЬЯРОВА В ИЗУЧЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Отечественная историческая наука в советские годы находилась под сильным идеологическим влиянием. Оценка фактов напрямую зависела от того, как они трактовались партийным руководством. Провозглашённая денационализация истории, внедрение вульгарных социологических схем в объяснение событий прошлого, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жёсткий идеологический контроль, отрицание историографического наследия прошлого и зарубежной «буржуазной» историографии, а также уничтожение целой плеяды «контрреволюционных» историков на долгие десятилетия стали непреодолимой преградой на пути написания объективной истории татарского народа. При этом, партийное советское руководство во главе с И.В. Сталиным уже с

¹ Порфириева И.В. С.И. Порфириев и работа М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Краеведческие чтения, посвящённые 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань, 2004. –С.345–346.

² Об этом достаточно содержательно написано в вышеуказанных монографии и кандидатской диссертации Ф.А. Байрамовой. См., например: Байрамова Ф.А. Роль М.Г. Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья / Рукопись диссертации на соискание степени к. и. н. ... – С. 143–156 и др.

середины 30-х гг. XX в. начало поворот к политическому и идеологическому наследию Российской империи, что выразилось, в частности, в возрождении государственнической традиции российской историографии XIX в. в освещении истории Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства, которые стали рассматриваться как ярко враждебные явления в феодальной истории СССР.

В этот период одной из первых попыток создать историю татар были «Очерки по истории ТАССР». Работа над ними началась сразу после открытия в Казани Института языка, литературы и истории в 1939 г. Война и отсутствие профессиональных кадров затормозили работу, но находившиеся в Казани в годы войны эвакуированные учёные-историки из Академии наук СССР активно подключились к ней. К 1944 г. основные материалы «Очерков...» были подготовлены казанскими историками, в частности, Н.Ф. Калининым и Х.Г. Гимади, совместно с учёными из Москвы – А.П. Смирновым, Б.Д. Грековым и С.В. Бахрушиным. В этом сборнике трактовка основных событий татарской истории, по сравнению с трудами 1920-х гг., была кардинально изменена: подчёркивалась булгарская основа этногенеза татарского народа, критиковалась завоевательная политика ханов Золотой Орды, говорилось о неизбежности и прогрессивности «вхождения» Поволжья в состав Руси–России. Однако в 1944 г. это исследование было подвергнуто критике и забраковано. Вскоре после этого появилось знаковое не только для исторической науки, но и для всей гуманитарной сферы Татарии постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г., в котором указывался целый ряд «ошибок» в освещении истории татар и татарской литературы. В частности, это касалось «идеализации» Золотой Орды и популяризации «ханско-феодального» эпоса «Идегей». Эти «ошибки» были охарактеризованы в постановлении как «буржуазно-националистические». Решения ЦК ВКП(б) претворялись в жизнь через постановления Татарского обкома, где прямо говорилось, как надо изучать историю татарского народа. Бюро Обкома считало, что ошибки Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выражаются «в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании её агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идегее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве...»¹.

¹ Измайлова И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1996. – № 3/4. – С. 96–101.

По партийной идеологеме, ставшей господствующей в науке, Золотая Орда была вычеркнута из истории татарского народа, а Казанское ханство своими корнями прямо возводилось к Булгарскому государству. Окончательное завершение и санкцию на «истину в последней инстанции» эта концепция получила на научной конференции, проведённой совместно Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР в апреле 1946 г. На ней были заслушаны доклады и выступления специалистов по истории, археологии, тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили считать современных казанских татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать лишь в качестве внешнего явления для этнической истории татар Поволжья.

На основе вывода, сделанного на конференции, в 1948 г. были подготовлены «Материалы по истории Татарии». В этой работе нет отдельной статьи, посвящённой истории Казанского ханства, но в ней указан проспект готовящейся «Истории Татарской АССР». Раскрывая кратко содержание её первого тома, один из авторов проспекта, Х.Г. Гимади, отмечал, что «авторы исходили из положения, что в формировании казанских татар основное участие принимали местные племена и камские булгары... Монголо-татары рассматриваются как завоеватели, которые, основав военно-феодальное агрессивное государство Золотая Орда, установили своё иго над народами Среднего Поволжья, в т. ч. и булгарами. Казанское ханство рассматривается как государство, возникшее на базе булгарского царства, что стало возможным благодаря распаду Золотой Орды и в первую очередь в результате тех ударов, которые нанесли Орде русские»¹.

Ведущим казанским историком, развивавшим концепцию булгаро-татарской преемственности, был именно Х.Г. Гимади. Он подвергал критике «буржуазно-националистическую» историографию, которая, по его мнению, «идеализировала Золотую Орду, как передовое государство своего времени, а также её деятелей...» и «тем самым пыталась противопоставить казанско-татарскую народность другим народам России, в первую очередь русскому»². При изучении истории татарского народа и Казанского ханства он часто опирался на сведения «Казанской истории» и другие русские летописи. Х.Г. Гимади писал, что на территории распадающейся Золотой Орды складываются совершенно новые, независимые от неё, экономические и политические образования. К одним из таких он относил Казанское ханство, возникшее на территории Волж-

¹ Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. 1. – С. 5–6.

² Там же. – С. 185.

ской Булгарии. Ханство сформировалось с доминированием булгарского населения, которое в большом количестве переселилось в Предкамье и на правобережье Волги. Недаром, по его мнению, Казань получила название «Болгар ал-Джадид / Новый Булгар». Х.Г. Гимади так же, как и А.П. Смирнов, настаивал на мнении о не-желании коренного населения Казанского ханства именовать себя «татарами»¹. А термины «татары» и «татарове» в «Казанской истории» употреблялись якобы только в тех случаях, когда между Казанью и Москвой происходили враждебные столкновения. Тем самым Х.Г. Гимади подчёркивал, что лишь верхушка казанско-ханского общества продолжала золотоордынскую политику и могла соотносить себя с потомками золотоордынских татар. Он писал, что «казанские татары – не пришельцы, а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья», а население Казанского ханства состояло в основном из булгар и продолжало развивать свои прежние хозяйствственные и культурные традиции². Изменение же этнического состава населения и отличие булгар X–XIII вв. от казанских татар XVI и позднейших веков происходили якобы за счёт аборигенов края и «других элементов», включившихся в состав «булгаро-татарского народа». Х.Г. Гимади приходит в своих исследованиях к выводу, что нельзя отождествлять историю золотоордынских татар с историей казанских татар.

Одной из книг, которая давала чёткую установку, как нужно рассматривать историю Казанского ханства, был 1-й том «Истории Татарской АССР», вышедший в 1951 г. Этот коллективный труд вскоре – после 1953 г. – был изъят из пользования вследствие того, что в нём давались ссылки на работы «корифея всех наук» И.В. Сталина. В условиях начавшейся борьбы нового партийного руководства против «культы личности Сталина» такое частое цитирование трудов Сталина считалось «идеологической ошибкой». Исправленный (т. е. не содержащий ссылок на Сталина, а в остальном оставшийся без всяких правок) вариант «Истории Татарской АССР» появился в 1955 г. Он открыл целую эпоху аналогичных изданий (1960, 1968, 1973, 1980). Учитывая время, в которое появилась «История Татарской АССР», нельзя было рассчитывать на объективное обозрение истории Поволжья. Автор главы о Казанском ханстве Н.Ф. Калинин излагал скорее не историю народа и государства, а историю классовой борьбы. Он далее развивал идеи, высказанные ранее им и другими исследователями (в част-

¹ Материалы по истории Татарии... – С. 209.

² Там же. – С. 185.

ности, А.П. Смирновым и Х.Г. Гимади) о происхождении татар и образовании Казанского ханства. Но его отношение к Казанскому государству стало ещё более тенденциозным и отрицательным. Ханство представляется им как дикая и неразвитая орда, со слабой экономикой и агрессивной, но слабой верховной государственной властью. По мнению авторов «Истории...», Казань с самого своего основания была обречена на «присоединение» быстро развивающимся Русским государством. Причём само «присоединение» было показано ими как прогрессивный, поддержанный населением шаг и единственный выход из тупика в развитии для Казанского ханства: «присоединение Казани к Русскому государству имело громадное исторически-прогрессивное значение»¹.

Как мы видим, на смену идеи учёных 1920–1930-х гг. о захвате Казанского ханства как «абсолютном зле», теперь появлялась теория т. н. «меньшего зла», по которой «присоединение» Казанского ханства к Москве якобы спасало народы Среднего Поволжья от «опасности быть поглощёнными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры»². Этим «присоединением» Россия наносила серьезный удар по «захватническим устремлениям Турции, которая намеревалась распространить господство своё на Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию»³.

По мнению авторов «Истории...», события второй половины XIV и начала XV в. привели «древнюю Булгарию» к полному распаду. Большинству населения приходится с коренных обжитых земель переселяться на север – в Предкамье и на северо-запад – в бассейн нижнего течения реки Свияги. Сюда перенесли свою деятельность и феодалы, захватывая земли и подчиняя себе живущее здесь население. Такова идея «Истории Татарской АССР» об образовании в Поволжье новых княжеств «по типу булгарских». Вскоре среди этих княжеств первенствующего положения достигло Иски-Казанское. Оно подчинило себе все другие владения, но в 1399 г. было разгромлено князем Юрием Дмитриевичем. Образование нового политического образования с центром в Казани относится, по мнению авторов, к 30–40-м гг. XV столетия: «на вновь созданной к тому времени экономической базе возрождается местная государственность, разрозненные феодальные княжества

¹ История Татарской АССР (с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1951. – Т. 1. – С. 158.

² Там же.

³ История Татарской АССР (с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1955. – Т. 1. – С. 158.

объединяются в более сильный политический организм – Казанское ханство»¹.

Основной народностью ханства, по мнению авторов «Истории...», являлись казанские татары, которые сформировались из аборигенного населения и пришедших из Приазовья тюркоязычных булгарских и некоторых родственных им племён. Авторами книги указывается на чрезвычайно слабую центральную власть в ханстве и приводится факт того, что «феодалы, командовавшие даже не особенно крупными отрядами и ополчениями, обычно слабо подчинялись хану»². Якобы отсталый строй государства и его слабая экономика сказались на вооружении ханства, что впоследствии в совокупности и привело к событиям 1552 г. Первым казанским ханом в «Истории Татарской АССР» был назван сын Улуг-Мухаммеда Махмутек, который якобы продолжил агрессивную политику своих предшественников-ханов по отношению к Москве. В 1445 г. Махмутек, выдвинутый некоторыми казанскими феодалами, силой захватил Казань и убил местного вотчинника Алибека (Либека). Появление сына Улуг-Мухаммеда в Казани совпало со стремлением значительной части казанских феодалов иметь сильную центральную власть. Однако агрессивная, золотоордынского типа, политика, направленная против русских, разделила феодалов на две большие группировки: восточную и русскую. Эти сложные внутренние противоречия, как считают авторы книги, в конце концов, приводят к «присоединению» Среднего Поволжья к Русскому государству, которое «стало исторической необходимостью»³.

В 1952 г. Н.Ф. Калинин опубликовал книгу по истории Казани, изучению которой он посвятил 40 лет. В ней в очередной раз была доказана преемственность Казани от волжских булгар. В тексте монографии Н.Ф. Калинин прямо указал, что в вопросе этногенеза казанских татар он держится тех данных об их аборигенном происхождении, которые были добыты трудами советских учёных и обсуждены на конференции в 1946 г. Для написания истории Казани в XV и первой половине XVI в. письменными источниками для Н.Ф. Калинина служили русские летописи, особенно Никоновская, «Казанская история», «Царственная книга», а также татарские летописи. Древняя история Казани, в частности возникновение феодального городка на территории современного города, построенного, по мнению историка, местным булгарским князем ещё в XIII в.,

¹ История Татарской АССР (с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1955. – С. 129.

² Там же. – С. 157.

³ Там же. – С. 159.

освещается на основании археологических исследований, проведённых самим Н.Ф. Калининым. Появление на политической карте Казанского ханства он объясняет желанием местного населения во главе с крупными князьями и мурзами создать мощное государство. «В целях обороны и защиты своих феодальных интересов многие мелкие княжества объединяются в одно, во главе которого стал Али-бей», – пишет Н.Ф. Калинин. Таким образом, учёный считал, что Казанское ханство образовалось ещё до прихода ордынских ханов, и что оно было мощным государством. Само завоевание Казани ордынцами Н.Ф. Калинин относит к 1445 г. и приписывает его Махмутеку, сыну Улуг-Мухаммеда. Эта золотоордынская династия была угодна «той группе местных феодалов, которая строила своё хозяйство на подневольном труде пленников»¹. С этой группой Н.Ф. Калинин связывал агрессивную политику Казани против Руси, отмечая, что «большинство населения было против грабительских войн и стремилось к сближению с русскими»².

В русле этих тенденций освещения истории татарского народа в 1953 г. выходит 2-томная книга «Очерки истории СССР» под редакцией Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина и В.Т. Пашуто, где содержался раздел об истории Казанского ханства. В нём были повторены основные выводы названных выше советских историков. Авторы «Очерков...» также связывают процесс этногенеза казанских татар со значительным воздействием на него местного булгарского населения. Информация о государственном устройстве Казанского ханства полностью списана из «Истории Татарской АССР». Однако есть и некоторые интересные моменты. Образование Казанского ханства напрямую увязывается, во-первых, с упадком Золотой Орды, во-вторых, с именем золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда³. Но при этом прерогативу захвата Казани авторы «Очерков...» отдают Махмутеку, которого поддержала часть местного населения, желавшая усиления центральной власти. По мнению исследователей, агрессивная политика казанских ханов против Русского государства за преобладание в Среднем Поволжье с самого начала была обречена на провал. Причину этого они видели в междуусобицах среди казанских феодалов: «в то время как в русских землях шёл процесс государственной централизации, в Казанском ханстве не было достигнуто политическое единство»⁴,

¹ Калинин Н.Ф. Казань: Исторический очерк. – Казань, 1952. – С. 27.

² Там же.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. I. IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. – М, 1953. – С. 427.

⁴ Там же. – С. 433.

эти внутренние усобицы и династическую борьбу в ханстве умело использовало Русское государство.

Интересную трактовку истории возникновения Казанского ханства мы можем прочесть в «Большой советской энциклопедии» 1953 г. издания. Здесь начало самостоятельного Казанского ханства также относится к 1445 г. в связи с захватом Казани ханом Махмутеком. Это, по мнению автора статьи, привело к покорению и в дальнейшем к ассимиляции волжских булгар пришлыми татаро-монгольскими завоевателями¹. Казанское ханство здесь рассматривалось как продолжатель традиционной золотоордынской политики и большая опасность для Русского государства. Тем самым оправдывался захват Казани в 1552 г.².

Подобная однобокая трактовка этногенеза и этнической истории татарского народа стала нормой советской историко-этнографической науки, а ключевые этапы формирования и развития государственности Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств Поволжья, включая Казанское ханство, долгое время освещались под углом зрения булгарской теории. В научном плане данные исследования ныне могут представлять лишь историографический интерес. Труды, выпущенные по заранее указанной схеме, под которую, как под «прокрустово ложе», подгонялся фактологический материал, просто не могли выдержать испытания временем. Прямо связанные с идеологическим диктатом и запретами на изучение огромного пласта истории, они «рухнули», когда рухнули указанные идеологические скрепы. Кроме традиционных для российской имперской историографии в них были ещё и новации, например, тезис о «прогрессивном» характере завоевания Поволжья для самих татар и других народов края. До таких теоретических изысков не могла додуматься даже православная историография и имперские историки XIX в. – и её всецело можно отнести к «зияющим высотам» советской исторической мысли…

В историческом плане указанные выше советские исследователи не смогли ни высказать оригинальных концепций средневековой истории татар, ни привлечь к рассмотрению истории Казанского ханства новые источники. В их трудах практически весь текст – идеологические клише и схемы. Пожалуй, главное их достоинство в том, что они были, а это яркая демонстрация того, что не все стра-

¹ Большая советская энциклопедия / 2-е изд.; гл. ред. Б.А. Введенский. – М., 1953. – Т. 19. – С. 310–311.

² Ср.: Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

ницы истории татарского народа можно вычеркнуть из прошлого и заставить забыть о них.

Своеобразным «лучом света в тёмном царстве» в отечественной историографии истории Казанского ханства 1950-х гг. явилась диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук Шамиля Фатыховича Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)»¹, написанная в 1950 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР М.Н. Тихомирова. Эта работа, хотя и отражала многие тенденции развития советской исторической науки 1950-х гг., однако явилась серьёзным шагом вперёд на пути объективного изучения истории Казанского государства. Не останавливаясь на «отпечатках времени» в тексте диссертации, отметим наиболее оригинальные её положения.

В своём исследовании Ш.Ф. Мухамедьяров использовал широкий круг доступных ему источников. Все разнообразие их анализируется автором в первой главе диссертации², где отмечается «отсутствие единого компактного фонда источников, на основании которых можно было бы поставить и осветить вопросы социально-экономической истории Казанского ханства». Это обстоятельство обусловило привлечение автором разнообразных по своему характеру и происхождению источников как на русском, так и на восточных и западноевропейских языках. Из всей совокупности источников, привлечённых к исследованию, Ш.Ф. Мухамедьяров на первый план ставит следующие: 1) ярлык хана Сахиб-Гирея; 2) татарские завещания; 3) казанско-татарскую эпиграфику; 4) труды Хисамуддина Муслими и Кадыр Али-бека; 5) поэмы Мухаммедьяра; 6) фольклорные материалы; 7–8) русские летописи; 9) «Историю...» А.М. Курбского; 10) сборники исторических и юридических актов; 11) неопубликованные русские источники из фондов Центрального государственного

¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Рукопись дисс. ... к. и. н. – М., 1950. – 381 с.; *Его же*. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исхаков, А.А. Бурханов. – Казань, 2012. – 276 с.; *Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование*. – Казань, 2002. – С. 67–88; *Его же*. По следам Михаила Худякова (“забытый” труд середины XX столетия по истории Казанского ханства) // *Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры*. – Казань–Зеленодольск, 2003. – С. 213–234.

² Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Рукопись дисс. ... к. и. н. – М., 1950. – С. 8–53.

архива древних актов; 12) «Записки...» С. Герберштейна. В диссертации, как пишет автор, кроме указанных источников, эпизодически привлекались данные археологии, этнографии и лингвистики. Ш.Ф. Мухамедьяровым было отмечено, что «возможность использования археологических источников была чрезвычайно ограничена, т. к. археологическое изучение Татарстана в дореволюционный период и достижения советской археологии..., имеющие важное значение для понимания истории Татарстана в древний период и раннее средневековье, прямого отношения к интересующему нас Казанскому ханству не имеют». Таким образом, мы видим, что диссертация строится на базе привлечения самых разнообразных источников, не позволивших, однако, её автору «полностью разрешить проблемы феодального прошлого Казанского ханства».

Далее диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова разделена на несколько глав, основное содержание которых полностью отражено в заглавии глав и параграфов: Гл. 2. Хозяйство Казанского ханства (§ 1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства; § 2. Свидетельства источников о развитии земледелия в Волго-Камском крае в XV–XVI вв.; § 3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве; § 4. Основные сельскохозяйственные орудия; § 5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство); Гл. 3. Феодальное землевладение (§ 1. Предварительные замечания; § 2. Ханское землевладение; § 3. Крупное феодальное землевладение; § 4. Сойюргал – основной вид феодального землевладения в Казанском ханстве); Гл. 4. Положение крестьянства (§ 1. Вопрос о крепостном праве; § 2. Крестьянское землевладение; § 3. Общий перечень податей и повинностей крестьян); Гл. 5. Ремесло и торговля в Казанском ханстве (§ 1. Вопрос о татарском феодальном городе; § 2. Город Казань; § 3. Внутренняя торговля; § 4. Внешняя торговля; § 5. Ремесло); Гл. 6. Государственный строй Казанского ханства (§ 1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии; § 2. Образование Казанского ханства; § 3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев; § 4. Высшие органы власти; § 5. Высшие органы управления; § 6. Местные органы власти; § 7. Местные органы управления).

Как мы видим, диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова носит комплексный характер, в ней затронуты многие проблемы политической и социально-экономической истории Казанского государства. На наш взгляд, рассматривая эту работу, в первую очередь необходимо обратить внимание на шестую главу. По мнению автора диссертации, после монгольского завоевания 1236 г. Волжская Бул-

гария вошла в состав Золотой Орды, «сохранив некоторые элементы автономии». В это время она была феодально-раздробленной и состояла из нескольких княжеств, наиболее крупными из которых были Булгарское, Жукотинское и Иски Казанское. Упадок Золотой Орды приводит к отделению от этого государства целых улусов, «процессу объединения феодально-раздробленных княжеств Волжско-Камского края» и отделению Булгарии от Золотой Орды. «В 1407 году, – пишет Ш.Ф. Мухамедьяров, – Казань, по-видимому, [уже] была независимой от Золотой Орды», о чём свидетельствует информация И. Шильбергера, русских летописей и ряда монет, чеканенных в Болгаре ал-Джадид. В это время население центральных улусов Золотой Орды, пытаясь избежать бесконечных разорений от внутренних феодальных междоусобиц и внешних вторжений, перекочёвывает на окраины Золотой Орды: в Булгарию, Крым, Сибирь и т. д. «Связь между [пришедшим в запустение] центром Золотой Орды и окраинами постепенно прерывается, и на окраинах складываются самостоятельные государственные образования, способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанских татар, ногайцев и др.)». По мнению автора диссертации, не имеет решающего значения – кем было основано Казанское ханство – Улуг-Мухаммедом в 1437–1438 гг. или Махмутеком в 1445 г. Важно, что «в условиях постоянных феодальных войн и нападений соседей установление более сильной власти, чем та, которая была до первых казанских ханов, должно было положительно повлиять как на экономику страны, так и на положение населения». Ханы нашли здесь поддержку среди «части местного населения», видевшего в их приходе усиление центральной власти и ослабление постоянных междоусобиц. «Попытку изобразить возникновение Казанского ханства исключительно как результат завоевания народностей Волжско-Камского края вооружёнными отрядами золотоордынских татар следует признать ошибочной», – заключает автор.

Анализируя высшие органы власти Казанского ханства, Ш.Ф. Мухамедьяров отмечает, что Казанское государство являлось слабо централизованной феодальной монархией, во главе его стоял хан – первый феодал-землевладелец в стране, повседневная деятельность которого «контролировалась и направлялась верхушкой феодального класса». Далее он рассматривает совет при хане – диван, который состоял из «приближённых ко двору представителей феодальной знати и высшего мусульманского духовенства». Главными членами дивана были представители «четырёх известных татарских фамилий: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак», носившие специальное название «карачи» (букв. «смотритель», русское

«князь князей»). Вся территория Казанского ханства в административном отношении делилась на несколько «дорог» – Ногайскую, Арскую, Алатскую, Зюрейскую и Галичскую, о чём свидетельствуют материалы ЦГАДА (ф. 1209, кн. 152, 642) и др.; эти дороги в свою очередь делились на улусы («вилаяты», области), во главе которых стояли наместники центрального правительства (дивана и караби-беков?) – «хакимы», о чём свидетельствуют тексты ярлыка Сахиб-Гирея (строки 2, 4, 5) и «Казанской истории». Для обсуждения наиболее важных государственных вопросов собирался съезд казанских феодалов – «курултай», называвшийся в русских источниках «вся земля Казанская». Это было «собрание казанских феодалов (светских и духовных), с участием представителей князей и старейшин, входивших в Казанское ханство племён и народностей». Здесь Ш.Ф. Мухамедьяров резко критикует М.Г. Худякова за то, что он называл курултай «единственным выражителем народной воли», что, по мнению диссертанта, «является грубым извращением природы политической надстройки в классовом обществе».

Характерной чертой центральной татарской администрации, пишет Ш.Ф. Мухамедьяров, являлось тесное переплетение публичных и частных функций должностных лиц: не было чёткого различия высших органов государственного управления от органов управления частными делами хана. Далее он даёт анализ дворцовых чинов в Казанском ханстве: главы финансового ведомства, дворецкого (ведавшего ханским хозяйством), конюшего, ловчего (ведавшего ханской охотой), окружничего (ведавшего ханским арсеналом?), «хлебокормля» (ведавшего ханской кухней), аталаика (воспитателя ханских детей), пишет о ханской канцелярии и т. д.

Какие же выводы делает Ш.Ф. Мухамедьяров в заключение своей диссертации? По его мнению, изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Земледелие было главным занятием жителей, основой феодального способа производства. При этом земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских булгар. Основными земледельческими районами государства были Заказанье и Горная сторона. Земля являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп: феодалов и крестьян. Верхушку феодальной знати составляли эмиры (беки, князья). Вторую категорию феодалов составляли мурзы – дети эми-

ров. Третью категорию составляли огланы – служилые феодалы-военачальники. Самой низшей категорией феодалов были казаки. Особую влиятельную группу феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Типичной формой поземельных отношений в ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод – сойюргал – вотчина). Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землёй. Неоднократные вооружённые восстания крестьянского населения (1496, 1546, 1551 гг. и др.) против казанских ханов и их феодалов, пишет далее Ш.Ф. Мухамедьяров, наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе.

Таким образом, мы видим, что при всех объективных и субъективных факторах, сопутствующих исследовательской работе Ш.Ф. Мухамедьярова, он смог относительно полно и адекватно изложить накопленный им материал и доказать, что «государственное образование народов Среднего Поволжья» Казанское ханство представляло собою достаточно развитое феодальное государство. Свои основные положения о политическом и социально-экономическом развитии Казанского ханства Ш.Ф. Мухамедьяров развил в последующие годы во многих своих публикациях по истории Казанского ханства, обратив позднее пристальное внимание этногенезу и этнической истории татарского народа, культуре Казанского ханства, а также событиям 1552 г. Можно, например, особо отметить написанные им разделы о народах Поволжья и Приуралья в «Очерках истории СССР»¹, брошюру «Земельные правоотношения в Казанском ханстве»², статьи «К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках»³, «К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве»⁴, «Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года»⁵,

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. I. IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. – М., 1953. – С. 717–734; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. II. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. – М., 1953. – С. 423–442, 660–682.

² Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. – Казань, 1958. – 27 с.

³ Мухамедьяров Ш.Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1959. – С. 89–122.

⁴ Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Учёные записки КГУ. – Казань, 1962. – Т. 122. – Кн. 2. – С. 143–161.

⁵ Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. – М., 1967. – С. 104–109.

«Казанское ханство»¹, «Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья»², «Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья»³ и «Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья»⁴. Этногенез и этническая история татар рассмотрены Ш.Ф. Мухамедьяровым во многих его статьях (часто – в соавторстве с Р.Г. Кузеевым), но в определённой степени базовой является его статья «Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности»⁵, где проанализированы три основные теории происхождения татар, периодом формирования татарской народности назван конец XIV – середина XVI в., исследовано функционирование этнонима «татары» и т. д. Здесь учёный пишет: «Казанские татары не являются прямыми потомками ни татаро-монгольских завоевателей, ни волжских болгар и сформировались как народность в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате этнического смешения местных и пришлых племён, когда в период Казанского ханства складываются необходимые условия для завершения этнической консолидации, значительно усиливаются территориальные связи, развивается языковая общность, элементы экономической связи и укрепляется национальное самосознание новой этнической общности. Образование Казанского ханства во второй четверти XV в. политически оформляет этническую территорию татарской народности, а само это феодальное государство предстаёт перед нами как национальное государство казанских татар»⁶. Целостный взгляд Ш.Ф. Мухамедьярова на этногенез казанских татар и историю Казанского ханства обозначен в одной из самых последних его ра-

¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // История Татарской АССР с древнейших времён до наших дней. – Казань, 1968. – С. 68–100.

² Мухамедьяров Ш.Ф. Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья // Central Asiatic Journal. – Wiessbaden, 1973. – Vol. 17. – № 2–4. – С. 200–211.

³ Мухамедьяров Ш.Ф. Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Altaica. Proceedinen of the 19th annual meeting of the PIAC. Held in Helsinki, 7–11 June 1976. – Helsinki, 1977. – С. 181–188.

⁴ Мухамедьяров Ш.Ф. Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья // Congressus quartus internationafis fennno-ugristanum. – Budapest, 1983. – С. 16–23.

⁵ Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. – Tokio, 1968. – В. 2. – С. 53–56.

⁶ Там же. – С. 54.

бот во 2-м томе «Очерков истории распространения исламской цивилизации»¹.

О завоевании Казани Иваном IV в концептуальной интерпретации Ш.Ф. Мухамедьярова (соавтор – Б.Л. Хамидуллин) написано в статьях «Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе)»² и «“Казанское взятие”: взгляд из XXI века»³.

В заключение хотелось бы отметить, что все вышеуказанные работы историка внесли существенный вклад в исследование этнополитической и социально-экономической истории татар Поволжья XV–XVI вв. Учёный в своих трудах одним из первых попытался выйти за рамки предвзятой и конъюнктурной советской историографической традиции в отражении истории татарского народа в целом и Казанского ханства в частности. Высказанные им идеи и взгляды нашли дальнейшее продолжение в монографических трудах и обобщающих энциклопедических статьях современных историков, изучающих историю Казанского ханства⁴. А сам Ш.Ф. Мухамедьяров как личность, безусловно, останется ярким маяком для нашей научной молодёжи, что правильно было подмечено моими старшими коллегами⁵.

¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 144–151.

² Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения: Материалы научной конференции 2002 г. – Казань, 2003. – С. 263–290.

³ Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. “Казанское взятие”: взгляд из XXI века // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 31–40.

⁴ См., например: Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанцы нынегу һәм Казан ханлыгы тарихы. – Казан, 2005. – 184 б.; Исхаков Д.М., Измайлова И.Л. Введение в историю Казанского ханства: Очерки. – Казань, 2005. – 116 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – 288 с.

⁵ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исхаков, А.А. Бурханов. – Казань, 2012. – С. 5–11; Галлям Р.Г. Непревзойдённый труд по социально-экономической истории Казанского ханства [рецензия на: Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012] // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. – С. 222–225.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА 1960–1980-Х ГГ.: С.Х. АЛИШЕВ И ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В Российской империи история Казанского ханства в русскоязычной литературе освещалась, как правило, лишь попутно – в связи с изложением тех или иных аспектов истории Руси–России. К сожалению, картина, в сущности, не изменилась и в многочисленных «Историях СССР», где всестороннее объективное осмысление прошлого всех этносов многонациональной страны подменялось фактически изложением истории становления и развития лишь одного народа. В это время анализ истории Казанского ханства, с которым напрямую связаны этногенез и этнополитическое развитие ряда народов полиэтничного поволжско-приуральского региона, не выходил также и за пределы вспомогательных глав и параграфов официальной истории автономных республик СССР, таких как Татарская АССР. Согласно доминирующей тогда концепции, «подлинная история» народов начиналась лишь с 1917 г. В подобной ситуации изложение истории целого государства, просуществовавшего более 100 лет и оставившего неизгладимый след в судьбах татарского, башкирского, марийского, мордовского, удмуртского, чувашского и иных народов, носило ярко выраженный субъективный характер.

В конце 1950-х – 1970-е гг. в советской историографии всё больше утверждается тезис о положительных результатах «вхождения» народов Среднего Поволжья с состав России. В работах историков того периода всё чаще можно было прочитать о якобы имевших место «опасности турецкого порабощения народов Среднего Поволжья» и потому «добровольном присоединении их к России»¹. Утверждение о безусловной прогрессивности создания многонационального Российского государства для борьбы с внешними врагами привело к тому, что отрицательные стороны «присоединения» практически не рассматривались. На этот историографический субъективизм в 1990 г. в монографии «Исторические судьбы народов Среднего

¹ См., например: *Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Материалы по истории Чувашской АССР.* – Чебоксары, 1958. – С. 104–128; [Грефилов Г.Н., Садаков М.А.] 400 лет вместе с русским народом. – Ижевск, 1958. – 104 с.; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960. – 198 с.; Сафаргалиев М.Г. Присоединение мордвы к русскому централизованному государству // Труды НИИ Мордовской АССР. – Саранск, 1964. – Вып. 27. – С. 3–25; Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия: О присоединении Марийского края к Русскому государству. – Йошкар-Ола, 1967. – 130 с.; *Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков.* – М., 1973. – С. 91–115; 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. – Чебоксары, 1977. – 160 с.

Поволжья» конкретно указал выдающийся татарский историк Салям Хатыпович Алишев¹. Историки автономных республик Поволжья, в соответствии с партийно-правительственными постановлениями, стали большее внимание обращать изучению исторического развития народов после «присоединения» и всесторонне освещать только лишь положительное значение их «вхождения» в состав России. На многолюдных торжествах и научных конференциях, проводившихся в честь то одного, то другого «добровольного присоединения», стало модно говорить о «великой дружбе народов» (имевшиеся и имеющиеся реальные факты дружбы народов мы не отрицаем, но ведь не надо забывать и противоположные примеры истории). Например, авторитетный чuvашский историк Василий Димитриевич Димитриев писал о высокой политической сознательности чuvашских крестьян периода Казанского ханства, которые якобы добровольно посыпали в Москву своих делегатов просить, чтобы их приняли в подданство, а позже установили военно-политический союз с московским правительством и добровольно шли воевать за русских феодалов в Прибалтику.

В его трудах достаточно давно подчёркивался тезис, что чuvаши добровольно присоединились к Российскому государству. В существовании Казанского ханства он видел лишь препятствие на пути этого процесса. В целом В.Д. Димитриев очень эпизодически останавливался на проблемах развития Казанского ханства (основной упор делая на историю собственно чuvашей данного периода). Он, так же как и многие историки до него, писал о том, что общественно-политический и социально-экономический строй ханства не особенно отличался от золотоордынского. Он интерпретировал летописный термин «худые болгары» в соответствии со своей концепцией, считая, что казанский летописец под ними имел в виду чuvашей. На этом и ещё ряде других подобных догадок учёный делал вывод, что на этой земле испокон веков жили марицы, удмурты и чuvashi, и только после образования в 1438 г. Улуг-Мухаммедом Казанского ханства здесь появились татары. Говоря о социально-политическом устройстве Казанского ханства, В.Д. Димитриев писал о том, что из татар существовала правящая элита, военачальники, духовенство, средний и мелкий служилые люди². Характеризуя внутренний строй Казанского государства, В.Д. Димитриев указывал, что он

¹ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XV – начало XIX в. – М., 1990. – С. 14–15.

² Димитриев В.Д. Правда о предпосылках и процессе мирного, по чelобитью, присоединения Чuvашии к России // Известия Национальной Академии наук и искусств Чuvашской республики. – 2001. – № 1. – С. 25.

был военно-феодальным: вся политическая власть в стране принадлежала хану, а диван выполнял совещательные функции. В диван входили все крупные феодалы, среди которых были четыре главных, называемых «карачи». Феодальную иерархическую лестницу ханства В.Д. Димитриев представлял так: «верхнюю ступень занимали эмиры, за ними – бики (князья), затем – мурзы и уланы и лишь потом следовали сотные, пятидесятные и десятные князья нетатарских народов ханства. Многочисленную группу военнослужилых людей составляли служилые татары – казаки»¹. В вопросе внутреннего устройства Казанского ханства учёный следовал за М.Г. Худяковым. Единственной инновацией стало то, что он отдельно выделяет князей и ясачный люд нетатарского происхождения в отдельную группу населения. Вся татарская элита, по мнению историка, жестоко эксплуатировала и угнетала местное нетатарское население, которое, по его мнению, было «совершенно бесправно»². К этому добавлялся ещё и религиозный гнёт, поскольку, по его мнению, татарские феодалы насильственно насаждали среди подчинённых народов ислам, что вызывало многочисленные восстания. В вопросе социально-экономических отношений в Казанском ханстве В.Д. Димитриев повторял основные положения работ Ш.Ф. Мухамедьярова о земельных отношениях в Казанском ханстве. Падение Казанского ханства исследователь воспринимал как освобождение местных народов, в частности чувашей, от жестокой зависимости от татарских феодалов и начало процветания этих народов в составе Российского государства. Все эти выводы В.Д. Димитриев продолжал постулировать вплоть до последних дней своей жизни, о чём свидетельствуют, в частности, работы его аспирантов³.

Геннадий Николаевич Айплатов в книге о присоединении Марийского края к России также следовал традиционным для советской историографии штампам. Значение его он видел в спасении от турецкого порабощения: «турецкие янычары, рвавшиеся к мировому господству, стремились объединить под властью султана все земли, где жили мусульмане и зависимые от них народы, и отуречить их»⁴. Казанское ханство рассматривалось им как «непрочное

¹ Димитриев В.Д. Правда о предпосылках... – С. 27.

² Там же. – С. 30.

³ См., например: Петрова О.Н. Средневолжские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства / Автореф. дисс. ... к. и. н. – Чебоксары, 2004. – 26 с. Здесь уже на с. 4–5 говорится о «грабительских набегах татарских феодалов», «пришлых казанских татарах», «насильственной исламизации» и т. д.

⁴ Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия (о присоединении Марийского края к Русскому государству). – Йошкар-Ола, 1967. – С. 21.

государственное объединение с сильно выраженной захватнической внешней политикой»¹. По мнению историка, по отношению к Руси оно продолжало политику Золотой Орды. Татарские феодалы совершали постоянные набеги на русские земли с целью захвата пленных и грабежа. Г.Н. Айплатов пытался представить Казанское ханство как зависимое от Турции государство, совершенно не имеющее своей собственной внешнеполитической позиции. Турция, по его словам, использовала ханство «в качестве орудия для осуществления захватнических целей по отношению к России»². Народы же, подвластные Казанскому ханству (марийцы, чуваши, мордва, удмурты, башкиры), подвергались неимоверному феодальному гнёту. Г.Н. Айплатов считал, что эти народы издавна тяготели к сближению с Россией и даже неоднократно изъявляли желание перейти в русское подданство. «Трудовое население Казанского ханства, – писал Г.Н. Айплатов, – стояло тогда перед выбором – быть поглощённым и порабощённым отсталой Турцией или же принять подданство Русского государства, имевшего более прогрессивную экономику, более передовую культуру и более могущественную государственную власть, способную обеспечить внутреннее спокойствие и внешнюю безопасность для народов Поволжья...»³. На основании каких данных историк делал этот вывод, непонятно. Поэтому захват Казанского ханства он считал вынужденной и закономерной мерой, благодаря которой турецким амбициям был нанесён серьёзный удар, а Русское государство сумело обезопасить свои восточные границы. Историк отводил важную роль в захвате Казани местному ясачному населению, которое, по его мнению, поддержало русские войска и отказалось помогать татарам⁴.

Таким образом, В.Д. Димитриев и Г.Н. Айплатов рассматривали Казанское ханство как внешнее негативное явление для народов Поволжья и не останавливались подробно на его внутреннем устройстве и хронологии внешнеполитической жизни. То есть история Казанского ханства в трудах многих советских историков освещалась с позиций ещё дореволюционных историков, которые представляли Казанское ханство как неразвитое и даже дикое государство. Постулировалась парадоксальная идея, что якобы ни один народ необъятной России не был завоёван, все они добровольно вошли в состав Русского государства, видя тупиковость и регрессивность развития

¹ Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия... – С. 7.

² Там же. – С. 17.

³ Там же. – С. 33.

⁴ Там же. – С. 63–64.

собственных политических организмов (до этого почему-то нормально развивавшихся в течение многих столетий). Хотелось бы отметить, что идеи о «турецкой опасности», «добровольном вхождении» существенно тормозили и изучение внутренней социально-экономической и духовной истории Руси–России, русского народа, т. к. не отвечали на вопрос: а зачем нужны были московским правителям завоевания обширных просторов Евразии?¹

Определённой оригинальностью мысли в названный период отличался очень узкий круг учёных. В качестве одного из них можно назвать Магамета Гарифовича Сафаргалиева, который в статье 1964 г. «Присоединение мордвы к русскому централизованному государству» поставил под сомнение тезис о «турецкой опасности». В 1970 г. в стенах Института языка, литературы и истории Казанского научного центра Академии наук СССР С.Х. Алишев обратил внимание на тенденциозность трактовки завоевания 1552 г. как чуть ли не «добровольного присоединения»². Он указал, что объяснение причин и последствий завоевания народов Поволжья вращается вокруг трёх принципиальных позиций: 1) присоединение было добровольным; 2) присоединенные народы были отсталыми; 3) присоединение было прогрессивным. Попытка преодолеть пресс советско-имперской идеологии и конкретные исторические факты, в эту схему явно не укладывающиеся, привели его в середине 1970-х гг. к формулировке концепции, близкой к тезисам 1950-х гг.: с одной стороны, «добровольного присоединения» явно не было и война за независимость Казанского ханства была справедливой, а с другой – «по конечным результатам» присоединение Поволжья «имело прогрессивное значение». К 1978 г. учёный подготовил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук по теме «Присоединение Среднего Поволжья к Русскому государству». Её разделами были: «Возникновение и развитие Казанского феодального государства», «Протекторат Московского великого княжества над Казанским царством», «Русское государство в первой половине XVI века», «Завоевание Казани», «Народы Поволжья в составе Русского государства», «Присоединение Среднего Поволжья в состав Русского государства и его историческое значение». В этой диссертации

¹ Ответ на этот вопрос отчасти кроется в трудах современных российских историков, см., например: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М., 2001. – 480 с.

² Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения русского государства в многонациональное // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. – Казань, 1971. – С. 76–78; Его же. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. – Казань, 1975. – С. 173–182.

Казанское ханство аргументировано представлялось автором как исторический преемник Волжской Булгарии, её этнокультурный и социально-политический наследник, а Русское государство – как инициатор московско-казанских войн, целенаправленно стремившийся завладеть Средним Поволжьем ради экономических выгод. Отмечу, что в советскую эпоху такая позиция С.Х. Алишева по проблеме завоевания Казани была крайней степенью свободомыслия¹, и это, безусловно, отразилось на его научной карьере (докторская диссертация, сильно урезанная в плане освещения истории Казанского ханства и «усиленная» разделом «Предпосылки и начало мирного вхождения народов края в состав России», была издана в Москве и успешно защищена лишь в 1990 г.)...

Также одним из немногих историков, кто в эти годы продолжил объективное изучение истории Казанского ханства, был и Шамиль Фатыхович Мухамедьяров. В 1960-е гг. им была написана глава по истории Казанского ханства в «Истории Татарской АССР» 1968 г. издания и ещё целый ряд специальных работ. Хотя указанная его статья в «Истории Татарской АССР» в основном и продолжает концепцию и трактовку предыдущей «Истории Татарской АССР» 1951 г. издания, он расходился с ней по некоторым принципиальным позициям. Так, он утверждал, что Казанское ханство являлось вполне сложившимся и развитым феодальным государством, «национальным государством казанских татар». Ш.Ф. Мухамедьяров писал о возникновении Казанского ханства ещё до прихода золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда в Поволжье. По его мнению, становление Казанского ханства, наряду с Русским и Польско-Литовским государствами, проходило в ходе упорной борьбы с Золотой Ордой в XIV–XV вв. Исследователем, так же как в предшествующей историографии, было отмечено запустение значительной части территории Волжской Булгарии, связанное с разбойниччьими походами золотоордынских ханов на Булгарию, которое вызвало перемещение местного населения в районы рек Мёши, Казанки и низовья реки Свияги. С этого времени, по мысли Ш.Ф. Мухамедьярова, началось возвышение Казанского ханства и его столицы Старой Казани, сохранивших экономическую и политическую преемственность от

¹ См. также тезисы его доклада 1972 г., где мысль о высоком культурно-экономическом развитии Казанского ханства выражена автором в завуалированной форме: «Казанское ханство есть продолжение Булгарского царства в социально-экономическом, культурном и политическом отношениях» (Алишев С.Х. Образование Казанского феодального государства // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 г. – Казань, 1973. – С. 127), ведь, как мы знаем, советская наука признавала прогрессивное развитие Волжской Булгарии.

Волжской Булгарии и города Булгара. Эта преемственность отражалась в материальной и духовной культурах, а также в этническом составе населения, которое «в коренной своей части представляло потомков населения Волжской Булгарии»¹. Но при этом Ш.Ф. Мухамедьяров всё же указывал, что «Казанское ханство постепенно становится новым государственным образованием»². Во главе ханства на рубеже XIV–XV вв. находилась местная булгарская феодальная знать. Вскоре этот экономически развитый и политически стратегический регион стал привлекать к себе внимание ордынских ханов, среди которых особенно выделялся Улуг-Мухаммед. Осенью 1445 г. он захватил Казань и убил местного правителя Алим-Бека.

Ш.Ф. Мухамедьяров, ссылаясь на письменные источники, писал, что на территории Казанского ханства «проживали чуваши, мари, вотяки, предки современных удмуртов и казанские татары»³. Казанские татары, которые составляли основное население ханства, по мнению Ш.Ф. Мухамедьярова, сложились на базе тюркоязычного населения Волжской Булгарии. 3-тысячный же отряд Улуг-Мухаммеда не оказал заметного влияния на этническую ситуацию в регионе, т. к. быстро растворился в местной этнической среде.

Ш.Ф. Мухамедьяров видел во внешней и внутренней политике Казанского ханства, в частности в его взаимоотношениях с Русью и местными народами Волго-Камья, продолжение золотоординской политики. Феодальная верхушка Казанского ханства «стремилась, — писал историк, — навязать народу края название, свойственное для населения Золотой Орды, «татары». Коренное население страны сопротивлялось этому чуждому для него имени и предпочитало себя называть булгарами и казанцами»⁴. Ш.Ф. Мухамедьяров, в чём-то продолжая мысль М.Г. Худякова, также отмечал, что целью Улуг-Мухаммеда было восстановление господства Золотой Орды над Русью.

В целом можно констатировать, что в 1960–1970-е гг. произошло оживление изучения истории средневекового прошлого Поволжья и Казанского ханства, как её ключевого звена. Наряду с традиционными трудами, продолжавшими развивать прежние советские концепции, трактовавшими историю этого государства с негативных позиций, происходило и становление той советской историографии (в большей степени – татарской), которая стреми-

¹ История Татарской АССР (с древнейших времён до наших дней). – Казань, 1968. – С. 69.

² Там же. – С. 68.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же.

лась найти объективную «середину» в освещении исторического прошлого. Здесь особо следует выделить труды С.Х. Алишева и Ш.Ф. Мухамедьярова, которые на основе блестящего анализа целого ряда новых источников и комплексного рассмотрения данных археологии, письменных источников и этнографии сделали обоснованный вывод о прогрессивном развитии Казанского ханства. Тем самым, они не только заложили основу нового подхода к истории Казанского государства, но и отвергли, как необоснованные, мифы о «хищническом», «паразитическом» характере его политического и социально-экономического развития.

В 1970–1980-е гг. появился целый ряд серьёзных работ, заметно расширявших круг источников по истории Казанского ханства. Например, предметом всестороннего скрупулёзного изучения стали Писцовые книги Казанского и Свияжского уездов. Сквозь призму истории Казанского ханства одним из первых на них обратил внимание Е.И. Чернышёв¹. Позднее источниковедческую работу плодотворно продолжил Равиль Габдрахманович Фахрутдинов, составив список археологических памятников XIII–XVI вв. в Среднем Поволжье и археологическую карту. По его данным получалось, что с 50-х гг. XIV в. происходило массовое перемещение населения из Закамья в Предкамье и Заказанье и что основная территория, заселённая казанскими татарами, располагалась в Предкамье и Предволжье². Этот вывод учёного позднее был поддержан многими другими историками и стал почти непогрешимой истиной для последующих исследователей.

В начале 1970-х гг. постепенно складывается концепция видного татарского археолога А.Х. Халикова, имевшая отличия от других концептуальных подходов. Значительную часть своей научной биографии Альфред Хасанович посвятил изучению древней и средневековой истории Среднего Поволжья³. Широкие археологические раскопки, начатые им под руководством своего учителя Н.Ф. Калинина, а затем продолженные в 1970–1980-е гг., привели его к серьёзным научным открытиям. Наиболее полно и концептуально взгляды А.Х. Халикова отразились в его книгах «Происхождение татар Поволжья и Приуралья», изданной в 1978 г., и «Татарский народ и его

¹ Чернышёв Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272–292.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территории. – Казань, 1975. – С. 79–86 и карта.

³ Подробнее об этом см.: Хүзин Ф., Хамидуллин Б. Альфред Халиков / В серии «История татар в лицах». – Казань, 2015. – 67 с.

предки», изданной в 1989 г. Одним из существенных структурных элементов его концепции была идея о том, что результатом начавшегося в эпоху монгольской экспансии и Золотой Орды разобщения некогда единого булгарского этноса является трансформация булгарской народности, уже в условиях Казанского ханства, в новый этнос – казанских татар. Учёный писал, что к рубежу XIV–XV вв. Казанское княжество, сформировавшееся в XIII–XIV вв., государствообразующим населением которого являлись булгары, выступает как достаточно самостоятельная от Золотой Орды политическая единица. Оно, это княжество, сохранив значительную этнополитическую преемственность с Волжской Булгарией, вывело на политическую сцену булгаро-казанских эмиров, представителей местной булгарской династии, потомков «булгарских царей»¹. В то же время А.Х. Халиков отмечал, что казанско-булгарские земли не освободились полностью от Золотой Орды. Произошло это лишь осенью 1445 г., когда хан Улуг-Мухаммед и его сын Махмутек убили князя Алибая и захватили казанский престол. С этого времени в Казани утверждается золотоордынская династия, а ключевые посты занимают прибывшие с Улуг-Мухаммедом татарские мурзы. А.Х. Халиков подчёркивал, что в переходный от Волжской Булгарии к Казанскому ханству период ещё не сформировалась новая народность: «на рубеже XIV–XV вв. в булгаро-казанской стороне продолжала практически сохраняться булгарская народность, представители которой себя именовали булгарами или мусульманами»². Он считал, что пришедшие с Улуг-Мухаммедом ордынцы «довольно быстро растворились в абсолютно превалирующей среди местного населения, устойчиво продолжавшей во всех областях жизни развитие местных булгарских традиций»³. Об общественно-политическом устройстве Казанского ханства учёный писал немного, в основном повторяя результаты исследований предыдущих историков, особенно выводы Г.Н. Ахмарова, М.Г. Худякова и Ш.Ф. Мухамедьярова. Верховная власть в стране, по его мнению, принадлежала хану, но решения государственного значения он мог принять только посоветовавшись с «диваном», советом наиболее представительных феодалов (карачи) и представителей духовенства. Для решения срочных вопросов, касающихся избрания или низложения хана, собирался съезд феодалов, известный под именем «вся земля Казанская». А.Х. Халиков настаивал на том, что социально-экономическая терминология

¹ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С. 100–102.

² Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань, 1989. – С. 139.

³ Там же. – С. 142.

Казанского ханства сохраняла в основном булгарскую терминологию XIII–XIV вв. и даже домонгольского времени – «эмир», «бек», «шайх», «хаджа», «хаким», «вакил», хотя имели место и некоторые новые названия – «мурза», «углан/улан», «казак». Эти новые названия он связывал с появлением новых институтов власти, которые-де сформировались под влиянием русской социально-политической системы в XV–XVI вв.

Об этногенезе казанских татар интересные взгляды в работах 1970–1980-х гг. сформулировал Р.Г. Фахрутдинов. В книге «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория» (1975-й г. издания) он на основании изучения большого числа археологических комплексов и отдельных предметов, связанных с историей Поволжья, отметил, что территория центральных районов Казанского ханства, определяемая археологическими и письменными источниками, совпадает с территорией расселения булгар в позднезолотоордынское время. Также на основе письменных источников он пришёл к выводу, что те народности и племена, которые раньше находились в составе государственного объединения или под протекторатом Волжско-Камской Булгарии (чуваши, марийцы, удмурты, западные башкиры, восточная мордва), подпали под власть казанского хана. Территориальная преемственность Волжско-Камской Булгарии и Казанского ханства находила, по его данным, яркое дополнение в преемственности отраслей экономики и культуры булгар и казанских татар: пашенное земледелие на широких площадях с применением паровой системы, развитые международные и внутренние торговые отношения, прежде всего по волжско-камской речной системе, аналогии в градостроительстве, монументальной архитектуре и т. п., лапидарная эпиграфика, характерная во всём Поволжье лишь для булгар и казанских татар, сходство и тождество ювелирного искусства, орнамента, предметов быта, орудий труда и оружия, сходство и продолжение духовной культуры, самосознание населения Казанского ханства, считающего булгар своими предками, сохранение легенд и преданий о булгарских временах, почитание развалин булгарских городов, селений и кладбищ. Большие изменения, по мнению учёного, на булгарской земле происходят с 1350-х гг., что было обусловлено распадом Золотой Орды и интенсивными разбойничими походами русских ушкуйников. Многие городские центры Закамья прекращают своё существование, за исключением 2–3 городов. Происходит массовое перемещение населения в северные районы. Роль политического, экономического и культурного центра из Булгара переходит к Иске Казани. Основной булгарской территорией становится Заказанье

вплоть до бассейна Ашита, одной из самых северных рек современного Татарстана. Р.Г. Фахрутдинов считал неправильным представление о том, что казанские татары как народность формировались лишь в Заказанье и Предволжье; часть булгарского населения осталась и в исконных закамских землях, и их культура там переросла в культуру казанских татар. Тем самым Р.Г. Фахрутдинов в 1975 г. в основных своих выводах, повторенных им в работах «Очерки по истории Волжской Булгарии» (Москва, 1984) и «Мелодия камней» (Казань, 1986), практически согласился с выводами историков, археологов и этнографов, ориентировавшихся на материалы сессии по этногенезу казанских татар 1946 г. Позднее, в 1990-х гг., он стал защитником прямо противоположных взглядов, достаточно аргументировано указывая также на существенные золотоордынские корни формирования Казанского государства и происхождения казанских татар, на что ещё в 1963 г. обратил внимание известный археолог, организатор и научный руководитель раскопок городов Волжской Булгарии Алексей Петрович Смирнов, писавший, что «вопрос о вкладе золотоордынского периода в этногенез казанских татар и их культуры должен быть пересмотрен» и что «этот вклад был значителен»¹...

В.Д. ДИМИТРИЕВ О ЧУВАШАХ ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Василий Димитриевич Димитриев (1924–2013) – выдающийся учёный, классик чувашской исторической науки и знаковая фигура не только для неё, но и для всей историографии Поволжья (большую роль сыграл он и как организатор науки и педагог, подготовивший много квалифицированных научных кадров, а также как общественно-политический деятель, что также наложило отпечаток на его научное творчество). В своих трудах В.Д. Димитриев предпринял попытку изложения масштабной панорамы этногенеза и истории чувашского народа с древнейших времён до середины XIX в. Большое место в этой панораме занимает период Казанского ханства.

Вопросы истории Казанского ханства в разной степени затрагиваются во многих работах этого учёного, некоторые из которых можно считать основными для нашей темы. Как профессиональный

¹ Смирнов А.П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства // Труды Общества истории, археологии и этнографии. – Казань, 1963. – № 1 (36). – С. 72.

историк В.Д. Димитриев большое внимание уделял работе с источниками. Так, он выявил, осуществил археографическую комментированную публикацию и ввёл в научный оборот 3 хозяйственных акта, зафиксированных в Чувашии и восходящих к первой половине XVI в.¹. Они были связаны с вопросами собственности на землю и бортные участки. В условиях дефицита любых письменных источников по истории Казанского ханства указанные публикации представляют значительную ценность. В связи с этим дефицитом в дальнейшем В.Д. Димитриев обращается и к такому виду исторических источников, как устное народное творчество. Особая роль отводилась им комплексу чувашских исторических и топонимических преданий, в первую очередь их «идейно-политическому содержанию», «характеру образов и духу художественного обобщения»². На этой методологической основе он публикует статью³, ставшую основой для соответствующих глав в его отдельной монографии⁴. По оценке Василия Димитриевича, предания о времени Золотой Орды и Казанского ханства более историчны и точны, менее мифичны и сказочны, чем легенды о древности и периоде Волжско-Камской Булгарии.

В дальнейшем на базе синтеза этих и других видов источников (письменных, археологических, эпиграфических, лингвистических, антропологических и пр.) история Казанского ханства затрагивается В.Д. Димитриевым в статьях «Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства»⁵, «О последних этапах этногенеза чувашей»⁶ (об историографии и источниках по проблеме), разделе

¹ Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – первой половины XVII вв. // Учёные записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1963. – Вып. XXII. – С. 106–136; Его же. Земельный документ времён казанского хана Сафагирея // Учёные записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1966. – Вып. XXXI. – С. 266–277.

² Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. – Чебоксары, 1983. – Ч. 1. – С. 57.

³ Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // Труды ЧНИИ (История, археология и этнография ЧАССР). Чебоксары, 1975. – Вып. 60. – С. 88–136.

⁴ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1. О жизни и борьбе народа с древних времён до середины XVI века. – Чебоксары, 1983. – 111 с.; 2-е, доп. изд.: Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времён до середины XIX в. – Чебоксары, 1993. – 446 с.

⁵ Димитриев В.Д. Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // Труды ЧНИИ (425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России). – Чебоксары, 1977. – Вып. 71. – С. 63–91.

⁶ Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваши: Сб. ст. – Чебоксары, 1984. – С. 23–57.

«Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства» монографии «Чувашия в эпоху феодализма»¹.

В постсоветский период вопросы Казанского ханства затрагивались В.Д. Димитриевым в книгах «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству»², «Чуваши: этническая история и традиционная культура»³, работах по истории г. Чебоксары⁴. Если ранее проблематика Казанского ханства рассматривалась исследователем в основном лишь в рамках истории присоединения Чувашии к России, то на рубеже ХХ–ХХI вв. он начал работать над самостоятельным исследованием «Чувашский народ в составе Казанского ханства» и опубликовал ряд статей⁵. Перу В.Д. Димитриева принадлежит также большой блок посвящённых Казанскому ханству статей многотомной «Чувашской энциклопедии»⁶. К теме он возвращается в 2010-х гг., но, к большому сожалению, не успевает завершить её разработку. В изданной после его смерти книге содержится только лишь обзор историографии и источников по Казанскому ханству и история этногенеза чувашей⁷.

Рассмотрим наиболее типичные и своеобразные взгляды В.Д. Димитриева на историю Казанского ханства и историю чувашей в составе Казанского государства. Чебоксарский историк являлся последовательным приверженцем теории Н.И. Ашмарина о болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности, которая чувашский язык относит к древнетюркским языкам болгарской группы (татарский – к кыпчакской), а современных чувашей считает единственными прямыми потомками волжских булгар⁸. На её осно-

¹ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). – Чебоксары, 1986. – 456 с.

² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. – Чебоксары, 2001. – 120 с.

³ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши: Этническая история и традиционная культура. – М., 2000. – 100 с.

⁴ См., например: Димитриев В.Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков. – Чебоксары, 2003. – 181 с.

⁵ Димитриев В.Д. Историография и источниковая база истории чувашского народа в составе Казанского ханства // Известия НАНИ ЧР. – 1999. – № 2. – С. 3–27; Его же. О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. ст. – Чебоксары, 2004. – С. 62–110; Его же. Два письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I Старому, написанные в 1538–1545 гг. // Народная школа. – 2004. – № 2. – С. 77–81.

⁶ Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары, 2006–2011.

⁷ Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. – Чебоксары, 2014. – 190 с.

⁸ Там же. – С. 26.

ве В.Д. Димитриев развивает своё представление о 4 этапах этногенеза чувашей: центрально-азиатском (с древности до III в. н. э.), северокавказско-северопричерноморском (IV–VIII вв.), волжско-камском (конец VII – 60-е гг. XIII в.) и казанском (середина XIV – середина XVI в.). На 3-м этапе при переселении болгар и сувар (суваз) в VII–VIII вв. в Волго-Камье образуется болгаро-суварский союз племён, включавший также местные финно-угорские племена: венгров, марийцев, удмуртов, часть мордвы. В конце VIII в. на этой основе возникает государство Волжская Булгария. В IX в. его феодальная элита, горожане и часть сельского населения принимают ислам. Путём объединения болгаро-сувазских племён и ассимиляции ими части финно-угров формируется болгаро-чувашская народность, которая в XII – начале XIII в. **проживала на территории** современных Самарской, Ульяновской, восточной части Пензенской областей, закамской и юго-западной частей Татарстана и юго-восточной части Республики Чувашия. От этнонима «суваз», с учётом арабской графики того времени произносившегося как «сюазъ», происходит этноним «чуваш».

«Величайшей трагедией»¹ и «наиболее тяжёлым бедствием»² в истории чувашского народа учёный считает разгром Волжской Булгарии войсками Бату в 1236 г., разорившими города и сёла, истребившими и пленившими большое число населения. Часть «болгаро-чувашей» бежала в северные лесные районы: бассейн р. Мёши, Приказанье и в среднее Прицивилье Волжского правобережья. Здесь, по мнению В.Д. Димитриева, на месте существовавшего булгарского поселения беженцами из г. Сувар был образован г. Веда-Суар (Средний Сувар) – будущий г. Чебоксары.

В.Д. Димитриев пишет, что «трагическое время прочно осело в памяти поколений»³, поэтому народные предания близко к историческим фактам отражают завоевание Волжской Булгарии и ликвидацию государственности предков чувашей, разрушение городов и сёл, уничтожение населения, сопротивление и исход в северо-западном направлении в лесные глухие места, тяжёлый режим, установленный пришельцами – налоги и повинности, угон людей, особенно юношей и девушек, в рабство.

По мнению учёного, территория Булгарии в виде тумена вошла в состав образовавшейся в 1243 г. Золотой Орды, являвшейся

¹ Димитриев В.Д. Основные вехи истории чувашского народа и края X–XVII веков. <http://сувары.рф/ru/content/osnovnye-vehi-istorii-chuvashskogo-naroda-i-kraya-h-hvii-vekov> (дата обращения: 11.02.2017).

² Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 21.

³ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания... 1983. – С. 56.

«преимущественно кочевой империей»¹. Тумен, однако, возглавлялся булгарскими князьями. В Орде был установлен «деспотический режим»². Местное булгарское и финское население подвергалось политico-экономическому гнёту. Булгарские князья, туруны и тарханы использовались для сбора ясака в золотоординскую казну также с марицев, удмуртов и восточной мордвы. При этом во второй половине XIII – первой половине XIV в. многие разрушенные булгарские города и селения были восстановлены, а г. Болгар служил летней резиденцией ханов Золотой Орды, Булгарская земля стала её житницей.

По мнению В.Д. Димитриева, монголы составляли незначительное число населения Орды (4–9 тысяч семей)³ и уже к концу XIII в. растворились среди кыпчаков. Татары же появились в Восточной Европе вместе с монголами и в Золотой Орде слились с родственными по языку и культуре кыпчаками, образовав в XIV – начале XV в. единую татарскую народность, «без всякого участия болгар в этом процессе»⁴. В начале XIV в. кыпчаки стали именоваться «татарами», государственным языком в Орде стал кыпчакский (татарский), государственной религией – ислам. Татаро-кыпчаки занимали важнейшие государственные должности, из них состояли размещённые в Булгарии военные гарнизоны. Оседлого кыпчако-татарского населения здесь практически не было и оно не оказалось влияния на «болгаро-чувашей»⁵.

Начало последнего («казанского») этапа этногенеза чувашей В.Д. Димитриев связывает с распадом Золотой Орды. Им была выдвинута концепция полного опустошения Булгарской земли в конце XIV – начале XV в.⁶. В 1370 г. булгарский князь Хасан (по чувашским преданиям – чувашский князь Хусан) отделил Булгарскую землю от Золотой Орды, основал г. Казань. Во второй половине XIV – начале XV в. среди ханов и эмиров Орды начинаются распри, они совершают разорительные походы на свои же земли. Ими, а также войсками Тамерлана и кочевым Мангытским (Ногайским) юртом Идегея были окончательно уничтожены около 30 городов и 2 тысяч селений булгарской земли. Элита, городское население почти полностью исчезли. Согласно В.Д. Димитриеву, произошла «этническая

¹ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

² Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 21.

³ Там же. – С. 22.

⁴ Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства... – С. 25.

⁵ Там же. – С. 121.

⁶ Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству...

трагедия»¹, «величайший катаклизм – полное опустошение Болгарской земли, сопровождавшийся геноцидом»², в результате которого выжило не более 1/5 части «болгаро-чувашей». Территория Булгарской земли приходит в запустение, превращается в «дикое поле», где стали кочевать мангыты (ногайцы). Оставшиеся в живых «болгаро-чуваши», оставив обжитые места, бежали на северо-запад – в Приказанье, Заказанье, в среду редкого горно-мариjsкого населения на территории центральных и северных районов нынешней Чувашии, а её (Чувашии) юг и юго-восток обезлюдили. «Болгаро-чувашам», обитавшим ранее в лесостепи, оказавшись в лесной зоне, пришлось адаптироваться к жизни в более суровых природных условиях. В ходе этих событий и позже те чуваши, что исповедовали ислам, возвращаются к язычеству; в результате народная религия чуваши стала представлять собой «языческо-исламский синcretизм»³.

При распаде Золотой Орды с начала XV в. «татары-кочевники» начинают оседать на болгаро-чувашских, марийских и удмуртских землях на левобережье и в устье Свияги, на правобережье Волги, севернее Камы.

Приход в регион 40–50-тысячного татарского войска⁴ бывшего золотоордынского хана Улу-Мухаммада привёл к образованию им и его сыном Махмутеком в 1438–1445 гг. «на развалинах Золотой Орды»⁵ Казанского ханства. Резко усилился приток на службу в ханство кыпчакско-татарских феодалов и воинов «из Астрахани, Азова, Саркела, Крыма и других мест»⁶. Все «немногочисленные»⁷, по определению В.Д. Димитриева, татары в ханстве составили господствующий служилый класс; ясачных татар не было в принципе. «Кыпчакско-татарское» население начинает доминировать в политическом и культурно-языковом отношениях. Под властью хана оказались чуваши, марийцы, южные удмурты, часть мордвы и башкир. «Болгаро-чувашские» феодалы, купцы и ремесленники, в первую очередь те, кто принимал ислам, переходили на господствующий в государстве кыпчако-татарский язык общения. Также ислам насаждался и насильственно⁸, а новопринявшие ислам оттаривались. Происходит ассимиляция «болгаро-чувашей» Заказанья, часть

¹ Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства... – С. 11.

² Там же. – С. 148.

³ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 18.

⁴ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

⁵ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания.. 1983.. – С. 34.

⁶ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 25.

⁷ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

⁸ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 24.

которых переселяется на северо-восток современной Чувашии, а также некоторой части марийцев и удмуртов. В результате значительная часть левобережных «болгаро-чувашей» была отатарена и в ходе скрещивания местного «болгаро-чувашского» (сувазского) и части финно-угорского (марийского) населения с кыпчаками (татарами) в XV в. сформировалась этногруппа казанских татар. Параллельно, в XIII–XV вв. в ходе частичной ассимиляции болгаро-чувашами финно-угров, главным образом марийцев, завершилась трансформация болгарской (древнечувашской) народности в современную чувашскую народность. Поэтому казанские татары и чуваши – «братские народы» и одновременно «этнически связаны и с марийцами»¹.

Общее число жителей Казанского ханства В.Д. Димитриев оценивает в 450 тысяч человек, из них татар 20 %², считая наиболее многочисленным народом чувашей – около 200 тысяч человек³. По мнению историка, в Казанском ханстве на Левобережье восточнее Казани существовала Чувашская даруга⁴, позднее получившая наименование «Зюрейская». Василий Димитриевич полагает, что в русских и других письменных источниках северных чувашей в эпоху Казанского ханства и позже именовали, вместе с марийцами, либо «черемисами» (преимущественно «горными черемисами»), либо «горными людьми», южных – «черемисскими татарами». С 1521 г. начинает встречаться и этоним «чуваш»⁵.

Сложившийся в Казанском и других татарских ханствах общественный и государственный строй В.Д. Димитриев характеризует как «военно-феодальный», относящийся к «восточно-деспотическому типу» и восходящий к строю Золотой Орды⁶. Высшая политическая власть и собственность на все земли в Казанском ханстве принадлежала хану. При нём действовал диван – совет и одновременно правительство из высших феодалов (первоначально В.Д. Димитриев писал и о курултае, но потом стал отрицать его существование, как не подтверждённое документальными свидетельствами⁷). Иерархия феодалов включала эмиров, биков, мурз и уланов. Большинство же

¹ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания... – С. 34.

² Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства... – С. 42.

³ Димитриев В.Д. Казанское ханство // Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары, 2011. – Т. 2. – С. 529.

⁴ Димитриев В.Д. Чувашская даруга // Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары, 2011. – Т. 4. – С. 529.

⁵ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 24.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства... – С. 20.

татар относилось к мелким служилым людям – казакам, получавшим за военную службу небольшие земельные участки. Большим влиянием пользовалось мусульманское духовенство.

Земли ханства подразделялись на дворцовые, феодальные, государственные. Дворцовые земли обрабатывались русскими «полонянниками» и насильно переселёнными представителями коренных народов. Татарские феодалы за военно-административную и иную службу получали от хана сойюргал – наследственное право на сбор в свою пользу ясака и других податей с волости или селения, налоговый и административно-служебный иммунитет; сами они при этом не занимались организацией сельскохозяйственного производства. Высшее мусульманское духовенство владело вакуфами – населёнными имениями.

«Военно-феодальным» строем ханства определялась и общественная жизнь самих чувашей. Из их числа было небольшое количество окружных князей – *емту*, стоявших во главе групп селений, связанных былой родо-племенной общностью, а также сотные (*серпу*) и десятные (*вунту*) «князьки». Они участвовали в управлении чувашскими ясачными общинами, возглавляли соответствующие отряды ополчения ясачных чувашей в татарских походах. Из чувашей были и тарханы – землевладельцы с определённым правовым иммунитетом, казаки – мелкие служилые люди, вместо ясачных повинностей нёсшие военную службу. Чувашские феодалы ханства находились в самом низу феодальной иерархии, подчинялись и служили казанским ханам и татарским феодалам. Им за военную службу и феодально-административные обязанности поступала некоторая часть податей. Мелкофеодальная верхушка, «находясь в унизительно-подчинённом положении, вынужденно отатарилась, ибо только при условии перехода в мусульманство она могла расчитывать на получение титулов мурзы и тархан»¹. Некоторые из её представителей отличались особой сурвостью к соплеменникам, обращались с ними «не лучше казанских феодалов»². Большинство чувашских феодалов, по-видимому, поддерживало хана и татарских феодалов, но и они испытывали национальное неравенство при получении феодальной ренты и дележе военной добычи.

В.Д. Димитриев описывает Чувашию XV – первой половины XVI в. как район развитого земледелия с обширными пашнями и сенокосами. В юго-восточной, заброшенной, части Чувашии поселений почти не было, чувашские крестьяне обрабатывали земли

¹ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 24.

² Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России... – С. 102.

этого края наездом. В основном возделывали рожь, овёс, полбу и др., разводили лошадей, коров, овец. Уже преобладала паровая система земледелия, хотя чуваши продолжали применять и переложную, и подсечную системы. Орудием пахоты служил тяжёлый деревянный плуг-агабусь с железным лемехом и резцом. Немаловажную роль играли охота, бортничество, рыболовство. Хорошо знали чуваши судоходство и многие ремёсла, включая кузнечное и серебряное дело. На территории Чувашии имелся лишь один город – Веда-Суар.

Чувашские деревни были небольшими и укрывались по оврагам и другим укромным местам. Жилищами служили срубы, нередко и полуzemлянки; на дворе стояли клети, сараи, конюшни, хлевы и пр. Родственные дворы располагались кустами без уличной планировки.

Внутри самой чувашской деревни общественные отношения были патриархально-феодальными с довольно сильными пережитками родовых отношений. В общинах большим авторитетом пользовались старейшины, языческие жрецы – юмзи, мачауры и др.

В пользовании общин ясачных крестьян из нетатарских народов находились государственные земли. Ясачные чуваши, как и ясачные марийцы и удмурты, были обложены тяжёлыми рентой-налогом (ясаком) и другими податями и повинностями. Большинство ясачных чувашей несли феодальные повинности в пользу хана. В более тяжёлом положении находились селения, отанные на ясакодержание (сойноргал) представителям татарской элиты. Хану или татарским феодалам ясачные чуваши платили до 20 видов натуральных и денежных податей и пошлин: ясак – десятинную дань хлебом, мёдом, пушниной и деньгами, калан – подать с возделанных земельных участков в виде доли урожая; тютюн сани – налог с дома (буквально – «с дыма, очага»); салыг – подушный налог; даругильный налог на содержание ханских наместников и чиновников; алафа – поставку продовольствия для армии; улуфа – поставку фуражка для конницы; купалга – обеспечение продовольствием проезжающих послов, курьеров и чиновников; кулык и култыка – запросные пошлины и др.; пошлины: судебную, свадебную, дорожно-мостовую, торговую (тамга), за провоз товаров (вас), судовую (с лодок и других судов); подарки и подношения (сила харчи). Крестьяне несли тяжёлые повинности: ямскую (обслуживали подводами ямские станции), постойную (предоставляли помещения в своих домах для проезжающих чиновников, военных и др.), по постройке и ремонту городских стен, укреплений, дорог и мостов. Кроме того, феодалы и чиновники, нарушая установленный порядок, собирали в свою

пользу сверхокладные поборы, совершая, под предлогом сбора ханских податей, военизированные экспедиции. В Чувашии находилась ханско-феодальная администрация: военная, фискальная, судебно-полицейская. К прежним золотоордынским городкам-крепостям в казанский период добавилось много других укреплённых пунктов-острогов, где стояли ханские наместники с военными отрядами. Были сторожевые и наблюдательные пункты, а также укреплённые места проживания татарских феодалов. Но поскольку казанские феодалы в основном жили в Казани, влияние татарского языка, ислама на Горной стороне ханства было слабым и охватывало лишь чувашскую верхушку¹.

Тягостным бременем для чuvашских крестьян считает В.Д. Димитриев службу в ханском войске, куда они призывались во время постоянных войн. Как «наследник и продолжатель традиций Золотой Орды»², Казанское ханство вело по отношению к Русскому государству и другим соседям достаточно агрессивную внешнюю политику, войны были для него одним из важных источников доходов. При этом оно до 1480-х гг. получало дань от Москвы. Враждебность Казани против Руси усилилась во второй четверти XVI в., когда государством стали править ханы из крымской династии Гиреев (В.Д. Димитриев приводит в качестве доказательства письма Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду³). При них перед падением Казани в ханстве находилось около 100 тысяч русских полонянников.

До начала 1540-х гг. чuvашские ополченцы (наряду с черемисами считавшиеся лучшими стрелками в армии ханства) участвовали в боях против русских войск, подчиняясь казанским военачальникам и своим сотникам, тарханам и мурзам, но обычно русские полки, направляясь на Казань, не встречали в Чувашии никакого сопротивления и противодействия со стороны местного населения.

Сражения между казанскими и московскими войсками часто происходили на землях чuvашей (в 1467–1469, 1487, 1506, 1508, 1523, 1524, 1530 гг.), нанося им большой ущерб. Через их земли совершались разорительные походы русских (33 раза) и казанских (31 раз) войск. Также при «попустительстве»⁴ казанских властей, систематические набеги на поселения южной половины Чувашии совершали ногайские феодалы, угонявшие скот и уводившие людей для продажи в рабство.

¹ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 24.

² Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 25.

³ Димитриев В.Д. Сафа-Гирей // Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары, 2009. – Т. 3. – С. 345.

⁴ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 28.

В.Д. Димитриев пишет, что тяжёлое положение чувашских, марийских, мордовских и удмуртских крестьян усугублялось вследствие национального гнёта; эти народы были совершенно бесправны, подвергались тяжёлому угнетению, грабежам, оскорблению и унижениям со стороны ханской администрации, татарских и чувашских феодалов. Как следствие, в ханстве происходила «остройшая» социально-классовая и национально-освободительная борьба¹. Из-за обременительных повинностей податное население регулярно выступало против феодалов и ханской администрации. Попытки неповиновения жёстко подавлялись. Десятки сообщений об этих столкновениях в разных районах Чувашии сохранились в исторических преданиях².

Положение усугубилось во второй четверти XVI в., когда на казанском престоле закрепились крымские ханы. В Казань прибыло множество крымских феодалов, возросли поборы с податного населения. В первой половине XVI в., особенно при правлении Сафагирея, когда положение ясачных людей стало «невыносимым»³, чуваши начинают искать помощи у Русского государства. Устные предания сообщают об обращении их представителей к московскому правительству за помощью в борьбе против казанского хана. В.Д. Димитриев убеждён в том, что «чуваши, горные марийцы и восточная мордва вошли в состав России добровольно», «по челобитью»⁴, поскольку «крестьянам не было безразлично, подвергаются ли они варварским, грабительским методам военно-феодальной эксплуатации и угоняются в рабство или же живут в условиях устойчивого феодального правопорядка и мирного хозяйствования»⁵. В поздних работах В.Д. Димитриев уточнял, что понятие «добровольность» в межнациональных отношениях, по нынешним представлениям, включает высокий уровень чувства интернационализма и общественного сознания, которого в XVI в. ещё не было. Возможно, вернее было бы придерживаться формулировки «мирное вхождение чувашского народа в состав России»⁵. По мнению учёного, вхождение чувашей в состав России преследовало цель облегчить своё положение. К числу его (вхождения) предпосылок В.Д. Дими-

¹ Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России... – С. 104.

² Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России...

³ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 31.

⁴ Там же. – С. 20.

⁵ Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству...

триев относит давние русско-чувашские торговые и хозяйствственные связи, в ходе которых происходило сближение чувашей и горных марийцев с русскими соседями, основание в 1372 г. городецким князем Борисом Константиновичем на р. Суре г. Курмыш, сближение чувашей с русскими полонянниками, часто размещавшимися в чувашских селениях и т. п.

По мнению В.Д. Дмитриева, ещё после основания в 1523 г. г. Васильсурска часть присурских чувашей, мордвы и горных марийцев присягнула Русскому государству и, по-видимому, некоторое время находилась в его составе. В 1534 г. в войне Русского государства с Литвой вместе с русскими полками участвовали касимовские и другие татары, мордва, черемисы и чуваши.

Стремление чувашей и других народов Горной стороны войти в состав Русского государства соответствовало восточной политике Москвы, которая сначала ставила своей целью протекторат над Казанью, а в середине 40-х гг. XVI в. перешла к «присоединению» территории ханства – как для избавления от опасного соседа, так и для овладения новыми плодородными землями и р. Волгой – главной судоходной дорогой на Восток. Ясачные люди поддерживали русский протекторат над Казанью, поскольку тогда прекращались призывы в ханскую армию и давалось облегчение в платеже ясака. Сторонниками Москвы становились и некоторые чувашские феодалы. При Сафе-Гирее они всё больше терпели от казанских ханов ущемления в доходах и политической жизни. Одновременно в отношении чувашей и горных марийцев русские «проводили целенаправленную политику прямого подкупа их влиятельных предводителей, раздачи им щедрых обещаний»¹.

Процесс присоединения к Русскому государству, по мнению В.Д. Дмитриева, выглядел следующим образом. Осенью 1545 г. в ханстве началось всенародное восстание и выступление части казанских феодалов против Сафа-Гирея и его крымского окружения, к которому активно примкнули чуваши и горные марийцы. Сафа-Гирей бежал, весной 1546 г. ханом стал ставленник Москвы Шах-Али. По пути в Казань чуваши приветствовали его, «выражая тем самым симпатии к Русскому государству»².

Сафа-Гирей договорился с ногайскими князьями о выделении ему войска для возвращения казанского престола, обещав за это им Горную и Арскую стороны Казанского ханства. В июне 1546 г. с помощью ногайских сил ему удалось овладеть Казанью. Хотя Сафа-

¹ Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваши... – С. 29.

² Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 32.

Гирей не спешил выполнить данное ногайцам обещание о передаче земель, само известие о ней подняло чувашей и горных марийцев (а ведь они долго страдали от набегов ногайцев, перспектива перейти в их полное владение пугала их ещё больше¹) осенью 1546 г. на восстание против Сафа-Гирея и его администрации. В декабре 1546 г. к Ивану IV в Москву прибыли посланцы от восставших, направленные их предводителями. Сторонниками России были в основном ясачные люди, представленные старейшинами, и часть сотных и десятных князьков; князья же и мурзы бежали в Казань. Предводители чувашей и горных марийцев хотели иметь ханом Шах-Али вместо Сафа-Гирея, для чего просили послать русские войска и обещали выставить свои рати к Васильсурскому им навстречу. По этой просьбе в феврале 1547 г. были направлены русские полки, которые воевали не на Горной стороне, поскольку она уже была очищена от ханских сил во время восстания, а на Луговой. Во время похода русских войск на Казань в 1547–1548 гг. их сборным пунктом явился район устья р. Цивиль, в гуще чувашских селений; во время похода 1549–1550 гг. на Казань русские войска беспрепятственно прошли по территории Чувашии. В этот период чуваши, горные марийцы и восточная мордва уже не подчинялись Казани, и их рать вместе с русскими войсками воевала против казанцев на Луговой стороне.

В северных районах Чувашии записано много преданий, по-видимому, относящихся к событиям Казанской войны 1545–1551 гг.: о походах русских войск на Казань, о местах их стоянок, о сражениях с татарскими войсками, о строительстве чувашами дорог для прохождения русских полков, о снабжении их продовольствием, об участии чувашей в боях на стороне русских и т. д.

В.Д. Димитриев высказал предположение, что в 1546–1551 гг. Чувашия, по существу, не подчинялась Казани, но не входила ещё и в состав Русского государства². Окончательное присоединение произошло в 1551 г., когда в устье Свияги высадились русские, чтобы строить г. Свияжск. Сюда к касимовскому хану Шах-Али и русским воеводам с дарами пришли старейшины и сотники горных людей. В дальнейшем, по оценке В.Д. Димитриева, «в юридическом отношении классически безупречно (это – единственный случай в истории России)»³ происходило мирное присоединение народов Горной стороны к России: 1) делегация старейшин и сотных кня-

¹ Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России... – С. 111.

² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству...

³ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

зей чувашей и горных марийцев обратились к Шах-Али и русским воеводам в 1551 г. сообщить о желании населения Горной стороны войти в состав России; 2) Шах-Али и воеводы не имели полномочий решить этот вопрос и направили делегацию жителей Горной стороны в Москву к Ивану IV, в Москву выехали полномочные представители от всей Горной стороны: князей, мурз, сотных и десятных, чувашей и черемисов; 3) Иван IV принял делегацию и выдал им жалованную грамоту об условиях мирного присоединения Горной стороны к России и о льготах её жителям – за чувашами и другими горными людьми гарантировалось сохранение их земель и бортных лесов, они освобождались от ясака на 3 года; 4) по указанию Ивана IV прошла перепись жителей Горной стороны (оказалось 40 тысяч лучников¹), и они принесли присягу; 5) несколько тысяч чувашей и горных марийцев направились с походом на Казань и Луговую сторону для «проверки боем».

Переход Горной стороны к России привёл к ослаблению крымской группы в Казани и позволил посадить на казанский престол Шах-Али. При нём татарские аристократы хотели возвратить Горную сторону, а в октябре 1551 г. Шах-Али просил у Ивана IV придать ясаков с Горной стороны. Но поскольку чуваши и горные марийцы по своей воле вошли в состав России и воевали против Казани, московское правительство считало отпадение Горной стороны от Казанского ханства окончательным. Она стала особой территориальной единицей Русского государства с центром в Свияжске.

Таким образом, по информации В.Д. Димитриева, добровольное вхождение чувашского народа в состав России состоялось летом 1551 г., в результате сочетания борьбы чувашей против «военно-феодального гнёта» казанских ханов и феодалов с борьбой Русского государства за «присоединение» Казанского ханства. Чувашей, как наиболее многочисленный народ Горной стороны, в этих событиях русские летописи ставят на первое место. Чуваши выступили за присоединение к России вместе с горными марийцами, восточной мордвой и даже «правобережными татарами»².

В 1552 г. антимосковски настроенными казанскими феодалами на престол был посажен астраханский ханыч Едигер. Казань стала направлять на Горную сторону войска, намереваясь вернуть её. Основная масса чувашей, горных марийцев и восточной мордвы не поддалась давлению, осталась на стороне Русского государства.

¹ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... – С. 37.

² Там же. – С. 38.

Горные люди разгромили казанский отряд и пленили двух татарских князей. Весной и летом 1552 г. в Свияжске стоял полк чувашских и горномарийских воинов численностью в 4000 человек. Чуваши, мордва и горные марийцы в 1552 г. мирно встречали русские полки, строили для них мосты через р. Сура, дороги, снабжали продовольствием. 1 октября перед штурмом Казани Иван IV послал большую делегацию горных людей во главе с перешедшим на сторону русских Камай-мурзой с предложением сдать город без кровопролития. Чувашско-марийский полк в 4 тысячи воинов и добровольные отряды активно сражались в боях за овладение Казанью, «исторические предания сообщают о ратных подвигах многих чувашей при её взятии»¹.

После падения Казани чуваши Горной стороны не примкнули к антимосковскому движению на Луговой стороне в конце 1552 – 1557 гг., вместе с русскими полками участвовали в борьбе с ним. Но «левобережное население Казанского ханства – луговые марийцы, удмурты и, возможно, сохранившиеся ещё от мусульманско-татарской ассилияции чуваши в значительной мере поддержали татарскую элиту и служилых татар»².

Вхождение чувашей в состав единого Российского государства оценивается В.Д. Димитриевым положительно, хотя в поздних работах он пишет о выборе присоединения уже и как о «наименьшем зле», т. к. «у чувашей не было другого выхода», «хотя татарский гнёт сменялся на русский»³. Оно (вхождение) позволило чувашам, по мнению исследователя, сохранить себя как народность, избавиться от угрозы «татарско-мусульманской» ассилияции и «реальной перспективы исчезновения как этноса»⁴.

После объединения Чувашии и России начинается «новоболгарская или чувашская эпоха»⁵ с ослаблением влияния татарской культуры и языка и усилением воздействия на чувашей русско-христианского культурного мира. Чуваши в XVI–XVII вв. получили «практически неограниченные возможности для расселения на новых землях»⁶ и значительно расширили свои территории, возвратились в оставленные ими в XIV – начале XV в. земли юго-восточной

¹ Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России... – С. 127.

² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству...

³ Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваши... – С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 3.

⁶ Там же. – С. 30.

и южной частей Чувашии, в Симбирский край, начали переселяться в Закамье, северные районы Самарского и Пензенского краёв, в Приуралье. Указанные в источниках XVI–XVII вв. «ясачные чуваши» Казанского уезда были не татарами. Однако их основная часть во второй половине XVI – XVII вв. приняла ислам и отатарилась. Те, кто в XVII в. переселился в Закамье, сохранили этническую идентичность.

По мнению В.Д. Димитриева, во второй половине XVI в. трагический период истории чуваши сменяется периодом жизни и хозяйствования в мирных условиях. Прекращаются разорительные военные действия и набеги отрядов ногайских и крымских феодалов. Экономика Чувашии с XVII в. втягивалась в систему все-российского рынка, преодолевая свою замкнутость и натуральный характер. Вхождение чувашского народа в состав России явилось значительным актом для всего Русского государства, привело к усилению его мощи.

В.Д.Димириевым был сделан вывод, что чувашские общественно-политические отношения во второй половине XVI – XVII вв. представляли собой сочетание уклада ханского времени с развитым феодализмом Российского государства. Из-за отсутствия свободных земель помещичье-монастырское землевладение в Чувашском крае не получило широкого распространения, охватив менее 8 % пахотных земель¹. Чуваши сохранили ясачное землевладение, выполнение постной, подводной, различных трудовых и воинской (один воин с 3 ясаков в военное время) повинностей. Сотные и десятные князья, тарханы, служилые чуваши (казаки), как и прежде, освобождались от податей, участвовали в военных походах и ополчениях, несли засечную и низшую административную службу. Их поместья были небольшими, без крепостных людей, но с привлечением кабальных и наёмных служ.

Таковы основные взгляды на этногенез чуваший, их историю в составе Казанского ханства и их вхождение в состав Русского государства, изложенные в работах чебоксарского историка В.Д. Димитриева. В целом оценки В.Д. Димитриева в отношении Казанского ханства, присоединения Чувашии к России сохраняются на протяжении всей его научно-исследовательской деятельности, хотя в постсоветский период тон этих оценок несколько меняется, становится менее категоричным и резким.

¹ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

* * *

По ряду тем, в т. ч. истории Казанского ханства, в своих трудах, особенно постсоветского времени, В.Д. Димитриев активно полемизирует с «казанской исторической школой», к которой он относит большинство татарстанских, а также некоторых других историков второй половины XX – начала XXI в. Не соответствующими действительности он называет их «“гипотезы” и предположения» о том, что: казанские татары – прямые потомки болгар/булгар, а чуваши – отюреченные финны, либо ранние тюрки, попавшие в Среднее Поволжье ещё во 2 в. н. э., либо монголы; Волжская Булгария – раннее татарское государство, сложившееся в Среднем Поволжье в начале X в.; обнаруженная на территории Казанского кремля чешская монета начала XI в. говорит об основании Казани в 1005 г.; созданная огузским поэтом Кул Гали (Али) «Кыйсса-и Йосыф» является булгарской поэмой, написанной на булгарском языке XII в., а сам Кул Гали родился в г. Болгаре в 1183 г., погиб в г. Биляре в 1236 г.; Волжская Булгария была автономна и находилась в таких же вассальных отношениях с Золотой Ордой, как и русские княжества; Казанское ханство – прямое продолжение Волжской Булгарии; в Казанском ханстве и в XVI–XVII вв. левобережные ясачные чуваши – это ясачные татары, т. к. «чуваш»/«чюваш» – это не этноним, а социальный термин, обозначающий ясачного татарина; Горная сторона Казанского ханства была присоединена к России в 1551 г. не мирно и добровольно, а насильственно; антимосковское движение 1552–1557 гг. происходило на Горной стороне, куда (в Чалымский городок) переместилась и столица ханства во главе с «вымышленным ханом Али-Акрамом»¹; и т. д. Также претензии к «казанской школе» заключаются в том, что в её трудах не выяснены этнический состав и политическая ситуация перед образованием Казанского ханства; не признаётся существование в Казанском ханстве чувашской народности, а пишется лишь о предках чувашей, а также марийцев и удмуртов, которые находились «чуть ли не на первобытной стадии развития»; заявляется о численном преобладании татар; преувеличивается число городов Казанского ханства путём причисления к ним тех, которые либо существовали до – ещё в Волжской Булгарии, либо были основаны позже; утверждается об агрессивности исключительно Московского княжества, а Казанское ханство объявляется «безвинной жертвой»; и т. п. По мнению В.Д. Димитриева, историки Татарстана, включая в исто-

¹ Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству...

рию национальной государственности татарского народа державу гуннов, Тюркский каганат, Великую Болгарию, Хазарский каганат, Волжскую Булгарию, Золотую Орду, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, «присвоили историю почти всех тюркских племён и народов»¹.

Те или иные претензии ныне покойного историка В.Д. Димитриева к коллегам из Татарстана, безусловно, можно оценивать по-разному, но вполне обоснованным видится его замечание, что в работах по истории Казанского ханства они действительно достаточно долгое время концентрировались практически только на татарах и мало внимания уделяли другим народам ханства, его этносоциальной периферии.

Спецификой масштабного научного наследия Василия Димитриевича Димитриева является то, что все его работы, хоть и посвящённые разным историческим периодам и проблемам, тесно переплетаются между собой, объединены общими концептуальными идеями. В разных трудах учёный последовательно доносит до читателя единую цепочку событий и процессов и причинно-следственных связей между ними. Казанскому государству отведено в этих построениях особое место, и оригинальные взгляды, и идеи В.Д. Димитриева по истории ханства, хоть они и эпизодические, представляют огромный интерес, вне зависимости от нашего отношения к концепции политической и этнической истории народов Поволжья в творческом наследии этого самобытного выдающегося учёного...

ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА 1990-Х – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ ТАТАРСКИХ ИСТОРИКОВ

Официальная советская историография, в рамках которой многие десятилетия развивалась и историография Казанского ханства, продолжала рассматривать прошлое большинства народов страны (особенно не получивших своих союзных республик) во многом лишь как фон истории русского народа. Из-за этого тюрко-татарским государствам в ней уделялось место, далеко не соответствующее их историческим роли и значению – они освещались предвзято и конъюнктурно, а специальные работы, посвящённые татарским ханствам, в СССР почти отсутствовали. Как следствие, изучение Казан-

¹ Димитриев В.Д. Основные вехи истории...

ского ханства осталось в Советском Союзе практически на уровне научных исследований конца XIX – первой четверти XX в.

Масштабные общественно-политические перемены конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. – распад СССР, политическая суверенизация и национально-культурное возрождение тюркских народов плюс отход от единых догм в изучении истории – вызвали активизацию научных исследований истории Казанского ханства. Этому в немалой степени способствовало возвращение в научный оборот трудов преданных забвению историков начала XX в. – Г. Губайдуллина, Н.Н. Фирсова, М.Г. Худякова и др., и падение «железного занавеса», мешавшего ознакомлению с трудами зарубежных исследователей и обращению к наследию татарской эмигрантской историографии. Также усиление внимания учёных Татарстана к Казанскому ханству было связано с осознанием высокого значения этого периода в истории татарского народа. Всё это вывело изучение истории Казанского государства на новый уровень. Вопросы как узкорегиональной истории Казанского ханства, так и его роли в общем историческом процессе в Евразии после распада Золотой Орды стали привлекать всё большее внимание учёных.

Отход от многих господствовавших ранее идеологических установок и схем позволил более адекватно и разносторонне подойти к некоторым сложным вопросам многовековой истории татарского народа, в частности к проблемам его этнической истории. Изучение постзолотоордынских ханств, в первую очередь Казанского, приобрело едва ли не решающее значение в решении вопроса об этногенезе татар. Споры сторонников т. н. «булгарской» и «татарской» (золотоордынской) теорий истоков Казанского ханства и формирования татар Поволжья и Урала получили новый импульс. В ходе развернувшихся дискуссий произошёл пересмотр преобладавшей в советское время «булгарской» концепции (Казанское ханство – этнополитический наследник домонгольской Волжской Булгарии), идейно базирующейся, в частности, на некоторых дореволюционных историографических традициях (на трудах Хусаина Амирхана, Гайнетдина Ахмарова и др.). Это стало одновременно и следствием, и причиной появления ряда новых научных трудов.

В 1990-е – начале 2000-х гг. изучение истории Казанского ханства получает новый толчок. Особенность этого периода заключалась в том, что свои исследования по истории Казанского ханства ещё продолжала старшая плеяда татарских учёных – Ш.Ф. Мухамедьяров, С.Х. Алишев и Р.Г. Фахрутдинов, но одновременно на исследовательскую сцену данного направления вышло новое поколение казанских историков – Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов и

Б.Л. Хамидуллин. Почти все (кроме Ш.Ф. Мухамедьярова) вышеуказанные исследователи являлись сотрудниками Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), затем Института истории Академии наук Республики Татарстан. При этом они подходили к вопросам изучения истории Казанского ханства с концептуально различных позиций.

Значительное место в историографии Казанского ханства занимают работы доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РТ Саляма Хатыповича Алишева (1929–2015), возглавлявшего отдел истории ИЯЛИ и Института истории в 1989–1998 гг. Его творческое наследие охватывает широкий спектр проблем истории татарского народа: социальное и национально-освободительное движения, развитие исторических знаний, социально-экономические процессы и многое др. Проблематикой Казанского ханства он активно занялся ещё в 1970-х гг. в рамках работы над темой присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству, а в 1990–2000-е гг. издал ряд специальных работ¹, став признанным авторитетом в этой области. Считая Казанское ханство историческим преемником Волжской Булгарии и будучи сторонником решающего вклада именно её населения в этногенез татар Среднего Поволжья, он сделал выводы, что: 1) Казанское ханство обособилось и образовалось в XIV в., когда Золотая Орда ещё не распалась; 2) Казанское государство не имеет «корней» в Золотой Орде; 3) существовавшее в Казанском ханстве оседлое сельско-земледельческое и ремесленно-торговое городское хозяйство базировалось на булгарском укладе жизни; 4) нельзя видеть Золотую Орду духовно-культурной основой казанско-татарской государственности, т. к. исламская культура в Казанском государстве – это развитие традиций Волжской Булгарии.

С.Х. Алишев последовательно отрицал точку зрения, что создателем Казанского ханства является бывший ордынский хан Улуг-Мухаммед, отмечая, что последнего «считает царём казанским только «Казанская история», составитель которой путём признания золотоордынского хана казанским поставил своей целью

¹ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 8–28; *Его же*. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 186–200; *Его же*. Образование татарской народности // Там же. – С. 201–223; *Его же*. Завоевание татар Русским государством // Там же. – С. 224–242; *Его же*. Источники и историография города Казани. – Казань, 2001. – С. 8–68; *Его же*. Казан ханлыгы чорындағы татарча чыганаклар. – Казан, 2002. – 72 б.; *Его же*. Казан ханлыгы тарихыннан. – Казан, 2003. – 336 б.

доказать преемственность Казани и Золотой Орды¹, а на деле «ни одна из летописей, и ни один из других достоверных источников... ничего не пишут... о том, что он когда-нибудь подходил к Казани»². Учёный считал, что «Булгаро-Казанское государство», обособившееся ещё в 1360–1380-х гг., к моменту появления орды Улуг-Мухаммеда в Среднем Поволжье уже становится полностью самостоятельным политическим, экономическим и культурным центром региона³, а Казань «выступает как самостоятельная столица государства»⁴. Взятие сыном Улуг-Мухаммеда Махмутом в 1445 г. Казани и убийство им местного «вотчика» Алибека С.Х. Алишев рассматривал лишь как смену здесь булгарской династии золотоордынской (татарской), т. е. как достаточно рядовой эпизод политической истории. Полемизируя с мнением М.Г. Худякова (что Казанское ханство создал Улуг-Мухаммед) и с концепцией Р.Г. Фахрутдинова (что до 1445 г. было Казанское княжество, с приходом Махмута преобразованное в ханство, – в наследника и продолжателя традиций Золотой Орды), С.Х. Алишев не придавал событиям середины XV в. никакого исключительного для истории государственности казанских татар значения. По его мнению, в сути Булгарского государства не произошло никаких изменений, и его самостоятельность сохранялась, хотя и под другим названием. Учёный писал: «...неправомерно делить историю становления Казанского ханства на княжество и ханство. С приходом Махмут-хана в Казанском государстве ничего не изменилось: ни в форме правления, ни в его содержании»⁵, а «золотоордынские властные порядки задолго уже до этого были установлены»⁶. В целом на основе анализа источников С.Х. Алишевым делался вывод, что «образование Казанского царства нельзя рассматривать как образование ханства татарского (золотоордынского), только династия да войско были татарскими и пришлыми»⁷. Основное же тюркское население государства, по его мнению, оставалось аборигенного булгарского происхождения.

Описывая события политической истории и основы государственного строя Казанского ханства, С.Х. Алишев в целом следовал за выводами предшественников. Хан, по его мнению, оставался

¹ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения... – С. 13.

² Алишев С.Х. Источники и историография... – С. 10.

³ Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие... – С. 193–195.

⁴ Алишев С.Х. Источники и историография... – С. 8.

⁵ Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие... – С. 194.

⁶ Алишев С.Х. Источники и историография... – С. 12.

⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения... – С. 18.

верховным собственником земли и мог при случае отобрать сюй-юргал с подчинённых князей-вассалов. Господствующий класс он делил на следующие группы: хан, эмиры, мурзы, уланы/огланы, казаки и духовенство. Верхушку знати составляли эмиры (карачи, беки-князья), являвшиеся военачальниками ополчения своей округи. Мурзы (дворяне) составляли наиболее многочисленный слой землевладельцев, уланы и казаки были постоянным ядром ханского войска. При этом С.Х. Алишев категорически возражал тем исследователям, которые видели в упоминаемых в источниках «карачи»ях институт карачи-беков, хорошо известный в тюрко-монгольских государствах, в частности в Золотой Орде. Одновременно он придерживался точки зрения, что никакого внутреннего деления Казанского ханства на области-даруги не было.

С.Х. Алишев, сам выходец из семьи муллы, большое значение придавал мусульманскому духовенству Казанского государства. Он считал, что высшие слои духовенства также имели обширные земельные владения, право на часть ренты, пользовались судебным иммунитетом на основе шариата, который регламентировал все стороны гражданской жизни мусульман.

В зависимости от феодалов, по мнению С.Х. Алишева, находились различные категории крестьян и горожан. При этом он отмечал отсутствие крепостного права, не придавал большого значения для экономики ханства рабскому труду и работоторговле.

Утверждая, что Казанское ханство отставало в своём политическом развитии от Московского государства и «жило по старинке», С.Х. Алишев давал крайне негативную оценку факту завоевания Казанского ханства в 1552 г., считая, что оно имело отрицательные последствия для истории и культуры татарского народа. В то же время учёный отмечал, что «далнейшая мощь России создавалась в результате усилий русского и нерусского народов», а «покорение Казани стало решающим событием как во внутренней, так и во внешней – международной – жизни России»¹.

Наряду с «булгарской» концепцией истории татар и Казанского ханства в эти годы получает гораздо более сильный импульс и находит большее число сторонников «турко-татарская» теория. Из числа корифеев старшего поколения эту теорию отстаивал заслуженный деятель науки РТ, профессор Шамиль Фатыхович Мухамедьяров (1923–2005), ещё в 1950 г. написавший в Москве под руководством академика М.Н. Тихомирова кандидатскую диссертацию, посвящённую социальному-экономическому

¹ Алишев С.Х. Завоевание татар Русским государством... – С. 230.

и государственному строю Казанского ханства. В его последних работах 1990–2000-х гг. отражены целостный взгляд на этногенез казанских татар и историю Казанского ханства, концептуальная интерпретация падения Казани¹.

Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014) – крупнейший (после смерти Альфреда Хасановича Халикова (1929–1994)) в России специалист по средневековой археологии и истории Среднего Поволжья, доктор исторических наук, лауреат Госпремии РТ в области науки и техники, заслуженный деятель науки РТ, создатель полного свода булгаро-татарских археологических памятников² (ставший основой для изучения исторической топографии Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства) и один из разработчиков 6-томной «Археологической карты Республики Татарстан» – в эти годы кардинально пересмотрел свою былую «булгарскую» концепцию этногенеза и этнической истории татар. Однако в 1990–2000-е гг. он делал в разных своих публикациях два противоположных вывода: сначала – что средневековая татарская народность (отличная от более ранних татар Центральной Азии) сформировалась как совокупность татарских субэтносов в период постзолотоордынских государств; позднее – что средневековая татарская народность (отличная от более ранних татар Центральной Азии) сформировалась в составе Золотой Орды³.

По мнению учёного, «начальным правителем Казанского ханства был Махмутек... до него в Казани был свой правитель, но он был не ханом, а лишь князем, т. е. главой Казанского княжества с центром вначале в Старой, а позднее в Новой Казани». «После захвата власти Махмутеком, т. е. джучидом, практически новым ордынским ханом, изменился и статус Казанского княжества»,

¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 144–151; Мухамедьяров Ш., Хамидуллин Б. Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Идель. – 2002. – № 10–11. Подробнее обо всём этом см.: Хамидуллин Б.Л. Вклад Ш.Ф. Мухамедьярова в историографию Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2017. – № 5. – С. 39–42.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. – Казань, 1975. – 219 с.

³ См., например: Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. Основные этапы политической истории татарского народа // Татарстан. – Казань, 1992. – № 5/6. – С. 19–28; Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 5–17; Его же. История татарского народа и Татарстана. – Казань, 1995; 2000. – 255 с.; Фахрутдинов Р.Г. Татар тарихы. – Казань, 1999. – 112 б.; Fakhroutdinov R. History of the Tatars. – Kazan, 2004. – 136 р.

которое «стало отдельным государством во главе с ханом»¹. В то же время с Улуг-Мухаммедом «связаны те исторические события, которые предопределили образование нового татарского государства – Казанского ханства... он является родоначальником династии казанских ханов». По подсчётом Р.Г. Фахрутдинова (на мой взгляд, сильно завышенным) Улуг-Мухаммед привёл в Среднее Поволжье не менее 200 тысяч татарского населения, сыгравшего «большую роль в окончательном формировании народности казанских татар»². И в дальнейшем, «несмотря на то, что Казанское ханство было многонациональным государством, его основное население составляли татары»³. Политическую обстановку в ханстве, его внешнюю и внутреннюю политику в конце XV в. учёный ставит в прямую зависимость от отношений с Русским государством.

Среди внутренних причин падения Казанского ханства в 1552 г. Р.Г. Фахрутдинов называет: отсутствие единства среди самих татар, особенно в руководстве страны, ханском аппарате и правительстве; недостаточную деятельность государственных руководителей (Булат и Нурали Ширины, Гаухаршад, Боюрган, Чура Нарыков, Кучак и др.) по единению политических и общественных сил; политику Шах-Али, Кель-Ахмеда, ногайского князя Исмаила и других «предателей»; слабость казанской дипломатии в поисках новых союзников и создании коалиций с другими татарскими государствами; отсутствие мобилизованной армии и ополчения всей страны⁴...

Наиболее полное раскрытие «турко-татарская» теория получила в трудах одного из ведущих в Российской Федерации специалистов по этноистории, исторической демографии и этнографии, татарского общественного деятеля, ныне доктора исторических наук Дамира Мавляевича Исхакова⁵. Следуя данной теории, Д.М. Исхаков

¹ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (Древность и средневековые): учебник для сред. общеобр. школ, гимназий и лицеев. – Казань, 2000. – С. 177.

² Там же. – С. 178.

³ Там же. – С. 185.

⁴ Там же. – С. 233.

⁵ Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. – Казань, 1993. – 71 с.; *Его же*. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама-Форум. – 1995. – № 3. – С. 95–107; *Его же*. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – 78 с.; *Его же*. Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997. – 247 с.; *Его же*. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. – 1997. – № 3. – С. 14–19; *Его же*. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998. – 276 с.; *Его же*. О родословной хана Улуг-Мухамеда // Тюркологический сборник. 2001: Золотая

разработал целый ряд концептуальных положений предыстории и истории Казанского ханства. В своих многочисленных научных трудах он отмечал (отмечает и ныне), что в XIII–XIV вв. основное тюркоязычное население Золотой Орды начинает именоваться «татарами». После распада Золотой Орды появляется несколько тюркотатарских государств, унаследовавших её социально-политическое устройство. На основе комплексного, последовательного и скрупулёзного рассмотрения различных источников (русские летописи, писцовые и посольские книги, актовые материалы и грамоты, татарские генеалогические предания – шеджере и данные фольклора и др.) он делает вывод о существовании в Казанском ханстве, как и в Улусе Джучи, института четырёх (позднее пяти) карачи-беков во главе с беклярибеком с соответствующим административно-территориальным делением государства. Д.М. Исхаков впервые показал и доказал, что в административном отношении ханство к середине XVI в. делилось на 5 даруг, имевших прямую связь с определёнными кланами карачи-беков¹: Арскую (владение клана Кыпчак) – на северо-востоке страны, Зюрейскую (возможно, владение клана Ширин) – на юго-востоке, Алатскую (возможно, владение клана Барын) – на севере, Галицкую (владение клана Аргын) – на северо-западе и Ногайскую (владение клана Мангыт) – на юге².

Д.М. Исхаков первым среди учёных поставил вопрос о значении социальной структуры позднезолотоордынских (татарских) обществ для этногенеза татар. Он убедительно доказал, что 4-клановая система Золотой Орды была унаследована Казанским и другими татарскими ханствами. По его мнению, именно благодаря идентичности клановых структур татарских ханств «между ними происходил постоянный обмен "татарским" населением»³. Представители кланов могли свободно передвигаться между ханствами, при этом они перебирались в соответствующие «юрты»-даруги своих кланов⁴. Исходя из идентичности системы карачи-беков в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах, Д.М. Исхаков высказал мысль о существовании в XV – середине XVI вв. каких-то надгосударственных форм их взаимодействия⁵. Благодаря такому необычному социальному механизму этнические процессы в позднезолотоордынских (татар-

Орда и её наследие. – М., 2002. – С. 63–74; *Его же*. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2004. – 132 с.

¹ Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре... – С. 96–107.

² Исхаков Д.М. От средневековых... – С. 14–60.

³ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации... – С. 245.

⁴ Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре... – С. 134.

⁵ Там же. – С. 132.

ских) государствах в XV – середине XVI в. не были изолироваными в рамках лишь отдельных ханств. Суперстрат татарских этносов, состоящий из организованного по клановому принципу сословия феодалов, был во многом общим, и эта общность поддерживалась благодаря системе карачи-беков. Единство всех «татар» в то время осознавалось достаточно отчетливо.

Д.М. Исхаков разделяет точку зрения, что внутри ханств существовала этносословная стратификация, и этнос казанских татар в XVI – начале XVII в. состоял из двух этносословных страт. Социальные верхи в ханстве действительно являлись «татарами», т. е. представителями тюркских групп с клановым делением золотоординского происхождения. Они не имели общего собирательного названия и скрывались в разных ответвлениях правящего сословия – от улан и князей до казаков. Другая часть казанских татар – ясачное, феодально-зависимое население, по его мнению, была зашифрована под наименованием «чуваша». Она, как полагает Д.М. Исхаков, имела местные булгарские этнические истоки. Среди этого населения был распространён этнополитоним «булгар»/«болгар». Но обеим этим группам был присущ объединяющий конфессиональный «мусульмане»¹.

Определённым итогом развития данных взглядов на историю Казанского ханства стал совместный труд Д.М. Исхакова и известного специалиста по татарскому средневековью², ныне доктора

¹ Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. – 1997. – № 3. – С. 11; *Его же*. Тюрко-татарские государства... – С. 23.

² См., например, некоторые его работы тех лет: Измайлов И.Л. «Вспомни, была Золотая Орда...» // Татарстан. – 1991. – № 7. – С. 63–67; *Его же*. Звёздный час Идегея // Йидель. – 1991. – № 9. – С. 66–70; *Его же*. Татары средневековья (этнополитическое самосознание населения Золотой Орды) // Татарстан. – 1992. – № 11/12. – С. 50–59; *Его же*. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы // Мирас. – 1992. – № 10. – С. 50–62; *Его же*. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. – 1993. – № 7, 8; *Его же*. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 17–32; *Его же*. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань, 1995. – С. 135–139; *Его же*. Вооружение и военное дело волжских булгар X–XIII вв. / АКД. – Казань, 1996. – 22 с.; *Его же*. Этнополитические аспекты самосознания булгар X–XIII вв. // Панорама-Форум. – 1996. – № 1. – С. 97–113; *Его же*. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань–Магадан, 1997. – 212 с.; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. – Казань, 2000. – 136 с.; Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань, 2001. – С. 24–40; *Его же*. Ислам в Золотой Орде // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. 2-е изд. – Казань, 2002. – С. 38–60; *Его же*. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса

исторических наук Искандера Леруновича Измайлова «Введение в историю Казанского ханства»¹. В книге исследуются малоизученные аспекты истории формирования и развития Казанского ханства, его социально-политической структуры, идеологические и политические предпосылки его завоевания Русским государством, отдельные моменты истории столицы ханства – г. Казани и др. Авторы изложили свою оригинальную версию возникновения и становления Казанского ханства путём перерастания в него Булгарского вилайета. Они считали (и ныне считают), что т. н. булгарские эмирата (или, по данным русских источников, «княжества») являлись территориями, где ещё с середины XIV в. правили султаны-Джучиды и, скорее всего, татарская клановая структура к моменту возникновения Казанского ханства уже выкристаллизовалась на булгарских землях ещё в период Улуса Джучи. С приходом орды Улуг-Мухаммеда она лишь укрепилась. В результате закрепления Чингизидов на казанском престоле административно-территориальное владение Золотой Орды стало самостоятельным государством, получившим новое внутреннее административно-политическое оформление. Следовательно, все идеи ряда историков о том, что основу населения ханства составляли некие «булгары», можно считать историографическим мифом, поскольку основное население считало себя «мусульманами». Социально-территориальная организация ханства строилась по даружному принципу, и в каждой даруге правил, очевидно, свой клан, тогда как основное податное население состояло из общин-джиенов. Учёными был также сделан вывод о том, что ханская власть не являлась самовластной и в очень сильной степени зависела от лояльности правящих кланов, хотя хан, скорее всего, имел свой собственный домен с центром в Иске Казани. В этой работе также был проведён анализ политики Казанского ханства и подробно изучен вопрос об осаде и взятии Казани в 1552 г. и его последствиях для татар и России в целом.

Д.М. Исхаков, пользуясь различными демографическими методами, высчитывает общую численность многонационального населения Казанского ханства до полумиллиона человек, из них

Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 гг. – Казань, 2002. – С. 244–262; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Основные теории этногенеза и важнейшие этапы этнической истории // Этнография татарского народа. – Казань, 2004. – С. 14–55.

¹ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань, 2005. – 116 с.

татар-мусульман – около 200 тысяч¹. Захват Казанского ханства и последующие войны татар за освобождение Д.М. Исхаков рассматривает как сильнейший демографический удар, из-за которого татарское население бывшего Казанского ханства сократилось почти на одну треть².

Можно, безусловно, согласиться с Д.М. Исхаковым, что «эпоха позднезолотоордынских тюрко-татарских государств... имела для татар не меньшее значение, чем предшествующий период, связанный с Улусом Джучи»; в рамках этих этнополитических образований «окончательно оформились культурные и языковые особенности локальных групп татарского суперэтноса», а тюрко-мусульманская культура XV–XVI вв. «стала для татар той базой, на которой в дальнейшем поднялась национальная культура»³.

В целом труды Д.М. Исхакова имеют неоценимое значение в изучении истории Казанского ханства. Он не только использует в своих монографиях большое количество источников, многие из которых анализирует впервые, но и всегда достаточно логично их интерпретирует...

С 1992 г., с момента поступления в аспирантуру ИЯЛИ, над темой истории Казанского ханства целенаправленно работает ныне кандидат исторических наук Б.Л. Хамидуллин. О его приверженности к тюрко-татарской концепции происхождения татарского народа свидетельствуют уже первые опубликованные им статьи и книги⁴. В специальном этносоциологическом исследовании на-

¹ Исхаков Д.М. Введение в историческую... – С. 4–11; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю... – С. 40.

² Исхаков Д.М. Введение в историческую... – С. 23.

³ Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства... – С. 130–131.

⁴ См., например: Хамидуллин Б.Л. Народы Поволжья в период Казанского ханства // Идель. – 1995. – № 3. – С. 54–56; *Его же*. Становление и развитие Казанского ханства // Аргамак. – 1995. – № 12. – С. 154–165; *Его же*. Татарларның этник тарихы түркнән уйланулар // Казан утлары. – 1996. – № 4. – 150–161 б.; *Его же*. Хакыйкать бәхәстә түа: Казан дәүләтчелегендә Алтын Урда хакимлелеге урнашу // Татарстан. – 1997. – № 4. – 21–23 б.; *Его же*. Из этнополитической истории татар Поволжья // Аргамак. – Набережные Челны, 1997. – № 5/6. – С. 168–180; *Его же*. Историография этнической истории Казанского ханства // Идель. – 1997. – № 5. – С. 70–72; *Его же*. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – 1998. – № 6. – С. 62–65; *Его же*. Древние татары и современность // Аргамак. – Набережные Челны, 1998. – № 7. – С. 118–127; Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2000. – 271 с.; Хамидуллин Б.Л. Нетрадиционный взгляд на историю Поволжья VIII – первой половины XVI веков // Идель. – Казань, 2000. – № 4. – С. 34–40; *Его же*. Основные проблемы изучения истории государственности современного татарского народа // Идель. – Казань, 2000. – № 7. – С. 35–37; История «скифов» глазами современников / сост. Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2001. – 175 с.; Хамидуллин Б.Л. Чингиз-хан – 850. – Казань, 2002. – Кн. 1. – 288 с.

родов Казанского ханства¹, написанном на обширном круге источников, нашли отражение исторические взгляды многих учёных, в частности Ш.Ф. Мухамедьярова, А.Х. Халикова, М.А. Усманова, Р.Г. Фахрутдинова, Д.М. Исхакова, а также его научного руководителя С.Х. Алишева, и был выработан свой подход к данной проблематике. Кстати, отметим, что книга Б.Л. Хамидуллина «Народы Казанского ханства» (2002) явилась первой изданной через 79 лет после монографии М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» (1923) книгой по этносоциальной истории Казанского ханства, что немаловажно с историографической точки зрения.

По мнению Б.Л. Хамидуллина, на рубеже XIV–XV вв. Казанское государство, которое представляло собой этнополитическую преемницу и Волжской Булгарии, и Золотой Орды, получает окончательное оформление². В 1445 г. здесь устанавливается прямая, не опосредованная местной властью, власть татарской династии Джучидов, что ведёт к существенному переоформлению этносоциальной ситуации в регионе³. Своеобразный этнополитический генезис и географическое расположение Казанского ханства приводят к оригинальному этносоциальному развитию местного населения⁴. Отмечаются увеличение интенсивности межэтнических взаимодействий, рост удельного веса слоя татарской служилой аристократии, представители которой сыграли определяющую роль в социально-политической жизни ханства, широкое этнополитическое, социальноэкономическое и конфессиональное влияние тюркотатарского государствообразующего населения на периферийное население ханства. Этнокультурное влияние на финно-угорское население страны привело к формированию специфических этнографических групп в среде периферийного населения государства – каратаев, бесермян, тептярей, иштяков и др. При этом также нельзя не учитывать финно-угорское этнокультурное влияние на тюркское

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.; *Его же*. Этносоциальная история Казанского ханства / Дисс. ... к. и. н. – Казань, 2004. – 218 с.; Хамидуллин Б.Л. Казанның нығыты һәм Казан ханлығы тарихы. – Казан, 2005. – 184 б.

² Подробнее см.: Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 96–116.

³ Хамидуллин Б.Л. Хакыйкат бәхәстә туа: Казан дәүләтчелегендә Алтын Урда хакимлеге урнашу // Татарстан. – Казан, 1997. – № 4. – 21–23 б.; *Его же*. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. – М., 1999. – № 4. – С. 82–93; *Его же*. Этносоциальная история Казанского ханства... – С. 33–83.

⁴ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.

население государства, что наиболее ярко было выражено в этногенезе чувашей.

Таким образом, в статьях и книгах Б.Л. Хамидуллина Казанское ханство впервые рассматривается как цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья. В результате исследования этносоциальной истории Казанского ханства он делает вывод, что «в период Казанского ханства многие народы региона переживают процесс этнического становления (заключительная фаза этногенеза), в частности, в данный период формируется этнос (или субэтнос) казанские татары. На территории государства наблюдалось создание новой этнополитической общности – в наличии имелось устойчивое этническое равновесие, социально-экономическая, культурная и языковая интеграция, население осознавало свою принадлежность к единому политическому целому и признавало это целое своей Родиной»¹...

Из других научных изданий тех лет необходимо также отметить публикации ряда сборников материалов, специально посвящённых проблемам Казанского ханства научного семинара, научно-практической конференции и круглого стола, прошедших в Казани и Москве в 2002 г.². В них представлены взгляды учёных (и не только татарских историков) по проблемам образования, развития и завоевания Казанского ханства, его причин и последствий как для татарского народа, так и Российского государства. В дискуссиях, прошедших в рамках научного семинара, научно-практической конференции и круглого стола, выявились серьёзные фундаментальные разногласия между взглядами татарских и русских историков на характер, причины и, особенно, последствия завоевания. Если для большинства русских историков традиционно, ещё с конца XVI в., принято было считать это событие завершающим этапом борьбы против т. н. «татарского ига», то для татар это – трагическая дата, падение их самостоятельной государственности, начало колониального периода истории и начало падения татарской цивилизации. Преодоление этих разногласий, в том числе путём поиска научных компромиссов, должно стать задачей будущего...

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы... ; Его же. Этносоциальная история Казанского ханства / АКД. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – С. 26.

² Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара. 5 февраля 2002 г. – Казань, 2002. – 320 с.; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века: «круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. – М., 2002. – 82 с.; Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения: Сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 4 октября 2002 г.). – Казань, 2003. – 301 с.

Завершающим итогом развития историографии Казанского ханства на рубеже ХХ–XXI вв. в определённой мере можно считать выход 4-го тома 7-томной «Истории татар с древнейших времён»¹. В этом обобщающем капитальном труде история Казанского ханства и большинства постзолотоордынских государств представлена в максимально полном на данный момент объёме. В нём нашли отражение взгляды многих вышеназванных учёных (среди авторов 4-го тома Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлова, Б.Л. Хамидуллин), а основу заложили многие фактологические материалы и концептуальные идеи образования и развития Казанского ханства, предложенные Д.М. Исхаковым, являвшимся членом научного совета 7-томного издания и членом редакционной коллегии 4-го тома (главный редактор д. и. н. Р.С. Хакимов, научный редактор 4-го тома к. и. н. И.М. Миргалиев).

Таким образом, с 90-х гг. ХХ в., наряду с продолжающими своё развитие старыми концепциями, постепенно вырабатывались и новые теории этногенеза и этнополитической истории татарского народа в целом, и истории Казанского ханства в частности. В них получают развитие новые источниковедческие подходы и создаются новые концепции, авторы которых стремятся отойти от прежних досоветских и советских трактовок истории Казанского ханства и, шире, – истории татарского народа.

Благодаря работам целого ряда современных учёных Казанское ханство стало рассматриваться как один из ключевых этапов в этногенезе и развитии татарского народа, функционирования его государственности, формирования национальной культуры. Это предопределяет необходимость продолжения работы и расширения масштабов исследований. В то же время, можно отметить, что Казанское и другие татарские ханства у отечественных, в т. ч. татарстанских, исследователей по «популярности» и интересу пока ещё явно уступают, например, Золотой Орде или степным кочевым империям раннего средневековья, и находятся в их «густой тени»...

¹ История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань, 2014. – 1080 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций Б.Л. Хамидуллина, отражающих историю Казанского ханства

1. Книги и диссертация

Из глубины столетий / сост., вступ. ст., обработка текста и comment. Б.Л. Хамидуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 271 с.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 335 с.

Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства / Дисс. ... к. и. н. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – 218 с. (<http://www.disscat.com/content/etnosotsialnaya-istoriya-kazanskogo-khanstva>)

Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства / АКД. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – 28 с.

Из глубины столетий / сост., подбор ил., вступ. ст., обработка текста и comment. Б.Л. Хамидуллина. 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 271 с.

Хамидуллин Б.Л. Казаның нығызы һәм Казан ханлығы тарихы. – Казан: КДУ–ТФА, 2005. – 184 б.

Хамидуллин Б.Л. Казан ханлығы халыклары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 174 б.

2. Научные и научно-популярные статьи, тезисы докладов на конференциях

Хамидуллин Б.Л. О влиянии культуры татар Казанского ханства на русскую культуру // Использование различных педагогических технологий в подготовке учителя: Тезисы докладов межвузовских научно-практических конференций 1993, 1994 гг. – Стерлитамак, 1994. – С. 119.

Хамидуллин Б.Л. Народы Поволжья в период Казанского ханства // Идель. – Казань, 1995. – № 3. – С. 54–56.

Хамидуллин Б.Л. Бер казанда кайнадык. Казан ханлығы чорында Идел буе халыклары // Идел. – Казан, 1995. – № 5. – 34–36 б.

Хамидуллин Б.Л. Становление и развитие Казанского ханства // Аргамак. – Набережные Челны, 1995. – № 12. – С. 154–165.

Хәмидуллин Б.Л. Хакыйкать бәхәстә түа: Казан дәүләтчелегендә Алтын Урда хакимләгә урнашу // Татарстан. – Казан, 1997. – № 4. – 21–23 б.

Хамидуллин Б.Л. Из этнополитической истории татар Поволжья // Аргамак. – Набережные Челны, 1997. – № 5/6. – С. 168–180.

Хамидуллин Б.Л. Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. – Казань, 1997. – С. 202–204.

Хамидуллин Б.Л. Историография этнической истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1997. – № 5. – С. 70–72.

Хамидуллин Б.Л. Шинабетдин Мәрҗани. «Мәстәфадел-әхбәр фи әхвали Казан вә Болгар». Казан ханлыгының барлыкка килүе турында кайбер фикерләр // Татар иле. – М., 1998. – № 5 (266). – 6 б.

Хамидуллин Б.Л. Марджани о возникновении Казанского ханства // Татарские края. – М., 1998. – № 2/3 (263/264). – С. 7.

Хамидуллин Б.Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. – Казань, 1998. – № 6. – С. 62–65.

Хамидуллин Б.Л. Древние татары и современность // Аргамак. – Набережные Челны, 1998. – № 7. – С. 118–127. [Здесь дан перевод части книги Г. Ахмарова «Казан тарихы» (о Казанском ханстве)]

Хамидуллин Б.Л. Казанские тюрки // Идель. – Казань, 1998. – № 11. – С. 20–23, 63. [Здесь дан перевод части книги Г. Баттала «Казанские тюрки» (о Казанском ханстве)]

Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2. – С. 62–77.

Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. – М., 1999. – № 4. – С. 82–93.

Хамидуллин Б.Л. Высшие органы государственной власти Казанского ханства // Правосудие в Татарстане. – Казань, 1999. – № 1. – С. 41–42.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство – Болгар вイラяте // Этническая и государственная история булгарского народа: Тезисы научно-практической конференции, посвящённой 70-летию А.Х. Халикова. – Казань, 1999. – С. 18–19.

Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический аспект // Научный Татарстан. – Казань, 2000. – № 2. – С. 70–75.

Хамидуллин Б.Л. Нетрадиционный взгляд на историю Поволжья VIII – первой половины XVI веков // Идель. – Казань, 2000. – № 4. – С. 34–40.

Хамидуллин Б.Л. Основные проблемы изучения истории государственности современного татарского народа // Идель. – Казань, 2000. – № 7. – С. 35–37.

Хамидуллин Б.Л. «Скифская история» [А.И. Лызлова] – история тюрко-татар // Идель. – Казань, 2000. – № 10. – С. 48–55.

Хамидуллин Б.Л. Крупицы древнего наследия: основные источники по истории Казанского ханства // Казань. – Казань, 2000. – № 7. – С. 65–71.

Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань, 2002. – С. 96–116.

Хәмидуллин Б.Л. 1552 ел фажигасе тарих битләрендә // Казан утлары. – Казан, 2002. – № 9. – 152–164 б.

Хамидуллин Б.Л. Мерцающая звезда хана Улуг-Мухаммеда // Татарский мир. – М., 2003. – № 19. – С. 5.

Хамидуллин Б.Л. По следам Михаила Худякова («забытый» труд середины XX столетия по истории Казанского ханства) // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. – Казань–Зеленодольск, 2003. – С. 213–234.

Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство в панораме веков // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения = Татар халкы 1552 елдан соң: югалтулар һәм табышлар: Материалы науч.-практ. конф., 4 окт. 2002 г., Казань / отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов. – Казань, 2003. – С. 263–290.

Хамидуллин Б.Л. Краткий обзор исторической литературы XX века по истории Казанского ханства // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. – Казань, 2004. – Вып. 4. – С. 237–245.

Хамидуллин Б.Л. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2004. – № 4. – С. 76–85.

Хамидуллин Б.Л. Михаил Худяков – яркий представитель историографии истории Казанского ханства // Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / подг. к печати Б.Л. Хамидуллин. – Казань, 2004. – С. 3–30.

Хамидуллин Б.Л. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2005. – № 1/2. – С. 117–121.

Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. – Казань, 2007. – Вып. 8. – С. 222–239.

Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // <http://www.tataroved.ru/publication/tthan/9/>

Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // <http://xn-80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/istoriya-kazanskogo-hanstva-v-trudah-tatarskih-istorikov-konca-xix-nachala-xx-v>

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия онлайн // https://bigenc.ru/domestic_history/text/2032779

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. На рубеже веков: современная отечественная историография истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2008. – № 1. – С. 62–73.

Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 56–62.

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 85–91.

Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI века // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 31–40.

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. История Казанского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.) // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 92–113.

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нarrативные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 114–129.

Хамидуллин Б.Л. Мухаммед-Эмин // Большая Российская энциклопедия. – М., 2013. – Т. 21. – С. 534.

Хамидуллин Б.Л. Мухаммед-Эмин // Большая Российская энциклопедия онлайн // https://bigenc.ru/domestic_history/text/2240301

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2014. – № 1. – С. 7–13.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2014. – № 2. – С. 13–21.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2014. – № 3. – С. 10–26.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2014. – № 4. – С. 49–64.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времён: в 7 т. – Казань, 2014. – Т. 4. – С. 289–358.

Хамидуллин Б.Л. Сафа-Гирей // Большая Российская энциклопедия. – М., 2015. – Т. 29. – С. 475.

Хамидуллин Б.Л. Сафа-Гирей // Большая Российская энциклопедия онлайн // https://bigenc.ru/domestic_history/text/3537938

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2015. – № 1. – С. 23–35.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великолепного града бусурманского» ханского периода // Научный Татарстан. – Казань, 2015. – № 2. – С. 35–71.

Хамидуллин Б.Л. и др. Татарстан // Большая Российская энциклопедия. – М., 2016. – Т. 31. – С. 687–697.

Хамидуллин Б.Л. Гиреи на казанском престоле: эпоха национального возрождения // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 2016. – № 1/2. – С. 3–10.

Хамидуллин Б.Л. Появление первых специальных трудов и зарождение основных историографических концепций по истории Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 4. – С. 64–69.

Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodow historycznych od XV do XVII wieku [Казанское ханство и населяющие его народы на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв.] // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 43 (120). – 5–17 s.

Калимуллина Ф.Г., Хамидуллин Б.Л. Взгляды В.В. Вельяминова-Зернова на историю Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2016. – № 10. – С. 8–12.

Хамидуллин Б.Л. Южные удмурты в составе Казанского ханства (1445–1552 гг.) // Финно-угорский мир. – Саранск, 2016. – № 3. – С. 76–81.

Хамидуллин Б.Л. Отечественная историография Казанского ханства: русское летописание и Н.М. Карамзин // Карповские чтения. Сборник статей 6: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (г. Арзамас, 20–21 окт. 2016 г.). – Арзамас, 2016. – Вып. 6. – С. 36–45.

Хамидуллин Б.Л. Вклад Н.М. Карамзина в историографию Казанского ханства // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 28–29 сент. 2016 г.). – Казань, 2016. – Вып. 8. – С. 116–121.

Хамидуллин Б.Л. Пусть земля им будет пухом... [о необходимости погребения казанских ханов] // Татарский мир. – М., 2016. – № 7. – С. 11.

Хамидуллин Б.Л. Правление клана Гиреев [в Казанском ханстве] // Татарский мир. – М., 2016. – № 9. – С. 5.

Хамидуллин Б.Л. «Неслучайно вопрос о захоронении ханов возник именно по прошествии 40 лет с момента изъятия их останков» [о необходимости похоронения казанских ханов] // Реальное время. 02.07.2016. <http://realnoevremya.ru/today/35129>

Хамидуллин Б.Л. Правление крымских ханов Гиреев в Казани называют «эпохой национального возрождения» // Реальное время. 20.07.2016. <http://realnoevremya.ru/today/37507>

Хамидуллин Б.Л. Падение Казани: День скорби... День памяти... // Реальное время. 15.10.2016. <http://realnoevremya.ru/today/45446>

Хамидуллин Б.Л. Вклад Ш.Ф. Мухамедьярова в историографию Казанского ханства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – М., 2017. – № 5. – С. 39–42.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 2017. – № 1/2. – С. 50–62.

Хамидуллин Б.Л. Зарождение основных концепций истории Казанского ханства как части российской истории // Życie Tatarskie. – Grabowka, 2016. – № 44 (121). – 87–101 s.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как цельная этнополитическая общность (на примере нахождения удмуртов в составе татарского государства) // GLOBAL-Turk. – Астана: International Turkic Academy, 2017. – № 1/2. – С. 172–189.

Хамидуллин Б.Л. «Арская земля» в составе Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии: Сборник статей научной конференции молодых ученых и аспирантов (г. Казань, 2017 г.). – Казань, 2017. – Вып. 6. – С. 120–137.

Хамидуллин Б.Л. Появление основных научных концепций в историографии Казанского ханства: Труды П.И. Рычкова, К.Ф. Фукса, Н.К. Баженова, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.И. Перетятковича и С.М. Шпилевского // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 2017 г.). – Казань, 2017. – Вып. 9. – С. 118–132.

Хамидуллин Б.Л. В.Д. Димитриев о чувашах периода Казанского ханства // Тюркологические исследования. – Казань, 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 104–115.

Хәмидуллин Б.Л. Казан ханлыгының язмышы // Безнең мирас. – Казан, 2018. – № 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Хамидуллин Б. «Россияне, осаждая Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в неё как бы весною...» // Реальное время. 13.10.2018. <https://realnoevremya.ru/articles/116535-russkie-letopisy-i-karamzin-o-kazanskom-hanstve>

Научное издание

Хамидуллин Булат Лиронович

«...ОКАЯННАЯ ДЩЕРЬ ЗЛАТОЙ ОРДЫ...»:
ОЧЕРКИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Казань. Татарское книжное издательство. 2018

Редактор *Б. Л. Хамидуллин*

Художник *Ф. А. Ибрагимова*

Художественный редактор *Р. Х. Хасанин*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Н. Н. Мусиной*
Корректоры *А. Р. Миннурлина*

Оригинал-макет подписан в печать 28.11.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Печ. л. 18,5. Тираж 1300 экз. Заказ

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 51. Тел.: (843) 225-76-55.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.